

Серия: Старый Свет – новые времена

**ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА:
XXI ВЕК**

Российская академия наук
Институт Европы

Научный руководитель серии
«Старый Свет — новые времена»
академик РАН Н. П. Шмелев

Редакционная коллегия серии Института Европы РАН:
акад. РАН Н. П. Шмелев (председатель),
канд. экон. наук В. Б. Белов, д-р полит. наук Ал. А. Громыко,
Чрезвычайный и Полномочный посол РФ Ю. С. Дерябин,
акад. РАН В. В. Журкин, канд. ист. наук О. А. Зимарин,
д-р ист. наук М. В. Каргалова, чл.-корр. РАН М. Г. Носов,
д-р ист. наук Ю. И. Рубинский, чл.-корр. РАН В. П. Федоров,
д-р ист. наук В. Я. Швейцер, д-р ист. наук А. А. Язькова

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА: XXI ВЕК

Под редакцией профессора Е. В. Водопьяновой

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург 2013

УДК 008.001(4)
ББК 71.4
Е 24

Руководитель научного проекта
академик РАН Н. П. Шмелев

Рецензенты

д-р полит. наук, проф. В. И. Буренко, д-р фил. наук, проф. В. О. Рукавишников

Ответственный редактор монографии

д-р фил. наук, проф. Е. В. Водопьянова

Авторский коллектив:

д-р фил. наук, проф. Е. В. Водопьянова, канд. экон. наук Н. М. Антюшина,
канд. фил. наук Д. В. Галкин, канд. фил. наук А. Ю. Гиль,
д-р архитектор И. А. Добрицына, д-р фил. наук, проф. Л. А. Коробейникова,
д-р филол. наук Т. Н. Красавченко, И. И. Кузнецова, А. П. Кураш,
д-р культуролог., проф. В. Д. Лелеко, д-р фил. наук, проф. В. В. Лях,
д-р педагог. наук В. А. Маркусова, д-р искусствовед И. А. Некрасова,
канд. фил. наук Е. Н. Савельева, д-р филол. наук, проф. Д. А. Чугунов,
д-р филол. наук, проф. В. В. Шервашидзе, канд. полит. наук Л. А. Ярошенко

Е 24 **ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА: XXI ВЕК** / под ред. Е. В. Водопьяновой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2013. — 480 с. (серия Старый Свет — новые времена)

ISBN 978-5-9059-8887-5

ISBN 978-5-9059-8887-5

© Институт Европы РАН, 2013
© Издательство «Нестор-История», оформление, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

О замысле этой книги (Е. В. Водопьянова) 11

Часть I

Европейское культурное пространство: базовые измерения

Глава 1. Особенности развития современной культуры

(Е. В. Водопьянова, Л. А. Коробейникова)..... 15

Культура как социальный феномен 15

Парадоксы массовой культуры..... 19

Культура, технология, рынок 21

Теория и практика мультикультурализма 32

Глава 2. «Европейские ценности» между традицией

и современностью (Л. А. Ярошенко) 36

«Европейские ценности» сквозь призму истории:

эволюция содержания..... 36

Экспансия «европейских ценностей»

за пределы Европейского Союза 52

Ценностный кризис ЕС: да или нет?..... 55

Глава 3. Европейская философия об изменении социокультурных ориентаций современного общества

(В. В. Лях)..... 59

От этики отсроченного вознаграждения

к потребительскому гедонизму..... 60

На пути к «обществу риска»..... 70

Глава 4. Пространство повседневности в европейской культуре (<i>В. Д. Лелеко</i>).....	81
Феномен повседневности.....	81
Культурный реванш повседневности.....	86
Дом как фокус пространства повседневности.....	91
Часть II	
Европейская культура в поисках вечных ценностей	
Глава 5. Настоящее великих европейских литератур (<i>Т. Н. Красавченко, И. И. Кузнецова, В. В. Шервашидзе, Д. А. Чугунов</i>).....	97
Английская проза: новое дыхание.....	97
Французская словесность сегодня.....	106
Современная проза Германии.....	115
Глава 6. Музейное пространство Европы XXI в. (<i>А. Ю. Гиль</i>).....	126
Музей как органичная часть современной европейской культуры.....	126
Новые грани музейного диалога с посетителями.....	131
IT как средства создания музейных экспозиций.....	137
Сетевая структура организации музейной деятельности.....	141
Глава 7. Европейское искусство кино (<i>Е. Н. Савельева</i>).....	148
Европейское кино XXI в.: сто лет после детства.....	150
Трудный путь самоопределения, или Как жить своей жизнью: кино Франции, Германии и Италии.....	158
Кинематографии «второй волны»: скандинавские страны, Испания, Польша.....	177
Глава 8. Сотрудничество кино и телевидения (<i>А. П. Кураш</i>).....	192
Государственное и частное телевидение: борьба за зрителя.....	192

Влияние ТВ на европейское общество.....	205
Поддержка телевидением европейского кинопроизводства.....	209
Глава 9. Европейский театр сегодня (<i>И. А. Некрасова</i>).....	221
Новый век и новые формы.....	222
Великие мастера.....	223
Некоторые тенденции поставангарда.....	227
Глава 10. Архитектурная реальность: опыт современной Европы (<i>И. А. Добрицына</i>).....	230
Фокусный центр культуры: европейская специфика.....	232
Власть сетевой экономики: архитектура как медиум.....	234
Архитектура в европейских сценариях регенерации.....	238
Европейские и мировые архитекторы для Европы: мастера и новые лидеры.....	247
Глава 11. Культура как индустрия: европейская версия (<i>Д. В. Галкин</i>).....	256
Культура против индустрии: критическая теория.....	257
Индустрии культуры и культурная политика: история сопротивления.....	261
От культурной демократии к креативной экономике.....	268
Развитие творческих индустрий в современной Европе.....	272
Часть III	
Европа на пути к обществу знаний	
Глава 12. Европейская наука в зеркале национальных культур (<i>Е. В. Водопьянова</i>).....	288
Диалог культур в диалоге наук: Запад и Восток Европы.....	290
Перспективы национальных наук в Европе XXI в. ...	297

Глава 13. Наука в информационном социуме Европы (<i>Е. В. Водопьянова</i>).....	300
Между познанием и предпринимательством.....	300
Виртуализация научного поиска.....	307
Эволюция дисциплинарных приоритетов.....	311
Концептуальное видение европейской науки в «Стратегии-2020».....	320
Глава 14. Северная Европа как единое научное и инновационное пространство (<i>Н. М. Антюшина</i>).....	323
Инновационное прочтение курса на «зеленую экономику».....	324
Новые стратегические решения.....	325
Механизмы и направления инновационного сотрудничества.....	332
Глава 15. Наука в Восточной Европе: четверть века после реформ (<i>Е. В. Водопьянова</i>).....	346
Малые страны — малые науки.....	347
Языком фактов и цифр о науке региона.....	351
Уроки двух прошедших десятилетий.....	361
Глава 16. От Болонского процесса к европейскому пространству высшего образования (<i>Е. В. Водопьянова</i>).....	364
Послесловие к Болонской декларации.....	366
Высшая школа в рыночном плену.....	369
Государственное финансирование высшей школы: за и против.....	373
Часть IV	
Европа и Россия: гуманитарный диалог	
Глава 17. Европейская и российская наука в цифрах (<i>В. А. Маркусова</i>).....	379
Библиометрическая статистика и ее использование.....	379
Система показателей публикационной активности европейской и российской науки.....	387
Европа и Россия на фоне общемировых тенденций сотрудничества в науке.....	395

Глава 18. Российско-европейское исследовательское сотрудничество (<i>Е. В. Водопьянова</i>).....	401
Судьбы национальной науки.....	402
Текущие направления научно-технологического взаимодействия.....	410
Глава 19. Перспективы сближения образовательных процессов и технологий (<i>Е. В. Водопьянова</i>).....	417
Болонские технологии в России: цена вопроса.....	418
Реалии российского образования.....	420
Глава 20. Диалоги в сфере культуры (<i>Е. В. Водопьянова</i>).....	428
Ориентиры культурной политики в документах Евросоюза.....	429
Национальная политика стран Старого Света в области культуры: диалог с Европейским Союзом.....	441
Россия — ЕС: лабиринты гуманитарного сотрудничества.....	466
На пороге другой культуры? Вместо заключения (<i>Е. В. Водопьянова</i>).....	472
Сведения об авторах.....	478

О ЗАМЫСЛЕ ЭТОЙ КНИГИ

Культура от века была и остается тем отчасти неуловимым феноменом, механизмы действия которого лежат в основе развития общества. Являясь по своей сути достаточно инерционными, они тем не менее безусловно видоизменяются от эпохи к эпохе, действуя на уровне «самой глубины человеческой души» (И. Ильин). Современный нам европейский социум, разумеется, не является исключением из этого правила. Что же касается замысла этой книги, то он прежде всего был продиктован стремлением придать исследованию современной европейской культуры системный, справочный и аналитический характер.

Казалось бы, совсем недавно войдя в новый век, сегодня мы вступили в его второе десятилетие, а значит, уже имеем достаточно обширный материал для осмысления реалий культуры XXI столетия. Это подразумевает попытку представить в данной книге — с максимально возможной для жанра академической неиллюстративной монографии полнотой — весь спектр культурно-художественных жанров, таких как литература, кино, телевидение, театр, музейное дело и архитектура, на уровне их европейской составляющей. Тем самым заинтересованному читателю в работе предлагается материал для создания собственного образа культурно-художественной жизни Европы прошедшего десятилетия, а исследователям — целостная панорама функционирования «пространства искусства»

Старого Света в новом веке. Последняя была бы бесконечно далека от реальности, если бы авторы книги оставили без внимания такую существенную для современной культуры, но столь болезненно приживающуюся в Европе черту, как ее всё более нарастающая коммерциализация. Эти процессы детально рассмотрены в главе 11 книги, носящей название «Культура как индустрия: европейская версия».

Упомянутый — в значительной степени искусствоведческий — блок исследования проблем современной европейской культуры лежал, так сказать, на поверхности рассмотрения, и в структуре работы ему посвящен максимальный объем: второй раздел книги под названием «Европейская культура в поисках вечных ценностей». Ими, однако, не исчерпывается бытие культуры. Ее реалии живут по своим собственным законам, уловить которые не всегда под силу как ученым, так и политикам. Но некие познавательные принципы такого анализа, разумеется, существуют, и именно они составили содержание первого раздела монографии «Европейское культурное пространство: базовые измерения». В самом общем плане их можно обозначить как культурно-философское, социально-философское и ценностно-символическое измерения. В соответствии с этим в данный раздел книги объединены четыре главы, первые две из которых посвящены проблемам теории культуры, а также ситуации, сложившейся в системе парадигм европейской социальной философии на рубеже веков. Собственно, данное методологическое измерение монографии и делает ее культурологическим, а не сугубо искусствоведческим исследованием. Однако, претендуя на целостность и системность изложения, упомянутое культурно-философское измерение с необходимостью должно быть дополнено анализом эволюции европейских ценностей и общих принципов структурирования европейской повседневности (главы 3 и 4).

Совершенно иным, но столь же имманентным представляется видение современной европейской культуры сквозь призму социального мегапроекта общества знаний. Глобальный проект инновационного социума в Европе наших дней

не столь абсолютно успешен, как блок текущего функционирования культурного наследия. Тем не менее именно благодаря ему ныне происходит трансформация той классической науки, колыбелью которой была европейская культура. Детальному рассмотрению этих изменений посвящена третья часть работы «Европа на пути к обществу знаний». В авангарде этих изменений сегодня находятся страны Северной Европы, а самым непростым оказался данный путь для восточноевропейских стран. Именно поэтому, а также в силу достаточно ограниченного — в рамках замысла книги в целом — объема раздела о месте и роли науки в современной европейской культуре, в работе лишь выборочно проанализирована текущая ситуация в науке Старого Света на региональном уровне.

Не менее важным для авторского коллектива было понимание того обстоятельства, что рассмотрение реалий европейской культуры не может быть корректно осуществлено в отрыве от политического контекста и политологического измерения исследования. Во многом символично, что именно Европейский Союз создал Первую рамочную программу, всецело посвященную вопросам культуры, «Культура-2000». Именно последнему десятилетию XX в. мы обязаны появлением таких обогативших как европеистику, так и практику евростроительства формул и терминов, как «европейская культурная идентичность», «европейский дом», «единство в разнообразии», «Европа регионов». Все они сегодня оказались неотъемлемой составляющей не только культуры Старого Света, но и современного дискурса европейской интеграции со всей присущей этому процессу на нынешнем этапе внутренней конфликтностью. Общее, хотя и безусловно фрагментарное в контексте общего замысла книги, видение подчас противоречивого движения по пути к европейской культурной интеграции обозначено в заключительной главе исследования «Диалоги в сфере культуры». Учет всех этих обстоятельств вкуче с очевидной для замысла работы многоаспектной культурологической доминантой исследования фактически выступил той сверхзадачей, к выполнению которой стремился авторский коллектив.

Книгу завершает раздел «Европа и Россия: гуманитарный диалог», в котором в духе классической парадигмы сравнительного анализа научно-технологические, образовательные и культурные отечественные реалии рассматриваются сквозь призму европейского опыта.

В работе над монографией приняли участие ученые РАН (Институт Европы, ИНИОН и ВИНТИ), Российской академии архитектуры (НИИ теории градостроения и архитектуры), наши украинские коллеги из Национальной академии наук Украины (Институт философии НАН), исследователи, работающие в Российском университете Дружбы народов, Санкт-Петербургской театральной академии, Санкт-Петербургском университете культуры и искусств, в Воронежском и Томском государственных университетах, а также переводчики и издатели. Таким образом, представленная работа — это результат заинтересованного диалога исследователей культуры, в свою очередь открытых к диалогу с читателями этой книги.

Часть I

ЕВРОПЕЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: БАЗОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Глава 1. Особенности развития современной культуры

Представление о культуре в современном обществе поистине уникально. Оно объединяет в себе повседневные представления о культуре как процессе приобщения к ценностям, созданным человечеством, и определенных канонах поведения в обществе, а также принципиально отличающиеся от обыденных размышления о ней исследователей. Последние еще со времен античности пытаются постичь тайну культуры. Для ученых всегда было очевидно, что культура принципиально несводима к ее внешним проявлениям нормативного порядка, и уж тем более — к досуговым реалиям.

Культура как социальный феномен

Сегодня количество определений культуры измеряется уже четырехзначными цифрами, что одновременно выражает и значимость, и чрезвычайную сложность постижения данного явления. Подобная статистика не столько формирует потребность в новых определениях, сколько обязывает четко обрисовать тот социальный фон, на котором они возникают. В качестве такового выступает взрослеющее в истории человечество. Каждый

из его представителей является существом, которое в отличие от животных чувствует себя дискомфортно в естественной природной среде и поэтому вынуждено формировать для социальной жизни среду искусственную, т. е. культуру.

Последние десятилетия ушедшего тысячелетия во многом кардинально трансформировали глобальный социум. Локомотивом этой трансформации оказалась культура. Возможно, впервые в человеческой истории универсальное влияние культуры распространилось практически на всё цивилизованное население Земли. Именно это обстоятельство позволяет нынешним культурологам с уверенностью заявлять: «Там, где раньше было общество, стала культура» (Г. Беркинг). Последняя по сравнению с предшествующими эпохами, безусловно, изменилась, вобрав в себя все те классические параметры, которые сформировали ее как целостный и гармоничный механизм на протяжении двух тысячелетий. Сам же культурный универсализм современной эпохи преобразился до неузнаваемости. Каковы же контуры этой новой культуры и что она несет личности и обществу?

Феномен современной культуры достаточно удачно может быть описан в двух измерениях: постиндустриальном и постмодернистском. Культура при этом развивается как результат взаимодействия этих двух глобальных подходов к преобразованию, а также оценке действительности: постиндустриального и постмодернистского. При этом оказывается, что первый непосредственно регулирует способы формирования современных социальных и технологических реалий: ныне информация порождает технологии. Второй же создает и транслирует возникающие внутри современной культуры ценности.

Постиндустриальное общество принято трактовать как структуру, основанную на знаниях. Однако что такое знание для современной культуры? В постиндустриальных координатах знание — это прежде всего информация, имеющая практическую ценность и служащая для получения конкретных результатов. Такой тотальный практицизм выступает одной из базовых характеристик современной культуры.

Роль постиндустриального вектора эволюции все же сильнее власти постмодерна при всей их взаимодополнительности, прежде всего потому, что в мире, по меткому выражению Ж. Бодрийяра, появляется все больше информации и становится все меньше смысла.

Постиндустриальный социум как бы задает постмодернистской ментальности «правила игры» в предметном и информационном мирах, формируя становление последнего в его новом качестве. Влияние же постмодерна проявляет себя скорее в способах осознания постиндустриального направления общественного развития, нежели в реальных возможностях шагов по его изменению. Постмодернистское восприятие мира скорее ориентирует на пассивное принятие постиндустриальных процессов, отказываясь по преимуществу от попыток их корректировки как отдельными личностями, так и обществом в целом.

Культура неотделима от истории. Однако и само «культурное строительство» проходит в своей эволюции различные этапы. «Во всякой культуре, — писал Н. А. Бердяев, — после расцвета и утончения начинается иссякание творческих сил, удаление и угашение духа, убыль духа. Меняется все направление культуры. Она направляется к практическому осуществлению могущества, практической организации духа в сторону все большего ее расширения по поверхности земли»*. Эта практическая организация духа постепенно отдаляет культуру от ее сути, нивелируя ее духовное начало и превращаясь в цивилизацию.

Бердяев безусловно прав в своем утверждении, что все продукты культуры, в том числе и материальные, имеют духовную основу. Когда же культура ставится «на поток», то, перерождаясь в цивилизацию, она неизбежно приходит к своему этапу кризисного развития. Этот этап никогда не протекает эволюционно. Девятый вал культурных революций, разрушая системы традиционных духовных ценностей и превращая гармоничное целое в разрозненные фрагменты прошлого, несет с собой предвестие нового культурного смысла.

* Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 163.

При этом, однако, нет никаких оснований для утверждений о том, что культурные новации подразумевают тотальное забвение традиций прошлого. Скорее *новый тип культуры формирует себя через полемику с предшествующим, а затем и через его возрождение в новом качестве*. Так средневековые выстроило свой культурный космос на полемике с античностью, однако последняя в эту эпоху оказалась не только объектом критики, но и основой теоретических построений средневековой теологии. Голоса же современных культурологов звучат еще более интригующе, когда применительно к нынешней эпохе констатируют как, в частности, Умберто Эко, что «средние века уже начались». Таким образом, можно утверждать, что кризисы в культуре являют собой фактор актуализации социальной памяти человечества.

Еще древние мудрецы сумели понять, что *культура — это духовные скрепы социума, вне которых невозможен ни человек, ни его становление в истории и развитие в обществе* того или иного типа. Она объединяет людей в общество и обеспечивает связь поколений. Но каков механизм формирования общества посредством культуры? Начиная с Платона исследователи различных эпох отвечали на этот вопрос по-разному. Это однако не помешало исследователям новейшего времени классифицировать весь массив сложившихся теоретических представлений о культуре по четырем основным направлениям, фиксирующим такие уровни данного явления, как:

- развитие и продолжение природы либо Божественного замысла;
- единство ценностей, созданных человечеством;
- аккумуляция и передача социального опыта;
- процесс производства жизненных стилей.

Три последних представления о культуре наиболее значимы для целей данного рассмотрения. Именно они дают возможность проследить процесс перехода от современного к «постсовременному» — как его ныне именуют многие ученые — обществу. Источником этой трансформации выступает культура как способ производства жизненных стилей, который невозможен без аккумуляции и трансляции социального опы-

та прошлого. И хотя мыслители практически всех эпох вносили уточнения в эту базовую трактовку культуры, сущность ее остается неизменной в веках и означает социальную память поколений, а также способы, нормы и ценности восприятия мира человеческим сообществом.

Представленный набор определений в значительной степени объясняет, почему сегодня, когда наука и техника уже демонстрируют реалии информационного периода, культура при этом запаздывает, воспроизводя индустриальные эталоны, главным из которых выступает ее свойство массовидности. Мы не найдем в этом ничего удивительного, если вспомним, что жизненный стиль промышленного общества все еще воспроизводится в массовых масштабах и понадобится время, чтобы аккумулировать в повседневности формирующиеся информационные реалии.

Парадоксы массовой культуры

Становлению в социокультурном пространстве индустриального общества феномена массового сознания как унифицированной формы существования множества людей способствовали массовый характер производства и потребления, а также урбанизация. Омассовление общества, в свою очередь, требовало создания канала трансляции социально и культурно значимой информации и смыслового «перевода», адаптации этой информации к языку обыденного понимания, а также способа контроля и манипулирования сознанием потребителя в интересах производителя. В качестве ответа на эту социокультурную потребность возникла массовая культура.

Усвоение продуктов массовой культуры в отличие от культуры классической не требует ни труда, ни особых знаний. Так формируется взгляд исследователей на современное общество как на новое средневековье либо новое варварство XXI столетия, в котором происходит переход от текстовой к экранной форме передачи информации и культурных инвариантов. Вектор этого движения характеризуется эволюцией триады «ТВ + радио +

газета» в направлении «компьютер + ТВ + видео». Такковы основные постулаты негативных оценок массовой культуры, прочно утвердившиеся в сознании интеллектуалов.

Намного реже воспроизводится постулат о такой базовой функции массовой культуры, как рекреационная, основанной на понимании того обстоятельства, что для восстановления нервно-психических затрат организму человека действительно требуются куда более сильные рекреационные воздействия, нежели при возмещении энергетических потерь вследствие физического труда. Стрессогенность современного социума объективно способствовала поиску эффективных механизмов адаптации человека к изменившимся условиям среды. И в этом плане феномен массовой культуры оказался весьма удачной социальной инновацией.

Сошлемся на личный опыт восприятия Лас-Вегаса, изначально нагруженный негативизмом по поводу масскульта в целом и его стандартных проявлений в электронных СМИ. Однако американская реальность заставила отказаться от шаблонных предубеждений.

Лас-Вегас предлагает абсолютно эгалитарную, причем одновременно индивидуализированную, работающую рукотворную модель праздника жизни. Давно подсчитано, что 30 % приезжающих сюда не играют вообще. Они ищут здесь не выигрыша в казино, а ощущения праздника. А он здесь повсюду: в удобстве и комфорте дизайнерских интерьеров шикарных отелей (холлы которых открыты для всех и каждого), в ярких бесплатных уличных шоу, в щедрых распродажах бесконечных торговых центров. Наконец, даже аэропорт Лас-Вегаса находится всего лишь в десяти минутах ходьбы от главной улицы города, в котором всегда тепло и солнечно.

Конечно, данный апофеоз массовой культуры в прямом смысле товар штучный. Эта уникальность лишь подтверждает, что новаторская идея в любой сфере человеческого бытия всегда оригинальна и креативна, пусть даже, как в данном случае, она рассчитана на реализацию в обществе массового потребления. Вопрос о перспективах последнего весьма важен и с точки зрения эволюции современной культуры. Существенный

вклад в исследование данной проблемы внесли работы теоретиков постиндустриального/информационного общества, и прежде всего Э. Тоффлера.

В контексте данного рассмотрения наиболее значимыми становятся два базовых тезиса американского футуролога. Первый касается эволюции современного общества в направлении от индустрии потребления продуктов к индустрии ощущений и от материального к психическому удовлетворению. Пример Лас-Вегаса, а также нынешний всемирный туристический бум для иллюстрации этого тезиса оказываются вполне уместными. Как и ремарка Тоффлера о том, что человеческие ощущения есть самый недолговечный, но и самый устойчивый продукт. В плане развития личности этот вектор может, с одной стороны, рассматриваться как позитивный, поскольку известно, что стремление к самореализации через покупки свидетельствует о распаде личности. Другой тезис, напротив, указывает на то, что погоня за ощущениями отнюдь не всегда может принимать социально приемлемые формы. Здесь исследователь иллюстрирует свою позицию ссылкой на известный американский фильм «Афера Томаса Крауна», главный герой которого, человек высокого профессионализма и финансового благосостояния, в свободное время организует кражу картины из Метрополитен-музея. Вероятно, данный пример дает весьма красноречивое подтверждение тому, что преодоление этапа массовой культуры вовсе не будет означать достижения полной гармонии в социокультурном взаимодействии индивида и социума.

Культура, технология, рынок

Культура сегодня неотделима как от технологических аспектов организации социума, так и от процессов становления новых ценностных ориентиров человека. К первым относят:

— развитие сервисно-информационного сектора экономики, а также его лидирующее по масштабам и значимости положение в производстве;

— изменяющиеся по сравнению с индустриальным обществом ресурсные приоритеты;

— высокие технологии и сетевые структуры как основу прогресса социума;

— инновационный характер эволюции общества: так, «если человечеству потребовалось 112 лет для освоения фотографии и 56 лет для организации широкого использования телефонной связи, то соответствующие сроки для телевидения, транзистора и интегральной микросхемы составили 12, 5 и 3 года»^{*}; инновации сегодня сознательно продуцируются обществом и культурой и предстают как своеобразный регулятив, некое формообразующее начало социокультурного развития, если не полностью вытесняющее в этом качестве традицию, то по крайней мере доминирующее над ней;

— резкое и чрезвычайно динамичное изменение структуры занятости, при котором на смену реальным социальным группам приходят виртуальные сети.

Отметим еще и то обстоятельство, что постиндустриальный мир существенно расширил сообщество интеллектуалов, не без оснований отнеся к ним сегодня не только сферу академической науки (в ее общемировом, а отнюдь не только российском понимании), но и ведущих специалистов конструкторско-технологической сферы, а также идеологов СМИ, стратегов банковско-финансового дела и менеджмента. Основа их успеха — творческие навыки, т. е. классическая установка на новизну.

Именно креативность становится одной из важных характеристик интеллектуального работника нового типа и воплощает вместе с тем потребности современного производства. Таким образом, «разумно трудящийся» человек индустриальной эпохи, образ которого сформирован каждодневным рутинным трудом, привычно обеспечивающим его существование, в эпоху информационных технологий, когда характер интеллектуального труда приобретает творческий оттенок, превращается в «человека играющего» с высоким креативным

^{*} Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 28.

потенциалом. Между тем нет никаких оснований считать, что данное качество станет для современной культуры повсеместно распространенным.

Для большинства населения наступающий «цифровой век» отличается явным переносом акцентов с творческой деятельности на деятельность репродуктивную, причем во всех отраслях человеческого труда: от самого алгоритмизированного до науки и искусства. Они становятся таким же производством, как и производство материальное. Как заметил В. С. Библер, «кооперация теоретической деятельности, направленная на “дифференциацию — специализацию — упрощение” отдельных научных разработок и теоретических проблем, приводит к продуцированию не уникального (второй экземпляр не требуется), но массовидного, серийного результата. Такой результат все более пригоден как товар и все менее может служить дальнейшим провокатором и катализатором творческой активности»^{*}.

Уже сегодня в развитых странах в широких масштабах идет процесс изменения структуры занятости населения в промышленности и сфере услуг. При этом чрезвычайно уменьшается число рабочих мест для квалифицированных рабочих и рядовых инженеров, так называемых «синих воротничков». Одновременно увеличивается число рабочих мест в сфере неквалифицированного труда. Ярко иллюстрирует сказанное пример автомобилестроения — отрасли, хотя и порожденной индустриализмом, но не теряющей своего значения для постиндустриального общества потребления. Так, если ранее автомобили на конвейере собирали квалифицированные рабочие, использовавшие хорошие инструменты и станки, которые ремонтировали и настраивали находящиеся здесь же инженеры, то ныне автомобили собирают роботы. А ими управляют на уровне «включить-выключить» неквалифицированные рабочие, программное же обеспечение для этих роботов унифицировано и произведено небольшой группой интеллектуалов,

^{*} Библер В. С. О культуре мышления теоретика Нового времени // Наукоедение и история культуры. Ростов н./Д., 1973. С. 158.

«белых воротничков». Для последних также увеличивается количество рабочих мест, хотя и значительно медленнее, нежели для представителей неквалифицированного труда.

Ряд западных авторов утверждает, что средний класс в промышленно развитых странах размывается и тенденция — хотя и отдаленная — такова, что в будущем он исчезнет практически полностью. Произойдет разделение на узкий круг интеллектуалов и всех остальных, умеющих выполнять лишь простейшие в профессиональном смысле мыслительные операции, которых будет вполне достаточно для обеспеченного существования. Таким образом, если средний класс возникал, отчуждаясь от крупной собственности и власти, то в будущем его исчезновение будет инициировано отчуждением от творчества. О том, что указанная тенденция вполне может воплотиться в жизнь, свидетельствует, в частности, нынешняя структура безработицы в Западной Европе и США, где наибольшие трудности на рынке труда испытывает именно средний класс. Профессиональные навыки многих его представителей лишь частично востребованы — либо не востребованы вовсе — в общественном производстве промышленно развитых стран.

Соответственно, при освобождении значительных групп населения из сферы труда и значительном числе безработных человек стремится заполнить образовавшийся вакуум занятости посредством активности в сфере потребления. С какими ценностями он утверждает в ней? Прежние ценности рационального «общественного договора» современные массмедиа провозглашают архаичными, апеллируя не столько к логике, сколько к эмоциям. Потребление объявляется сферой свободного выбора: «Если в прошлом субъект находился в полном подчинении закону, Божескому или общественному, то в современном мире ему грозит стать жертвой общества потребления, которое, с одной стороны, манипулирует им, а с другой — постоянно подталкивает его к гонке за новыми и новыми благами»*.

* Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные // Новая технократическая волна на Западе. М., 1999. С. 469.

Между тем духовные скрепы общества не могут оставаться прочными в условиях преобладания зрелищности над оценочными суждениями и отказа от свойственных классической культуре противопоставлений прогресса и регресса, высокого и низкого, морального и аморального. Над «человеком потребляющим», безусловно, нужен контроль, осуществлять который может либо организованное по бюрократическому принципу, либо самоорганизованное общество. Последнее, естественно, предпочтительнее, хотя и значительно труднее достижимо, поскольку подразумевает локальность управленческих действий на разных уровнях социума. Но в условиях обвального роста сетевых структур и укоренившейся уже к середине XX в. массовой культуры об этом можно лишь мечтать.

Носящая откровенно коммерческий характер, постмодернистская культура провозгласила время исполнения желаний. По Делёзу и Гваттари, сфера бессознательного (сфера желания) — это сфера свободы и творчества и не стоит стремиться установить над ней контроль. А ведь именно к этому и призывал основоположник психоанализа Фрейд, хотя и утверждая одновременно, что культура как система нормативных ценностей оставляет на человеческой психике следы ранений. Человек стал таковым не только благодаря биологическому фактору эволюции мозга, но и при посредстве такого элемента социальности, как система запретов (табу). Вседозволенность неприемлема и для человека современной культуры, желания которого хотя бы в некоторой степени должны регулироваться разумом, а не ангажированными СМИ. Между тем последние «нас все больше пичкают короткими модульными вспышками информации — рекламой, командами, теориями, обрывками новостей, какими-то обрванными, усеченными кусочками, не укладывающимися в наши прежние ментальные ячейки»*. Именно к такой культурной нестабильности вынужден адаптироваться современный человек. Одним из ее символов уже более 50 лет назад, в 1959 г., стала кукла Барби. Тогда впервые было предложено расстаться со старыми, часто служившими нескольким поколениям куклами

* Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 278.

во имя взаимозаменяемой стандартной пластмассовой игрушки. В мир пришли одноразовость, модульность и непрерывная изменчивость, сопровождающие человека на протяжении всей жизни. Ныне от него требуется прежде всего приспособление к постоянным изменениям в обществе и культуре, к «вечному настоящему» (М. Кастельс).

Задачи такой сложности, пожалуй, еще не стояло перед человечеством с самого момента его становления. Ведь инертное большинство, ведомое творческим меньшинством, во все эпохи осуществляло свой выбор жизненных стилей, а также ценностей пассивно и несамостоятельно. Еще в начале XX в. Н. А. Бердяев вполне обоснованно утверждал, что массы не любят свободы и боятся ее. Между тем только ею бредили интеллектуалы во все времена и к концу второго тысячелетия наконец подарили ее — прежде всего благодаря массмедиа — не ожидавшему такого дара человечеству. Оно оказалось лицом к лицу со свободой в сфере экономики, политики, морали, искусства. При этом лишь немногие из тех, кто силой творческой мысли оказался в состоянии следить за происходящим как бы извне, а не изнутри, с горечью констатировали, что обретенная «свобода от» не подразумевает «обязательств перед». Более того, ныне впервые в истории человечества культура как способ производства жизненных стилей «формируется электронными СМИ, ориентированными на максимальные прибыли. Никогда прежде общество не допускало, чтобы коммерческий рынок практически полностью определял его ценности и ролевые модели»*. В результате всего лишь за четыре десятилетия чисто эмпирическим путем к интеллектуальной элите пришло понимание того обстоятельства, что в отличие от культуры индустриальной действительности проблема современной культуры вовсе «не в том, может ли человек выдерживать строгую регламентацию жизни и стандартизацию жизни... Проблема, состоит в том, может ли он выдержать свободу»**.

* Туроу Л. Будущее капитализма // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 217–218.

** Тоффлер Э., Тоффлер Х. Создание новой цивилизации. Политика Третьей Волны (<http://www.net.kg/jornal/n5/JRNAL511.htm>).

Итак, свобода вышла из под контроля. Более того, вышла из-под контроля общества культура. Значительность современной культурной автономии в существенной степени отражает и сравнительно недавно возникший термин «индустрия культуры», означающий как непосредственное влияние технологических инноваций на мировую культуру, так и любые коммерческие начинания, которые используют творческое начало. Это касается всех традиционных видов искусства и широкого круга всякой деятельности, связанной с дизайном, модой, аудио-, видео-, кино-, мульти-, медиа-производством и прочим — вплоть до производства компьютерных программ.

Одновременно происходит обширное включение различных сфер культуры, таких как экономика, политика, образование, наука, искусство, в электронное пространство коммуникативной сети Интернет. Следствием этого, в свою очередь, выступает виртуализация как самих процессов деятельности в данных областях культуры, так и ее продуктов. В результате грань между реальным и воображаемым становится в сознании субъекта все более подвижной. Обнаружение в современной общественно-культурной реальности данных процессов делает очевидным происходящую в настоящий момент виртуализацию культуры.

Причем именно в русле современных компьютерных технологий и предоставляемых ими возможностей термин «виртуальная реальность» получил наиболее масштабное применение и широкий резонанс в современной культуре. С развитием компьютерных сетей и глобальным распространением Интернета данный термин стал применяться и к электронно-коммуникативной среде взаимодействий внутри этого единого конгломерата сетей.

Действительно, как предсказывал еще в 60–70-х гг. прошлого века М. Маклюэн, электронные средства коммуникации становятся нервной системой человечества. И если мы обратимся к конкретному рассмотрению различных областей культуры, то обнаружим, что все они обязательным образом присутствуют в сетевой виртуальной реальности. Во многом

сохраняя свои традиционные формы производственного взаимодействия, они переводят их в интерактивный режим.

Так, в экономике на сегодняшний день функционируют такие явления, как электронный рынок, электронная коммерция, виртуальный продукт, виртуальное производство, виртуальная фабрика, виртуальный банк и, конечно, виртуальные организации (предприятие, корпорация) в целом. Первоначально виртуальная сфера экономики складывается как «вторая экономика», воспроизводящая в отраженных денежных формах процессы и отношения, складывающиеся в реальном секторе, однако затем она превращается из «второй» в «первую», определяя глобальное доминирование финансового спекулятивного капитала над производственным*. «Вторая экономика», таким образом, с успехом заменяет «первую».

Политика сегодня использует глобальную информационную сеть как средство и среду своей деятельности. Практически все политические акции теперь сопровождаются созданием специализированных серверов и web-страниц, посредством которых формируется имидж политика, ведется агитация, осуществляется общение со сторонниками и т. д. Через сеть возможно получение консультаций, а также обращение за информацией в различные государственные политические структуры.

Высшее образование представлено в сети виртуальными университетами, предлагающими услуги дистанционного обучения; web-сайтами реальных образовательных структур, информирующих абитуриентов, учащихся и преподавателей; виртуальными конференциями, организованными научно-образовательными сообществами; образовательными порталами; базами данных виртуальных электронных библиотек.

Искусство наличествует в киберпространстве во всей широте своих проявлений: виртуальные музеи, виртуальные галереи, виртуальные мастерские. Более того, с формированием мульти-

* Пчелинцев О. С. Проблемы формирования экономической системы устойчивого развития // Экономическая наука современной России. 2001. № 4. С. 7.

медийной среды Интернета возникает своеобразное интерактивное интернет-искусство, появляется сетевая литература.

Таким образом, *виртуализация культуры в информационно-технологическом аспекте происходит как своего рода погружение в единую электронную виртуальную среду, образующую новую культурную реальность, начало которой положили появление персонального компьютера и образование компьютерных сетей.*

Согласно известному представителю постмодернистской мысли Ж. Бодрийяру, наша жизнь сегодня — это непрерывная циркуляция знаков. Данный процесс включает в себя то, что произошло в мире (знаки новостей); впечатление, которое человек хочет произвести на окружающих (знаки самого себя); положение личности в обществе (знаки статуса и уважения); функциональную нагруженность инфраструктурной среды (архитектурные и интерьерные знаки); существующие эстетические предпочтения (афиши, сервировка, реклама, дизайн) и т. д. Однако если раньше знаки прежде всего указывали на скрытую за ними реальность, то сегодня действуют знаки-фантики, которые только симулируют и скорее скрывают сущность, нежели дают о ней реальное представление.

Структурной единицей, доминирующей в современной культуре, по мнению Ж. Бодрийяра, стал «симулякр», т. е. псевдовещь, замещающая «агонизирующую реальность» посредством симуляции. Как следствие, с воцарением искусственности исчезает различие между реальным и нереальным, аутентичным и неаутентичным, между истинным и ложным. И современная культура, таким образом, предстает в качестве своеобразной виртуальной системы, где подлинная социокультурная реальность подменяется симуляционной — гиперреальностью.

Так, если в сфере экономики основными характеристиками прежде являлись производительность и платежеспособность, а главным считалось создание товара, т. е. вещи, чье объективное свойство — это благо, то сегодня все изменилось. Производство товара не вызывает больше сложности, главное теперь — придать ему привлекательность в глазах покупателя и продать. И соответственно, производится не столько вещь,

сколько образ (модного стиля, уверенности, силы, привлекательности, респектабельности). Собственно экономический процесс, т. е. производство стоимости, покидает конструкторские бюро и конвейеры и перемещается в отделы маркетинга, рекламные и PR-агентства, в студии СМИ и т. д. Образ вещи в рекламном послании экономически превалирует над самой вещью.

Рассмотрим данные процессы на частном примере. Одна из наиболее ярких иллюстраций происходящего — это динамика рынка мобильной связи. Ныне внимание производителей и маркетологов приковано не столько к основной функции мобильного телефона — обеспечению связи, сколько к его дизайну, декорированности корпуса и наличию массы второстепенных функций. Причем реклама поощряет такой стиль потребительского поведения, как непрерывная смена моделей, успешно продвигая на рынок все новые дополнительные функции мобильных телефонов, фактически забывая о главной.

В сфере политики борьба за власть ведется во все большей мере в форме теледебатов и рекламы. Клип-, рейтинг- и имиджмейкеры, пресс-секретари и «звезды» шоу-бизнеса, рекрутируемые на время политических кампаний, потеснили партийных функционеров. Власть становится во многом функцией политического имиджа. Политический процесс покинул кабинетные заседания функционеров, а сама политика ныне преимущественно творится в телестудиях и на концертных площадках. Партии, первоначально возникавшие с целью представления классовых, этнических, конфессиональных, региональных интересов, превратились в «знаки» — эмблемы и рекламные слоганы, традиционно привлекающие электорат посредством эффективных политтехнологий.

Основные компоненты художественных практик — производство, стиль, эстетическая оценка — симулируются, равно как и само произведение искусства. Главным базовым приемом последнего становится цитирование. При этом публика ищет в искусстве не новизну и оригинальную трактовку вечных проблем бытия, а отыскивает «следы» — узнаваемые отсылки к хрестоматийным произведениям и стилям. Создание

произведения превращается в «проект» — комплекс PR-акций, в котором утрачиваются различия между рекламой и художественными практиками в традиционном понимании*. Один из примеров такой эстетики — выход в свет романа американского автора Дэна Брауна «Код да Винчи», его экранизация и полемика вокруг нее. В этом проекте публика во всем мире нашла полный комплекс постмодернистских эстетических изысканий: от узнаваемых библейских героев, традиционного детективного жанра до в значительной степени рекламных скандалов вокруг проката одноименного фильма. Кроме того, читатели романа используют его еще и в качестве популярного путеводителя в экскурсиях по Риму и Лувру. Так история Вечного города сводится к иллюстрации модного детективного сюжета, а богатства Лувра — к трем указанным в «Коде да Винчи» его шедеврам: Джоконде, Венере Милосской и Нике Самофракийской. Так превращаются в «знаки-фантики» не только реалии современности, но и наследие ушедших эпох. «У всякого нормального человека, — писал Г. Честертон, — бывает период, когда он предпочтет вымысел — факту, ибо факт — это то, чем он обязан миру, в то время как фикция — это то, чем мир обязан ему»**. Анализ представленных сфер культуры иллюстрирует симуляцию социокультурных практик, осуществляемую посредством информационных и рекламных технологий, а также превращение культуры в рыночный товар.

Зафиксированные выше социокультурная унификация и примитивизация практически повсеместно обращают культуру в цивилизацию. При этом «культуры не получают импульс для самораскрытия, а нивелируются, страны не коэволюционируют, сотрудничая, а унифицируются. Везде то же самое надевают, едят, пьют, поют, везде Диснейленд и Макдоналдс»***. В связи с этим *чрезвычайно значимым для человечества становится вопрос сохранения многообразия культур и их равноправия*. Пожалуй, именно этот элемент стандартной модели

* См.: Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002. С. 77–116.

** Цит. по: Вопросы литературы. 1981. № 9. С. 219.

*** www.philosophy.ru/library/kutyrev/globalizm.html

культуры сегодня наиболее востребован и знаменует собой, что каждая из существующих на Земле культур самоценна, оригинальна и уникальна. Ныне этот подход лег в основу мультикультурализма.

Теория и практика мультикультурализма

По сравнению с такими вышеназванными элементами классической модели культуры, как постулаты цивилизационной трансформации и взаимосвязанности с историческим процессом, идея равноправия культур, преодолев этапы различных культурных «центризмов», появилась много позже.

Идеи культурной толерантности и мультикультурализма как особой практики и политики бесконфликтного сосуществования в одном национально-государственном пространстве множества разнородных культурных групп приобретают все больше приверженцев.

Мультикультурализм предлагает интеграцию культур без их слияния. Попытки проводить стратегию ассимиляции в полиэтничной среде практически повсеместно принесли с собой массу общеизвестных негативных результатов. Кроме того, ныне национальные культуры испытывают как давление со стороны нарождающейся глобальной культуры, так и со стороны возрождающихся локальных и этнических культур, находившихся прежде под доминированием культур национальных*. При этом глобальная культура постулирует гомогенность, локальные же культуры, напротив, абсолютизируют автономию.

Исследователи выделяют несколько источников мультикультурализма как интеллектуального движения. Первое теоретическое основание мультикультурализма базируется на теории В. Кумлиски, основанной на либеральных ценностях автономии и равенства. Культура, с его точки зрения, необходима человеку по двум причинам: 1) она обеспечивает его

* См.: Идеи в культурологии XXI века. М., 2000. С. 75.

автономию, предоставляя возможности выбора; 2) культура обладает инструментальной ценностью для самоуважения человека. Главный вопрос при этом — не просто фиксация принадлежности к той или иной культуре, но то, что собственная культура индивида должна быть защищена потому, что от нее очень трудно отречься. Взгляды В. Кумлиски развиваются в направлении от утверждения инструментальной ценности принадлежности человека к определенной культуре к эгалитарному заявлению о том, что поскольку члены группы культурного меньшинства ограничены в доступе к их собственной культуре в отличие от членов доминирующей группы, они нуждаются в особенной защите.

В обществах с культурным разнообразием легко можно найти примеры поддержки государством культуры одних социальных групп по сравнению с другими. В то время как государства могут избежать явной расовой дискриминации, а также официальной поддержки какой-либо одной религии, они не могут избежать признания какого-либо языка в качестве официального государственного. *Культурное и лингвистическое доминирование может транслироваться в экономическое и политическое. Культурное доминирование может также приобрести символическую форму*, как например праздник католического Рождества в Европе, Америке и других странах, демонстрирующий, что обычаи данной группы обладают большей ценностью, чем других групп. В этом плане полиэтнические права могут рассматриваться как требование равноправной интеграции культурных меньшинств в доминирующую культуру, а не отказ от интеграции.

Второе теоретическое основание мультикультурализма вырастает из критики либерализма с позиции коммунитаризма. Признание равенства разных культур требует замещения традиционного либерального режима равных свобод и возможностей для всех граждан схемой особых прав для культурных меньшинств. Третье основание мультикультурализма — идея диалога, направленная против монологического Я классической культуры и формирующая плюрализм современной культуры. В процессе установления диалога между людьми

и между культурами возникает вопрос, как понять Другого как субъекта с собственным опытом, если существование и природа опыта Другого не могут быть верифицированы.

Ныне теоретики мультикультурализма подчеркивают необходимость изучать историю и сравнение различий и сходств внутри культур, для того чтобы развить «успешный» мультикультурализм.

Не вызывает сомнений, что как толерантность, так и диалог в контексте взаимодействия культуры большинства с культурами, привносимыми извне, следует всячески поощрять. Однако вряд ли случится, что «эпоха толерантности» в одночасье снимет все те противоречия, которые уже накопила «эпоха плюрализма». Ведь даже над культурой большинства сегодня нависла угроза унификации в контексте реалий мировоззрения постмодерна. Ныне классическая культура подвергается столь массивному давлению электронно-сетевых структур, что уже ей самой приходится искать некие опоры, дабы не потерять накопленной в веках самобытности. Кроме того, толерантность коллективизирует субъекта, нивелируя его способности к индивидуальному выбору и определению собственной самобытности.

Вряд ли мультикультурное мировоззрение следует рассматривать как универсальное средство от всех культурных бед современности. Последние же на сегодня предстают прежде всего как утеря индивидуальной самобытности и погружение в океан массового потребления.

Неявным же образом мультикультурная стратегия способна внести свой вклад в сохранение самобытных народных культур. Как известно, культура современной эпохи трехуровневая и состоит из элитарной («высокой»), массовой («низкие жанры») и народной составляющих. А наиболее трудная судьба уготована современной постмодернистской культурой именно ее элитарной составляющей и классическому наследию прежних эпох. Постмодернизм объявляет последнее сущностью отнюдь не универсальной и однозначно позитивной, разоблачая претензии классической культуры на трактовку истин в последней инстанции.

Проистекая из авангарда, постмодернизм в то же время противопоставляет себя этому направлению. Если эстетика авангарда была направлена на исключение и разрушение образцов классического искусства, то постмодернизм, наоборот, не исключает классику, а бесконечно апеллирует к ней, иронически конструируя образы и формы классических произведений в своих сочинениях.

Отсюда же происходит снятие противопоставления массового и элитарного искусства: постмодерн обращается ко всем, совмещая, с одной стороны, тематику и технику популярной массовой культуры, а с другой — пародийное осмысление и ироничную трактовку сюжетов и приемов предшествующего искусства. Так он становится востребован и массами, и интеллектуальной элитой. Однако постмодерн — это не столько художественный стиль, сколько способ бытия современного общества. Что приходит на смену постмодернизму в наступившем веке? Постпостмодернизм или метамодернизм. Его приметы ныне царят уже повсюду, а главные из них — нарастание влияния виртуальности и вращение социума в гиперреальность, под которой понимается неспособность сознания отличить мир реальный от мира фантазий. В значительной степени эти процессы продуцирует движение к постиндустриализму как эволюция от превалирования в культуре «текстообразов» к «технообразам» (А. Коклен).

Итак, *главная проблема современной культуры предстает как невозможность выстраивания эффективного взаимодействия между установками потребительского индивидуализма и социально значимыми ценностями*. И только через рациональное осознание угроз по отношению к культуре со стороны современного общества лежит путь к сохранению плодов просвещения в противовес хаосу потребления. При этом справедливости ради следует заметить: еще Плутарх говорил, что нас делает счастливыми именно излишнее, а не то, что нам необходимо.

Однако современной культуре все же не суждено стать «новым средневековьем» еще и потому, что человеческая история, к счастью, развивается не по кругу, а по спирали. И в этом заключена как высшая мудрость, так и надежда.

ГЛАВА 2. «ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ» МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И СОВРЕМЕННОСТЬЮ

В своем развитии система «европейских ценностей» прошла несколько исторических этапов: греко-римский период, эпохи средневековья и Ренессанса, Просвещения и окончательного утверждения либерализма, период между Первой и Второй мировыми войнами, и, наконец, этап создания Европейского Союза. Безусловно, на каждом этапе «европейские ценности», как и любая динамичная категория, меняли свое содержание, нередко отбрасывая в сторону достижения предыдущих эпох. *Каждая историческая веха внесла свой вклад в то, что сейчас можно условно назвать «европейские ценности», а именно определенное отношение к человеку, его месту и роли в обществе, а также определенное отношение к собственности.*

«Европейские ценности» сквозь призму истории: эволюция содержания

Традиционно фундаментом «европейских ценностей» считается наследие греко-римского периода. На самых ранних этапах становления системы «европейских ценностей», хотя само понятие «европейские ценности» отсутствовало в принципе, «принадлежать Европе» или «разделять европейские ценности» условно означало быть как минимум свободным гражданином Древней Греции.

Первоначально «Европой» называлась именно Греция. В гимне Аполлону Пифийскому Гомер называет Европой Северную Грецию. Гекатей Милетский, автор труда «Обход вокруг Земли», или «Землеописание», посвятил одну из двух частей своей работы «Европе». Геродот выделил «Европу» в качестве одной из трех известных частей света. В трудах этих авторов точная граница Европы традиционно проходила по реке Дон.

Классическое греко-римское представление о столпах системы «европейских ценностей» включало в себя следую-

щие принципы функционирования общества и государства: гражданское самосознание и самоуправление, свободу слова и свободу собраний. В процессе исторического развития система «европейских ценностей» воплотила себя в следующих принципах организации жизни общества и государства: свобода и равенство всех людей перед законом, верховенство закона, гарантирование естественных прав человека, гарантирование права на частную собственность.

В основе появления всех этих принципов общественной жизни лежала значимость свободного гражданина, имеющего право и активно участвующего в преобразовании окружающей действительности. Эта ценность была особенно характерна для полисного периода существования Древней Греции. Из всех исторических этапов развития полисный период Древней Греции наиболее подходит под определение «истока Европы». Именно на него ссылаются российские и зарубежные исследователи, рассматривая вопросы места и роли человека в жизни современных европейских сообществ и соответственно принципов организации их политической и экономической жизни.

Однако, чтобы избежать идеалистического представления о том, как функционировала полисная система, даже во времена Перикла — периода наивысшего культурного, интеллектуального и политического расцвета Афин, — следует отметить, что свобода как ценность была гарантирована только свободным гражданам. Афинская полисная демократия сочеталась с рабовладельческим строем. Справедливость рабовладельческого строя обосновывалась древнегреческими философами и мыслителями. Правление полисов в зависимых колониях было тираническим.

По мере поглощения греческого мира римской цивилизацией Европа в современном понимании стала символом античной греко-римской культуры, в которой разделять правила и нормы поведения Римской империи означало быть «цивилизованными», находиться вне рамок римского права и законов — быть «варварами». «Варварами» в конечном итоге могли быть и представители таких развитых древневосточных

цивилизаций, как вавилонская или финикийская, только потому, что их система ценностей, из которой плавно вытекали принципы организации жизни и правила поведения, была отлична от греко-римской цивилизации. Подобное разделение на «своих» и «чужих» остается неотъемлемой частью процесса становления и развития системы «европейских ценностей», меняются и дополняются лишь критерии оценки степени принадлежности.

Для современной системы европейских ценностей Древний Рим — это прежде всего римское право, функционирующее на всей территории Древнего Рима. Римское право — единая система законов, подразумевавшая равенство всех граждан перед установленным законом, разделение общественной и личной жизни.

Анализируя вклад греко-римского наследия в формирование системы «европейских ценностей», нельзя забыть и о таком ключевом факте, как зарождение христианства в рамках римской цивилизации. С появлением и распространением христианства на территории Римской империи, утверждением особого статуса этой религии и активной поддержкой церкви со стороны императора Константина Великого, часто называемого святым равноапостольным князем, в развитии европейской системы ценностей происходит перелом. Частью системы ценностей, господствующей на территории Римской империи, становятся десять христианских заповедей. Жизнь человека и его роль в обществе, так же как и содержание законов, в идеальном варианте рассматриваются через призму соблюдения этих заповедей.

С момента правления императора Константина Великого история Римской империи становится «христианской». Приверженность христианской религии рассматривается как показатель принадлежности к определенной культурно-исторической общности со своей собственной системой ценностей. Если раньше «варварами» были те, кто не находился под юрисдикцией Римской империи и не подчинялся ее законам, то на поздних этапах развития Римской империи «варварами» могли с легкостью стать «нехристиане».

Уже в период средневековья, точкой отсчета которого считают момент падения Западной Римской империи: 476 г. н. э., Европа, окончательно изменив свои географические границы, стала символизировать христианский мир, а «европейская система ценностей» — ассоциироваться преимущественно с христианскими ценностями. Ключевым тезисом в рамках данной системы ценностей стало утверждение: «Человеческие законы должны соответствовать Божественным законам». Тем не менее этот тезис, провозглашаемый в качестве идеального и наиболее желаемого, был очень далек от своего реального воплощения на практике. Средневековье, охватывая период становления европейских государств, феодальную раздробленность и, наконец, начало Ренессанса и Реформации, было противоречивым по принципам организации жизни людей на практике и на концептуальном уровне.

Существует определенный набор черт, которые традиционно характеризуют Средние века. Феодальное общество было закрытым. Представления о месте, роли человека и общества были теократическими. Главнейшей целью существования человека являлось служение Богу. Но гуманизм, воплощенный в десяти Божественных заповедях, едва ли находил отражение в том отношении к человеку, его жизни, убеждениям, месту и роли в обществе, которые царили в Средние века на практике. Крайними формами проявления служения Богу стали борьба с колдунами и колдовством и появление первых учебников охотников на ведьм в 1486 г.

Тем не менее главное значение Средних веков для эволюции системы европейских ценностей было связано с тезисом: «Человеческие законы должны соответствовать Божественным законам». «Христианский гуманизм» Средних веков, хотя и присутствовавший в рамках «идеального бытия», стал благодатной почвой для реального становления и распространения гуманистического мировоззрения в рамках следующей исторической эпохи. Ренессанс, пришедший на смену средневековью и охвативший временной промежуток с середины XV по середину XVII в., стал одним из значимых этапов в развитии системы «европейских ценностей».

Эволюция взглядов на место человека в обществе и на его способность влиять и изменять в положительную сторону окружающий мир есть то, что различает Средние века и Ренессанс. Фактически Ренессанс закрепил центральную роль в системе «европейских ценностей» за независимо мыслящей личностью, преобразующей внешний мир. В качестве одного из символов антропоцентрического мировоззрения можно выделить работу известного итальянского мыслителя Пико делла Мирандолы «Речь о достоинстве человека». В этом произведении подчеркивались уникальность и индивидуальность человека, значимость потенциала его творческой деятельности. Религия превращается в область совести отдельного человека. Это, однако, не означает, что христианское мировоззрение, христианская культура и в конечном итоге христианские ценности становятся чуждыми новой системе «европейских ценностей».

Вера в Бога, по мнению представителей эпохи Ренессанса, должна была сочетаться с независимостью мышления. Человек должен был верить в то, что способен изменить и улучшить жизнь на земле. Гуманизм — широкое интеллектуальное движение, проявившее себя в период Ренессанса, обозначило переход к антропоцентрическому мировоззрению. Именно гуманизм пропагандировал принцип не принимать ничего на веру без испытания и подчеркивал значимость личных суждений и индивидуальной совести.

Ренессанс ознаменовал возврат к той идеальной системе ценностей, которая когда-то была заявлена греко-римской цивилизацией. В центре этой идеальной системы ценностей вновь должен был оказаться свободный гражданин, имеющий и высказывающий собственное мнение и способный участвовать в общественном и государственном устройстве.

Однако на практике реализация таких принципов организации общества, как обеспечение свободы человеческой личности или свободы совести, была далека от идеала. Суд инквизиции над Д. Бруно за его идеи и последующее отречение Г. Галилея были одними из примеров того, как свобода суждений, облеченная в форму научной революции, связанная

также с именами Н. Коперника и Ф. Бэкона, была отвергнута своими современниками.

Тем не менее эпоха *Возрождения*, несомненно, сыграла ключевую роль в развитии системы современных «европейских ценностей». Во-первых, она обозначила возвращение к исследованию наследия греко-римской культуры, а вместе с этим — повторное возрождение и утверждение роли свободно мыслящей личности, верующей в христианские идеалы взаимоотношений между людьми, которые рано или поздно должны были обрести свою правовую оболочку в виде определенных принципов функционирования общества и государства. Человек и его взгляды на окружающий мир стали центральным элементом системы европейских ценностей. Более того, именно с периодом Возрождения связано укрепление таких принципов духовной жизни общества, как гарантирование веротерпимости и свободы вероисповедания в дополнение к обеспечению свободы выражения собственных суждений.

В определенной степени именно в эпоху Ренессанса стал зарождаться индивидуальный либерализм. Однако активное государственное регулирование с помощью самых различных инструментов — правовых, административных, военных и управленческих — шло вразрез с идеями либерального индивидуализма. В большинстве случаев иерархия и наследственность оставались ключевыми принципами организации социальной и политической сфер жизни общества. Существовали определенные общественные ограничения индивидуализма на фоне активного роста торговой буржуазии и городов.

Именно эпоха Возрождения создала благоприятную почву для последующего подъема либерализма, постепенно утверждая в сознании всего общества необходимость закрепления равенства всех перед законом, права на собственность и свободного ведения предпринимательской деятельности, прежде всего для успешного функционирования экономики отдельного государства. Эпоха Просвещения, сменившая период Возрождения, лишь подчеркнула значимость и необходимость практического применения тех «европейских ценностей», о которых философы лишь размышляли и спорили во времена Возрождения.

В то же время в оценке роли эпохи Просвещения в развитии системы «европейских ценностей» необходимо быть предельно осторожными. Политический, так же как и экономический, ландшафт этого этапа исторического развития был неоднородным, с большим или меньшим проявлением экономической и политической свободы. Британский и американский конституционализм соседствовали с неограниченными монархиями.

Тем не менее подъем европейских государств периода XVIII в., в частности Франции и Великобритании, бурный расцвет философской мысли и культуры сделали саму Европу ценностью и символом просвещения и прогресса вне зависимости от того, на каком уровне развития находились отдельные европейские государства. Российские, впрочем, так же как и зарубежные, европейцы связывают капитальный вклад эпохи Просвещения в формирование системы европейских ценностей с именами такой плеяды философов XVIII в., как Вольтер, Дидро, д'Аламбер, Руссо.

Трактат «Об общественном договоре» Руссо (1762 г.), известный знаменитой фразой: «Человек рождается свободным, а между тем он всюду в оковах», повлиял на утверждение современных европейских принципов организации политической жизни современной Европы, формирование ее общественных и политических идеалов. Идея о том, что государство возникает на основе общественного договора, верховная власть, согласно которому, принадлежит народу, впоследствии повлияла на развитие современных демократических институтов. Утверждение того, что закон, являясь выражением общей воли, — гарантия индивидов от произвола со стороны правительства, вполне созвучен современным европейским ценностям, таким как полное равенство всех перед законом.

Наряду с Ж.-Ж. Руссо одним из основоположников современной формы представительной демократии можно с уверенностью считать Монтескье. Его произведение «О духе законов» (1748 г.) — это, по сути, прочтение системы современных «европейских ценностей», только в XVIII в. и с определенными оговорками. Политический либерализм, основанный на при-

оритете индивидуальной свободы, принципах естественного права, подчеркивал необходимость отделения государства от гражданского общества и разделение властей.

«Все люди равны в республиканских государствах, они равны и в деспотических государствах. В первом случае они равны, потому что они — всё, во втором — потому, что они ничто. Свобода есть право делать всё, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие; главное — это безопасность гражданина»*. Выделяя четыре формы правления — республику, аристократию, монархию и деспотию, Монтескье подчеркивал, что именно республиканская форма государственной власти является добродетелью.

Истоки либерализма, подчеркивавшего необходимость свободы индивида во всех областях жизни как условие развития общества, поддерживающего (в экономике) свободу частного предпринимательства и конкуренции, поддерживающего (в политике) правовое государство, парламентскую демократию, расширение политических и гражданских прав и свобод, исходили из основ учения Монтескье и его предшественников. Тем не менее реализация на практике принципов, предлагаемых философами-просветителями, была далека от реальности. На практике обозначенные идеи не были закреплены повсеместно.

Единственным государством, где впервые был принят документ, юридически утвердивший права человека, была Великобритания. Труд Дж. Локка «Два трактата о правлении» (1690 г.) подчеркивал, что правительство должно подчиняться естественному праву, и возражал против принципа наследственной власти. Он акцентировал значимость права собственности, необходимость правления через общественный договор, выдвинул принцип согласия как один из краеугольных принципов, постулировал необходимость наличия системы сдержек между исполнительной и законодательной властью.

* Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 541.

В 1689 г. в Англии в результате революции парламент принял Билль о правах. Монарх был лишен важнейших привилегий, а именно приостанавливать действие законов или их исполнение, устанавливать и взимать налоги на нужды короны, а также формировать и содержать армию в мирное время. Ключевым для Билля о правах было понятие «свобода».

Вклад Просвещения в систему «европейских ценностей» заключался именно в развитии целого комплекса принципов общественного устройства. Хотя зачастую они не были реализованы в практической плоскости, но оказали влияние на последующий исторический этап становления европейских государств. *Приоритет индивидуальной свободы на основе принципа естественного права от рождения — главный компонент системы «европейских ценностей», доставшийся ей от эпохи Просвещения.*

Своеобразным апогеем проявления этой «европейской ценности», торжеством «свободы, равенства и братства», несомненно, стала Великая французская революция 1789 г. Она способствовала окончательному утверждению незыблемой основы системы «европейских ценностей»: свободы человека от рождения и равноправия. Ж. Мишле, французский историк и публицист XIX в., так передал основной смысл прошедшей революции: «Суть революции я вижу в стремлении воскресить Закон, вернуть человеку его Права и утвердить Справедливость»*. В итоге революция привела к постепенному движению от конституционных реформ к революционному террору, однако мир социальных и политических идей значительно обогатился именно за счет Французской революции. Декларация прав человека (26 августа 1789 г.) и принятие Конституции (сентябрь 1791 г.), обеспечивавшей всеобщее избирательное право, референдумы и выборное правительство, — достижения Французской революции.

Благодаря Французской революции были впервые документально зафиксированы 17 статей, которые перечислили

* *Michelet J. Histoire de la Revolution française. Oxford: University Press, 1848.*

«естественные, неотъемлемые и священные права» не только французов или европейцев, а в целом человечества. Английский Билль о правах породил смутную надежду на то, что свобода есть неотъемлемое состояние любого человека, французская Декларация прав человека должна была окончательно закрепить концепцию равноправия и свободы. Появление этой Декларации можно с полной уверенностью считать началом торжественного шествия либерализма по Европейскому континенту.

XIX в. — век быстрого развития и распространения либеральных идей и укрепления либерального стержня системы «европейских ценностей». Либерализм фактически проявлял себя в двух ипостасях — в политике и в экономике. Выступая против каких-либо унаследованных привилегий, либералы подчеркивали необходимость равенства всех граждан перед законом, значимость гражданских и личных свобод, конституционных процедур, веротерпимости и универсальных прав человека. Экономический либерализм подчеркивал значимость права на собственность, а также права собственников на свободную торговлю без ограничений. Проявления либерализма не были одинаковы на территории всей Западной Европы, как не были равны государства в уровне своего развития. Тем не менее либеральная демократия в той или иной форме стала обретать прочную почву именно в Европе.

Помимо развития концепции либерализма XIX в. можно охарактеризовать как период появления и развития идеи «социального государства», которая окончательно утвердится в качестве неотъемлемой части системы «европейских ценностей» уже после окончания Второй мировой войны.

Впервые понятие «социальное государство» было употреблено Л. фон Штейном, немецким философом-гегельянцем, правоведом, историком. Согласно подходу Л. фон Штейна, государство должно способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, так как развитие одного выступает условием развития другого.

Именно в XIX в. опасения по поводу усиления влияния рабочего (профсоюзного) движения заставляли правительства

промышленно развитых стран идти на отдельные социальные уступки. Государство выступило гарантом помощи нуждающимся и должно было сглаживать социальные различия. В конце XIX в. в Германии были введены социальное страхование от несчастных случаев на производстве и пособия по болезни. Впоследствии подобные практики получили распространение в Австрии, Франции и Швеции. В итоге одним из направлений либерализма в конце XIX в. стал социальный либерализм. В качестве одной из функций государства стала рассматриваться необходимость восстановления «социальной справедливости». Все индивидуумы общества должны иметь равный доступ к определенным нуждам, например образованию или медицине, и государство должно обеспечивать этот доступ с целью предотвращения социальных бунтов. Альтернативной либерализму концепцией общественного развития постепенно стал выступать социализм, в частности его отдельные направления — социал-демократия и христианский социализм, в центре внимания которых находились вопросы реализации государством своих социальных функций.

Философская мысль обязана активному распространению идей социальной справедливости прежде всего трудам Сен-Симона, в частности работе «Новое христианство». Однако более ранние отголоски идей социального равенства и социальной справедливости можно найти еще у утопистов начала XVI в. — Т. Мора, и начала XVII в. — Т. Кампанеллы.

В то же время необходимо подчеркнуть, что именно для XIX в. характерно яркое проявление кризиса идей гуманизма, в частности кризиса веры в природную доброту человека. Обладающий естественными правами и равный в этих правах с другими людьми человек противопоставлен другим в условиях доминирования идеи верховенства и защиты частной собственности. В итоге владеющий средствами производства эксплуатирует наемный труд. Именно в этом и заключается причина повышенного интереса к вопросам «социальной справедливости» и «социального государства» в XIX в. Фактически развитие учения о классовой борьбе и философия Ницше стали признаками отката системы европейских ценностей

от подлинно гуманистических идеалов. На место человека эпохи Ренессанса мог появиться сверхчеловек с несокрушимой волей к власти, не ограниченный в своих действиях никакими старыми ценностями.

Отчасти эти тенденции стали первыми предвестниками кризиса старой системы «европейских ценностей» с ее идеалами свободы, гарантий естественных прав человека и равенства всех перед законом. Наиболее ярко этот кризис проявил себя в период между Первой и Второй мировыми войнами, так же как и в период Второй мировой войны. Эти исторические вехи можно по праву считать своеобразным откатом от системы европейских ценностей и расколом Европейского континента по линии приверженности тем или иным ценностям. Неофициальный отказ от свободы и равенства граждан вне зависимости от их гендерной или национальной принадлежности, отсутствие свободы слова стали традиционными атрибутами зарождавшихся в Европе фашистских режимов и коммунистического режима в СССР.

Начало Второй мировой войны стало итогом становления общественной системы фашизма, прямо противоположной системе «европейских ценностей», а ее окончание оказало сильнейшее психологическое воздействие на умы европейцев, заставив их существенно пересмотреть прежние представления о месте Европы в мире, о сути и историческом призвании европейской цивилизации вместе с присущей ей системой ценностей.

Осознание того, что конфликты (столкновение торговых, экономических и политических интересов) между двумя ведущими континентальными державами — Францией и Германией — были главной причиной европейских и в итоге мировых войн, заставило глав государств Западной Европы задуматься о том, на основе каких принципов должны выстраиваться не только межгосударственные, но и внутригосударственные отношения в Европе.

19 сентября 1946 г. в своем выступлении в Цюрихе британский премьер-министр У. Черчилль впервые по окончании Второй мировой войны озвучил необходимость создания Соединенных Штатов Европы путем примирения двух великих

держав — Франции и Германии. У. Черчилль не детализировал практические шаги, которые необходимо реализовать на пути примирения Франции и Германии, однако он отметил, что любое государство найдет себе равное место в «европейской семье» — «Соединенных Штатах Европы». Целью развития данного объединения, структура которого, по мнению У. Черчилля, скорее всего, напоминала бы федерацию, должно стать обеспечение счастья, свободы, благосостояния миллионов людей, гарантирование четырех свобод, о которых говорил американский президент Ф. Д. Рузвельт.

Заканчивая свое выступление в Цюрихе словами: «Европа, пробудись!» («Let Europe arise!»), У. Черчилль призывал европейские государства, большие и малые, и европейские народы объединиться с целью сохранения тех ценностей, которые сформировались в ходе развития европейской культуры и европейской цивилизации.

Первоначально идея создания «Соединенных Штатов Европы» не преследовала своей целью экспансию ценностей, «забытых» в период Второй мировой войны, вовне. Путем добровольного объединения тех государств, которые разделяют саму идею мира и благосостояния в Европе, «европейская семья» должна была сохранить эти ценности и обеспечить их своим гражданам и в этом смысле быть их источником, но не «экспортером».

Само строительство единой Европы началось с речи французского министра иностранных дел Р. Шумана. Его предложение об объединении двух базовых экономических и военно-стратегических отраслей (производство и сбыт угля и стали) Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга должно было сделать невозможными франко-германские войны.

Его речь, произнесенная 8 мая 1950 г., в отличие от речи У. Черчилля в Цюрихе 19 сентября 1946 г. содержит в себе скорее практический план объединения государств, чем концептуальный. Ключевым словом в речи У. Черчилля выступает понятие свободы — один из главных элементов классического представления о системе «европейских ценностей».

Р. Шуман в своей декларации прежде всего рассматривает мир в Европе через призму экономической взаимозависимости и взаимных интересов. Совместный контроль и стремление к совместным действиям в сталелитейной и угольной отрасли выступают основой нового регионального объединения. Европейское объединение угля и стали (ЕОУС, 1951), верховный орган которого возглавил известный французский промышленник и политик Ж. Моне, положило начало современному Евросоюзу.

Римский договор о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС, 1957) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом, 1957) означал старт более глубокой экономической, а затем политической интеграции. Парижский (1952) и Римский (1958) договоры едва ли предполагали в качестве основания для объединения кроме взаимодействия и совместного контроля в двух отраслях промышленности наличие определенных и разделяемых государствами-участниками представлений об идеальных принципах в самых разных общественных сферах: экономической, социальной, политической и духовной. Парижский договор не содержал в себе особых положений относительно такого понятия, как наличие «европейских ценностей», как достаточного основания для присоединения к данному региональному объединению.

Понятие «европейские ценности», воплощенное в политических, экономических, социальных и духовных нормах, начало превалировать в документах и декларациях Европейского Союза с 1970-х гг. Категория «европейские ценности» стала напрямую связываться с категорией «европейская идентичность».

14 декабря 1973 г. в Копенгагене девять стран — членов европейских сообществ подписали Декларацию о европейской идентичности. В рамках этой Декларации подчеркивалось, что государства-участники разделяют одинаковое отношение к жизни. Это отношение основано на уверенности в том, что в обществе должны реализовываться потребности каждого человека, защищаться принципы представительской демократии

и верховенство закона. Социальная справедливость как главная цель экономического прогресса, уважение прав человека были выделены в качестве фундаментальных основ европейской идентичности*.

Фактически понимание «европейских ценностей» объединило классические представления предыдущих исторических эпох, сделав особый акцент на уважении прав человека и обеспечении социальной справедливости. Более того, с появлением европейских сообществ, а в дальнейшем и Европейского Союза, «европейские ценности» обогатились новым элементом, являвшимся одновременно и представлением о совершенстве, и принципом существования. «Свободное перемещение товаров, услуг, рабочей силы и капитала» — это то, что уже давно символизирует Европейский Союз и чем так гордятся его государства-участники. В итоге «европейские ценности» стали не просто системой ценностей, носителем которой могло выступить любое европейское государство, а скорее «эксклюзивным брендом». Права на этот «бренд» были закреплены сначала за европейскими сообществами, а затем за Европейским Союзом.

Отчасти это предопределило превращение «европейских ценностей» в инструментарий внешней политики. В итоге во второй половине XX в. «европейские ценности» стали играть не только роль связующего звена между государствами-членами Европейского экономического сообщества, но и критерия вступления в это сообщество.

Развитие интеграционных процессов, географическое расширение ЕЭС изменили условия и процедуру присоединения, добавив в данный механизм своеобразную ценностную компоненту**. Вступление в ЕЭС стало возможно только при соответствии определенному набору европейских ценностей: политических и экономических норм. Фактически в отноше-

* Declaration on European Identity. December 14, 1973 // Bulletin of the European Communities (официальный электронный ресурс). URL: http://www.ena.lu/declaration_european_identity_copenhagen_14_december_1973-02-6180

** Шемятенков В. Г. Европейская интеграция. М.: Международные отношения, 2003. С. 303.

нии государств-кандидатов стал применяться так называемый «принцип обусловленности».

Таким образом, первоначально Европейское экономическое сообщество, а с 1992 г. Европейский Союз, было источником определенных ценностей, таких как соблюдение основных прав и свобод человека, обеспечение социальной справедливости и функционирование социального государства прежде всего для своих собственных граждан. Вопрос об «экспорте» этих ценностей возник как следствие необходимости защиты различных сфер общественной жизни при вступлении государств, чьи политические, экономические и социальные практики сильно отличались от принятых в других странах-участницах ЕС.

Для подтверждения этого тезиса можно привести ряд практических примеров. Так, в частности, Испании было отказано во вступлении в ЕЭС из-за несоблюдения демократических норм. Применение принципа «обусловленности» можно с полной уверенностью связать со вступлением Греции, Португалии и Испании в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Более раннее вступление Великобритании и Ирландии в 1973 г. в ЕЭС не сопровождалось никакой проверкой на наличие представительной демократии или правового государства, формально эти критерии не обозначались как условие присоединения*.

В 1978 г. Европейский совет на основе предложений КЕС принял более широкую интерпретацию статьи 237 Римского договора. В итоге наличие представительной демократии и уважение к правам и свободам человека стали ключевыми условиями членства в ЕЭС. Особенно ярко эта особенность проявит себя с момента создания Европейского Союза в 1992 г., концептуализации его внешней политики и распада социалистического лагеря, а следовательно, появления целого ряда государств, в принципе живших в абсолютно другом ценностном измерении, чем страны-участницы Европейского экономического сообщества, или Европейского Союза.

* Мансурова Ж. Т. Условия членства и процедура принятия новых государств в Европейском Союзе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 31–32.

Экспансия «европейских ценностей» за пределы Европейского Союза

Европейский Союз проводил и проводит «мягкую» экспансию тех ценностей, которые заявлены в качестве «европейских», однако достаточно избирательно и с разной степенью результативности в зависимости от географического региона. В настоящий момент использование «европейских ценностей» в качестве инструмента внешней политики Европейского Союза остается одним из самых динамично меняющихся измерений проблемы «европейских ценностей» в целом. Это обусловлено стремлением обеспечить наиболее успешный экспорт «европейских ценностей» и соответственно определить критерии эффективного внедрения «европейских ценностей» на «чужеродной почве».

По своей сути экспорт «европейских ценностей» предполагает следующий процесс. В обмен на реализацию определенных норм в соответствии с представлениями ЕС государства могут получить от данного института финансовую и техническую помощь. «Мягкая» экспансия ценностной системы, называемой европейской, должна была обеспечить стабильность и безопасность не только внутри самого Евросоюза, но и за его пределами.

Вступление новых государств, стран Центральной и Восточной Европы, а также те изменения, которые происходили во внешней среде в конце XX и начале XXI в., стали серьезным испытанием для системы ценностей Европейского Союза, претендовавшего на право символизировать всю Европу. Принятие государств бывшего социалистического лагеря требовало значительных усилий и ресурсов для укрепления и сохранения привычной системы экономического и социального обеспечения без скатывания к консервативным ценностям в политике и экономике.

Подписание «Европейских соглашений» в отношении государств бывшего социалистического лагеря (1992) стало началом активного использования «европейских ценностей» в качестве инструмента внешней политики в конце XX в. До-

клад Еврокомиссии «Европа и проблема расширения» (1992) выделил в качестве базовых условий членства европейскую идентичность, под которой подразумевается наличие демократии, соблюдение прав человека, хотя параметры оценки соответствия этим критериям не указывались. Еврокомиссия подчеркивала: «Членство в Евросоюзе подразумевает принятие на себя всех прав и обязательств, настоящих или будущих, связанных с коммунитарной системой и ее институциональными основами, что означает адаптацию норм *acquis*»^{*}.

«Копенгагенские критерии», ставшие основой «пятого» и «шестого» расширения ЕС, были одобрены на саммите ЕС в Копенгагене в июне 1993 г. Сообщение КЕС «На пути к более тесной ассоциации со странами Центральной и Восточной Европы» легло в основу этих критериев. Следующие требования были выделены в качестве критериев для членства в Евросоюзе: «Членство в ЕС подразумевает наличие в странах-кандидатах стабильных институтов, гарантирующих демократию, верховенство права, защиту прав человека и меньшинств, функционирование рыночной экономики, способной выдержать конкурентную борьбу в рамках ЕС. Членство также подразумевает способность страны-кандидата исполнять обязательства, связанные с целями политического, экономического и валютного союза»^{**}. Евросоюз, в свою очередь, обязался провести внутреннюю реформу, чтобы сохранить эффективность после принятия новых членов.

Статьи 6 и 49 Амстердамского договора (1999) зафиксировали по сравнению с Парижским и Римским договорами факт того, что вступить в ЕС могут европейские страны, политический режим в которых основан на принципах свободы, демократии, уважении к правам человека. «Копенгагенские критерии» были закреплены в основополагающих договорах.

Тем не менее подробная детализация понятия «европейской идентичности» отсутствовала как в «Копенгагенских

^{*} European Communities Commission. Europe and the challenge of enlargement. 1992. 24 June. Prepared for the European Council.

^{**} Presidency Conclusions. European Council in Copenhagen. 1993. June 21–22.

критериях», в «Мнениях» КЕС, так и в Амстердамском договоре. В последнем защита прав меньшинств не упоминалась в качестве критерия членства. Статья 13 Амстердамского договора говорила о недопустимости дискриминации.

Более того, в дальнейшем при разработке Политики добрососедства (2004) как альтернативы членства в структурах Евросоюза последний придерживался идеи распространения ценностей демократии, уважения прав человека, фундаментальных свобод, верховенства закона как механизма обеспечения безопасности по периметру собственных границ.

Использование приверженности «европейским ценностям» в качестве инструмента «политической обусловленности» отношений остается ведущим подходом Европейского Союза к государствам-партнерам, причем не обязательно тем, с которыми у ЕС присутствует территориальная граница. Стартовавшее в 2008 г. «Восточное партнерство» ЕС с шестью постсоветскими государствами выделяет среди основополагающих принципов своего существования «политическую обусловленность» и «ценностный подход». «Восточное партнерство» декларирует, что взаимоотношения между странами-участницами партнерства будут основываться на взаимном соблюдении принципов верховенства права и закона, уважения прав человека, уважения к меньшинствам и защиты их прав, а также принципов рыночной экономики и устойчивого развития.

В то же время Европейский Союз предпринимает определенные попытки для укрепления места и роли «европейских ценностей» в рамках внутренней системы функционирования. В 2009 г. Лиссабонский договор о реформе ЕС в определенной степени поднял «ценностную» составляющую Европейского Союза на новый уровень. Благодаря данному договору Хартия основных прав (2000) стала неотъемлемой частью законодательства ЕС. Фактически институты Европейского Союза взяли на себя обязательства соблюдать права и свободы, закрепленные хартией. Соответственно, такие же обязательства были закреплены за государствами-членами ЕС.

Европейский суд стал выступать в качестве органа, контролирующего выполнение хартии. Более того, он должен

проверять, насколько европейское законодательство и любые принимаемые институтами ЕС нормативные акты соответствуют принципам хартии. С теоретической точки зрения это должно непременно усилить степень защиты прав и свобод любого гражданина ЕС и укрепить в том числе и либеральную компоненту системы «европейских ценностей».

Ценностный кризис ЕС: да или нет?

Современный Европейский Союз — это, безусловно, сообщество, этнический и религиозный состав которого меняется очень динамично. Увеличение миграционного давления на Европу, особенно в свете событий 2011 г. в Ливии, заставило как политических деятелей, так и гражданское общество говорить о необходимости поиска определенных границ понятия «свобода человека и гражданина».

Мультикультурализм — явление, ставшее частью системы «европейских ценностей» с ее главным кредо — личностью и правами человека — в конце XX в. Первоначально являясь инструментом обеспечения ценностного разнообразия общества при соблюдении прав и свобод как коренного населения, так и переселенцев, он фактически превратился в способ реализации свободы культурного самовыражения одних в ущерб базовой системе норм поведения и ценностных установок других членов европейских сообществ.

Современная Европа очень отдаленно напоминает ту Европу, в которой мультикультурализм считался оптимальным способом обеспечения мирного сосуществования различных культур в одном государстве. По крайней мере некоторые европейские лидеры открыто заявляли о том, что мультикультурализм — это угроза современной европейской демократии. «Права меньшинства реализуются в ущерб прав большинства» — именно этот тезис стал красной линией многих статей, посвященных анализу вопроса сосуществования различных культур в одном обществе. Насильственные методы утверждения собственного мировоззрения ярко проявили себя в период беспорядков во Франции в 2005 г. С другой стороны, боязнь

последствий уважения прав меньшинств, трепетного отношения к традиционным культурам и экономическим укладам привела к ряду действий, которые стали противоречить той системе ценностей, которые европейские государства, а затем и Европейский Союз завоевывали и укрепляли в течение нескольких исторических эпох.

На фоне ливийского конфликта Италия предприняла беспрецедентные меры, направленные на защиту собственного государства и граждан от новых миграционных потоков. Нелегальные мигранты из Ливии перехватывались у о. Лампедуза и возвращались обратно в Ливию. При этом ни одно из государств-членов Европейского Союза тогда не выступило в поддержку идеи распределения потока нахлынувших мигрантов по другим европейским государствам. Более того, Франция, стремясь оградить себя от потока беженцев из Северной Африки, в частности Туниса, которым власти Италии стали выдавать разрешения на временное пребывание, позволяющее спокойно передвигаться в пределах Шенгенской зоны, объявляла о задержке поездов с беженцами на границе между Францией и Италией. Возникает вопрос: насколько это соответствует принципам функционирования Европейского Союза и его системе ценностей, которая помимо классических ценностей (защиты естественных прав человека, верховенства закона и равенства всех перед законом), символизирует еще и свободу передвижения человеческих ресурсов?

Боязнь растворения собственной национальной культуры и потери светского облика французского государства заставила парламент Франции одобрить ряд законов, по своей природе едва ли совместимых с идеологией мультикультурализма и спорных по отношению к системе «европейских ценностей». В 2010 г. был принят закон, запрещающий ношение никабов и паранджи в общественных местах. Он вступил в силу 11 апреля 2011 г.: с этого дня любая женщина в одежде, скрывающей лицо, может быть задержана для выяснения личности и оштрафована на € 150. По подсчетам экспертов, запрет коснется около 2 тыс. французских мусульманок, однако под него подпадут и богатые туристки из арабских стран — же-

ланые гости на французских показах мод. Помимо этого, в Европе постепенно происходит укрепление правонационалистических настроений, выражаемых представителями таких объединений, как Национальный фронт во Франции, Партия свободы в Голландии или Народная партия в Австрии.

В данном случае мультикультурализм и проблемы, которые несут в себе миграционные потоки в Европу из Турции, Пакистана, Бангладеш, Северной Африки и Ближнего Востока, всего лишь подтверждают, что система «европейских ценностей» — это не статическая единица и в ней в зависимости от внешнего контекста могут усиливаться или ослабевать те или иные элементы. Европейские государства не ставят под сомнение необходимость уважения прав и свобод человека и национальных меньшинств, проблема скорее заключается в поиске новых инструментов и механизмов достижения баланса.

Можно с уверенностью сказать, что система ценностей ЕС ныне проходит новый этап своей трансформации. Эта трансформация, однако, еще не означает наличия кризиса устоявшейся системы ценностей. Опасность состоит в том, что кризис мультикультурализма заставляет ряд европейских государств ставить под сомнение принципы функционирования Европейского Союза и возвращаться к системе ценностей национального государства, когда протекционизм границ с целью обеспечения безопасности государства и коренного населения приходит на смену свободе передвижения. Таким образом, эти государства, возвращаясь из «пост-Европы» с ее транспарентностью в «Европу классическую» с ее непроницаемостью, в определенной мере расшатывают единство такого интеграционного объединения, как Европейский Союз. В конечном итоге часть членов ЕС может вернуться к доминированию парадигмы традиционного национального государства даже внутри существующего интеграционного объединения.

Современная Европа вне зависимости от ее географических границ остается мозаикой различных политических, экономических и социальных систем, принадлежности или непринадлежности к тем или иным межгосударственным объединениям. *В то же время Европу отличает определенное*

отношение к человеку, его месту и роли в обществе, а также определенное отношение к собственности, что и представляет собой стержень системы «европейских ценностей». На базе отношения к человеку и собственности выстраивалась система принципов функционирования государства и общества, и в конечном итоге каждому индивидууму от рождения были гарантированы определенные права и свободы. С появлением европейских сообществ и последующим возникновением Европейского Союза в этой системе ценностей были закреплены несколько новых элементов, которые отчасти суммировали достижения и уроки предыдущих исторических эпох, а именно *свобода передвижения человеческих ресурсов, товаров, услуг и капитала.* В итоге Европейский Союз как экономическое и политическое объединение двадцати семи европейских государств стал претендовать на право символизировать не только «Европу» в целом, но и систему «европейских ценностей».

Вступление новых государств, стран Центральной и Восточной Европы, а также те изменения, которые происходили во внешней среде в начале XX в., стали серьезным испытанием для системы ценностей Европейского Союза. Принятие государств бывшего социалистического лагеря требовало значительных усилий и ресурсов для укрепления и сохранения привычной системы экономического и социального обеспечения, без скатывания к консервативным ценностям в политике и экономике. Финансовый кризис, а также огромный приток представителей иных религиозных и национальных групп являются новыми серьезными вызовами для сохранения той системы ценностей, которая стала итогом истории существования всей Европы в целом и Европейского Союза в частности.

В поисках ответа на эти вызовы собственному развитию Европа и Европейский Союз ныне выбирают между двумя моделями поведения: традиционной и пост-европейской. Вернувшись к принципам традиционного национального государства: отказавшись от проницаемости границ, поставив обеспечение безопасности государства значительно выше защиты права на частную жизнь, европейские государства фактически окажутся внутри собственного интеграционного

проекта в другой исторической эпохе, которую они уже давно пережили и преодолели. И если современная «пост-Европа» не дает ответа, как обеспечить социальную гармонию, экономическую динамику, безопасность и мир, то следует вспомнить, что «Европа классическая» также не была успешна в решении этих вопросов. В данном контексте, скорее всего, европейские государства будут пытаться искать оптимальный баланс и комбинировать различные варианты «пост-Европы» и «Европы классической».

Глава 3. ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В последние два десятилетия под влиянием процесса глобализации возникает как новый тип современности, так и новый тип капитализма. Существуют различные определения «современности» и ее характерных признаков. Указывая на своеобразие нынешней ситуации, обусловленной появлением новейших коммуникативных технологий и видов взаимодействия финансово-экономических потоков, некоторые исследователи говорят даже о «постсовременности», тем самым пытаясь определить специфику настоящего и его отличия от предыдущих эпох. Немецкий социолог У. Бек в работе «Общество риска» (1986) говорил, в частности, о второй модернити, которая является рефлексивной относительно первой и надстраивается над предыдущей.

В итоге большинство авторов, по-разному определяя специфику современности, сходятся на том, что нынешняя ситуация действительно коренным образом отличается от предыдущей. Так, «классик» футурологии Э. Тоффлер провозглашал приход новой, «третьей» волны цивилизации с соответствующими изменениями в сфере труда. Французский

ученый Ж. Бодрийяр говорил об исчезновении социальности в старом смысле ее значения. Другие исследователи указывают на радикальное изменение в ценностных установках населения развитых стран мира как на переход от «материальных» к «постматериальным» ценностям (Р. Инглегард). Формирование виртуального мира и сверхсимволической экономики также затрагивает основные принципы существования предыдущей трудовой деятельности — как утверждает столь известный ныне во всем мире испанский исследователь М. Кастельс.

От этики отсроченного вознаграждения к потребительскому гедонизму

Почти все исследователи единодушны в том, что в наше время происходят радикальные изменения на рынке труда. Однако остается открытым вопрос такого типа: указанные трансформации — это лишь изменение акцентов в пределах той же трудовой деятельности или же мы имеем дело с процессами, которые подрывают сам статус труда как определяющей деятельности в жизни человека? Если взглянуть на историю становления труда как смыслообразующего фактора человеческого существования, то становится понятно, что труд не всегда был доминирующим стержнем человеческой жизни. То есть обращение к истории этого вопроса позволяет сделать вывод, что статус труда как главной добродетели человеческой жизни и той оси, вокруг которой формировались самоопределение человека и его самоидентичность, не сразу стал общепризнанным, а был результатом длительного болезненного процесса приобщения человека к определенному виду труда и осознания его как дела всей жизни. Итак, вполне правомерно напрашивается вывод, что это — результат воздействия капиталистических отношений на образ жизни человека и на его самоидентификацию, поскольку в традиционном обществе труд не был главным определяющим принципом человеческого существования.

Пример Англии XVI–XVII вв. в этом плане показателен. В частности, после так называемого «ограждения» появилось

много изгнанных со своей земли крестьян, которые восприняли это состояние бродяжничества как определенный образ жизни и не были обеспокоены отсутствием работы. Поэтому в 1597 г. парламент Англии вынужден был принять закон, согласно которому трудоспособные бродяги должны были обязательно работать, а тех, кто отказывался, жестоко наказывали. Наконец, существование человека в традиционном аграрном обществе, как правило, не предусматривает психически напряженного, с волевым принуждением труда.

Так что при переходе от аграрного общества с его традиционным укладом жизни к капитализму с его ориентацией на наемный труд как основу развития производства имел место длительный процесс формирования рабочей силы с соответствующими качествами: способностью к длительной изнурительной работе с отсроченным вознаграждением. В определенной степени этому способствовала этика протестантизма (не столько как религиозное учение, сколько как руководство к повседневной работе с отсроченным вознаграждением). М. Вебер видел в таком отношении к труду некий «дух капитализма», который способствовал становлению капиталистических отношений и якобы играл более важную роль в развитии капитализма, чем наличие определенной технологии в той или иной стране.

При этом значение «протестантской этики» как своеобразной системы ценностей заключалось в том, что она способствовала мобилизации усилий человека на выполнение рутинной работы, которая характерна для периода ранней индустриализации. В рамках этой системы ценностей «благопристойная жизнь» означает постоянную работу, бережливость, самодисциплину и личную инициативу. Одновременно она активно внедряла установку на отсроченное вознаграждение, превозносила как особого рода ценность стремление человека усмирять свои желания.

Итак, этот переход, осуществленный ранее в условиях классического капитализма от традиционных ценностей аграрного общества к нормативным (лишенных качественной оценки) установкам индустриального общества, действительно можно определить как становление «духа капитализма»

(М. Вебер), элементами которого являются и социокультурные установки. *Формальные ценности, имеющие ярко выраженную «нормативную» окраску, современный немецкий исследователь Г. Клягес* вслед за одним из первых немецких социологов В. Зомбартом называет «добродетелями». Они представляют собой результат некритического усвоения массовым сознанием норм и установок, которые возникли под влиянием требований социально-экономической реальности. Например, реклама, средства массовой информации, «массовая культура» и даже сфера образования функционировали таким образом, чтобы из человека сформировать послушного исполнителя и податливого потребителя.* (Попутно отметим, что впоследствии эти качества протестантской этики были заимствованы странами с доминированием католицизма и за счет этого они, наконец, достигли даже больших успехов, чем протестантские страны Северной Европы. В частности, к «локомотивам» Европейского Союза сегодня относят экономики Германии и Франции.)

Таким образом, со временем труд выступает как настойчиво рекомендованная обществом установка, которая обычно приобретает статус смыслообразующего фактора в жизни человека. Подобное отношение к труду формировалось в течение всего периода развития капитализма. Впрочем, по мере того как менялся характер труда, менялась и его мотивация. Соответственно расширился спектр установок в отношении труда.

В частности, в конце 60-х гг. XX в. в процессе формирования новых производственно-экономических требований к участнику производства эта предварительная социокультурная установка нашла воплощение также в трудовой этике, где доминировали ценности обязательства и слепого подчинения, стала признаваться как убыточная, нерентабельная, как таковая, что ведет к отчуждению, она связана с необходимостью самопринуждения и самоконтроля. Вместе с тем, как отмечал Г. Клягес, ценности «обязательства и согласия» никогда не бывают полностью интериоризированными личностью. В психике

* Klages H. Wertorientierungen in Wendel: Ruckblick, Gegenwartanalyse, Prognosen. Fr./M., 1985.

человека необходимость самопринуждения вступает в противоречие с «естественной» потребностью в спонтанном выражении чувств и стремлений. «Энергия этих потребностей, — писал он, — по своей природе препятствует полному усвоению индивидуумом ценностей „обязательства и согласия“, что придает им неустойчивость и порождает необходимость в „защите“ этих ценностей „извне“. Такая защита, которая „легитимизирует“ ценности „обязательства и согласия“, в индивидуальной и массовой психологии обеспечивается с помощью социальных норм и установок, диктуемых обществом»*.

Процесс секуляризации, имевший место в странах Западной Европы, *сделал сомнительным обещанное религией потустороннее «вознаграждение» как стимул к изнурительной производственной деятельности. Поэтому мотивация к отсроченному вознаграждению ослабевала, а ориентация на потребление товаров и услуг росла*, то есть возникала ситуация, при которой формы жизнедеятельности людей преимущественно обусловлены социально-экономическими требованиями, а не религиозно-нормативными установками. Один из американских теоретиков К. Д. Келли назвал эту систему ценностей «социальной этикой», в которой наряду с ценностями труда допускаются и развлечения, стремление к хорошей жизни и комфортным условиям, более того, *всячески поощряется потребление в различных его формах***.

Вместе с тем такие установки «социальной этики» являются внутренне противоречивыми, поскольку одновременно существующие ориентации на труд и на развлечения выдвигают диаметрально противоположные требования к человеку. В некоторой степени эти две противоположные, противоречащие друг другу установки «общества потребления» делали систему «социальной этики» неустойчивой. Были и внешние причины, которые способствовали разрушению этой этической системы.

Таким образом, многие западные исследователи пришли к выводу, что трансформация индустриальной экономики

* Klages H. Op. cit. S. 26.

** Kelly K. D. Youth, humanism and technology. N. Y.; L., 1972. P. 161.

в постиндустриальную в некоторой степени связана с распадом традиционной трудовой этики с ее ценностями упорного труда, отсроченного вознаграждения, самодисциплины. Отметим, что подобные изменения происходили в ней и раньше. Так, если на стадии раннего капитализма ценность труда и «отсроченного вознаграждения» подкреплялась религиозным авторитетом, то по мере того, как происходило насыщение рынка товарами массового спроса, решающую роль начинает играть «идеология потребностей», которая трансформирует этику «отсроченного вознаграждения» в потребительский гедонизм. *Со временем этот гедонизм потребления начал разрушать ценности трудовой этики.* Поскольку ориентация на услуги, связанные с развлечениями, напрямую противоречит ориентации на сдержанность и самодисциплину. Политический социолог марксистского толка К.Оффе* указывал и на другие факторы, повлиявшие на снижение роли трудовой этики: разделение труда и дифференциация образования, увеличение свободного времени, рост безработицы, а также система социального обеспечения, которая позволяет определенной части населения существовать, не участвуя в труде. В частности, теоретики неоконсервативного направления резко критиковали систему социального обеспечения, поскольку они придерживались мнения, что только при условии возрождения этики индивидуализма и ценности труда возможно успешное развитие производства.

Другая группа западных исследователей считает, что механизм «резервной армии труда» перестал работать в новых условиях и необходимо пересмотреть всю систему организации трудовой активности населения индустриальных стран с целью определения более эффективных средств стимуляции работника.

Таким образом, трансформации социально-психологических ориентаций и изменения в сознании людей затронули достаточно широкий спектр общественной жизни, так что произошли изменения как на уровне повседневной жизни,

* *Offe C.* Disorganized capitalism. Cambridge; Oxford, 1985.

так и в сфере политики, типах отношения к политическим институтам и т. п. В этой связи Г. Клягес отмечал, что если для «традиционного» типа сознания были характерны относительная удовлетворенность своим положением в обществе и сравнительно высокая оценка деятельности основных институтов государства, то «новый» тип сознания отличается, как правило, недовольством положением в обществе и соответственно критической оценкой деятельности государственных институтов*. Соответственно ориентация на развитие собственной личности становится основным стимулирующим мотивом поведения человека, и, следовательно, на первый план выдвигается значение таких характеристик человеческого бытия, как индивидуальная независимость, свобода, автономность, самостоятельность.

В целом, как констатируют западные социологи К. Леш, Г. Клягес, К. Оффе и др., *уже в 70-х гг. XX в. выявились существенные изменения в ценностных ориентациях населения развитых стран Запада, которые затронули практически все жизненно важные сферы социальной активности индивида.*

Один из возможных вариантов снятия напряжения, вызванного противоречивыми социально-психологическими ориентациями, представлен в попытке «развести» ценности в процессе того, как «полярные» ориентации задействованы в различных сферах жизнедеятельности индивида. Так, в повседневной жизни индивид может руководствоваться ценностями «самоактуализации», а в отношении к труду решающую роль могут играть установки на самодисциплину. Еще один вариант снятия психического напряжения связан с «разграничением» ценностей в индивидуальном и массовом сознании. При этом общественно одобряемые ценности и установки будто выведены за пределы повседневно совершаемых действий и решений. Одновременно «напряженность» все же остается и является предметом озабоченности как граждан общества, так и социальных институтов, хотя *значительная часть западных социологов считает, что все это трудности «переходного периода» и со временем ценности «нового» сознания снова станут доминирующими.*

* *Klages H.* Op. cit. S. 50–51.

Иную позицию занимал в этом вопросе английский исследователь Дж. Робертсон: установки «нового» сознания — это свидетельство коренного перелома во всей структуре общественной жизни. Он считает, что отсутствие перспективы в сфере занятости диктует необходимость пересмотра самого принципа занятости и организации трудовой активности в развитых капиталистических странах. По его убеждению, полная занятость никогда уже не сможет быть восстановлена, но это и не нужно, потому что большая часть населения будет заниматься «самостоятельно организованным трудом». *Дж. Робертсон полагает, что теперь, когда общество движется в постиндустриальную эру, можно ожидать появления новой системы установок в сфере трудовой активности.* В частности, позже он указывает на такую новую тенденцию, которую называют движением к «самостоятельной работе». Речь идет о целенаправленной и важной для общества трудовой активности, которая организуется и контролируется самими работниками. Наконец, в реальной жизни будут существовать как «самостоятельная работа», так и занятость по найму. Но Робертсон подчеркивает, что в данном случае важен именно новый подход к организации трудовой активности масс, при котором государство должно предоставить гражданам некоторый «гарантированный базовый доход», необходимый для удовлетворения повседневных материальных потребностей. Согласно этой концепции, «многие люди, возможно большинство, будут продолжать желать работать. Они будут желать, чтобы их жизнь была сконцентрирована вокруг активности, которая была бы ценной и полезной и отвечала бы потребностям их самих и других людей»*.

В целом концепцию Робертсона можно определить как такую, которая находится в контексте идей, характерных для массового экологического движения, а именно: в ориентации на качественные, содержательные аспекты жизни, в озабоченности проблемами сохранения природы, в отказе от

* *Robertson J.* Future work. Jobs, self-employment and leisure after the industrial age. Aldershort, 1985. P. 189.

потребительского отношения к окружающей среде. В то же время Робертсон хотя и опирается на характерную для постиндустриальной эры тенденцию в общественной жизни, все же настаивает на необходимости перестроить деятельность общественных институтов таким образом, чтобы они способствовали созданию нового типа ценностей и социокультурных ориентаций.

Автор термина «постматериализм», известный американский социолог и политолог исследователь Р. Инглегарт в своей работе «Культурный сдвиг в развитом индустриальном обществе» (1990) поставил вопрос в несколько ином плане: насколько весомыми являются факторы культуры для экономического роста? Могут ли они меняться, или культура является чем-то универсальным и неизменным? Соответственно он отмечал, что «построенные по такому принципу исследования показывают, что с 1945 по 1975 г. политическая культура Западной Германии претерпела коренные изменения, перейдя от относительного авторитаризма к демократии и активизации политической деятельности масс. Мы обнаруживаем, что с 1970 по 1995 г. Соединенные Штаты Америки и ряд стран Западной Европы претерпели постепенный межпоколений сдвиг от доминирующих материалистических приоритетов в направлении ценностей все более постматериалистического характера. Несмотря на то что эти преобразования были постепенными, они свидетельствуют, что даже ключевые элементы культуры могут меняться и действительно меняются»*. Автор отмечал, что это не означает, что должен измениться весь образ жизни общества. *Культура в целом, как правило, меняется медленно. Но существуют некоторые определяющие культурные факторы (мотивация на успех, отношение к труду и т. д.), которые могут влиять на экономическое развитие.* Позже такие же социокультурные изменения способствовали переходу от экономического роста любой ценой к экономической деятельности, которая учитывает экологическую составляющую.

* *Инглегарт Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 289.

Итак, во всех предварительно рассмотренных нами концепциях их авторы пытались хотя бы приблизительно определить изменения и социокультурные факторы, которые уже повлияли и сделали возможными социально-экономические преобразования в развитых странах мира.

Общеизвестный автор первой дефиниции «постиндустриального общества» Д. Белл также пытался определить социокультурное основание нового типа социального порядка. Прежде всего он обращал внимание на крах системы ценностей «которая поощряла дисциплину, вознаграждала послушание, поддерживала иерархическую структуру этого общества. Относительно этого Д. Белл отмечал, что в середине XX в. произошли радикальные изменения в системе мировоззрения, которая базировалась на ценностях «протестантской этики». «Протестантская этика и пуританские нравы, — писал он, — были теми кодексами, которые подчеркивали значение работы, трезвости, бережливости, сексуальных ограничений и всевозможных запретов относительно жизни. Они определяли природу нравственного поведения и социальной респектабельности. Постмодернистскую культуру 60-х годов, поскольку она называла себя „контркультурой“, толковали как вызов протестантской этике, как такую, которая возвещает о конце пуританизма и идет в последнюю атаку на буржуазные ценности»*.

Впрочем, размывание установок протестантской этики произошло еще раньше, когда поточно-конвейерная система производства сделала возможным доступ большинства населения к товарам массового потребления, создав тем самым «общество массового потребления». Агрессивная реклама и система кредитования побудили индивида к немедленному удовлетворению гедонистических потребностей. Эти факторы способствовали тому, что у человека возникало убеждение, что в потреблении и происходит его «самоактуализация» и «самореализация» как личности. Или, как отмечал по этому поводу Г. Маркузе, «принцип удовольствия» постепенно начал вытеснять «принцип производи-

* Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. L., 1976. P. 55.

тельности». «Фактом является то, — писал Белл, — что в пятидесятых годах американская культура стала преимущественно гедонистический, связанной с игрой, забавой, эксгибиционизмом и удовольствием, и, что типично для Америки, все это принудительным образом»*. Европа же повторила путь США.

Соответственно, под культурой Д. Белл понимал «арену экспрессивного символизма», т. е. совокупность тех усилий в живописи, поэзии и литературе или внутри религиозных форм литаний, литургии и ритуала, через которые пытаются исследовать и выразить смысл существования человека в определенной и образной форме. Понятно, что в сфере культуры не существует жесткой детерминации относительно форм развития. Как отмечает Д. Белл, «современная культура определяется экстраординарной свободой изыскания в мировой сокровищнице и поглощением любого стиля, на который наталкивается. Такая свобода происходит из того факта, что осевым принципом современной культуры есть выражение и преобразование „Я“ ради достижения самореализации и самоосуществления. И в этом поиске нет ограничений для самовыражения. Это выход за рамки какого бы то ни было опыта, нет ничего запретного, все должно исследоваться»**. Итак, тенденция к самореализации является тем осевой принцип, вокруг которого должна вращаться культура постиндустриального общества.

Однако при этом Д. Белл не придал особого значения тому факту, что самореализация может быть не только экспрессивным самовыражением, но и креативностью, востребованной производством, направленной не только на самосовершенствование, но и на реализацию нововведений, воспроизведением необычных форм, смыслов, образов и т. д., составляющих содержание нового типа трудовой деятельности. Поэтому «культурное противоречие» не стало доминирующей темой постиндустриального общества, как это предусматривал Д. Белл. Значительно громче о себе заявили другие противоречия — между требованиями

* Bell D. Op. cit. P. 70.

** Белл Д. Культурные противоречия капитализма / / Современная зарубежная социальная философия. К., 1996. С. 260.

экономики индустриального капитализма и новыми условиями труда в сверхсимволической экономике информационного общества.

Так, М. Кастельс пытался определить ту морально-этическую основу новой экономической системы, которая позволяет ей функционировать в качестве информационно-коммуникативной парадигмы. В частности, в работе «Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель» (2002), написанной им вместе с финским ученым Пекка Химаненом (который издал в 2001 г. книгу «Хакерская этика и дух информационной эпохи»), он соглашается с термином последнего относительно доминирования в информационном обществе «хакерской этики» и посвящает отдельный параграф вопросу сопоставления «протестантской этики» и «хакерской этики», которую он теперь считает «духом сетевого общества». (Впрочем, заметим, что Кастельс и раньше обращал внимание на роль молодежи в развитии Интернета, а именно на те ценности свободы, индивидуальной инновации и предприимчивости, которые происходили из культуры студенческих кампусов 60-х гг. XX в.)

На пути к «обществу риска»

По мнению Кастельса, присущий молодежному движению дух игры, творчества, импровизации стал основой для формирования инновационной среды — этой сердцевины развития и распространения информационного общества. В частности, он отмечает, что «несмотря на решающую роль военного финансирования и рынков в стимулировании развития электронной промышленности на ранних этапах, в период 40–60-х годов, технологический расцвет, который развернулся в начале 70-х, можно в определенной степени сравнить с культурой свободы, индивидуальной инновации и предпринимательства, выросших из культуры американских кампусов 60-х годов»*. При этом слово «хакер» здесь не имеет никакого отношения к компьютерным

* Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 29.

преступникам, а значит — как это и было изначально — означает индивидуума, который желает реализовать свою страсть к творчеству: хакером движет идея, осуществление которой он считает не только важным, но и приносящим удовольствие. Перечисляя те черты, которые характеризуют хакерскую культуру, Кастельс отмечает прежде всего такие из них, как свободу — свободу творить, свободу без ограничений пользоваться всеми имеющимися знаниями, свободу распространять эти знания по своему усмотрению, в любой форме и через любой канал, избираемый хакером. Как пишет ученый, «хакерская культура по своей сути — это культура сближения людей и их машин в процессе свободного взаимодействия. Это культура технологического творчества, основанного на свободе, сотрудничестве, обоюдности и неформальности»*.

В чем суть этого противопоставления хакерской этики протестантской? Как отмечают Кастельс и Химанен, идея труда как обязанности в протестантской этике ставится под сомнение идеей страстного и творческого отношения к своему труду в этике хакеров, создавая оппозицию между создателями информации и другими работниками**.

Впрочем, Кастельс пытался поставить проблему иначе и обосновывает существование более широкого образования — интернет-культуры, которая характеризуется четырехуровневой структурой (техномеритократическая культура, хакерская культура, культура виртуальных сообществ и предпринимательская культура). Как отмечал испанский исследователь, «вместе они образуют идеологию свободы, которая распространена в мире Интернета»***. Эти культурные уровни расположены в иерархическом порядке и находятся в некотором соотношении. *Вершиной этой культурной конструкции является техномеритократическая культура научно-технологической элиты, возникшей главным образом в большой*

* Кастельс М. Интернет-галактика. Соображения относительно Интернета, бизнеса и общества. К., 2007. С. 48.

** Кастельс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель. К., 2006. С. 186.

*** Кастельс М. Интернет-галактика. С. 35.

науке и в университетской среде. Хакерская культура конкретизировала меритократию, усилив внутренние границы сообщества прошедших технологическую инициацию и сделав ее независимой от существующей власти. *Впоследствии развитие интернет-сети способствовало формированию общин онлайн, которые построили своеобразное новое общество.* И наконец, интернет-предприниматели открыли новую «планету», населенную чрезвычайными технологическими инновациями, новыми формами общественной жизни и самоопределяющимися индивидуумами.

Итак, новая экономика может работать только в условиях постоянной креативности подавляющего большинства работников, поскольку она базируется на знании, на инновациях. Но это знание специфическое, оно не является суммой определенных данных или информации, а является таким, что придает импульс для производства нового знания. Аграрное общество не требует особых знаний и не стимулирует стремления к инновациям. В индустриальном обществе в процессе развертывания промышленной революции возникает потребность в овладении знаниями. Более того, становятся понятными ценность и значение знания для нужд общества («знание — сила»). Однако по-прежнему продуцирование нового знания — это прерогатива определенного слоя общества — людей интеллектуального труда, ученых, исследователей. И хотя XX в. является эпохой большой науки и выдающихся научных достижений, все же термин «общество знания» нельзя применить к индустриальному обществу. *И только в информационном обществе продуцирование нового знания перестает быть прерогативой только ученых-интеллектуалов. Потребность в применении инновационного подхода сказывается повсеместно. Творческой переработке подлежат всё: дизайн, форма, идеи, образы, ноу-хау, символы, способы сообщения, смещение акцентов при формировании новых ценностей, образцов поведения и т. д.* К тому же «коммуникационная» и «информационная» революции предоставляют людям мощные средства для активизации интеллектуальной деятельности, творческого мышления, интуиции и др.

Конечно, этот процесс не является безболезненным. Растущая креативность разрушает прежние формы регламентации и регуляции поведенческих моделей. *Имеет место своеобразный шок в результате столкновения устоявшихся форм социальных предписаний с новыми явлениями общественной жизни.* Создается впечатление, что рост сложности, разнообразия, индивидуальной креативности может привести лишь к такой ситуации, когда теряются не только привычные ценности и приоритеты, но и вообще любые четко очерченные ориентиры. При этом формируется новая реальность, главными признаками которой являются лавинообразное ускорение изменений, множество «вызовов», которые апеллируют к способности людей найти на них ответ или должным образом приспособиться. Наконец, поскольку пропускная способность предыдущих социальных институтов ограничена, то вполне возможен паралич социума, или «футурошок», по терминологии Э. Тоффлера. Впрочем, препятствием на пути выживания человечества стоят не только устаревшие социальные институты, но и предыдущий набор смысловых значений, с помощью которых люди определяют свое отношение к миру, социокультурные и психологические установки, которые обеспечивали возможность приспособления их к окружающей среде.

Следует отметить, что в трудах первых исследователей постиндустриального общества, несмотря на некоторые оговорки, преобладала оптимистичная точка зрения. Однако процесс формирования новой реальности показал наличие опасных тенденций, что дало основание немецкому социологу У. Беку охарактеризовать постсовременную реальность как «общество риска»*. Как он отмечает в предисловии к книге с таким же названием, слово «пост» является ключевым на сегодняшний день, поскольку происходит переход от старой системы индустриального производства к какой-то другой ее конфигурации. У. Бек называет ее вторым, или рефлексивным

* Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

модерном, суть которого заключается в перестройке самих основ предшествующего общества. Он утверждает, что *внутри* самого модерна состоялся «разлом», в результате чего классическое индустриальное общество приобретает черты «общества риска». В свое время индустриальное общество сделало сферу труда основополагающей для существования человека, поскольку она определяла параметры человеческого бытия. Пожизненная полная занятость в сфере наемного труда стала главным признаком эпохи индустриализма.

В отличие от этого современная реальность демонстрирует полную смену предыдущей системы занятости. Как отмечал У. Бек, «объем труда в обществе труда сокращается, и система наемного труда переплавляется в самих своих организационных принципах»*. Этот тезис подтверждает, что меняется место труда в жизни человека. То есть то, что раньше определяло образ жизни подавляющего большинства населения развитых стран мира, в настоящее время теряет свою доминирующую роль. Соответственно, люди в определенной мере теряют смысл жизни, исчезает сфера признания, причастности человека к главному делу своей жизни. Мы получаем своеобразный кризис самоидентификации.

Изменяется характер труда, который теряет статус пожизненной полной занятости. Разрушаются завоеванные ранее трудовые кодексы, соглашения, социальные и правовые гарантии пожизненного труда на одном предприятии с определенными обязательствами как со стороны трудящихся, так и со стороны работодателей. Зато распространяются гибкие, множественные и одновременно нестабильные, неопределенные формы неполной занятости. «Таким образом — заключает У. Бек, — создается новое разделение рынка труда на единый образный рынок труда, типичный для индустриального общества, и гибко-плюральный рынок неполных занятостей, типичный для общества риска, причем этот последний количественно расширяется и все больше доминирует над первым»**.

* Бек У. Указ. соч. С. 223.

** Там же. С. 210.

Еще до этого куда более радикальный в своих выводах польско-английский социолог З. Бауман отметил: «Сегодня на повестке дня стоит вопрос об искоренении привычки к постоянной, ежедневной, равномерной и регулярной работе. Что же еще может означать лозунг о „гибкости рабочей силы“? Рекомендуемая стратегия заключается в том, чтобы заставить работников забыть, а не усвоить те уроки, которые в старые добрые времена индустриального „современного общества“ преподавала ему трудовая этика. Трудовые ресурсы способны приобрести настоящую „гибкость“ только при условии, что сегодняшние и завтрашние работники потеряют воспитанную в них привычку к работе изо дня в день, посменно, на том же рабочем месте и в обществе тех же сослуживцев»*.

Подобные прогнозы делал в свое время и Э. Тоффлер, который считал, что понятие «работа» является анахронизмом, продуктом промышленной революции. Поскольку индустриальная эпоха завершается, понятие работы должно или со временем исчезнуть, или же оно должно быть реалистично переинтерпретировано**. Впрочем, такое заявление в начале 80-х гг. прошлого века выглядело лишь как смелое предсказание. У. Бек в упоминавшейся нами книге, написанной во второй половине тех же 80-х, о своих наработках в этой области тоже говорил как о «наборе гипотез», «эмпирическая проверка и критическое обсуждение которых еще только предстоят, но главная их задача заключается в том, чтобы сломить преобладающий... теоретический монизм мышления в категориях непрерывности, неизменности и, сделав таким образом интерпретации развития занятости (непрерывность/неизменность и цензуру/дискретность) предметом дискуссии, вообще обеспечить в будущем эмпирическую проверку обеих перспектив»***.

* Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 89.

** Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 274.

*** Бек У. Указ. соч. С. 205–206.

Впрочем, именно такой сценарий подтверждается трендами развитых стран мира в начале XXI в. Нынешняя действительность, связанная с разворачиванием процесса глобализации, внесла существенные коррективы в предварительные прогнозы и предсказания, поскольку при переходе к постиндустриальной экономике возникает ситуация, когда теряется или почти исчезает необходимость в изнурительном, упорном, с волевым усилием труде. Определенная часть монотонного труда еще остается, но его удельный вес падает. Зато растет доля труда, который больше напоминает игру, в котором требуется способность представлять, комбинировать, работать с символами, продуцировать новые идеи и т. п. *«Труд тех, кто занимается анализом и символами, больше походит на разгадку головоломок, он связан с экспериментами, требует широкого общения, и при этом работник часто сам решает, что именно ему следует делать»*.

З. Бауман, стремясь показать специфику постсовременности, использует метафору «текучая (liquid) современность». То есть он противопоставляет два типа реальности: предыдущую — «твердую» и нынешнюю — «текучую», которая не имеет четко выраженной определенной формы. «Твердая» реальность периода индустриализма характеризуется заранее определенной структурой, установленными правилами, рациональной инструментализацией и регламентацией жизненного мира. Появление «текучей» реальности означает, что «теперь мы переходим из эры заранее заданных „референтных групп“ в эпоху „универсального сравнения“, в которой цель усилий человека по строительству своей жизни безнадежно неопределенна, не задана заранее и может подвергнуться многочисленным и глубоким изменениям прежде, чем эти усилия достигнут своего подлинного завершения: то есть завершения жизни человека»^{*}.

Исходя из этого разделения З. Бауман указывает на существование двух разновидностей капитализма — «тяжелого» и «легкого». Первый олицетворяет традиционный капитализм

^{*} Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. С. 13.

эпохи индустриализма с его соглашением между трудом и капиталом, изнурительным физическим трудом и доминированием этики «обязательств и согласия». Как отмечал по этому поводу американский исследователь Р. Райх, «сотрудники традиционного производства и сферы персональных услуг обречены на монотонный труд, от которого устает и слабеет тело, уменьшается независимость человека, его возможность распоряжаться самим собой»^{*}.

В отличие от него «легкий» капитализм лишается каких-либо обязательств, старается избегать четко фиксированных признаков труда, становится подвижным и экстерриториальным. Он отличается тем, что уничтожает пространство и время, легко пересекает любые границы и обходит любые препятствия. Он разрывает связи не только с определенной территорией, но и соответствующей рабочей силой, теряет причастность к четко определенному труду и соответствующему слою работников. Он становится изменчивым и почти неуловимым.

Соответственно меняется как характер труда, так и его значение в жизни человека. Но наиболее впечатляющий результат перехода от одной реальности к другой заключается в том, что «работа потеряла центральность, которая приписывалась ей в галактике ценностей, доминирующих в эпоху твердой современности и тяжелого капитализма. Работа больше не может являться надежной осью, вокруг которой группируются самоопределения, идентичности и жизненные планы. Она также не может служить бесспорной этической основой общества или этической осью индивидуальной жизни»^{**}.

Такое заявление требует некоторого разъяснения, поскольку оно вызывает несколько острых вопросов. Прежде всего возникает вопрос: если общество труда уходит в прошлое, то что придет на его место? Каковы те признаки нового вида деятельности, которые должны прийти на смену предыдущим ее характеристикам? Какие социокультурные ориентиры должны

^{*} Райх Р. Труд наций // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 524.

^{**} Бауман З. Текучая современность. С. 150.

вступить в силу в жизни человека? Какие меры следует предпринять для смягчения перехода к другому типу реальности?

Конечно, в определенной степени понятно, что если это общая тенденция постсовременности, и возврат назад уже невозможен, то это сразу ставит проблему в несколько ином ракурсе. То есть речь идет либо о становлении нового типа личности, либо о приспособлении или выживании в условиях общей неопределенности, что предполагает выработку паллиативных мер, компромиссных вариантов. *Длительное время труд в виде четко определенного места работы и соответствующей профессии составлял стержень жизненного пути человека. Разрушение этого центра применения жизненных сил человека приводит к фрустрации, потере четких социокультурных ориентиров. Наконец, человек должен найти какие-то другие формы признания и причастности к какому-то делу.* Э. Тоффлер в свое время сделал предсказания, что в будущем должны появиться специалисты-«интеграторы», профессиональная деятельность которых связана с предоставлением услуг для людей, которые потеряли причастность к определенному делу и находятся в состоянии поиска нового типа самоидентичности.

Смысл этого предложения заключался в том, чтобы каким-то образом нейтрализовать опасные тенденции, связанные с вероятностью для человека потерять смыслообразующие структуры жизни. Конечно, предложенные меры следует понимать как своего рода паллиатив, как определенную компенсаторную функцию, а не как адекватный ответ на изменившуюся ситуацию. Поскольку с необходимостью большей или меньшей степени мы мыслим категориями предыдущей эпохи, когда нормальными считались полная занятость, привязанность человека к сфере труда, определение своей жизни через выбранную профессию, то соответственно образ мыслей большинства людей в первую очередь направляется на то, чтобы восстановить статус-кво. Именно с этим Э. Тоффлер связывает растущий интерес людей к различного рода культам и полукультам, поиск причастности к новым религиозным образованиям, интерес к различным новым терапиям, призванным изменить образ жизни человека, увлечение восточной философией и т. д.

Однако позже стало понятно, что паллиативными мерами нельзя полностью устранить ту опасность, которую несет в себе новая реальность. Так как изменились основные компоненты социальной жизни, «переплавились» организационные формы трудовой деятельности, то перед человеком стоит задача переосмыслить сам способ своего существования в мире. *Поскольку теряется та смыслообразующая сердцевина, вокруг которой прежде шло формирование жизненного мира человека, то просто необходимо определить возможные варианты выхода из этой опасной ситуации. Если не удастся найти адекватный заменитель предыдущим формам структуризации жизни, то встает задача выработать новые формы самоидентификации. Все это стимулирует поиски новой философии жизни, в которой на человека возлагается бремя самому выработать руководство по определению смысла своего индивидуального существования. Предыдущая эпоха в значительной степени задавала этот смысл извне — нужно было лишь усвоить определенные обществом руководства по «правильному» смыслу жизнедеятельности. Лишь у небольшого процента людей возникала проблема поиска индивидуального смысла жизни и адекватного существования. Постсовременная эра характеризуется тенденцией к индивидуализации личной жизни. Как отмечает З. Бауман, «все мы являемся сегодня индивидами; не в силу выбора, но по необходимости. Мы являемся индивидами de jure, независимо от того, являемся ли мы ими de facto: решение задач самоопределения, самоуправления и самоутверждения становится нашей обязанностью, и все это требует от нас самодостаточности, независимо от того, имеем ли мы в своем распоряжении ресурсы, соответствующие этой обязанности... Многие из нас индивидуализированы, не будучи на деле личностями, и еще больше таких, кто страдает от ощущения, что пока не доросли до статуса личности, позволяющего отвечать за последствия индивидуализации»*.*

Наконец, в целом имеет место противоречивый процесс. С одной стороны, имеем дальнейший прогресс в плане разрушения зависимости человека от сферы рутинной работы,

* Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 128.

от отчуждения в процессе труда, достижения желаемой свободы, а с другой — появляются такие негативные аспекты свободы, как неопределенность во всех сферах жизни человека, уничтожение структурированности жизни, утрата смысло-жизненных ориентиров, легитимизированных обществом. *Появляются беспокойство и тревога, теряются защищенность и причастность к социально освященным ориентирам. Мы имеем ситуацию, когда как бы реализовалась установка экзистенциалистов об ответственности каждого за свой выбор, о пребывании человека в состоянии тревоги, о необходимости ориентироваться на подлинность собственного существования и тому подобное. Однако значительная часть людей не готова к такой свободе и чувствует дискомфорт, а то и фрустрацию.*

В общесоциальном плане продолжается расслоение людей на богатых и бедных. Финансовый капитал лишился всякой зависимости от территориальности, он легко пересекает границы и мгновенно исчезает при первых признаках ущемления. В значительной степени он стал чисто спекулятивным. Ситуация напоминает период первоначального накопления капитала, когда в обществе преобладал авантюрный дух, когда ценились сообразительность и нестандартность в постановке задач и достижении цели. Это своеобразная игра, но такая, в которой правила постоянно меняются. Значение приобретает не умение упорно работать, а умение эффективно применять свои способности в условиях общей неопределенности жизни. То есть, с одной стороны, возрастают возможности для проявления смекалки, почти мгновенного обогащения и т. п., а с другой — мы имеем социальную незащищенность людей, при которой углубляется разделение между богатыми и бедными, причем последних становится все больше.

Соответственно, с одной стороны, нужно изменить систему подготовки рабочей силы, включающую в себя систему образования, семейное и дошкольное воспитание. А с другой — становится насущной потребность индивидуального развития личности, поиска возможностей для самореализации.

Итак, практически во всех публикациях западных исследователей на эту тему речь идет об изменении мировоззрен-

ческих и социокультурных установок, о переходе к новой системе принципов и ориентаций, поэтому можно отметить, что происходящие социально-экономические и социокультурные изменения не только трансформируют обыденное сознание, но и стимулируют поиски новых социально-философских парадигм, заостряют внимание на критериях общественного прогресса, определяют новую мировоззренческую ориентацию мировой социально-философской мысли.

ГЛАВА 4. ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Повседневность — микрокосм человеческой жизни. И, как всякий космос, она бесконечна, неисчерпаема. Познание ее также бесконечно.

Феномен повседневности

Повседневная жизнь как культурно значимый феномен является открытием науки XX в. Пик научного интереса к повседневности приходится на последнюю треть ушедшего века. Вторая половина прошлого столетия, и особенно последняя его треть, — время, когда складывается и обретает зрелые формы новый исторический тип повседневности. Бурное развитие междисциплинарного повседневноведения можно рассматривать и как ответ на культурно-исторический вызов обыденности, «восстание возвышающейся обыденности» в XX в. (В. П. Козырьков), и как интегральную часть новой повседневности, ее теоретическое обоснование.

Озабоченность повседневностью — признак глобальной смены ее исторических типов, прихода новой повседневности, которая становится доминирующей, нуждается в идеологическом

обосновании и поддержке, требует теоретического осмысления. Новая повседневность, приковав к себе внимание значительной части современного гуманитарного знания, тем самым заявила о своих притязаниях на культурную значимость, на ту нишу, которая традиционно принадлежала высокой культуре (Г. С. Кнабе). И у этих притязаний есть основания.

В отличие от бытописателей XIX в. в работах современных ученых наметилась тенденция рассматривать быт, повседневную жизнь не изолированно, не как сферу, оторванную от больших исторических событий, политики, научного и технического прогресса, но как область, в которой проявляются, преломляются магистральные исторические процессы и которая в свою очередь оказывает влияние на ход истории. Предметная область повседневности охватывает в большей мере сферу потребления и досуга, нежели производственную сферу, скорее сферу частной жизни, чем жизни общественной (насколько эти сферы могут быть обособлены). *«Повседневность охватывает всю жизненную среду человека, сферу непосредственного потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей, связанные с этим обычаи, ритуалы, формы поведения, привычки сознания»**. Повседневная жизнь — это жизнь деятельная, это мир действий и взаимодействий для достижения каких-то практических целей. Естественной установкой нашего сознания в повседневной жизни является прагматическая установка, типичными мотивами поведения — прагматические мотивы. По словам А. Шюца, поскольку в мире повседневности мы имеем не теоретические, а исключительно практические интересы, главным в этом мире является то, что я делал, делаю или собираюсь делать. Мир дан человеку, чтобы тот что-то изменил в нем, и в свою очередь он изменил человека**.

Повседневность современного исторического периода развития европейской культуры, примерные временные рамки

* *Ястребицкая А. Л.* Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С. 95.

** *Schutz A.* Collected Papers. I. The Problem of Social Reality. Hague, 1971. P. 208–209.

становления которого можно обозначить 50–80-ми гг. прошлого века, включена в общий для XX столетия процесс массовизации культуры, смешения, взаимопроникновения общественно-деловой, художественной и повседневно-жизетской сфер. В результате границы семиосферы повседневности в значительной мере размываются, ее пространство насыщается множеством разнообразных культурных знаков разных исторических эпох, что приводит к обретению бытом, повседневностью культурного статуса. *Быт, прежде противостоявший культуре, теперь становится ее частью. Может быть, точнее было бы сказать, что повседневность второй половины XX в. находится в зоне между цивилизацией, сделавшей ее высокотехнизированной и комфортной, и культурой, которая получила возможность внедрять свои высокие духовные ценности в быт, повседневность, опираясь на достижения цивилизации.*

Проявления повседневности бесчисленны и многолики. Современный быт в его материальных проявлениях, как частный, так и тем более общественный, становится и в значительной степени уже стал научно- и промышленно-технологически емким. Все слагаемые быта базируются на новых и новейших технико-технологических разработках, неразрывно связанных с наукой. Работа, учеба, воспитание детей, хранение и приготовление пищи, профилактика и лечение болезней, ежедневные перемещения в пространстве и прочее зиждутся и функционируют в высокотехнологичной, научно фундированной среде. Все большую роль в повседневной жизни играют электронные СМИ и средства связи, компьютеры. Утверждение нуклеарной модели семьи и принципа «одно жилище (дом, квартира) — одна семья», высокая механизация и автоматизация частного быта и развитие индустрии услуг позволили значительно сократить затраты времени и труда на ведение домашнего хозяйства, увеличить долю свободного времени, значительная часть которого тратится на образование, любительское творчество, «потребление» искусства (в том числе смежных с искусством художественно-промышленных, художественно-спортивных и т. п. форм).

Думаю, есть основания утверждать, что современная повседневность представляет собой первый исторический тип повседневности, мировоззренческой основой которой является не традиционная мифологическая и религиозная, а научная картина мира. Если принять, что мифологически-религиозная мировоззренческая модель была господствующей ментальной метасистемой, семиотическим метатекстом повседневной жизни большей части населения Европы до начала XX в., то культурно-историческая значимость ее отхода на второй план и выдвижения на первый научной модели мира становится особенно очевидна.

Конечно, «научная фундаментализация» повседневной жизни и ориентация на науку ментальных структур повседневности вовсе не означают совпадения, содержательного и структурного подобия обыденного и научного мышления. Главное, что *происходит отделение повседневной ментальности от других ментальных миров*: от мира фантазии, сна, душевной болезни, детской игры, искусства, религии (о взаимоотношениях с наукой уже была речь). Духовно-интеллектуальная жизнь повседневности второй половины XX в. обрела относительную автономность и замкнутость, каких никогда прежде не имела. Постоянное Божественное (а чаще дьявольское и всякой нечистой силы) вмешательство в повседневную жизнь, обращение к сновидениям за руководящими указаниями, общение с душами умерших и другие парапсихологические и магические практики были выведены за пределы виртуального пространства повседневности, по крайней мере в ее стандартной, господствующей современной модели. *Повседневная жизнь стала трезвой, прозаичной и прагматичной. Она начала претендовать на статус доминирующей, высшей реальности, поверяющей собой все остальные миры (мечты, сна, религии и т. п.).*

При всем том, что повседневность перестала осознаваться как противоположность, обратная сторона подлинного бытия, ее перемещение на вершину иерархической пирамиды жизнепроявлений современного общества не состоялось. Во всяком случае, пока не состоялось. Конечно, увеличение удельного веса научного знания в культуре, развитие светского образо-

вания, утверждение буржуазных ценностей жизни (личности, свободы, приоритета частной жизни и пр.) делают повседневность все более самодостаточной и самоценной, но до уровня подлинного бытия, дающего масштаб и критерии оценки всяким иным явлениям жизни даже в начале XXI в., ей далеко. *Культурный модус повседневности по-прежнему определяется наличием высшей по отношению к ней реальности.*

Если в традиционной культуре высшая, подлинная реальность принадлежит сакральному времени-пространству мифа, а повседневность обретает форму и смысл, статус бытия, хотя и профанного, лишь будучи соотнесенной с мифом посредством обряда и ритуала, то начиная с эпохи Возрождения по мере секуляризации культуры функции структурирования и ценностного ориентирования повседневности переходят к искусству и науке. *Мифологизация повседневности уступает место ее артизации и сциентизации. Мифологическое программирование повседневной жизни (термин Т. В. Цивьян) сменяется ее художественным и научным программированием.* При этом изначальная и многовековая связь искусства с мифом и религией с одной стороны и присущая обыденному сознанию мифологичность с другой делают замену традиционного мифа и религии искусством органичной и незаметной, само собой разумеющейся.

Переориентируясь на искусство и науку, повседневная жизнь развивает по отношению к ним встречную активность. В традиционной культуре обряд и ритуал, приобщая повседневность к мифу, тем самым рождают ее, дают ей жизнь и смысл. В европейской культуре, начиная с Нового времени, искусство и наука уже не играют по отношению к повседневности роль системы, вызывающей ее из небытия. Начавшийся процесс десакрализации культуры отменяет необходимость постоянного сакрального санкционирования повседневности. Хотя рудименты такого санкционирования живы до сих пор в магических практиках, приметах, этикете, ритуализованных формах поведения. Вариантом «высшего программирования» повседневности остается также использование искусства как «кодирующего устройства культурного поведения» (Ю. М. Лотман), когда поведение человека в быту уподоб-

ляется поведению литературного или сценического персонажа, как это имело место в культуре европейского романтизма. Типичным же становится обращение повседневности к искусству с целью осознания и закрепления своей самодостаточности, возвышения собственного статуса.

Повседневность обращается к искусству как к зеркалу, в котором она может увидеть свое отражение, как к образной системе, с помощью которой она может быть осмыслена. Однако искусство является не только особой субстанцией для запечатления повседневности. Оно также активный участник повседневной жизни, организующий и украшающий ее. Искусство и художник в обмирщенном мире буржуазной культуры берут на себя заботу привнесения в мир (в данном случае — в мир повседневности) красоты, бывшую прежде прерогативой Божественного промысла.

Культурный реванш повседневности

Особенно остро необходимость участия художника в эстетической организации среды обитания обозначилась в XIX в., когда именно искусство и художник: архитектор, мастер прикладного искусства, призваны были спасти городскую среду обитания европейцев, интерьеры и предметный мир повседневности от уродующих последствий промышленной революции. За более чем сто лет своего существования, начиная с деятельности Д. Рёскина и У. Морриса (ее расцвет приходится на 70–80-е гг. XIX в.), дизайн в содружестве с архитектурой радикально изменил предметно-пространственную среду обитания человека. *В XX в. главным специалистом по эстетизации повседневности становится дизайнер.*

Культурный реванш повседневности, начавшийся после Второй мировой войны и особенно активизировавшийся в последней трети XX в., несомненно, генетически связан с «восстанием масс», демократизацией и массовизацией культуры, о которой писал в 20-е гг. прошлого столетия Х. Ортега-и-Гассет. *И именно массовая культура в таких ее составляющих, как мас-*

совое искусство, дизайн, в значительной мере в него интегрированный, а также СМИ, особенно электронные, в последней трети XX в. определяют современную повседневность в ее материально-предметных и духовных проявлениях.

Во второй половине XX в. дизайн начинает интегрировать, включать в орбиту своих интересов и практику родственные, но бывшие прежде самостоятельными виды деятельности по созданию эстетизированной реальности во всех возможных ее проявлениях. Как дизайнерская мыслится теперь и работа парикмахера, косметолога, модельера одежды, имиджмейкера, режиссера массовых зрелищ и средств массовой коммуникации. Расширение традиционной сферы дизайнера, увеличение числа его социальных функций, превращение в технологию организации жизни, жизненных стилей терминологически оформляются как «нон-дизайн» (т. е. выходящий за рамки традиционного) или тотальный дизайн*.

Новая экспансия эстетического начала в повседневную жизнь европейцев в 70-е — 80-е гг. XX столетия, обеспеченная в значительной мере зрелостью и новым качеством дизайнерской деятельности, заставила говорить об «эстетизации повседневной жизни» как специалистов по эстетике, так и социологов.

Так, социолог Г. Шульце** определяет западногерманское общество уже в 80-е гг. XX в. как «общество переживаний» (Erlebnisgesellschaft), пришедшее на смену «индустриальному обществу» 50-х — первой половины 60-х и «обществу культурного конфликта» середины 60-х — середины 70-х гг. *Возможность испытывать положительные и разнообразные переживания становится одной из главных ценностей жизни. Доминантными, важнейшими оказываются переживания эстетические.* Люди озабочены качеством субъективных переживаний и заняты созданием «красивой, интересной, приятной

* См. об этом в частности: Эстетические ценности предметно-пространственной среды. М., 1990; Мосорова Н. Н. Философия дизайна. Екатеринбург, 1999.

** Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart. Aufl. 2. Fr./M.; N. Y., 1992.

и увлекательной жизни». Эстетизированная повседневность возникает на основе изобилия товаров и различных услуг, в том числе информационных.

Европейское общество как общество потребления ориентировано на удовлетворение всякого рода потребностей, в том числе и эстетических. Отсюда небывалая роль рекламы, моды, всевозможных предметов потребления, машин и механизмов, которые должны быть не только функциональны, технически исправны, но и красивы. В Европе туризм, в том числе культурный, наполнение жизни разнообразными впечатлениями, привозимыми из разных стран, давно уже стал одним из неотъемлемых составляющих повседневной жизни среднего класса, одним из проявлений ее эстетизации.

«Эстетосфера» (М. С. Каган) повседневности — это ближайшее пространство обитания человека: дом, сад; производство и предъявление потребительских товаров; обряды, ритуалы; способы проведения свободного времени, в частности получивший широкое распространение туризм, дающий возможность «непосредственно общаться и созерцать лучшие творения человека и природы»; спортивные зрелища, граничащие с искусством (фигурное катание, художественная гимнастика); конкурсы красоты и шоу культуристов (культ прекрасного тела); небывалый расцвет косметики; параспортивные-парахудожественные занятия, такие как аэробика или культуризм; парамедицина (пластическая хирургия и стоматология); художественноподобные формы популярной культуры: рекламное творчество, показы мод, эстрадные зрелища, фотопродукция, видеоклипы, цветные календари, цифровые фоторамки и т. п.*

Разделяя с Б. Дземидоком пафос утверждения ценности эстетического плюрализма современной культуры, нельзя в то же время не признать, что его перечень производит впечатление хаотичного нагромождения фактов. Тем не менее он

* *Dziemidok B.* Deestetyzacja sztuki i estetyzacja życia codziennego: kwestia zaspokojenia podstawowych potrzeb estetycznych w kulturze postmodernistycznej // *Przegląd humanistyczny.* Warszawa, 1995. R. 39. N 5. S. 29–76.

представляется мне ценным как попытка охвата в первом приближении всех возможных проявлений эстетического в повседневной жизни. Широта набросанной панорамы явлений в данном случае важнее хаоса, хотя и он отражает реалии и интеллектуальную парадигму культуры постмодерна и того, что идет ныне за ним.

Временные и пространственные характеристики повседневности зависят от масштаба субъекта повседневной деятельности. На уровне индивида пространство повседневности составляет дом, место работы, магазины и т. п., маршруты ежедневных перемещений. На уровне городского сообщества пространством повседневности является вся территория города, используемая для удовлетворения повседневных потребностей горожан. Временной предел повседневности и жизни отдельного человека — смерть. Для самого человека и его семьи это экстраординарное событие. Для городского сообщества смерть рядового горожанина — ежедневное событие. Но факт ежедневной повторяемости в данном случае не превращает его в событие ординарное, повседневное. Смерть является значимой и знаковой не только для индивида и малой группы, но и для общества в целом, что подчеркивается публичным осуществлением соответствующих ритуалов.

Повседневность социально стратифицирована и профессионально дифференцирована. *Каждая из социальных и профессиональных групп имеет свою повседневность. То, что является повседневной едой для одних, может быть праздничной для других. То, что случается редко или вообще невозможно для одних, является повседневным, рутинным профессиональным занятием других или характеризует их досуг.*

Каждая из социальных (как и профессиональных) групп имеет свою повседневность. И задача исследователя состоит в том, чтобы отобрать репрезентативные для данной культуры группы, господствующий тип или несколько ведущих типов повседневности. *Применительно к европейской культуре XX в. это будет, очевидно, повседневность «среднего класса», «массового человека».*

Повседневная жизнь — не только относительно замкнутая и самостоятельная, но и преобладающая, доминирующая сфера

реальности. И дело не только в том, что человек находится в ней большую часть времени своей жизни, но и в том, что она определяет характер, качество, суть человеческой жизни, является верховной инстанцией, смыслообразующим центром и критерием оценки других сфер жизни.

Повседневность была и остается царством здравого смысла. Здравый смысл внутренне противоречив, содержит множество нестрого сформулированных принципов, установок. В каком-то смысле моделью здравого смысла могут служить пословицы и поговорки. В любом сборнике пословиц и поговорок можно найти группы взаимоисключающих по смыслу тезисов. Суть дела, видимо, в том, что в поговорке или пословице мысль формулируется афористично и внеконтекстно, а действие, поступок, решение на основе здравого смысла всегда конкретно-ситуативны. Здравый смысл как раз и предполагает принятие решения, выбор варианта действия, которые учитывают конкретную ситуацию и позволяют эффективно действовать именно в ней.

В отличие от понятия «обыденное сознание» понятие «здравый смысл» оставляет место для бессознательного, столь значительного и существенного в повседневной жизни с ее автоматизмом, повторяемостью, рутинностью, привычностью. Окончательное завершение «эпохи неповторимости» произошло в Европе на этапе введения фабричного серийного производства. Современность же сочетает ускоренный ритм и темп жизни, быструю смену технологий, образцов поведения, а также инновационность со стандартизацией и рутинной. Такими на сегодня повсеместно внедренными в жизнь европейцев компьютерные технологии, Интернет, fashion-, fitness- и SPA-индустрия.

Радикальные изменения в межличностное повседневное общение и информационную насыщенность повседневности внесли Интернет и ip-телефония, персональные мобильные средства связи и аналогичные средства получения и передачи информации: мобильный телефон, смартфон, КПК, нетбук, iPhone и iPad. Все это сделало доступной разнообразную и многопрофильную информацию из большинства регионов Земли на значительной и все расширяющейся части заселенных людьми территорий. Человек получил возможность, не выходя

из помещения, видеть и слышать собеседника, находящегося у компьютера в любой точке Земли, совершать покупки, оплачивать счета, быть в курсе политических, спортивных, биржевых и прочих новостей. *Информационное поле повседневности, расширившееся на весь земной шар, сделалось перенасыщенным как никогда прежде.* Повсеместное распространение мобильных телефонов сделало возможным связь с любым человеком в любое время. Все мы в настоящее время «на связи», что привело, в частности, к постепенному вытеснению многовековой классической речевой формулы прощания.

Дом как фокус пространства повседневности

Основное же место, фокус повседневного пространства — это безусловно дом. Семантика пространства дома двойственна, как двойственна природа семьи, для которой дом служит резиденцией. Семья и дом обращены внутрь, к внутрисемейным отношениям, и вовне, к связям с общиной, обществом. Дом оказывается на границе двух миров: мира частной, повседневной жизни и жизни общинной, общественной, государственной. Границу, отделяющую и одновременно соединяющую два мира, можно представить в виде «эшелонированной» вглубь территории. Первая ее линия отделяет дом с прилегающим к нему участком земли от общественного (общинного, коммунального) пространства. Здесь дом как внутреннее пространство противостоит общественному пространству как внешнему и одновременно соединен с ним. Показательно, что эта граница могла быть открыта для общественных функций.

Пространство современного жилища утратило жесткое монофункциональное зонирование. Пространство дома — лишь одна из форм повседневного пространства, а именно частное, приватное пространство, предназначенное для семейного, дружеского и подобного привилегированного общения. Другая форма пространства — пространство общественное, публичное — улицы, площади.

Физическое пространство повседневности центрировано. Его центром является жилище, дом. Это основное место, территория, главная сцена, на которой вершится драма повседневной жизни. Именно границы жилища делят пространство повседневности на внутреннее и внешнее.

Границы внешнего пространства повседневности определяются дальностью возможных ежедневных перемещений за пределами дома. В ходе истории, с появлением новых, более скоростных средств передвижения эти границы расширяются. Тем не менее для большинства населения Земли, в том числе европейцев и североамериканцев, внешние границы повседневности по-прежнему очерчивают территорию города и близлежащего пригорода или деревни и близлежащей территории. Принципиальная возможность достижения в течение суток места, удаленного на десятки тысяч километров, «другого конца Земли», пока не стала фактом повседневности большинства или даже значительной части людей.

Внутреннее пространство повседневности в его физическом измерении — это размеры жилища, дома, комнат и других выделенных перегородками помещений. Части дома (жилища), комнаты, зоны составляют структуру внутреннего пространства. Оно соединяется с внешним переходной зоной: подворьем, двором, улицей (переулком, площадью), непосредственно примыкающим к дому, жилищу. Переходная зона не только соединяет, но и разъединяет внутреннее и внешнее пространство повседневности.

Дом, жилище — одна из фундаментальных реалий культуры и один из ключевых культурных символов. Дом становится исходной точкой человеческой общности, обретает форму, структуру, культурный смысл и семантику, которые наследуются современной культурой. Наряду с именем и, возможно, вторым, родовым именем (фамилией) в социальную идентификацию человека, в том числе и самоидентификацию, включается место его рождения и жизни в раннем возрасте. Домовладение — одно из условий полноценного гражданства в античности, средневековье, новом времени. Принадлежность дому, включенность в его пространство защищает физически и юри-

дически. Бездомность, отсутствие определенного, законного места жительства, всегда связана с неустроенностью, неблагополучием, низким социальным статусом (социальным дном). Представление о том, что «свое» пространство кончается за стенами дома, что двор — переходная, а то, что за пределами двора (улица и т. п.), — чужая территория, сохраняется в европейской культуре вплоть до настоящего времени.

Пространство жилища в нормальном течении повседневной жизни не бывает пустым, без вещей. Оно принципиально невозможно как пустое и в обычном, житейском смысле.

Ведение домашнего хозяйства на протяжении веков и до сих пор, при всех изменениях в социальном положении европейской женщины и частичном перераспределении семейных ролей, — исконно женская обязанность, имеющая традиционно более низкий статус, чем занятия мужчины. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы фундаментального исследования «История женщин в Западной Европе»*. Можно вспомнить в этой связи и грустно-иронические констатации Р. Барта по поводу положения женщины в современной культуре. По мнению ученого, мир женщины, каким он предстает со страниц массовых изданий, скажем, журнала «Elle», по-прежнему не что иное, как мир гинекея, в котором женщина обслуживает мужчину. Предназначение женщины остается традиционным: рождение детей и ведение домашнего хозяйства**. Процесс массового вовлечения женщин в профессиональную деятельность, имевший место во второй половине XX в., в сложившемся веками распределении семейных половых ролей мало что изменил.

Среди жизненно важных функций дома — отопление. По мере усложнения структуры внутреннего пространства жилища, появления отдельных комнат, залов поддержание в них необходимой температуры обеспечивается переносными жаровнями, каминами, на смену которым в XX в. приходят си-

* A History of Women in the West. Vol. 1–3. Cambridge (Mass.). London, 1992–1994.

** Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 101.

стемы водяного и парового отопления и электрообогреватели, поддерживающие стабильную температуру внутри помещения.

Замена открытого, видимого глазом огня теплом, ощущаемым осязательно, причем не только в отопительных устройствах и приборах, но и в печах, предназначенных для приготовления пищи (электро- и микроволновые печи), не только снижает риск возникновения пожара, но и радикально меняет «идеологию» и эстетику жилища. Вместе с исчезнувшим или почти исчезнувшим (если кухня оборудована газовой плитой) «живым» огнем из дома окончательно уходит язычество, присущая огню и подсознательно ощущаемая магия. Ведь пиромания, гипнотическая тяга к созерцанию огня, в той или иной мере присуща каждому человеку и является живущим в нем архаическим, языческим прошлым. (Возможно, поэтому в загородных домах-дачах, коттеджах сохраняются каминные.) *Вытеснение из жилища живого огня — одно из знаковых подтверждений окончательного утверждения повседневности современного типа*, повседневности, освободившейся от мифологически-религиозного программирования, организованной на рационально-научной основе, использующей наукоемкое и высокотехнологичное оборудование, технику, машины.

Внешнее пространство повседневности также структурировано. Его элементами является улица (переулок, площадь), не прилегающая к дому, а также район, город, пригород или — в деревне, пригороде — прилегающие ландшафты и (или) другие населенные пункты.

Принципиальную схему (модель) физического пространства повседневности можно представить в виде концентрических окружностей, центром которых является жилище. Реально же его размеры и конфигурация зависят от преобладающих, типичных маршрутов ежедневных перемещений человека. Пространство повседневности имеет три модуса: физическое пространство, пространство перцептуальное и пространство концептуальное (или культурное).

Перцептуальное пространство повседневности — пространство, доступное непосредственному восприятию человека в повседневной жизни. Это прежде всего пространство зрительного

восприятия. Его границы определяются местом (местностью), доступной обзором в процессе ежедневных перемещений. В XIX и XX вв. благодаря появлению новых способов фиксации видимой реальности и широкому распространению фото-, кино- и видеоизображений все большее и большее количество людей, в XX в. — значительное большинство, получили возможность ежедневно быть свидетелями (сначала только слышать, а затем — видеть и слышать) событий, происходящих в реальном пространстве-времени, но физически им недоступных.

Перцептуальное пространство повседневности, как и физическое, трехмерно. Доминирующими, наиболее значимыми измерениями обоих пространств являются длина и ширина, в которых фиксируются преобладающие в повседневной жизни горизонтальные перемещения человека и «привязанность к земле» большей части необходимой в повседневной жизни человека информации, воспринимаемой его сенсорными системами. По своим размерам горизонталь физического пространства повседневности намного превосходит вертикаль. Минимальные размеры высоты внутреннего физического пространства повседневности определяются ростом человека и должны обеспечивать ему возможность свободного перемещения внутри жилища. Максимальные размеры этого параметра определяются количеством этажей (ступеней), которые человеку необходимо ежедневно преодолевать. Высота перцептуального пространства имеет большие числовые характеристики, чем высота физического пространства. Ее оптимальный нижний предел для жилища определяется отсутствием психологического эффекта «давления» низких потолков, верхний — существующими в данном обществе социокультурными нормами (в современном обществе также санитарными нормами), социальным статусом и материальными возможностями хозяев-жильцов. Внешнее перцептуальное (визуальное) пространство — это пространство, доступное взору (до линии горизонта и купола небосвода) за пределами жилища. Перцептуальное пространство повседневности — это также и пространство слышимое.

Концептуальное (культурное) пространство повседневности представляет собой физическое и перцептуальное

пространство повседневности, в котором реализуются культурные смыслы повседневной деятельности человека.

Пространство повседневности неотделимо от заполняющих его вещей. Вещь (предмет) — отдельная, автономная, оформленная часть второй природы, культуры. Будучи материальной, вещь содержит множество культурных смыслов. Основной признак повседневной вещи и главный критерий ее ценности — утилитарность. Бытовая вещь полифункциональна и полисемантическая. Среди ее возможных функций — мемориальная, сакральная, престижная, социально-статусная, эстетическая. Набор функций, их соотношение, доминирование одной из функций определяют общей, эпохальной, конкретной исторической и даже ситуативной ситуацией. Местоположение вещи в повседневном пространстве может быть критерием классификации бытовых вещей (вещи в пространстве тела человека, вещи в пространстве жилища, вещи в пространстве поселения).

Промышленная революция подарила европейцам серию новых средств передвижения. Время массовых внутригородских перевозок начинается в XIX в. XX и начавшийся XXI в. качественно изменили возможности таких перемещений, в первую очередь — их скорость в пространстве города. Городская подземка сделала переброс огромного числа людей из одного конца города в другой ординарной повседневностью. Электрички соединили город с ближайшим пригородом. Во второй половине XX в. ежедневные перемещения из дома на работу, из окраин и пригородов в центр и обратно в пределах 40 км, т. е. примерно одного часа езды в один конец, становятся массовым и вполне приемлемым явлением. Массовая автомобилизация, наличие в большинстве семей одного, а часто двух и более автомобилей, привела к тому, что в Западной Европе центральные части городов закрывают для проезда личного автотранспорта, один или два из рабочих дней вообще объявляют «безавтомобильными».

Таковы сегодняшние европейские реалии. Между тем исследование повседневности, в том числе современной, только начинается. Впереди — новые факты, обобщения и открытия.

Часть II ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ПОИСКАХ ВЕЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Глава 5. Настоящее великих европейских литератур

Английская проза: новое дыхание

Говоря о современной литературе Великобритании, обычно подразумевают произведения одного-двух последних десятилетий, но, по сути, это более объемное явление — речь идет о литературе после Второй мировой войны, когда Великобритания перестала быть империей и стала просто страной, «как все». Изменился уклад национальной жизни, а с ним и психология — в сущности, литература осмысливает это по сей день. Порой британцы включают в свой круг и писателей Содружества, о чем свидетельствует, в частности, присуждение им самой престижной британской — Букеровской — премии. Например, ее дважды получали южноафриканский писатель Д. М. Кутзее и австралиец Питер Кэри. Далее я буду говорить о прозаиках, пишущих на английском языке и, как правило, живущих (или живших) и творчески сформировавшихся в Великобритании; о поэзии и драме — особый разговор.

Английская литература (я имею в виду литературу, создаваемую на английском, эпитет «британская» — скорее политический) вообще очень «непрямолинейна». К тому же ей требова-

лось время — перевести дыхание, «осмотреться» и осмыслить «храбрую новую жизнь» — тут не только распад империи, но и глобализация, возникновение однополярного мира, что отнюдь не вызвало восторгов в Великобритании.

В последние двадцать лет в английской литературе наиболее значительными и известными романистами стали Иэн Макьюэн, Мартин Эмис, Джулиан Барнс и, возможно, Себастьян Фолкс. Тут важно учесть иную, чем в русской литературе, систему координат (по крайней мере до недавнего времени). *Английский читатель не видит в писателе «мудреца», «пророка», не ждет от него «социальных прозрений».* Вообще, мне кажется, в Великобритании писатели с явным социальным темпераментом, как Дорис Лессинг (Нобелевский лауреат, 2007 г.), озабоченная судьбами этого «безумного мира» («Игра в игры», 1995; «Мара и Дэн», 1999; «Бен, в этом мире», 2000), — нетипичное британское явление. В литературе последних лет нет романов о крушении империи, о мучительном изживании британцами имперского комплекса, таких как «Раджийский квартет» (1966–1975) Пола Скотта и его роман «Остаться до конца» (1977) или «Имперская трилогия» (1970–1978) Д. Г. Фаррела. Читатели и обратили-то внимание на П. Скотта лишь после присуждения ему в 1977 г. Букеровской премии.

В чем секрет Макьюэна? Почти каждый его роман — литературное событие. Видимо, в том, что это очень английский писатель, писатель мейнстрима. Он пишет так, что за его спиной ощутима мощная, глубокая, идущая от Шекспира литературная традиция. Языком он владеет мастерски, виртуозно. Современный английский сочетает с неброскостью письма. Ему свойственны сугубо английская ускользаемость, ненавязчивое сочетание социальной проблематики с игрой воображения, эксцентриадой, с элементами «готики», т. е. прозы ужасов, натурализма. Обычно он предваряет повествование увертюрой — например, в романе «Искушение» (2001) — картиной жизни английской усадьбы в духе Джейн Остин. Невольно удивляешься: кто же так пишет ныне? И, как всегда, повествование у него взрывается событием, переворачивающим жизнь

персонажей, — происходит нечто ужасное, «грехопадение», разламывающее жизнь на две части — «до» и «после». В марте 2010 г. вышел его сатирический роман «Под воздействием солнца», где обыгран феномен глобального потепления. А его роман «На Чизелском взморье» (2007) — драматичная, филигранно написанная, психологическая книга о любви, ее уникальности, о дисбалансе духовного и физического начал, порожденном и пуританским воспитанием, и природой самого человека. При этом жизнь героев и тональность романа определяет по-бунински звучащий мотив катулловского «*amata nobis quantum amabitur nulla*» («любимая нами, как ни одна другая любима не будет»).

Из названных авторов, пожалуй, Мартин Эмис наиболее остро реагирует на актуальные проблемы современности. Он пишет о главных ценностях «нашей релятивистской эпохи» — успехе, деньгах, информации как о деструктивных силах. В его, вероятно, лучшем романе «Деньги. Записки самоубийцы» (1985) гротескно изображен «массовый» человек, одержимый желанием разбогатеть. А современная литература в романе «Информация» (1995) предстает как коммерческое предприятие, где важно знать книжный рынок, иметь хорошего агента, связи с издательствами. Автобиография «Опыт» (2000) — это своего рода автопортрет на рубеже тысячелетий и вариация на тему конечности и хрупкости человеческой жизни. Последнее время М. Эмиса (как в свое время М. Эмиса и его отца Кингсли Эмиса) влечет к себе трагическая история России и тема жестокости как еще одной разрушительной силы современной цивилизации. Об этом — эссе о Сталине «Ужасный Коба: смех и двадцать миллионов жизней» (2002) и роман «Дом свиданий» (2006) — история двух братьев в сталинском концлагере. Очевидно, писатель — западный интеллектual пытается выйти «за свои пределы» — постичь боль «других», Россия трогает, потрясает его, но впечатление от текстов в целом — «инфантильной» игры в «серьезные игры», трагедия — не его жанр. Эмис — неровный писатель, кто-то восхищается им (известный английский критик Терри Иглтон назвал его «звездой литературного Лондона»), а кто-то

считает его отвратительным — шокируют его гротескная манера, «черный юмор», сленг.

Английский читатель, на мой взгляд, привык к психологическому роману нравов, характеров (как правило, с комедийным, сатирико-юмористическим началом) — о жизни «микросоциальной группы людей» (усадебя, городок, семья, круг друзей), к историческим романам, предпочтительно на сюжет из национальной истории; на это как правило, осознанно или нет, ориентирован и английский писатель. В этом контексте понятно, почему такой успех имеют эпикоромантические романы С. Фолкса, прежде всего «Песнь птицы» (1993) — о любви на фоне кошмара Первой мировой войны, а Букера в 2009 г. получила Хилари Мэнтел за роман «Вулф холл» — об Англии XVI в., о Томасе Кромвеле, одном из идеологов английской Реформации, главном советнике короля Генриха VIII. Конечно, критика оценила яркий роман Дж. Барнса «История мира в 10 1/2 главах» (1989), появившийся на волне возникшего во всем мире, особенно в Европе, ощущения «конца истории». Но парадокс в том, что, возможно, на него больше откликов в России, чем в Великобритании: российский читатель особенно любит такие масштабные, философские, притчевые сюжеты.

А вот роман «Артур и Джордж» (2005) Барнс написал уже в традиционной манере и об англичанах. Это своеобразная хроника английской жизни начала XX в. В его основе — реальная история о том, как Артур Конан Дойл, «король» британского детектива, создатель Шерлока Холмса, настоящий английский джентльмен, в 1906 г. восстановил репутацию несправедливо отсидевшего в тюрьме три года «темнокожего полукровки», юриста Джорджа Эйделжи. В этом романе, по сути, осмысливается феномен британской идентичности: история Британии еще в начале XX в. порождает «новый тип британца» — метиса Джорджа (его мать — шотландка, отец — священник англиканской церкви, т. е. «святой святых» британской жизни). Джордж ощущает себя английским джентльменом, однако английская глубинка смотрит на него как на чужака. Британская империя не в состоянии переварить свои плоды.

При этом наиболее значительным национальным литературным направлением последних десятилетий, пожалуй, можно назвать «магический», или «фантастический», реализм. В его духе писал еще Джон Фаулз (1926–2005); к сожалению, в 1988 г. он перенес инсульт, подорвавший его здоровье и творческие силы. Но вспомним его «Мага» (1966, в русском переводе «Волхв», 1993). Существенный импульс писателям своего поколения в этом направлении дала автор ярких небарочных романов — «Адские машины желания доктора Хоффмана» (1972), «Мудрые дети» (1991) и др. — Анджела Картер (1940–1992), недаром к посмертному сборнику ее рассказов «Сжигая корабли» (1995) предисловие написал, возможно, самый знаменитый современный британский «магический реалист» С. Рушди.

Сам феномен «новых английских литераторов» — индийца Салмана Рушди, нигерийца Бена Окри, полукровок Ханифа Куриши (отец — пакистанец, мать — англичанка), Тимоти Мо (отец — китаец, мать — англичанка), японца Кадзуо Исигуро — свидетельствует о возникновении новой британской идентичности и «гибридной» литературы нового типа, сформировавшейся на основе слияния английской и восточных традиций (индийской, японской, китайской и др.). Обычно считается, что инициировал мультикультурное направление С. Рушди (р. 1947), но это произошло раньше, скажем, в творчестве выходца из Тринидада и Тобаго, этнического индийца В. С. Найпола (р. 1932, Нобелевский лауреат, 2001 г.). Он и Рушди представляют два поколения и два полюса этого направления: у Найпола преобладает реакция отторжения от Индии, вспомним его «Территорию тьмы» (1964); в его романе «Полужизнь» (2001) показан процесс формирования мигранта, который нигде не чувствует себя дома. Для Рушди (ему было 14, когда он приехал из Бомбея) также актуальны проблемы адаптации в новом обществе и национальной идентичности, но ему импонирует синтез индийской мифологии, фольклора с европейской традицией, он ощущает себя своим в английской традиции, но считает гибельным отказ от корней; культура, мифология Индии — органичная часть

его мира. Писатели мультикультурного направления (Окри, Куриши и др.) часто пишут о жизни в Англии социальных маргиналов, а если, как у К. Исигуро в романе «На исходе дня» (Букер, 1989), в своеобразной версии «Вишневого сада», герой — англичанин, то о японской традиции напоминает минималистская поэтика. Писатели этого направления обладают «двойственной сущностью».

Политика принесла Рушди сенсационную известность. Как известно, за упоминание в романе «Шайтанские сурь» (1988, по-русски их переводят как «Сатанинские стихи») апокрифа о том, что одна из сур Корана была продиктована сатаной и заменена в результате божественного вмешательства, а также за оскорбительное для мусульман упоминание имени Пророка духовный лидер Ирана аятолла Хомейни в феврале 1989 г. вынес смертный приговор писателю, «всем причастным» и издал фетву (религиозный вердикт), обязывающую мусульман всего мира исполнить его. Роман запретили почти во всех странах со значительным мусульманским населением. Рушди пришлось под защитой британского правительства скрываться, менять конспиративные квартиры. Убили переводчика романа на японский язык, ранили его итальянского переводчика и норвежского издателя.

Лишь в 1998 г. правительство Ирана заявило об отмене фетвы. Но и в 2006 г. один из иранских фондов предложил около трех миллионов долларов за убийство Рушди, а присвоение писателю рыцарского титула в Великобритании в 2007 г. вызвало протесты в мусульманском мире. В России издатели не решились опубликовать роман, но в 2008 г. его перевод появился в Интернете. Главное в этом романе — изображение конфликта двух культур и цивилизаций, антитеза светского и религиозного типов мышления, современного и патриархального образов жизни персонажей-индийцев, живущих в Вавилондоне.

Конечно, Рушди — писатель очень талантливый (но трудный для перевода), он всё равно получил бы признание, пусть не столь сенсационное. Его роману «Дети полуночи» (1981) трижды присуждена Букеровская премия — после первой пуб-

ликации и в 1993 и 2008 г. — «Букер Букеров» в честь двадцатипятилетия и сорокалетия этой премии. В этой мрачной, насыщенной культурными аллюзиями, сложной по языку книге, балансирующей между реализмом и гротеском, Рушди расширил границы романа, смешав старые и новые мифы Запада и Востока, сочетав эпический размах с литературной игрой, полифонией. Писатель он не политический, о чем сам заявил в одном из интервью. Но политические события изображает ярко, страстно. В целом же перед нами своего рода индийский эквивалент «Ста лет одиночества» Г. Г. Маркеса, многоплановое, фантастическое повествование об истории Индии с 1910 по 1976 г. как о стране, пожирающей своих детей. И «Шалимар-клоун» (2005) Рушди — тоже не политический роман, хотя, учитывая его метафорическую подоплёку, его называют порождением постсентябрьского синдрома. Это история убийства в 1991 г. в Лос-Анджелесе среди бела дня бывшего посла США в Индии, позже возглавившего борьбу с терроризмом, — на пороге дома своей незаконнорожденной дочери (ее символично зовут Индия). Убийца — кашмирский шофер-мусульманин Шалимар-клоун. Но и этот роман эпическое, шире политики, повествование о любви и мести. Оно пронизано ощущением присутствия в жизни магии, творящей чудеса, и безобразной, неизбежной, непрерывной войны, где древние конфликты переплетаются с современными. Не менее эпичен и написанный в духе «магического» реализма роман «Флорентийская волшебница» (2008) — об Индии XVI в. времен легендарного Акбара Великого и о Флоренции эпохи Возрождения.

Культура Великобритании в силу островного положения страны и сильных традиций консерватизма избегает крайностей, ее авангардизм всегда был умеренным. Вот и теперь творчество крупных писателей, живущих в эпоху постмодернизма, не укладывается в его рамки. Хотя, пожалуй, многие из них отдают дань времени: видят в творчестве игру с ускользающим смыслом, склонны к деконструкции стереотипов, клише. Они создают иллюзию реализма, и каждый в разной мере разрушает ее, передавая ощущение зыбкости

реальности, относительности истины — часто путем введения разных точек зрения на одни и те же события. Возможно, наиболее последовательный приверженец постмодернизма — Питер Акройд. Он провозгласил «тотальную иронию» приметой времени, создал своеобразный жанр современной «литературной биографии» — симбиоз фактографии, пародии, вымысла, имитации документа, почти неотличимого от подлинных источников («Завещание Оскара Уайльда», 1983; «Чаттертон», 1987; «Диккенс», 1991).

Что касается старшего поколения, то в начале этого века еще публиковала романы (последний — «Старшие классы», 2004) блестящий психолог и сатирик Мюриел Спарк (она умерла в 2006 г.). Но, учитывая ее католицизм и склонность к созданию романа религиозного поиска и испытания, т. е. твердые «идеологические опоры», едва ли ее можно отнести к постмодернистам. Малколм Брэдбери (1932–2000) в романах «Профессор Криминале» (1992) и «В Эрмитаж!» (2000) показал сходство позднего «исторического» и «постисторического» миров, где нет стабильных ценностей и история напоминает «шутовской хоровод». Однако писатель избегает конечных суждений и остается умеренным либералом, обладающим здравым смыслом и чувством юмора.

Существует в Англии и давняя мощная традиция женского романа, идущая от Джейн Остин, сестер Бронте, Джордж Элиот — в XX в. к Дороти Ричардсон, Вирджинии Вулф, Кэтрин Мэнсфилд, Розамунд Леманн, Джин Рис, к современным писательницам: Маргарет Дрэбл, Аните Брукнер, Фей Уэлдон, Антонии Байетт, Берил Бейнбридж, Эмме Теннант и др.

В Британии особенно явно видно, что культура — это многоуровневая система, в которой всё взаимосвязано. *Английская литература заставляет пересмотреть клише о соотношении элитарной и массовой литературы.* В свое время из массовой литературы выросло творчество Диккенса. У английской прозы — высокий средний уровень. Допустим, куда «определить» имеющего широкий успех Ника Хорнби, автора забавных и трогательных романов, например «Футбольная лихорадка» (1992) — о футбольном фанате или «Мой

мальчик» (1998) — о детском начале в каждом человеке, об инфантильном тридцатилетнем бонвиване, который обретает себя как личность под влиянием двенадцатилетнего мальчика, взрослого ребенка? Сам писатель называет свое творчество попыткой «заполнить пустоту между популярным чтивом и высококобой литературой». Или, скажем, английский детектив — он имеет глубокие традиции — от У. Коллинза, А. Конан Дойла, А. Кристи до Ф. Д. Джеймс. Введение элементов шпионского романа, детектива, усиливающее остросюжетность, — особенность современной литературы (например романов Уильяма Бойда).

Долгое время английский роман существовал как жанр, ориентированный на «средний класс», т. е. на мироощущение ограниченной социальной группы. В 1970–1980 гг. сложилась такая ситуация, что британцы часто предпочитали американские романы за больший демократизм, эмоциональную непосредственность. Они уступали английской прозе в совершенстве стиля, но ей грозило «вырождение мироощущения» при хорошем стиле. В 1983 г. Энтони Бёрджесс, автор «Заводного апельсина», иронизировал: «О чем писать? О высоких налогах и каникулах в Испании, об адюльтерах?» Ныне ситуация изменилась — английская литература обрела новое дыхание и вновь вышла на мировую орбиту.

В советское время по идеологическим причинам английская литература XX в. была представлена эпизодично. Предпочтение отдавалось реализму — в лучшем случае Б. Шоу, Дж. Голсуорси, С. Моэму, Дж. Б. Пристли. Правда, переводили и таких блестящих писателей, как О. Хаксли, Г. К. Честертон, Э. М. Форстер, Ивлин Во, Грэм Грин, А. Мёрдок, М. Спарк, Д. Фаулз, П. Скотт и др., английскую литературу у нас любили всегда, но лакуны были существенными. К сожалению, сохраняются они и теперь — мало или совсем не переведена такая классика XX в., как Хилэр Белок, У. Льюис, Джон Каупер Повис, Мервин Пик и т. д. Но активность издательств и переводчиков (а в России очень хорошие переводческие традиции) вселяет надежду на то, что английская проза последних десятилетий будет представлена адекватно.

Французская словесность сегодня*

Сегодняшнему книжному буму во Франции предшествовал период довольно непростой, скажем так, кризисный. «Новый роман», некогда столь революционный, выродился в моду, литературу для литературы (это ни в коем случае не касается его столпов и создателей: Клода Симона, Алена Роб-Грийе, Натали Саррот, Мишеля Бютора — писателей на все времена). И аудитория либо охладела к современной прозе, либо переключилась на «чтиво».

Но примерно к середине 80-х все изменилось. Появилось новое поколение писателей, не желавшее мириться с монополией кинематографа на увлекательность, поколение, выросшее не только на остросюжетных фильмах и комиксах, но и на великолепной мировой литературе XX в. — не в последнюю очередь на американской (особенно часто, кстати, пишущие французы упоминают и цитируют Сэлинджера). Молодые писатели предпочли вернуться к повествованию, к технике рассказа. Этот подход вовсе не предполагает, будто проза сводится к чистой фабуле — сплошь и рядом фабулу и отследить-то трудно, у того же Бегбедера например. Не идет речь и о реализме в традиционном смысле. Просто автор всегда повернут к событиям, к действию, а не к чистой описательности. К реальной жизни и к человеку.

Невозможно в двух словах обрисовать весь нынешний литературный пейзаж Франции. Авторы совершенно не похожи друг на друга. Книги Кристин Анго откровенно, по-женски — и даже скандально — автобиографичны. Очень разные вещи пишет Виржини Депант — это и жесткая проза об изнанке жизни, и романы о счастливой любви. С одной стороны, например, безумный фантазер Венсан Равалек, работающий в ключе то «жесточкого романа», то фэнтези, то антинаучной фантастики. С другой — Жан-Филипп Туссен, лидер направления, которое

* Раздел подготовлен на основе интервью И. И. Кузнецовой журналу «Иностранная литература» (2006. № 9) и статьи В. В. Шервашидзе «Тенденции и перспективы развития французского романа» (Вопросы литературы. 2007. Вып. 2. С. 72–102).

критики окрестили «минимализм» — за попытку достичь эмоционального эффекта минимальными средствами.

Новые решения, новые художественные и исторические подходы возникают, с одной стороны, в творчестве минималистов: Ж. Эшноза, Ж.-Ф. Туссена, К. Гайи, М. Редонне, Э. Шевийара, К. Остера, а с другой — в произведениях А. Володина, П. Гюйота, В. Новаринб, О. Ролена.

Эти писатели стремятся возродить на новой мировоззренческой и эстетической основе «метаповествование», создать модель мира «переходных времен» — от XX к XXI в. Емким символом новых подходов стал афоризм О. Ролена: «Роман — это единственный жанр, который наиболее адекватно передает эволюционные тенденции новых реалий <...> роман свидетельствует, что ничего никогда не заканчивается»*. Это явление Л. Рюффель называет романами «развязки», вкладывая в классическое понятие новое содержание: «Развязка не содержит ни начала, ни конца»**.

Минималисты — это поколение молодых писателей, сменивших на литературной карте издательства «Минюи» («Minuit») в середине 80-х гг. «новый роман». Ж. Линдон, бессменный директор издательства с 1948 по 2004 г., назвал этих писателей «бесстрастными», «невозмутимыми» («impassibles»). «Бесстрастность, — по словам Ж. Линдона, — означает не бесчувственность, а эмоциональную сдержанность»***. Они вошли в литературу без шумных деклараций и манифестов. Несмотря на различия в художественной практике, совершенно разные способы репрезентации (например в романах Ж. Эшноза, Ж.-Ф. Туссена, Э. Шевийара) этих писателей характеризуют небольшие по объему произведения, короткие фразы, упрощенный синтаксис, лексика современного разговорного языка.

Минималистов называют преемниками традиций «нового романа»: минимализация художественно-изобразительных средств

* Ruffel L. Le denouement. P., 2005. P. 3.

** Ibidem. P. 12.

*** Schoots F. L'écriture «minimaliste» // Jeunes auteurs de Minuit. Amsterdam—Atlanta, 1994. P. 10.

(фабула, персонаж, декор), использование гибридных форм массовой литературы, поэтологические принципы зеркального отражения, введение множества композиционных точек зрения, дублирование ситуаций, коллаж, обрыв логических, каузальных связей. Объектом пародийного обыгрывания и иронии в творчестве минималистов становятся отработанные приемы «литературной исчерпанности» традиционного романа.

Произведения минималистов вписаны в контекст времени. В них воспроизводятся запутанные и сложные механизмы шоу-бизнеса, международной торговли наркотиками, оружием, властью массмедиа и т. д. Предметы несут в себе знаки конкретной социально-исторической реальности конца XX в., становясь «материальными» текстами породившей их эпохи. Ситуация «изначальной конечности» — отправная точка действия в произведениях Ж. Эшноза «Я ухожу» (1999) и «Один год» (2003) и в трилогии М. Редонне «Великолепный отель» (1986), «Долина навечно» (1987), «Роз Мели Роз» (1987). Ситуации бегства, падения, исчезновения, ухода, преследования, абсолютной изолированности и одиночества характерны для романов Э. Шевийара «На потолке» (1997), К. Остера «Моя большая квартира» (1999), Ж.-Ф. Туссена «Заниматься любовью» (2002).

Одним из самых ярких представителей минимализма является Ж. Эшноз, лауреат премии Медичи («Малазийская экспедиция», 1986), Европейской премии по литературе («Озеро», 1989), премии Новамбр («Высокие блондинки», 1995), Гонкуровской премии («Я ухожу»).

Ж. Эшноз, разрушая механизмы и стереотипы массовой литературы, вводит, как и его предшественники, принцип произвольного коллажа событий, обрывая причинно-следственные связи. «Мои первые произведения — „Гринвичский меридиан“, „Чероки“ — основаны на схемах „черного“ романа. „Малазийская экспедиция“ содержит элементы приключенческого жанра. Экзотика Малайзии используется как поле пародийного обыгрывания традиционных жанров»^{*}.

^{*} Цит. по: *Schoots F.* Op. cit. P. 7.

Аллюзии, цитатность, интертекстуальность, пронизывающие творчество Эшноза, активизируют кодовые комбинации, создавая эффект очуждения, остранения текста. «Жюль Верн, Годар, Хичкок, художник Каспар Давид Фридрих, композиторы — от классиков до Чарли Паркера. Аллюзии на все жанры искусств, на все виды эстетической деятельности»^{*}.

Для символического воплощения ускользающей, изменчивой реальности Эшноз использует прием «дублирования ситуаций», унаследованный им от предшественников — новороманистов. Наиболее часто в его романах повторяется ситуация исчезновения, которая становится метафорой потери аутентичности, подлинности, характерной для современной литературы. В «Гринвичском меридиане», в «Озере» персонажи либо исчезают, спасаясь бегством, либо их убивают. В «Чероки» и в «Высоких блондинках» исчезновение чередуется с возвращением.

В отличие от Эшноза Ж.-Ф. Туссен не использует гибридных форм массовой литературы, не инверсирует механизмов детективного жанра. Художественно-образительные средства у Туссена сведены к минимуму. О задачах творчества он сказал так: «Я понимаю функцию писателя как нечто живое и забавное... Как писатель, я должен переворачивать все вверх дном, чтоб мое творчество не вылилось в некую раз и навсегда застывшую форму»^{**}. Произведение искусства, считает Туссен, «создано для игры и является своего рода воскресным днем жизни, возвещенным Гегелем»^{***}.

Первые романы Ж.-Ф. Туссена «Ванная комната» (1985), «Месье» (1986) были опубликованы издательством «Минюи», открывшим миру С. Беккета, А. Роб-Грийе, М. Бютора. Публикация в таком престижном издательстве была радостной неожиданностью для автора.

В 80-е гг. Туссен совмещает кино и литературное творчество. В 1987 г. режиссером Ж. Львоффом был снят фильм по

^{*} *Propos recueillis par Yann Plougastel: Le mentir-vrai de l'auteur de «L'Equipee malaise» // L'Eénement du jeudi. 1987. 11 fevrier. P. 173.*

^{**} *Jeunes auteurs de Minuit. P. 27.*

^{***} *Ibidem. P. 25.*

роману «Ванная комната». В 1989 г. Туссен сам снял фильм по роману «Месье», а в 1992 — фильм по своему роману «Фотоаппарат» (1988).

В 90-е гг. все в том же издательстве «Минюи» появляются романы «Умолчание» (1991), «Телевидение» (1997), а затем, в 2002 г., «Заниматься любовью». Российский читатель познакомился с романами Туссена «Месье» и «Заниматься любовью» (в переводе И. Радченко «Любить») в 2006 г.

Романы Туссена — ироническое воспроизведение стихии банальности, в которой ничего не происходит.

«Ванная комната» — роман, разделенный на три части. Центральный персонаж — молодой человек, тусклым, бесцветным голосом которого озвучивается бессобытийность повседневности. Персонаж лишен эмоциональных, психологических, социальных характеристик. У него нет имени. Он сообщает, что ему «27 лет, а скоро будет 29». О профессии им сказано вскользь — то ли социолог, то ли историк. Персонаж-рассказчик поселяется в ванной комнате своей парижской квартиры. «Когда я начал проводить послеполуденные часы в ванной комнате, я не думал там поселяться; время здесь текло незаметно, и мне было приятно размышлять, сидя в ванной одетым, иногда голым. Эдмондсон нравилось сидеть рядом. Мы иногда шутили, смеялись». Эдмондсон, второе действующее лицо, — персонаж с размытыми контурами, с именем, одинаково применимым как к мужчине, так и к женщине. То, что это подруга героя, выясняется лишь к концу первой части, озаглавленной «Париж».

Безымянность героя, отсутствие своеобразия являются не только олицетворением неуловимой сущности человеческой природы, но и метафорой современного сознания.

Замкнутое пространство — ванная комната, номер в отеле, больничная палата — является пародийным обыгрыванием «комнаты» Паскаля — идеального места для экзистенциальных размышлений и самопознания. Но герой Туссена — это «посторонний» «эры подозрения», способный говорить лишь о пустяках. Несмотря на тематическую близость с «Посторонним» Камю, Туссен, по его признанию, стремился избежать философской серьезности экзистенциалистской интерпретации мира

путем образного использования метафоры непосредственного опыта. «Я хотел быть более озорным, веселым, менее болтливым <...> Я хотел бы создать „человека без свойств“, который бы не говорил. Я пытаюсь все больше и больше удалиться от литературного языка. Я ищу неловко, неумело скроенные фразы, косноязычие, продолжая традицию Беккета»*.

Аллюзии на роман Музиля вводят в сердцевину логики нелогичность: персонаж-рассказчик получает от посла личное приглашение на прием в австрийское посольство, при этом выясняется, что он никогда не был знаком ни с послом, ни с австрийскими дипломатами и никакого отношения по роду своей деятельности к австрийскому посольству не имел. Нарочитая нелепость этого эпизода построена на интертекстуальной игре. Обращаясь к образному мышлению читателя, Туссен в контексте этой забавной истории подразумевает главного героя музилевской эпопеи — Ульриха — «человека без свойств», символическое воплощение утопического бунта против клишированности сознания и разорванности бытия. Туссеновский «человек без свойств» — пародийная, плутовская маска музилевского героя. В его воображении мелькают сцены посольского приема: «Что можно было ждать от этого приема? Я бы одел темный, строгий костюм, черный галстук <...> С бокалом я бы переходил из салона в салон, слушая речь посла о процветании его страны <...> По возвращении я бы рассказал Эдмондсон, что дипломаты горели нетерпением услышать мое мнение о разоружении <...> Сам посол Эйгеншафтен признался мне, что он в восторге от моих рассуждений, от моей безупречной логики и красоты».

На рубеже 80–90-х гг. заканчивается эпоха влияния гуманитарных наук на художественное творчество. Сходят со сцены Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко. Общий скепсис к теориям, идеологиям обусловил пеструю мозаику литературного процесса последних десятилетий XX столетия. «Требуется вновь усилить вымысел и воображение. Это означает не отрицание прошлого или китча, в котором мы все живем, но скорее способ

* Jeunes auteurs de Minuit. P. 28–29.

их использования при разрушении стереотипов и штампов и создании эстетики гибридных форм»^{*}.

В качестве романских сюжетов в моду входят альтернативные версии биографий знаменитых людей. Д. Ногезе в «Трех Рембо» (1986) сочиняет блестяще выдуманную историю французского поэта, доказывая, что Рембо вовсе не умер в 1891 г., а прожил до 30-х гг. XX столетия, создав в 1925 г. свой шедевр «Черное евангелие». Воображаемое путешествие Рембо по Абиссинии описывает А. Боррер в романе «Рембо в Абиссинии» (1984). По версии П. Мишона, в романе «Рембо-сын» (1991) уникальность таланта поэта — результат вечного «поединка» с властолюбивой, деспотичной матерью. В романе К.-Л. Комбе «Тернии жизни» (1995) трагическая жизнь австрийского поэта Г. Тракля дополняется «новой» историей, порожденной авторским воображением, — историей инцеста. Ж. Массе заново сочиняет историю жизни знаменитого египтолога Ж.-Ф. Шампольона в романе «Последний из египтян» (1988).

В «автобиографическом вымысле» сливаются фантазии, видения авторского подсознания, размываются границы между дискурсом о себе, повествованием о жизни «другого» и художественным вымыслом.

«Маленькие трактаты» П. Киньяра (несколько десятков томов, созданных на протяжении 80—90-х гг.), представляющие «гибридную форму» романа и эссе, пронизаны постмодернистской идеей бессилия языка, иллюзорности знания и памяти. «Я пишу, чтоб воображать, что слова имеют смысл». В «Маленьких трактатах» воспроизводятся черты академического дискурса: обширный комментарий, множество ссылок на Сенеку, Лао-Цзы, Тацита, Вергилия, Гёте. Исторические версии П. Киньяра, особенно касающиеся знаменитостей, не совпадают с общепризнанными фактами. Этот «зазор» порождает пародийно-иронический модус повествования: «Смысл — это не то, что он означает».

Творчество А. Володина — предмет коллоквиумов, обсуждений и размышлений университетских кругов. А. Володин

^{*} Scarpetta G. L'impurete. P., 1985. P. 8.

заявил о себе в 1985 г. произведениями, написанными в жанре научной фантастики: «Сравнительная биография Жюриана Мюрграва», «Корабль ниоткуда», «Ритуал презрения», «Невероятная преисподняя». Фантастика Володина — «бутафорская», воплощающая на метауровне нравственные и философские проблемы. «Все мое творчество, включая фантастику, — единое целое, начиная с первого романа „Сравнительная биография Жюриана Мюрграва“ и до последнего <...> Все мои произведения^{*} — часть глобального проекта — создать библиотеку произведений выдуманных писателей, находящихся на грани бреда, заключенных в тюрьму, оплакивающих революцию, которая потерпела поражение»^{**}. Художественный мир А. Володина — это мир сюрреальных видений, в которых сливаются голоса шаманов, ангелов, безумцев и мертвых. Фантастика определяет повествовательную динамику его произведений, действие разворачивается словно во сне. Володин обнажает двойственный накал утопического импульса — освободительный и саморазрушительный. Мир оборванцев, выживающих на краю цивилизации, выстраивается от блуждания к заброшенности. Это мир, утверждающий факт двойного провала: невозможность достичь обществом равноправия иначе чем в грезах и в довершение — «смерть говорящего человека», символически воплощающая фальсификацию существующей системы ценностей.

Творчество Володина не вписывается в традицию французской культуры, оно также стоит в стороне от магистральных тенденций современного литературного процесса. «Мое знание современной литературы было нулевое. Я писал интуитивно. Всякие теоретические дискуссии были для меня планетой Марс. Когда я стал автором издательства „Минюи“ в 1990 году, я ничего

^{*} «Лиссабон, последняя черта» (1991), «Альто Соло» (1991), «Имя обезьян» (1994), «Внутренний порт» (1996), «Белая ночь в Балькирии» (1997), «Пост-экзотизм в 10 уроках, урок 11» (1998), «Взгляд на оссуарий» (1998), «Младшие ангелы» (1999), «Дондог» (2002), «Бардо или не Бардо» (2004).

^{**} Volodine A. Ecrire en français une littérature étrangère // Chaoid. International. Hiver. 2002. № 6. P. 11 (www.chaoid.com).

не слышал о минимализме»*. Используя в сюжете сон, комбинируя знакомое и странное, реальное и воображаемое, писатель создает на метауровне фантазмагорические образы реальных городов — Лиссабона, Макао, Пекина, Гонконга, вымышленных стран и цивилизаций — Балькирии, Ренессанса, Пуэсто Либертада. Время в произведениях Володина не совпадает с календарным: «две тысячи лет после мировой революции», «четыре века спустя после черной войны», «150 лет до всемирной революции» и т. д. Сквозь неопределенность категорий времени-пространства проглядывают исторические события XX в.: две мировые войны, череда революций (в Германии, России, латиноамериканских странах); этнические чистки, концлагеря, лагеря беженцев. Мифологизация истории в творчестве Володина является эмблематическим воплощением коллективной памяти многих поколений, переживших реалии XX столетия. «Несчастный XX век — родина моих персонажей, колдовской, шаманский источник моих фантазий»**. Персонажи лишены национальной, социальной и внешней характеристик: это остранные голоса вне территориальной и этнической принадлежности, что подчеркивается их гибридными именами — Дондог Балбайян, Джесси Лу, Волюп Гольпез, Ирина Шлумм, Мария Самарканд, Жан Власенко, Лутц Бассман...

«Писать по-французски на иностранном языке» означает для Володина возможность «вырваться за национальные и культурные границы и выразить в художественной форме общую для всех историю XX века»***.

Персонажи Володина — «бессильные диссиденты, задыхающиеся в тоталитарной системе», «бойцы проигранных сражений» — образуют «тюремное гетто» маргинального мира отверженных. Володин использует принцип матрешки для построения барочной конструкции, в которой «литература и театр сливаются», а персонаж является одновременно постановщиком и исполнителем драмы, разыгрываемой в написан-

* *Volodine A.* Op. cit. P. 11.

** *Ibidem.* P. 5.

*** *Ibidem.* P. 4.

ных им текстах. Под пыткой или в безумии постэкзотический персонаж сохраняет свое основное качество писателя-актера и писателя-свидетеля катастрофических событий. «Каждый из наших рассказчиков образует с нами и со своими собственными персонажами „нерасторжимое Я“ (*moi insoluble*)».

Подходя к творчеству как к игре, Володин считал, что даже самые мрачные явления XX в. «могут стать материалом, из которого создаются волшебные, виртуальные миры. Персонажи пишут тексты, которые заполняются придуманными ими персонажами <...> Сделать ощутимо материальными эти барочные пьесы, выдумать странные ситуации, вдохнуть душу в необычных актеров <...> Это ли не сказочное счастье?»*

А. Володина называют писателем XXI в. Его творчество — явление, не имеющее аналогов во французской литературе.

Нельзя не упомянуть и о писателях, уже причисленных к классикам — или «почти классикам»: Ромен Гари, Хорхе Семпрун, Патрик Модуано, Мишель Уэльбек.

Можно назвать еще много имен: Амели Нотомб, Мартен Паж, Жан-Кристоф Гранже, Фред Фаргас и др., китаец Дай Сыцзе, пишущий по-французски о своей родине. Его роман «Комплекс Ди» про хождения странствующего психоаналитика в сегодняшнем Китае — это что-то вроде «Дон Кихота» на обломках тоталитарного режима. А в романе «Бальзак и портниха-китайночка», рассказывается, как студенты, отправленные в деревню на перевоспитание во времена «культурной революции», читают случайно найденные книги Бальзака и открывают для себя Запад.

В любом случае, французская проза сегодня — это свежий взгляд на мир.

Современная проза Германии

Периодизация современной немецкой литературы долгое время привязывалась, как известно, к окончанию Второй мировой войны. Не случайно под «современной» понималась

* *Preexte.* 1998. № 16. Hiver.

собственно «послевоенная» литература. В этом была своя логика: изящная словесность всегда следует за жизнью, является поводом размышлять о наиболее важных событиях, происходящих вокруг человека. Германия должна была осмыслить трагическую трансформацию собственной истории и культуры в 1933–1945 гг., проследить истоки случившегося, а кроме того — начать длительную работу по «преодолению прошлого».

Объединение Германии, символически начавшееся в 1989 г. падением Берлинской стены, изменило устойчивую логику литературного процесса. Это выразилось, конечно же, не в мгновенном отказе от уже традиционной тематики, от сделанных оценок. Произошло другое: многие привычные взгляды на те или иные проблемные события неожиданно дополнились новыми нюансами. Кроме того, существенно расширилось тематическое поле авторских исканий. Перемены заключались и в том, что в литературу вошла целая плеяда молодых писателей, изменивших климат, саунд немецкой словесности.

Как следствие, уже в 1990-е гг. немецкие литературоведы стали высказывать убеждение в необходимости начать новое литературное летоисчисление — «после 1989 года» (Ф. Ведекинг* в 1995 г., Х. А. Глазер** в 1997 г., А. Эрб, Х. Краусс и Й. Фог*** в 1998 г., Т. Крафт**** в 2000 г. и др.). Так появился термин «*но-сле*послевоенная литература» («*Nach-Nachkriegsliteratur*»****). Десятилетие 1989–1999 гг. как отдельный период немецкой литературы было обозначено в 14-м томе академической се-

* См.: *Wehdeking V.* Die deutsche Einheit und die Schriftsteller: Literarische Verarbeitung der Wende seit 1989. Stuttgart; Berlin; Köln: Kohlhammer, 1995. 192 S.

** *Deutsche Literatur zwischen 1945 und 1995: eine Sozialgeschichte / H. A. Glaser* [Hrsg.]. Bern; Stuttgart; Wien: Haupt, 1997. IX. 786 S.

*** *Erb A., Krauss H., Vogt J.* Baustelle Gegenwartsliteratur. Die neunziger Jahre / A. Erb, H. Krauss, J. Vogt. [Hrsg.]. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998. 236 S.

**** *Aufgerissen. Zur Literatur der 90er / Th. Kraft* [Hrsg.]. München; Zürich: Piper, 2000. 198 S.

***** *Der deutsche Roman der Gegenwart / W. Freund* [Hrsg.]. München: Fink, 2001. 248 S.

рии «Исследования в области немецкоязычной литературы современности» (под ред. Г. Фишера, Д. Робертса, 2001). Укажем, однако, что редакции не вполне удалось преодолеть инерцию прошлого, связанную с разделением литератур ГДР и ФРГ, в то время как в сборнике «Немецкий роман современности» (под ред. В. Фройнда, 2001) молодые немецкоязычные писатели конца XX в. были представлены уже без разделения по месту их рождения.

Как любое историческое событие, объединение Германии обладает своей пассионарной протяженностью. Прошло уже два десятилетия, однако думается, что значимость случившегося будет оставаться не только определяющей для понимания литературного развития 1990–2000-х гг., но и проявляться в качестве «инерции» и в дальнейшем. Ведь, с одной стороны, здесь легко вспомнить напряженное ожидание в середине 1990-х гг. так называемого «романа об объединении», на место которого прочли разные произведения, в том числе и нашумевший «Долгий разговор» (1995) Г. Грасса и «Героев, как мы» (1995) Т. Бруссига... А с другой стороны, уже в 2009 г. появился сборник «Минуя границы» — антология рассказов о недавних еще событиях*. Ю. Франк, инициатор проекта, собрала под одну обложку множество авторов, которые поделились воспоминаниями на тему: что значит или значила «граница» в их жизни. Любопытно, что именно эмоциональный эффект от объединения двух государств стал доминирующим в воспоминаниях разных авторов. Не память разума, а память сердца стала доминирующей во всех рассказах. Например, в «Легком взмахе рукой» Р. Виллемсена память разума говорит о товарном дефиците социалистического общества. А память сердца о другом — о милой простоте и ясности существования, при которой магазины в ГДР венчались «по-сказочному ясными вывесками „Хлеб“, „Одежда“, „Молоко“, а не „Шопинг-центр“ или „Хлебный мир“»**.

* *Минуя границы: писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают.* М.: Текст, 2009. 286 с.

** *Виллемсен Р.* Легкий взмах рукой // *Минуя границы.* С. 166.

Частный взгляд на происходившее в прошлом, с особенной полнотой проявляющийся в новой немецкой литературе, был обусловлен идейными исканиями еще 1970–1980-х гг., в том числе интересом к французской школе «Анналов» и национальным «спором историков». Например, нобелевский лауреат Г. Грасс в «Моем столетии» (1999) совместил познание магистральных линий эпохи с вниманием к частному, субъективному взгляду на события (размышление не в терминах «больших структур»). Это позволило ему открыть пронзительные нюансы, часто не замечаемые официальной наукой. Читатель смотрел на прошлое глазами его участника, ощущал дух времени вместе с современниками событий, когда понимание трагедии могло и проходить мимо сознания людей, когда у людей были и другие заботы помимо войны. То же самое прослеживалось в публицистической книге «Промежуточный итог» (1992) Г. де Бройна, в «Моем отрезке времени» (1998) Ю. Брезана, в бестселлере Б. Шлинка «Чтец» (1995), в «пикарескном» романе «Бегство Хампеля» (2000) М. Кумпфмюллера, в документально-художественном повествовании А. Зурмински «Отечество без отцов» (2004)...

Пожалуй, главным моментом в размышлениях о «прошлом» (в которое стало включаться и «прошлое в ГДР») оказалось эмоциональное дистанцирование от него поколения «внуков». Молодые немецкие авторы честно признавали, что Вторая мировая война входит в их сознание не как «настоящее», но уже как «отсутствующее» (Т. Дюккерс). В романе А. Майера «Духов день» (2000) был остроумно обыгран известный ментальный штамп, свойственный гражданам Германии после 1945 г.: «Позади них опять послышались громкие голоса. Но мы же постоянно должны помнить о том, сказал Харальд Мор, какое великое зло причинили мы людям, наша историческая ответственность в том и заключается, чтобы всегда помнить об этом и никогда не забывать о своей вине»*. Ироничность ситуации вскрывается незамедлительно. Произносящий эти слова откровенно лицемерит: воспоминания о периоде на-

* Майер А. Духов день. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. С. 114

цистской диктатуры абсолютно чужды ему, они не более чем ритуальное публичное упражнение. Однако и слушающий его персонаж не понимает сказанной фразы. «Тетя Ленхен: но как она может о чем-то помнить, чего не испытала вообще? Она постоянно почему-то должна помнить о том, чего в ее жизни не было, а о том, что она пережила, ей помнить нельзя и даже запрещается говорить об этом, например о трудовом фронте в период рейха. Он: но всё дело в том, *как* она об этом говорит. Она: а как она говорит об этом? Она просто рассказывает, что пережила во время этих работ. Зачем ей лгать или что-то выдумывать?»*.

В целом же дискуссионная тема «немецкая нация и фашизм» (наполненная скрытым, внутренним признанием ущербности немецкой нации, ее «отверженности», выведенности за пределы семьи европейских народов) трансформировалась в 1990–2000-е гг. в другую. Знаковой здесь стала чрезвычайно эмоциональная франкфуртская речь М. Вальзера (1998), в которой писатель, по сути повторив доводы историка Э. Нольте, выразил категорическое несогласие с тем, что современные немцы по-прежнему вменяют себе в вину преступления предыдущих поколений, с так называемым «негативным национализмом». Теперь уже писателей волновали акценты в отношениях «немецкая нация и человечество». Более того, заметной и достаточно сложной темой, зазвучавшей именно после объединения Германии, стала тема страданий самого немецкого народа в годы нацизма. Г. Грасс в книге «Траектория краба» (2002) убедительно показал, к чему может привести продолжающееся замалчивание этой страницы немецкой национальной истории. По мнению писателя, эту тему нельзя было отдавать «на откуп правым и реваншистам»**, ибо многие современные немцы, уже не имеющие личного опыта прошлого, действительно воспринимают недавнюю историю своей страны как неоправданно взваленный на них груз.

* Там же.

** Грасс Г. Траектория краба. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2004. С. 113.

Одной из актуальных задач художественной словесности после объединения стало познание стремительно меняющегося настоящего, его описание. Это были вопросы, не связываемые привычно с историческим противостоянием социализма и капитализма или с уроками нацистского прошлого. Легко заметить, что новые времена многих ставили в тупик. Очень характерно в этой связи восклицание П. Зюскинда в эссе «Германия, климакс»: «Меня подташнивает, как пассажира, который сидит в мчащемся поезде, не знает маршрута, не знает места назначения и не уверен, что выдержат рельсы»*.

В 1990–2000-е гг. разные авторы постоянно пишут об изменении хронотопа современности, о географической и духовной трансформации немецкой действительности. Всё это мы наблюдаем в произведениях З. Ленца, И. Ноль, Д. Дёрри, И. Шульце, Ю. Херманн, К. Вольф, В. Бюшера, Б. Шлинка, В. Каминера и др. Если обратиться к произведениям писателей, получивших известность задолго до 1989 г. (Г. Грасс, З. Ленц, К. Вольф и др.), то можно подчас заметить грустное, эгегическое настроение их возрастных персонажей, размышляющих о настоящем; порой оно граничит с пессимизмом.

В то же время новые формы социального бытия обусловили востребованность книг, изображающих молодежный мир (Ю. Херманн, Х. Крауссер, Б. фон Штукрад-Барре, Т. Бруссиг, Б. Леберт и др.). Жизнь молодого поколения стала основной темой молодой литературы. Символом же рождающейся Германии в глазах молодых писателей стал Берлин 1990-х гг. На формирование нового Берлина как особого культурного пространства обращается особенное внимание. Так, например, Т. Дюккерс в романе «Игровая зона» (1999) сделала этот процесс едва ли не главной темой повествования. То же мы видим и в «Ночи чудес» (1996) У. Тимма, и в «Берлинском блюзе» (2001) С. Регенера...

Образ мира, складывающийся на страницах современной немецкой прозы, отличается многими характерными чертами. Его персонажи — это, как правило, жители больших городов. При этом «гомогенизированный» город (Б. Гройс),

* Зюскинд П. Германия, климакс // Иностранная литература. 1999. № 6. С. 262.

возникающий на страницах современной немецкой прозы, мало похож на те «города», образы которых рождались в романах Г. Манна, А. Дёблина, Э. М. Ремарка и других писателей прошлого. Мобильность социума, увеличившаяся динамика общественной жизни привели к тому, что современный город не является уже неким центральным, корневым местом в существовании человека. Чаще всего он — «временное пристанище» (В. Хильбиг) индивидуума, постоянно перемещающегося из одного географического топоса в другой. Образ «города» в большинстве произведений либо вообще лишен запоминающихся исторических, архитектурных черт, либо складывается из упоминаний и описаний немногих отдельных мест, не образующих в своей совокупности ансамбля. Он часто сжимается в ряд упрощенных схем (подземка, вокзал и т. д.), оставляющих за своими границами массу неизвестного. Одна из таких характерных схем иллюстрирует особый взгляд на мир, свойственный «поколению *pop*». Главным в образе мира (и той урбанистической действительности, где пребывают персонажи) оказываются места развлечений, обеспечивающие определенный комфорт существования («Faserland» (1995) К. Крахта, «Livealbum» (1999) и «Remix II» (2004) Б. фон Штукрад-Барре и др.).

От постмодернизма идет другая упрощенная схема — когда в восприятии города рядом с действительной реальностью то и дело возникает реальность, состоящая из постоянно меняющегося сочетания протеистических компонентов, из последовательности семантически насыщенных отдельных кадров, клиповых мизансцен. Город превращается в некое каменное вместилище анонимного и незнакомого индивиду, в место его постоянных и болезненных столкновений с «чужим» началом. Единственно понятной реальностью в ситуации большого города героям представляется только их собственная реальность — «этот космос для себя» (Т. Дюккерс). Человек, чей кругозор зачастую ограничен профессиональной деятельностью, с легкостью уходит в мир собственных фантазий, превращает свое жилище в своеобразную крепость или келью отшельника, совершая попытки хотя бы на время убежать от городской действительности

(«*Animal triste*» (1996) М. Марон, «*Комнатный фонтан*» (1995) Й. Шпаршу, рассказы Ю. Херманн, Ю. Франк и др.).

«*Космос для себя*» — явление, часто встречающееся в новейшей немецкой прозе. Наслаждаясь бытовым комфортом в повседневности, человек то и дело переживает ситуации мучительного духовного голода. В самых разных произведениях мы видим растерянность перед лукавой двойственностью бытия, перед всей материалистичной «извращенностью Запада» (Э. Хайденрайх). Коллективный опыт персонажей показывает, что чувство любви повсеместно подменено чувственностью, низведено до скоротечных сексуальных контактов, что чувство дружбы выражается в приглашениях на многодневные коллективные попойки или в готовности поделить дозой наркотиков, а практически любой момент общения между людьми характеризуется скрытой в нем фальшью. По мнению Э. Никеля, одного из участников поп-культурного квинтета «*Tristesse Royale*», большинство явлений современной культурной жизни означают «господство банального, поверхностного»*. Персонажи современной литературы разъезжают на дорогих автомобилях, носят стильную одежду, наслаждаются новейшими достижениями техники и дизайнерской мысли, но за всем этим то и дело просматривается скудость духовного начала в их жизни. Возможное осознание внутреннего убожества своего существования — процесс чрезвычайно болезненный, исполненный глубокого личностного кризиса (см., например, роман «*Всё, что считается*» (2000) Г. Освальда).

Эпоха постмодернизма явно продемонстрировала, как неглубокая сущность индивидуума способствует вытеснению лица человеческого «личиною». Ницшеанская «смерть Бога» повлекла за собой закономерное умирание самого «человека» в XX столетии. В рассказе «*Эрика*» Э. Хайденрайх точно передает сущность современного существования: люди немногим отличаются от неодушевленных вещей, но вещи — в отличие от них — обладают притягательностью. Не только Э. Хайден-

* Deutsche Welle. Культура сегодня. 1999. 21 декабря (http://www.dwelle.de/russian/archiv_2/km211299.html).

райх пишет о дегуманизации действительности, об ускользании из нее любви. То же волнует и Ю. Херманн (например, в «*Alice*», 2005), и Ю. Франк... В глаза бросается непреходящая усталость действующих лиц друг от друга, их мизантропия. Но не дурное воспитание и не условия жизни повинны в том. Речь идет о внутреннем кризисе, о разрушении личностных основ бытия и испытываемом чувстве отчаяния от этого.

В то же время нельзя сказать, что писателям свойствен исключительно пессимистичный взгляд на современника. Немецкая литература нащупывает выход из ситуации антропологического кризиса, разразившегося в европейском обществе и достигшего в конце XX в. своего апогея. Неожиданное, мучительное пробуждение человеческого в человеке стало, например, смысловым стержнем сборника рассказов Б. Шлинка «*Линии любви*» (2000). Попытку написать образ человека, неподвластного настоящему — со всей его суетностью, предугаданностью — предпринял в своих произведениях К. Бёльдль. Внимание к нестандартным мгновениям жизни мы находим в произведениях Д. Дёрри, Ю. Херманн, Б. Леберта, Х. Крауссера и др. Образ человека, выпадающего из привычного существования, из обыденного ряда вещей и событий, становится в конце XX в. ключевым и в позднем творчестве живого классика немецкой литературы З. Ленца. Его романы «*Сопrotивление*» (1994), «*Наследие Арне*» (1999), «*Бюро находок*» (2003), «*Минута молчания*» (2008) образуют характерную последовательность произведений, где в центре авторского внимания оказывается нестандартная человеческая личность, не вписывающаяся в прагматичную обыденность настоящего.

Отдельной важной темой немецкой прозы стали размышления над феноменом «мульти-культи». Очень любопытен в этом отношении рассказ З. Ленца «*Людмила*». В нем мы видим, как расчетливая аккуратность немца сталкивается с иной психологией, носителями которой оказались иммигранты из России. «Русская» тема звучит и в романе Ленца «*Бюро находок*», в «*Вилленброкке*» (2000) К. Хайна, в книгах В. Каминера...

Следует обратить внимание на двойственность реакций современного немецкого общества на идеи мультикультурализма,

отраженные в литературе. Можно говорить как о принятии их, так и о часто настороженном отношении к новым культурным веяниям, доходящем порой до агрессии в адрес «чужаков». Ощущения немецкого обывателя, изумленного или перепуганного новым «переселением народов», воссозданы в самых разных произведениях (напр., «Всё, что считается» Г. Освальда, «Новая обувь для г-жи Хунг» (1995) Д. Дёрри и др.). Тема иностранцев в современной им Германии, как можно предполагать, будет всё более и более занимать сознание немецких авторов. Слишком велик оказывается контраст между человеческими мирами, чтобы адаптация иммигрантов протекала легко и быстро для обеих сторон. Отношение коренных жителей к иностранцам колеблется от снисходительной жалости до постоянного раздражения, в его палитре присутствуют все оттенки, что показывает сложность и актуальность проблемы межэтнических и межкультурных взаимодействий. Многие открывают коренным жителям Германии произведения иностранных по рождению авторов (В. Каминера, Э. С. Эздамар, М. Биллера и др.), пишущих на немецком. Они по-настоящему раздвигают границы немецких культурных представлений. *Заметным явлением стали интернационализация многих немецких литературных премий и нередкое вручение их авторам-иностранцам.* Вполне репрезентативна здесь ситуация с премией Немецкого союза книготорговли за 2010 г. По выражению обозревателя, «никогда прежде в „длинном списке“ не было такого количества „странно звучащих имен“ — в числе претендентов уроженцы Израиля, бывшей Югославии, Франции, Чехии. В том числе и три автора из постсоветского пространства — Грузии, Питера и Екатеринбурга*». Простое объяснение этому феномену дал О. Юрьев, писатель — выходец из России, колумнист «Tagesspiegel»: «В Германии сняты внутренние ограничения на то, чтобы воспринимать книги, написанные авторами с не-немецкими фамилиями. Это результат чисто математический — нас здесь много, и многие из нас пишут. Произошло

* Куц К. «Русский бум» в Германии (<http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=10271>).

обогащение литературы за счет людей другого происхождения, имеющих другой опыт и другой подход к языку»*.

Разность «подходов» повлекла за собой принципиальную невозможность четких стилевых дефиниций современной немецкой литературы. Например, модернистская манера П. Хандке совершенно не похожа на реалистический стиль М. Кумпфмюллера, демонстративный цинизм К. Крахта и ирония Б. фон Штукрад-Барре соседствуют с меланхоличной интонацией Ю. Херманн и проникновенным лиризмом З. Ленца... Подобные сочетания объясняются тем, что 1990–2000-е гг. в истории немецкого общества характеризуются множеством исторических — политических, общественных и соответственно культурных — трансформаций. «Фундаментальная смена парадигм» (А. Дугин), несомненно, сказывается и на литературном процессе. Мультикультурная и мультинациональная европейская действительность, формирующаяся после 1989 г., в отличие от прошлых лет не подразумевает какого-либо культурного единства (прежде возникавшего в условиях единой государственности и относительно единой государственной идеологии). Стремительное течение современной действительности не располагает к длительным стилевым исканиям. Понятие «стиля», к сожалению, очень часто превращается в необходимую совокупность приемов, которая обеспечивает автору получение литературных премий и достаточный уровень рыночного успеха.

Завершая это беглое обозрение современной немецкой прозы, заметим, что эффект объединения в ней еще не исчерпал себя. Думается, что этот по-своему пассионарный толчок еще некоторое время будет определять развитие литературы. По крайней мере до той поры, пока будет сохраняться установившееся в ней созвучие «старого» и «нового» — в осмыслении тем и проблем, в саморазделении граждан на «восточных» и «западных» немцев, даже в самом сосуществовании, например, писателей-классиков (Г. Грасса, М. Вальзера, З. Ленца) и поп-литераторов (вспомним «Tristesse Royale»). Возможно,

* Цит. по: Куц К. Указ. соч.

что начало новому литературному периоду положит какое-нибудь крупное историческое событие, однако здесь возможны лишь догадки, это — дело будущего.

Глава 6. Музейное пространство Европы XXI в.

Каждая эпоха задает свои способы интерпретации культурного наследия. Становление информационного общества определяет не только новые формы интерпретации культурного наследия, но и принципы его организации.

Музей как органичная часть современной европейской культуры

Эволюция общества предполагает некое изменение деятельности музея и его функций: *хотя в историческом контексте функции музея стабильны, в то же время они находятся в постоянном развитии, поскольку общественные запросы к музею меняются в конкретной политической, экономической или культурной ситуации.* Вследствие этого концепция, лежащая в основе функционирования музеев, определяется прежде всего социальными, политическими условиями и идеологией, господствующими в обществе, и в частности на нынешнем этапе перехода и становления постиндустриальной культуры. Особенно наглядно это прослеживается в последние десятилетия, когда в мире идут активные социокультурные преобразования за счет ускоряющихся темпов развития информационных и коммуникационных технологий.

В то же время мировое сообщество находится ныне под влиянием глобального кризиса, последствия которого коснутся и будущих поколений. Культура как калька отражает последствия кризиса и финансового дефицита. Так, в кон-

це 2012 г. закрылся музей Гуггенхайма в Берлине. Deutsche Bank и фонд Solomon R. Guggenheim официально сообщили о прекращении спонсорской поддержки музея. Дворец-музей князей Лихтенштейнов в Вене стал недоступен для индивидуальных посетителей. Музей современного искусства Маххи в Италии лишился 43 % финансирования в 2011 г.

Аналогичным образом меняются и теоретико-культурные воззрения. В Германии 20 марта 2012 г. вышла книга «Культурный инфаркт: Слишком много всего и везде одно и то же» о провале культурной политики страны. Дитер Хазельбах, Армин Кляйн, Пиус Кнюзель и Штефан Опиц — эксперты в области менеджмента культуры, предложили радикальное решение проблемы: закрыть половину музеев, театров и библиотек, существующих за государственный счет. Таким образом, господство глобального кризиса, диверсификация социальной среды, изменения в восприятии культурных ценностей современным человеком, появление новых категорий взаимодействующих с музеями органов управления, социальных групп, организаций и учреждений, формирование с некоторыми из них достаточно сложных партнерских, а иногда и конкурентных отношений, межпрофессиональные и межмузейные коммуникационные проблемы, информационный голод, отток из музейной сферы части высококвалифицированных специалистов, обострившийся как никогда ранее дефицит финансовых ресурсов — все это поставило перед музеями Европы новые задачи в управлении и организации музейной деятельности.

Эти задачи в значительной мере обусловлены необходимостью пересмотра и модернизации многих сформировавшихся за предыдущие десятилетия методов, приемов музейной работы, способов коммуникации, управления, функционирования как в локальном (с посетителями музеев), так и в глобальном пространстве (между музеями, государственными и международными структурами). Вследствие чего появляются новые приоритетные направления развития и взаимодействия современного европейского музейного пространства, к которым прежде всего следует отнести:

- управление музейной деятельностью согласно требованиям времени и эпохи;
- акцентирование внимания на потребностях современного потребителя музейных услуг, понимание изменения целевой аудитории, а также поиск возможностей привлечения иных социальных групп и общностей;
- поиск новых форм экспозиционной деятельности с привлечением нестандартных, творческих решений, а также с использованием современных информационных и коммуникационных технологий;
- создание сети межмузейного взаимодействия, а также сети межпрофессионального взаимодействия с другими организациями и предприятиями для решения общих задач на основе партнерских технологий;
- поиск дополнительного негосударственного финансирования за счет фондов, участия в конкурсах, а также за счет предоставления нетрадиционных для музейной деятельности услуг.

В рамках единой Рамочной программы развития европейской культуры «Культура-2000», а в последующем «Культура» (2007–2013), приоритетным направлением становится развитие транснационального культурного сотрудничества между государствами — участниками Европейского Союза. Программа подразумевает совместную деятельность стран-членов Европейского Союза в следующих направлениях: сохранение европейского культурного наследия, поддержка национального рынка культурных ценностей и индустрии культуры, социальная поддержка работников культурной сферы, а также поощрение творчества и участия в культурной жизни*. Помимо деятельности в рамках указанных направлений Европейский Союз проводит также акции и реализует программы, направленные на создание общеевропейского культурного пространства, в рамках которого формируется европейское музейное пространство, в котором преобладают идеи взаимодействия и выработки общей стратегии деятельности. Данное простран-

* http://europa.eu/legislation_summaries/culture/129016_bg.htm

ство реализуется в проектной деятельности. При этом условия развития европейского музейного пространства предполагают взаимосвязь внешних и внутренних факторов развития, т. е. прежде всего:

- определения четкой и ясной цели развития музея и постепенной, развернутой программы по ее достижению;
- постоянного повышения профессиональных качеств сотрудников и специалистов с привлечением новых гуманитарных, информационных и телекоммуникационных технологий и создания специализированных отделов по информатизации, маркетингу и развитию в музейной и туристической деятельности;
- открытости музея и постоянного взаимодействия с партнерами по различным направлениям деятельности, что предполагает использование новых форм и методов работы;
- использование в деятельности музея информационных технологий и новейших средств коммуникации, что предполагает освоение нового информационного пространства и создание информационных музейных ресурсов в целях дальнейшего сохранения и продвижения музейного наследия;
- последовательное планирование развития музейной деятельности в новых условиях, где определяется партнерский круг, складываются долговременные союзные отношения, обновляется техническая база, укрепляется корпоративная культура, формируется адекватная современным условиям управленческая культура.

Одним из примеров формирования единого европейского музейного пространства послужило, в частности, решение Европейского Союза о создании единых музейных стандартов стран — участниц ЕС. Это не способ унификации всей деятельности европейских музеев, а попытка стратегического планирования и поддержания высокого уровня развития музеев, галерей, театров, а также шаг на пути к созданию единого европейского культурного пространства. Сертификат соответствия Европейскому музейному стандарту качества выдается учреждениям, отвечающим критериям общеевропейской концепции музея и установленным Европейской экономической палатой торговли, коммерции и промышленности. К данным критериям были

отнесены следующие: предоставление качественных музейных услуг, наличие профессионального опыта и возможность оказания специальных экспертных консультаций*.

Все вышеизложенное позволяет говорить о необходимости для европейского музейного сообщества адекватно и целостно воспринимать тенденции современного общества, решать проблемы совершенствования деятельности современного музея в условиях становления нового социокультурного порядка, основанного на инновационных тенденциях информационного общества, а также в условиях мирового финансового кризиса.

Понимание сложившейся ситуации изменяет представление о коммуникации для разных типов музеев, а также представление о критериях эффективности музейной работы. Примером тому может, в частности, служить опыт Великобритании, где появилось новое поколение музейных менеджеров, иницирующих новую проектную деятельность, а также активно привлекающих спонсорские организации и фонды для реализации наиболее амбициозных, крупных и долгосрочных инициатив. Один из критериев успешной деятельности европейских менеджеров кроется в понимании музея как органичной части современной культуры, способной ощутить современный контекст, а также использовать новые веяния информационных технологий в своей работе. И это неслучайно, поскольку особенности нынешней социально-экономической ситуации требуют от современных музеев изменения своей политики — как экономической, так и коммуникационной.

Музеи становятся более открыты обществу, признавая долю своей ответственности за решение многих глобальных проблем, стоящих перед обществом (межэтнических, экологических и др.), определяют пути взаимодействия музея и посетителя, а также пути преобразования музеев из пассивных хранителей свидетельств материальной культуры в институты, активно способствующие социализации личности, более открытые и чуткие

к насущным потребностям современного человека. В связи с этим меняются приоритетные направления деятельности современного музея, когда внимание акцентируется не на предметных экспозициях и коллекциях, а перемещается в сторону активного взаимодействия и исследования целевой аудитории, на которую направлена деятельность музея, что не означает отказ либо уничтожение традиционных функций музея.

Новые грани музейного диалога с посетителями

Интерес к посетителю как к главной фигуре музейной коммуникации ускоряет процесс пересмотра общей концепции музея как социального института. *Большинство музеев Европы перестали быть закрытыми, академическими институтами, они представляют сегодня гостеприимное, вдохновляющее и привлекательное публичное пространство, где внимание сосредоточено на направлениях, формах и методах контакта музея с потенциальной и реальной аудиторией, а также на определении стратегии развития музейной деятельности по отношению к посетителю.* Эффективность контактов музея с посетителем зависит от мобильности в организации разнообразных форм взаимодействия с ним.

В современных условиях происходит видоизменение традиционных форм и появление инновационных. Например, традиционная экскурсия меняется за счет внедрения нетрадиционных методов: театрализации, игрового, диалогического общения и т. д. Такая экскурсия создает возможности не просто информировать, а помогает включиться в диалог культур, прочувствовать характерные особенности музейной историко-культурной среды. В этом смысле «общение» музея с посетителем предполагает установление взаимных деловых, эмоциональных или дружеских контактов на основе общих интересов, связанных с тематикой или содержанием его коллекций. Общение в пространстве музея с использованием его экспозиций или территории очень специфично, так как темы, стиль и способы общения изначально заданы самим музеем,

* <http://www.athenaeurope.org/getFile.php?id=396>

заложены в музейной информации, определены профилем музея, что предоставляет широкие возможности для содержательного, заинтересованного и неформального межличностного общения.

К примеру, проект Счастливый музей (Happy Museum) убедительно показал, что музеи могут перейти от своих прямых обязанностей по сохранению и представлению коллекции к более широким вопросам, которые сегодня волнуют общество. В рамках этого проекта исследуется роль музея как социального пространства, выполняющего свою функцию по объединению людей, становясь местом для их встреч, а также предоставляют возможность пережить достойный опыт здесь и сейчас. Такой опыт дает возможность слышать своего потенциального посетителя и впустить его в мир создания выставочной экспозиции, когда посетитель становится неформальным сотрудником музея, предлагая свои идеи, что совершенно не свидетельствует о снижении академического уровня музея. К примеру, в галерее World City Gallery (Лондон), которая посвящена истории города с 1950-х гг. по сегодняшний день, создана интерактивная площадка постоянно меняющейся информации. Суть данной площадки состоит в том, чтобы выявить наиболее актуальные темы, а также узнать точку зрения жителей Лондона на вопросы, влияющие на развитие их города и жизни в целом.

Еще одним убедительным примером непосредственного участия в создании выставки можно считать «Музей разорванных отношений» в Загребе (Хорватия), который получил специальный приз имени основателя Европейского музейного форума Кеннета Хадсона. Коллекцию музея составляют вещи, пожертвованные музеем бывшими любовниками. Например, среди экспонатов этого необычного музея можно увидеть топор, с помощью которого оставшаяся одна девушка справлялась с гневом, протез ноги, «переживший любовь» ветерана войны и медсестры, целую коллекцию нижнего белья, свадебное платье и т. п. Данные вещи представлены как арт-объекты. Музей продолжает расширяться и по сей день — основатели предлагают всем желающим стать частью «коллективной эмо-

циональной истории», пожертвовав в собрание музея вещь, которая напоминает о неудачных отношениях.

Удачным примером взаимодействия и глубинного общения потенциальной аудитории с музеем служит «Музей Наводнения» в Голландии, получивший приз «Силлетто» за инновационный подход. Собрание музея посвящено природной катастрофе, произошедшей у берегов Голландии в 1953 г., когда вода проникла вглубь страны на 60 км и унесла жизни более 1800 человек. Сами здания музея являются своеобразным памятником истории — с их помощью голландцы пытались удержать напор воды, поступавшей из Северного моря. Экспозиция музея посвящена людям, ставшим жертвами наводнения, волонтерам, помогавшим преодолеть природную катастрофу, а также периоду реконструкции и механизмам обращения людей с водной стихией. *И если раньше музеи считали, что их аудитория — это средний класс, профессионалы, обладающие высоким интеллектуальным потенциалом и соответственно их дети как преемники высокой культуры, то сегодня музеи работают со своей публикой гораздо шире, независимо от возраста и образования. Вектор современного развития музея задает направление в работе с посетителями, охватывающее интересы различных категорий и групп населения.*

Менеджеры современных европейских музеев, к примеру, Tate Modern (Галерея современного искусства в Лондоне)* пытаются создать возможность особой интерпретации коллекции, которая представлена различными форматами, соответствующими различному уровню и типу образования людей, экспозиция создает впечатление многослойности, многоуровневости в целях возможности перехода посетителя с одного уровня на другой. Кроме того, считается, что интерпретация отражает различные мнения о произведениях искусства и содействует созданию диалога. Подобный диалог важен при создании межкультурных, этнических выставок, поскольку он во многом способствует смягчению межнациональных, конфессиональных, социальных и других конфликтов. К примеру, Музей

* <http://www.tate.org.uk>

мировых культур в Германии (The Rautenstrauch-Joest-Museum in Cologne) придерживается открытой и инклюзивной политики, направленной на сближение культур и преодоление социальных и политических барьеров. Творческий подход в использовании передовых информационных и коммуникационных технологий создает условия, обеспечивающие доступность музея для поистине широчайшей аудитории. Музей не только рассказывает о разных культурах мира, но прежде всего показывает то, как формируются культуры и как при встрече разных культур происходит их взаимодействие, как складывается их взаимное восприятие. В поисках новой модели представления своих богатейших коллекций сотрудники музея отказались от традиционного географического принципа построения экспозиции и избрали тематический подход. В результате этого были созданы: новое содержание, новая интерпретация и дизайнерские решения — все это открыло новые возможности и создало новую парадигму для музеев антропологии и этнологии. Члены жюри конкурса «Лучший европейский музей года 2012» подчеркнули: «Музей продемонстрировал, что он готов служить мультикультурному обществу, и взрослым, и детям, как в рамках выставок, так и множества фестивалей и образовательных курсов. Каждый посетитель найдет, чем можно восхищаться и над чем поразмыслить. Музей не только является окном в мировые культуры, но и прежде всего описывает, как формируются культуры, как они воспринимают друг друга. Музей предлагает своим посетителям оставить предубеждение и пуститься в путешествие, одновременно красивое и умное, не банальное, но восхитительное. Музей старается развивать политику включенности и открытости, политику, которая направлена на то, чтобы связывать культуры и переступать через социальные и политические границы. Его креативный подход к использованию передовых информационных и коммуникационных технологий создает необходимые условия для того, чтобы дать возможность доступа для как можно более широкой публики»*.

* <http://www.museenkoeln.de/rautenstrauch-joest-museum/>

Сегодня музеи Европы активно работают с представителями «маргинальной» части общества, делая их более социально включенными: это люди с ограниченными возможностями и особыми потребностями, бедные, безработные, беженцы и заключенные. Среди них есть люди, нуждающиеся в особых формах общения и специальных методиках, а также посетители с отклонениями в психофизическом развитии, инвалиды, трудные подростки, участники военных конфликтов, беженцы и переселенцы и т. д. В связи с этим активно развивается такое направление, основанное на возможностях воздействия изобразительного искусства на психологическое состояние человека, как арт-терапия. Опыт и участие представителей этих слоев населения используются при комплектовании фондов, изучении, интерпретации и презентации коллекций, они приглашаются для ведения экскурсий.

Важным фактором поддержки уволенных по сокращению либо вышедших на пенсию, но компетентных специалистов стало привлечение их для работы в музеях. Так, в музее шахты Курье (г. Сент-Этьен, Франция) гидами и научными сотрудниками работают бывшие шахтеры, инженеры; при музее-порте в Дуарнене (Франция) создан город мастеров, где бывшие судостроители и рабочие верфи показывают процессы постройки и ремонта судов. Музей чтения (Reading Museum Беркшир, Великобритания) проводит инновационную программу под названием «Невидимые голоса», где писатели и поэты занимаются с малолетними правонарушителями и вдохновляют детей на творчество и создание собственных произведений.

Одной из основных целевых аудиторий современных европейских музеев является молодое поколение. Зачастую в музеях можно увидеть объявление о проведении образовательных семинаров, лекций для учителей и школьников. Особенность таких программ состоит в том, чтобы посредством имеющегося эмпирического материала реконструировать исторический контекст, эксплицируя его на современный опыт. Это дает возможность современному посетителю углубиться в тайны исторического процесса, не только прослушав официальный академический контекст, но и самостоятельно интерпретировав то или иное

явление культуры, которое доступно всем посетителям музея, галереи. И этот процесс выводит данные образовательные программы за рамки стандартного познавательного процесса.

Освоение музейной информации на принципиально новом уровне происходит в процессе посещения музея и вовлеченности субъекта в образовательный процесс, включающий передачу и усвоение знаний, а также приобретение умений и навыков в процессе музейной коммуникации. *Обучение в музее предполагает получение дополнительных или альтернативных знаний, которые невозможно или не в полной мере возможно получить в других образовательных учреждениях. Отличительными чертами обучения в музее являются в первую очередь неформальность и добровольность*, что особо актуально сегодня. Особенностью обучения в музее является возможность максимально реализовать свои способности и удовлетворить интересы. В процессе обучения в музее личное эмоциональное переживание углубляет полученную вербальную информацию. Обучение стимулируется экспрессивностью, разнообразием и подлинностью музейных предметов. Примером может служить музей Риверсайд (Riverside Museum в Калифорнии*, который предлагает разнообразные студийные арт-классы и семинары для детей и взрослых всех слоев общества, а также для людей с сенсорными нарушениями (слепота, глухота). Кроме того, важным обучающим каналом является вербальное восприятие объекта, особенно это важно для детей, в значительной степени чувственно воспринимающих явления мира. В этом смысле музей дает неоценимый опыт прикосновения к истории, особенно активно используя в последнее время опыт работы с детьми. В частности, в «Галло-римском музее» в Тонгерене (Бельгия)**, в котором представлено около 2 тысяч экспонатов, рассказывающих историю человека с древнейших времен до конца римского периода, для детей организован показ мультфильмов об истории региона и присутствуют интерактивные экспонаты, которые нужно трогать руками. Помимо архео-

* <http://www.riversideartmuseum.org/education/>

** <http://www.tate.org.uk/learning/youngtate/artlookers>

логических находок здесь представлены макеты, брошюры и учебные фильмы на четырех европейских языках (голландском, французском, немецком и английском).

Как уже было отмечено, музеи сами определяют свою целевую аудиторию, но необходимо подчеркнуть, что *современные музеи стараются искать новые подходы к увеличению числа потенциальных посетителей, иницируя исследования и социологические опросы с целью выявления потребностей и ожиданий разных групп населения*. Данную тенденцию к расширению целевой аудитории европейских музеев можно проследить по проектной деятельности музеев. В частности, в Великобритании при составлении заявки на финансирование проекта необходимо указывать целевую аудиторию. Идея состоит в том, чтобы те услуги, которые финансируются, предоставлялись максимальному количеству людей. Британское правительство подчеркивает необходимость работы с такими аудиториями, как этнические меньшинства, молодежь и дети. Также ставится задача по увеличению количества посещений людей с ограниченными возможностями, инвалидов, пенсионеров, социально незащищенных людей. Данная направленность говорит о внимании английского правительства к сфере культуры, качеству предоставляемых услуг и доступности для населения культурного наследия, а также о формировании особого отношения к сфере культуры как непосредственному участнику развития и образования общества.

IT как средства создания музейных экспозиций

Еще одной особенностью современного европейского музея является не только ориентация на целевую аудиторию, но и специфика аккумулирования историко-культурного опыта, а также его трансляция посредством экспозиции. *Технология экспонирования в условиях информационного общества связана с модернизацией методов, приемов, способов музейной работы на основе принципов вариативности, гибкости, открытости по отношению к инновациям. В то же время принцип гибкости*

предзадает необходимость оптимального сочетания традиционных и инновационных элементов музея в современной культуре. Особенность музейной формы передачи информации состоит в том, что музейная экспозиция как модель действительности через конкретные музейные предметы передает не просто факты, но суждения, представления и отношения к ним.

Современный уровень развития экспозиции как основной формы взаимодействия с посетителем определяет необходимость разработки новых, наиболее эффективных подходов к ее совершенствованию, которые проявляются: в изменении методологии экспозиции, основанной на так называемом концептуальном подходе или «сценарии», предполагающем разработку как научной, так и художественной концепции представляемого материала, активном использовании в экспозиции аудиовизуальных средств, что является способом усиления эмоционального воздействия. Они помогают современному человеку, в обыденную жизнь которого подобные средства активно включены и являются для него привычными, адаптироваться в историко-культурном пространстве музея; в ансамблевом показе музейных предметов, основанном на представлении музейных предметов в их естественной «жизненной» взаимосвязи. Уход от демонстрации плоскостного материала усиливает воздействие экспозиции, помогает «прочтению» ее без дополнительных словесных «переводов».

Помимо классического метода интерпретации — текста, в котором раскрывается кураторское видение данного зала в экспозиции, музеи предлагают дополнительные сопроводительные тексты, написанные внешними авторами — критиками, искусствоведами, исследователями. Таким образом, посетителям предоставляется возможность ознакомиться с альтернативным видением экспозиции. Для более полного ознакомления с экспонатами посетителям предоставляются аудиогиды, которые зачастую включают речь самого художника, автора произведения, а также его рассказ о своей работе. Интересен опыт Tate Modern, когда посетители получали компьютеры-наладонники (КПК), с помощью которых они могли посмотреть короткие видеоклипы или просто картинки, создающие контекст произведения ис-

кусства. Они могли поиграть в интерактивные игры, послушать аудиокомментарии или музыку, относящуюся к произведениям искусства, а также могли наблюдать процесс создания художником произведения. Положительное впечатление от данного проекта создавалось тем, что посетители могли получать информацию в желаемом для них порядке, а вовсе не следовать по какому-то заранее выбранному маршруту. Еще одна программа, которую разрабатывает отдел образования данного музея, называется «Подкаст» (podcast). Это слово — гибрид из двух английских слов broadcasting (вещание) и Ipod. Первая экскурсия-подкастинг была создана в рамках просветительской работы музея с молодежью. Новый подкаст, над которым работают сотрудники Тейт Модерн, разработан вместе с сотрудниками Лондонского университета, он посвящен взаимоотношениям между материалами, естественными науками и искусством. В его основе будут задействованы не только визуальные, но и осязательные анализаторы. Программа «Тейт Шотс» (Tate Shots)* предоставляет возможность посмотреть около шести видео в месяц. В программу входят разговоры с художниками, посещение их мастерских, а также специальные экскурсии за пределы экспозиции, т. е., например, в запасник, где вы можете послушать, что вам расскажет куратор или хранитель. Также среди них есть и короткие видео, которые показывают представления, перформансы, происходившие в галерее. Эти программы разработаны для того, чтобы смотреть их не только в галерее, но и в удаленном доступе.

Во многих европейских музеях сегодня распространена практика мультимедийных экскурсий. Целевую аудиторию таких экскурсий составляют люди, которые хотели бы получить базовую информацию о современном искусстве и истории искусства XX в., изложенную простым, доступным языком.

В работу музеев с посетителем активно внедряются анимация и интерактивность. Средства анимации используются в музеях какой-либо исторической эпохи, где персонажи в соответствующих костюмах «оживляют» место и время. Так, в Музее

* <http://www.tate.org.uk/tateshots>

декоративно-прикладного искусства (Париж, Франция) была воссоздана улица Парижа середины XIX в. с кафе, ателье, магазинами и т. п., куда могли зайти посетители, чтобы почувствовать аромат ушедшей эпохи. На музеефицированном отрезке железной дороги в Словакии курсирует отреставрированный локомотив начала XX в. и пассажиры, покупая билет на этот поезд, совершают путешествие во времени (вдоль дороги, на станциях, а также в купе сохранены или восстановлены все реалии начала века). Принцип анимации часто применяется в музеях под открытым небом Швеции, Дании, Венгрии, Польши, в экспозициях живых исторических ферм Великобритании.

Экскурсоводы или аниматоры в таких музеях либо волонтеры, либо актеры, наглядно демонстрирующие уклад жизни различных эпох и народов. Основная цель анимационного метода — не просто предьявить посетителю музея предметный мир прошлого, но и показать взаимодействие человека с этим миром, вовлечь его в действие. Чаще интерактивность используется техническими и естественнонаучными музеями. Главный принцип — развлекающая, заинтересовывающая, пробуждающая творческую активность. Различные модели интерактивности применяются в Городе науки и промышленности Ла-Виллет (Париж, Франция), в музее «Эврика» (Финляндия), Музее науки в Барселоне. Еще один вариант интерактивного интерфейса, который называется «дотронься и послушай» (touch & listen), в Tate Modern — это огромная инсталляция Джозефа Бойса (Joseph Boose), где, дотронувшись до разных участков инсталляции, посетитель может услышать аудиокomentarий по каждой части. Еще одной иллюстрацией новых технологий в Tate Modern может быть работа Сальвадора Дали «Телефон-омар» (Salvador Dalí, «Lobster Telephone»). Это пример интерактивной игры, которая очень нравится посетителям. В основе этого продукта лежит игра, в которую любили поиграть сами сюрреалисты, она называлась «изысканный труп». В эту игру можно играть вдвоем. Один выбирает голову, второй — туловище, первый — ноги, второй — ступни, в итоге получается довольно странное существо. Кроме того, появились современные методы и воз-

можности изготовления копий, муляжей, особенно на этнографических и природоведческих выставках, что позволяет посетителю быть не пассивным, а активным зрителем.

Современный уровень развития информационных технологий обеспечивает внедрение новых способов информирования в музее, например с помощью специального информационного центра. Создание подобных центров входит в практику музеев многих стран. Информационное обслуживание с помощью компьютеров включает в себя самые разнообразные способы представления информации посетителям, начиная от прекрасного качества указателей, планов и путеводителей как для взрослых, так и для детей, до использования информационных станций (киосков), установленных в холле или в залах музея с подключением к Интернету. Такие информационные киоски имеются в крупных музеях мира: Лувре, Государственном Эрмитаже, Метрополитен-музее и др. Информационные системы содержат качественные изображения экспонатов с указанием их местоположения, сопроводительную и разъяснительную информацию и многое другое.

Современными европейскими музеями активно используется потенциал социальных сетей (Twitter, Facebook и фотосайт Flickr), что позволяет музеям активнее привлекать аудиторию и таким образом вести дополнительные маркетинговые исследования. Музей Лондона создал приложение для мобильных телефонов-коммуникаторов, которое служит гидом по Лондону времен Римской империи: Амфитеатру или храму Митры. Это приложение использует видео и дает возможность соприкоснуться с другой реальностью. С помощью приложения для iPhone здесь можно виртуально раскопать древнеримские артефакты в тех местах, где они были найдены.

Сетевая структура организации музейной деятельности

Немаловажным аспектом развития современного европейского музея становится не только его открытость потенциальной аудитории, а также экспозиционная деятельность,

но и развитие особой сетевой структуры взаимодействия. Данная структура позволяет музеям решать актуальные задачи за счет взаимовыгодного сотрудничества, совместными усилиями осуществлять общие проекты, создавать экспериментальные условия для лучшего функционирования каждой из сторон, в результате чего появляются новые формы деятельности и используются современные инструменты в музейной работе.

В музейной сфере — это прежде всего развитие функциональных связей музеев с организациями, не являющимися «единицами» музейной сети: учебные заведения, готовящие специалистов для музеев; исследовательские, аналитические, инновационные, информационные, методические, консалтинговые, координационные центры; объединения музеев типа союзов, содружеств и ассоциаций; общественные организации музейных работников, друзей музеев и т. п. Они являются неотъемлемой частью музейной сферы как объекта музеологических исследований, музейного проектирования, музейного менеджмента, музейной политики. К примеру, Музей текстиля (Тилбург, Нидерланды) предлагает не только исторический взгляд на его фабрики, но и открыл лаборатории для разработки, производства и развития текстильной промышленности, чем создал имидж уникального учреждения, которое сочетает в себе музей, лабораторию и образовательный центр, в основе которого позиционируются наследие, дизайн и инновации.

На современном этапе, по мере того как у музеев Европы, территориальных музейных комплексов и музейных организаций начинают возникать и укрепляться более широкие в пространственном плане, более долговременные и разнонаправленные деловые связи с предприятиями и организациями, далекими от музейной деятельности, но заинтересованными в развитии сотрудничества с музеями как стратегическими партнерами, границы музейной сферы еще более расширяются. Чаще всего это обретает организационное оформление в виде совместных программ и проектов, иногда — в виде партнерских объединений. Участвующие в них немuseumные организации и предприятия по-

падают в рамки музейной сферы*, но при этом, конечно, не являются единицами музейной сети.

Среди услуг, предлагаемых европейскими музеями, можно отметить: доступ к музейному собранию; ориентацию в системе культурных ценностей; условия для самообразования, общения, творчества, развивающего досуга, развлечений; помощь в образовательной и просветительской деятельности; услуги информационные, справочные, рекламные, представительские, имиджеформирующие, туристические, экскурсионные и др. Открытость к подобного рода услугам, безусловно, повышает интерес потенциальной аудитории, но также дает возможность современным европейским музеям получить дополнительную прибыль, что немаловажно в условиях ограниченного финансирования. Вследствие чего можно заметить поощрение данной деятельности Европейским Союзом музейных организаций. Так, в 2012 г. жюри Европейского музейного форума отметило «Музей Дору», расположенный недалеко от города Пезу-да-Регуа (Португалия). Это краеведческий музей, рассказывающий историю винодельческого региона Дору. Музей находится в старом здании, символизирующем историю производства вина. Там, в частности, можно посмотреть, как создавалось вино, узнать о природных особенностях региона и изучить самые известные марки портвейна. Музей вышел за рамки своей привычной деятельности и ныне является культурным центром региона, где есть пространство для выставки, ресторан, библиотека и винный бар с видом на реку Дору. Еще одним музеем, поразившим жюри форума, стал музей в Центре андалусской культуры. Экспозиция размещена здесь на двух этажах здания. В первом зале собраны экспонаты, демонстрирующие в том числе развитие экономики и сельского хозяйства, во втором — рассказывающие о жизни андалусского общества в период войны и мирное время. Третий зал посвящен «ежедневной жизни» жителей региона, а четвертый — его

* Никишин Н. А. Музейная сфера в эпоху сетевых технологий // Сайт «Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии». 2001. (<http://www.adit.ru/rus/publication/web/paper.asp?number=A2001068>).

искусству и культуре. При этом каждый зал оснащен интерактивными досками, сравнивающими прошлое и настоящее как отдельного испанского региона, так и всей страны в целом. Помимо музея в здании находятся библиотека, медиатека, ресторан и культурный центр, рассказывающий о различных аспектах жизни и истории испанского региона.

В европейских музеях сувенирный магазин при музее является не только экономически необходимой единицей получения прибыли, но рассматривается как часть коммуникативного пространства музея. Анализ ассортимента музейных магазинов может выявить целевую аудиторию музея, понимание потребностей современного посетителя, а также определить форму подачи экспозиционного материала.

Этот далеко не полный перечень современных музейных сервисов показывает, что музей оказывается субъектом нескольких потребительских рынков. Значительная часть музейных услуг востребована и оплачивается различными категориями покупателей: научными организациями, учебными заведениями, органами местного самоуправления, благотворительными фондами, коммерческими компаниями, средствами массовой информации и др. Но в данном случае не стоит понимать эти отношения как сугубо рыночные, поскольку в основе сотрудничества лежит метод координации деятельности, где взаимоотношения между сетевыми организациями обеспечиваются одновременным или последовательным участием всех их элементов.

Аналогичные отношения складываются между организациями, обладающими несимметрично или непропорционально распределенными ресурсами. Осознавая это, они добровольно объединяют эти ресурсы или совместно их используют для достижения собственных или общих целей. Благодаря расширенному взаимодействию музеи получают дополнительные преимущества, например на рынке туристских услуг, действуя согласованно со смежными субъектами коммуникации (другими музеями, предприятиями туристской инфраструктуры, туристскими агентствами и т. п.) и формируют с ними не конкурентные, а союзнические отношения. Это позволяет каж-

дому из партнеров использовать возможности, которые им по отдельности недоступны. Партнерами музея могут быть различного рода организации, предприятия, частные фирмы, заводы, юридические лица и т. д. Под словом «партнерство» в данном случае понимается взаимовыгодное сотрудничество, инициатором которого может выступать любая из сторон. На практике такого рода партнерство достаточно распространено в европейских музеях, к примеру Музей Амстердама (Голландия) заключил договор с единственной фабрикой, производящей знаменитый и очень востребованный покупателями дельфтский голубой фарфор, которая производит эту посуду еще со Средних веков. Отличить от исторической эту утварь можно только по штампу Amsterdam Museum, который стоит сзади. Кроме того, музей в целях привлечения дополнительной прибыли разработал целую систему аренды музейных помещений под разные целевые мероприятия: научные конференции, свадьбы, тематические вечера. Для организации мероприятий в музее создан специальный event-отдел, что говорит о востребованности услуг, предоставляемых музеем. *В то же время музей удерживает определенный баланс между развлекательным компонентом деятельности и познавательным, выполняя образовательную миссию, учитывает потребности и интересы аудитории.*

Музеи всё более активно завоевывают свое место в индустрии досуга с учетом собственной рекреативно-познавательной специфики, постепенно преодолевая сложившуюся точку зрения на них как на исключительно научно-просветительские учреждения.

Организации или частные лица, оказывающие музею финансовую помощь, ждут от подобного сотрудничества реализации каких-либо собственных целей и интересов. Прежде всего оно предоставляет дополнительные возможности для рекламы деятельности и товаров или услуг фирмы. В качестве примера можно привести проект Рексмузея (Амстердам) с крупной промышленно-торговой компанией НЕМА, когда музей предоставил некоторое количество изображений из своей коллекции для использования их в промышленном дизайне. Данное сотрудничество более выгодно и эффективно, чем затраты на

покупку эфирного времени или рекламных площадей в печати. Создание привлекательного имиджа в связи с участием в реализации социально значимых проектов и программ, а значит, социальной значимости, — таковы цели участия бизнеса в музейной деятельности.

В целом анализ современной музейной деятельности в странах Европы позволяет говорить о существовании некоего единого музейного пространства Европы, которое характеризуется модернизацией методов, приемов, способов музейной работы на основе принципов вариативности, гибкости, открытости по отношению к инновациям.

Европейские музеи приходят к необходимости оптимального сочетания традиционных и инновационных элементов музея в современной культуре. Повсеместно изменилось представление о критериях эффективности музейной работы. Интерес к посетителю как к главной фигуре музейной коммуникации привел к пересмотру общей концепции музея как социального института, произошло переосмысление способа коммуникации, управления, функционирования музеев, они становятся гибкими и мобильными, вбирая в себя новые научно-технологические достижения.

Музей стоит на пороге превращения его в динамично развивающуюся отрасль науки, искусства, бизнеса и культуры. Европейские музеи репрезентируют концентрированный образ истории и культуры, становясь частью информационного пространства в условиях изменения социальной среды и доминирующих культурных ценностей, появления новых управленческих структур.

Стратегия развития современного европейского музея предполагает взаимосвязь внешних и внутренних факторов развития: определения цели развития музея и развернутой программы ее достижения; создания условий, предполагающих развитие профессиональных качеств сотрудников и специалистов с привлечением новых гуманитарных, информационных и телекоммуникационных технологий; открытости музея, подразумевающей взаимодействие и обмен опытом; использование информационных технологий и новейших

средств коммуникации, а также планирование развития музея в новых условиях.

Большинство европейских музеев, сохраняя культурно-историческую специфику региона и тематическую направленность своей деятельности, прибегают к разным путям достижения поставленных целей. Большинство, пытаясь быть современными, активно используют новейшие средства коммуникации, создавая виртуальные объекты и мультимедийные инсталляции, насыщая экспозиции экранами или транслируя информацию прямо на мобильный телефон посетителя. Существует и противоположное восприятие новых технологий, когда музейные менеджеры целенаправленно отказываются от использования технических средств коммуникации, избегают в экспозиционной деятельности экранной зависимости современного общества, а пытаются обнажить исторические факты, представленные в коллекции, работая с пространством и атмосферой, создающей эффект временного пространства. Некоторые музеи специализируются на постоянном построении диалога с потенциальным посетителем, разворачивая его по ту сторону экспозиции.

Тем не менее важной чертой в организации музейной деятельности остается ее историческая преемственность относительно современного культурного пространства. Трудно представить отрешенность человеческого бытия от таких великих культурных интерпретаторов, которые обогащают мировосприятие и тонкую душевную организацию человека, как *Лувр или Эрмитаж, Ватикан или Дрезденская галерея, Уффици или Музей Прадо.* Особенность таких крупных музейно-культурных комплексов состоит в том, что, вбирая в себя элементы современной культуры, они сохраняют свою специфику и уникальность как культурно-исторические объекты. *Использование новых средств коммуникации и презентации не становится целью в себе, а лишь служит средством для лучшей репрезентации специфики музейной работы.*

Таким образом, особый баланс и сочетание в европейских музеях консервативной структуры, традиционных функций музейной деятельности в комбинации с технологическими инновациями сегодня и, вероятно, в ближайшей перспективе дадут

возможность обеспечивать сохранение глубинной связи времен посредством музейной практики и выступают одним из элементов современного европейского культурного процесса.

Глава 7. Европейское искусство кино

Нельзя рассматривать состояние европейского кинематографа XXI в. как следствие счастливого или неудачного стечения обстоятельств. Сегодня зритель (и благодарный, и раздраженный) получает в свое распоряжение закономерный результат функционирования сложной системы, основные механизмы которой продолжают работать. Так, неустранимы два измерения, определяющие эволюцию кинематографа: художественное (киноискусство) и производственно-экономическое (киноиндустрия).

С одной стороны, режиссеры берутся формировать киноязык, способный засвидетельствовать самобытность национально-культурного самосознания. С другой стороны, его массовый характер определяет сугубо коммерческие приоритеты: финансовый успех, окупаемость кинопроката на внутреннем и внешнем рынке и т. п.

В разных странах вырабатываются свои методы обеспечения эффективности киноиндустрий. Кто-то покорно принимает эстетические стандарты коммерчески успешных образцов; кто-то подлаживается под американский вкус; кто-то формирует благоприятную политику проката и финансовой поддержки для национальной киноиндустрии; наконец, единицам удается подчинить мировое кинопроизводство собственной гегемонии. Последний вариант временно опробовала Германия и успешно осуществила Америка. Магнаты американского кино сделали все, чтобы постепенно захватить важнейшие позиции во Франции, Италии, Англии и других странах Европы, вызвав тем самым ответное стремление к не-

зависимости. Так или иначе, «особенности кинопроката стали одной из исходных точек обособления национальных школ»*.

Таким образом, формирование национальных кинематографий вынужденным образом соотносится с коммерческими выгодами, а не только с эстетическими достижениями. Эксперименты киноязыка, выходящие за стандартные — «обкатанные» приемы, не всегда соответствовали требованиям прокатного спроса. Недоверчивое и подозрительное отношение к таким проектам являлось типичным для трезвомыслящих продюсеров, поскольку «это коммерсанты, они вкладывают капиталы и не станут из одной любви к искусству разоряться»**. Кроме того, близкие какой-либо культуре фильмы в границах другой страны могли не заинтересовать зрителя. Возможно, единообразие культурных ценностей европейских стран и Америки (наиболее серьезного конкурента кинопроката) уравнило бы коммерческие успехи кинопродукции. Однако такого единства никогда не наблюдалось в прошлом, и тем более — сегодня.

До середины XX в. принадлежность к той или иной европейской стране демонстрируется не столько намеренным педализированием этнографической специфики, сколько вкладом в мировую копилку художественного опыта достижений, предоставленных в «общее пользование». Скорее была важна «разработка эстетических систем, кардинально отличающихся от американской „нулевой степени кино“»***. Многие киношколы хорошо усвоили, что наиболее эффективным средством противостояния голливудской модели является неунифицированный киноязык. Восторг и благодарность за освоение новых средств выразительности, «закрепленных» за конкретной национальной кинематографией (в форме немецкого экспрессионизма, итальянского неореализма, французского

* Разлогов К. Мировое кино: История искусства экрана. М.: Эксмо, 2011. С. 16.

** Садуль Ж. Всеобщая история кино. 1914–1920. М.: Искусство, 1961. Т. 3. С. 48.

*** Самутина Н. Современное европейское кино и идея культуры «прошлого» (<http://viscult.ehu.lt/article.php>).

авангарда и др.), автоматически выделяет их в общем европейском кинопространстве. Другое дело, что за этой творческой работой стоит специфика национально-культурного менталитета, ориентирующего кинематографический интерес, «адресность» его взгляда.

Европейское кино XXI в.: сто лет после детства

В кинематографической практике Европы с конца 1950-х гг. возникает и утверждается феномен «авторского» режиссерского кинематографа (арт-кино) «как модели, выстроенной вокруг фигуры режиссера-творца, решающего средствами кино сложные культурные задачи»*. В этом случае именно режиссер (а не продюсер, как в Америке) несет основную ответственность за фильм. Среди его признаков: ориентация на проблемность, на новаторство и оригинальность киноязыка, обращение к личности, подчеркнутый интеллектуализм, внимание не к действию, а к самой концепции фильма. С этого момента не направление, принадлежащее кинематографу конкретной страны, а индивидуальность автора задает характеристики современного кинопространства.

Другой фактор, определивший состояние кино XXI в., связан со сложностями глобализирующейся объединенной Европы. Установка на «единство разнообразия» и «Европу регионов» просто обязывает поддерживать фильмы, репрезентирующие региональную этническую и культурную идентичность. Эффективным механизмом такой поддержки становится практика совместных проектов по производству фильмов (копродукции) разными европейскими странами при финансировании этих начинаний специально созданными европейскими структурами. В принципе, созданы потенциальные условия для арт-кино (и не только), пожелавшего привнести в художественное решение фильма отчетливые черты национального менталитета.

С другой стороны, построение «общеευропейского дома», предусматривающего единство разнообразных народов и инокультур-

* Там же.

ных ценностей, потребовало и нового единообразия. У кинематографий появляется забота — средствами киноязыка выразить идеологию общеевропейской идентичности, поиском и утверждением которой с 1990-х гг. интенсивно занимается европейское сообщество. Несмотря на сложность проблемы, «кинематограф 90-х включился в общий бурный контекст европейских дискуссий активным производством фильмов, утверждающих европейскую кинематографическую модель и прямо ведущих речь о современной Европе»*. Кино принялось осуществлять скорую помощь, объясняя среднему европейскому зрителю, что такое «европейскость», демонстрируя посредством кинообразов основные ценностные ориентиры (свобода личности, совести, либерализм и т. д.). Так с объединением Европы самобытность отдельных кинематографий вынужденным образом должна была вписаться в общее культурное пространство.

Кому по силам формирование единой кинематографической модели? Безусловно, «звездным» режиссерам авторского кино. Одни взялись конструировать образ идеальной Европы. Другие — жестко критиковать природу благополучия общего «европейского дома». В любом случае, совокупность эстетических признаков таких фильмов избегает маркировки «страны-производителя», т. е. отчетливых признаков национальной специфики. Отличительной чертой подобного арт-кино, интересного зрителю любой европейской страны, становится принципиальная вненациональность.

Неоднозначность ситуации заключается в том, что светлый путь формирования общеевропейской модели кино уводит не только за пределы национально окрашенных проблем, но и за границы возможных интересов условного «европейского субъекта». В данном направлении работает та часть арт-кино, которое избегает бытовой и социальной конкретизации и создает некие универсальные — «глобально-метафорические» фильмы. В них могут не опознаваться ни предметы, ни имена, ни география как специфически национальные. Зато мы

* Самутина Н. Современное европейское кино и идея культуры «прошлого».

приобщаемся к творчеству режиссера, сумевшего вечные ценности «тщательно укутать в радикально актуальную форму»*, понятную и близкую уже не только зрителю европейскому, но и американскому, российскому, азиатскому и любому другому. Такое кино попадает в разряд «общечеловеческого» и (наряду с общеевропейской и национальной моделями) принципиально противостоит глобализированному голливудскому продукту. Потому что под «глобализированным» сегодня понимается «американизированный», а вовсе не «общечеловеческий». Киноискусство разоблачает эту разницу, указывая, что «попав в систему голливудского кинопроизводства и проката, режиссер интегрируется отнюдь не в некую наднациональную кинематографию, но во вполне национальное (американское) культурное пространство»**.

Таким образом, комфортные условия кинопроизводства вовсе не ведут к непременному стремлению зафиксировать национальную специфику художественного измерения. И к XXI в. устанавливается сосуществование нескольких тенденций: общеевропейской модели кино, «универсально-метафорических» произведений, глобализационно-голливудской продукции и национальных кинематографий, самобытных в той своей части, которая настырно держится за такие «интимные» составляющие национальной идентичности, как ценности, традиции, совместная история, национальный юмор и т. д.

Противостояние арт-кино и уже «прирученной» голливудской модели вполне привычно и понятно. А вот художественные блага наступающего «кинематографического европейского единства» не вполне очевидны. Повод для опасений дает активное развитие международной копродукции, изначально нацеленной на поддержку национальных кинематографий. Однако на практике это может привести национальные школы и «к средневропейскому уровню качества, а заодно, воз-

* Долин А. Уловка 21 века: Очерки кино нового века. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2010. С. 352.

** «Чужие среди „своих“»: Глобализация и межкультурная диффузия в современном кино / Отв. ред. Д. Л. Караваев. СПб.: Алетейя, 2004. С. 6.

можно, и к потере национального своеобразия»*. Нынешнее кинопространство уже заполнено фильмами, которые окрестили «европудинг», т. е. «сбитыми по успешному образцу „западной красоты“, без гражданства, без лица, без намека на культурную аутентичность»**.

Не меньшую роль в судьбе национальной кинематографии играют художественно-эстетические условия работы режиссеров. В 1990-е происходит существенное обновление киноязыка под влиянием новых технологий и телевидения. Новые возможности демонстрирует применение цифровой видеокамеры. Дэвид Линч, например, не скрывает восторга перед открывшейся свободой творческой самореализации, а вот Педро Альмодовар полагает, что «цифра» убивает эмоции. Несказанную радость принесли компьютерные технологии. Именно спецэффекты виртуальной графики, кардинально меняющие саму природу кино, являются важнейшей составляющей кинопроцесса XXI в. Не секрет, что как скептики, так и фанаты 3D-графики оценивают «оцифрованное коммерческое кино» исключительно по качеству (по зрелищности) спецэффектов. В этом случае ни индивидуальность актера, ни сюжет как таковой роли не играют. Правда, для авторского кино новые технологии становятся подручным инструментом, а не основной целью.

Конец века оказался настолько неопределенным и плюралистичным в стилях, жанрах и художественных формах кино, что этот плодотворный хаос инерционной волной вынесло в первое десятилетие XXI в. *Во-первых, налицо широта кинозгляда, фокусирующегося на проблемах как «вечных», так и злободневных, как освоенных, так и ранее не обыгранных. В ряду доминирующих оказывается тема современности. Причем помимо внятных социально-политических киновысказываний зрителю предлагаются вариации на тему «современный человек в современном мире». Здесь и интерес к традициям и ценностям иных культур (от национальных, до инопланетных), ориентирующих*

* Разлогов К. Мировое кино: История искусства экрана. С. 215.

** Шлегель Х.-Й. Проблемы культурной аутентичности в постсоциалистическую эпоху (<http://www.kinozapiski.ru/ru/article/>).

на проблему межкультурного диалога: его условий и возможностей в конфликтной современной действительности. «Другой» (он же «Чужой») для европейского сознания представляет важный объект идентификации толерантности и ее границ. Кино предупреждает о ксенофобии в тотально некоммуникативном современном мире (К. Дени, О. Ассаяс, В. Вендерс, В. Херцог). Такие режиссеры, как британец Саша Барон Коэн, своими фильмами стремятся «испытать на прочность политкорректные установки мультинациональной глобалистской вселенной XXI века»*. Не меньшую озабоченность вызывают и сложности межличностных отношений, включающие некогда табуированные аспекты любви, секса и чувственности (Ф. Озон, П. Альмодовар, Т. Тыквер). Европейское кино становится культурным индикатором, демонстрирующим предельное отчуждение человека, а также насилие и жестокость повседневной жизни. Тело и его страдания, смерть и бессмертие становятся объектами пристального внимания (Ван Сент, В. Херцог, С. Биер, Т. Винтерберг). А как же с надеждой на «разумное, доброе, вечное», которые обнаруживала в культуре классическая эпоха? XXI веке, принявшему за очевидность факт несостоятельности и призрачности культурного развития, явно не до этого. Свое разочарование и сомнение в значимости культуры, вовсе не устраняющей варварство, предъявляют многие авторы (М. Оливейра, Б. Дюмон, Л. фон Триер). Однако кино выдает не только суровую критику суровой реальности, но и демонстрирует ее спокойное принятие. Так, распространяется кино «о том, что не принято считать важным, но что составляет большую часть нашей жизни»**, кино про «не-событие», гимн пустяку, похвала безделице вместо эпических тем (Б. Бертолуччи, Р. Андерс, К. Занусси). Не покинуто европейским кинематографом и хорошо вспаханное на протяжении всей истории киноискусства тематическое поле, выращивающее жанры научной фантастики, фэнтези, мистики и т. п. Такое зрелищное, преимущественно коммерческое

* Долин А. Указ. соч. С. 256.

** Там же. С. 172.

кино всегда радуется визуализацией ирреального, непознаваемого, таинственного. Но и арт-кино не противится возможности поговорить об обратной стороне очевидной реальности, о прозрачности границ между реальным и ирреальным мирами (А. Аменабар, Ж. Дормель, Ж. Риветт, К. Кисьлевски). И наконец, интересным симптомом современности становится обращение кино к самому себе (П. Альмодовар, Б. Бертолуччи). «Кино» как тема фильма — не сегодняшнее изобретение, но на фоне постоянно всплывающих рассуждений о «смерти» кино представляет собой трогательное «признание в любви к кинематографу». Показательным примером стал совместный проект, в котором приняли участие 36 режиссеров из 25 стран мира. Они сняли фильм с красноречивым названием: «У каждого свое кино, или Как замирает сердце когда гаснет свет и начинается сеанс» (2007), состоящий из новелл о роли кино в современном мире.

Между тем современный мир внес коррективы в понимание того, что есть «правда жизни». Формируется «новый реализм» первого десятилетия XXI в. Модифицируясь под влиянием эстетики телевидения (например реалити-шоу) и цифровых технологий, реалистический подход незаметно утерял свое традиционное содержание. «Прозаический язык» больше не смеет претендовать на передачу «правды жизни», так как сами режиссеры не уверены в такой возможности. Современное кино играючи воспитывает недоверие к истинности документально зафиксированных событий. Хотя камера может бесстрастно следить за происходящим, но зритель должен быть начеку, ведь основная задача — показать зыбкость восприятия человеком мира, который не обязательно есть то, чем кажется, указать на тончайшую грань между фантазией и действительностью, а лучше на ее отсутствие. Крайне важно, что в этом случае ирреальный мир конструируется на реалистическом материале. Сверхдостоверность изобразительного ряда приобретает ценность не сама по себе, а в качестве материала для конструирования философской притчи, мистического детектива, триллера, фантастического сюжета и т. д. Так незаметно в нынешнем кино переплетаются условность и реализм повествования.

Жестокая реальность вдруг преображается в притчу, а метафорическое, полное символов кино строится на достоверности визуального ряда. Об этом знали шестидесятники (символический мир Антониони конструируется на документальном материале), но хорошо прочувствовали и освоили нынешние режиссеры. Например, австриец Ханеке, сообщающий, что любой фильм не есть реконструкция реальности и зритель должен постоянно сомневаться в реалистичности того, что он видит на экране. А вот окончательно расправиться с реальным миром удалось коммерческому оцифрованному кино, в котором «цифра» подменяет действительность в отличие от «ручных» спецэффектов, ее деформирующих. Безупречный по достоверности мир «Аватара» (2009) не вводит зрителя в заблуждение относительно его существования. Такой парадоксальный эффект 3D-графики учел Гильермо дель Торо, использующий в «Лабиринте Фавна» (2006) наряду с новыми технологиями старый добрый прием масок и грима.

Наряду с подобными тенденциями в европейском кино оформилась другая линия — отстаивающая «чистоту» реализма. Открещиваясь от любых приемов символизации, выступая за «реальные истории» и против вымысла, режиссеры всё радикальнее обходятся с действительностью, перемещаясь в область натурализма. Но дело в том, что реанимированный лозунг «жизнь как она есть» на фоне актуализации тем насилия и жестокости позволяет на законных основаниях предлагать зрителю «чернуху», в том числе прикрывшись индивидуальным авторским видением. Возникает вопрос оправданности отдельных форм экранной жестокости. Одно дело, когда это прививка от равнодушия (как у Ханекена), другое дело, если речь идет о стремлении к атрофии чувств и совести. Печаль ситуации заключается в том, что мимикрирующий под «правду жизни» жестокий натурализм превращается в доминирующую тенденцию современного кино, знаменуя приближение эпохи «культурного варварства» (В. Виноградов). Свою лепту вносит неизменно бодрое коммерческое суперкино со спецэффектами, способное вывести на уровень комикса и превратить в чистое зрелище смерть и страдание.

Вместе с тем и глубокомысленную эстетизацию «чернухи» силами авторского кино, и наивную зрелищность мейнстрима нейтрализует ирония постмодернизма. Пикантность постмодернистского мышления, окрасившего культуру второй половины XX в., создает особые условия для вдохновения режиссеров. *Постмодернистское кино любой серьезный материал превращает в ироничное высказывание, понимая, что в мире нет ничего подлинного — только симуляции, и нет ничего оригинального — только повторение. Универсальность подобных представлений, проникающих в кино в большей степени в конце XX в., приобретает национальный колорит в зависимости от чувства юмора и культурного багажа, на котором воспитан зритель. Изобразительная стратегия постмодернизма: не рассказывать традиционных историй и обходиться без внятного сюжета; использовать узнаваемые цитаты, стилевые и жанровые шаблоны. Заглянув в постмодернистское зеркало, культура XX в. смогла увидеть относительность ценностей, понятий добра и зла, неустойчивость границ между дозволенным и табуированным. На этом фоне сравнялись глубокие рвы между массовым кинозрелищем и элитарным кино «высокого искусства». Так постепенно обновлялся коммерческий кинематограф, осторожно, но систематически впитывая приемы и экспериментальные находки оппозиционного лагеря арт-кино.*

Трогательная забота европейского кинематографа о «разноразном» зрителе на этом не завершается, и на сегодняшний день определилась градация кинопотоков под целевую аудиторию. Любителям индивидуального художественного жеста — авторское кино. На зрителя нестандартных вкусов нацелен арт-хаус, зачастую неправомерно отождествляемый с авторским кинематографом. На самом деле это малое количество копий и ограниченный прокат скандального кино «не для многих», для демонстрации которого в Европе была предоставлена территория специализированных кинотеатров (арт-хаус — буквально «дом искусства»). Здесь нашли официальное пристанище темы наркотиков, гомосексуализма, инцеста и т. п., воплощенные в стилистике жесткого натурализма (столь модного сегодня). «Выращиванию»

артхаусного продукта поспособствовали благосклонно настроенные кинофестивали начала 1980-х. Наконец, для массового зрителя всегда наготове неунывающий мейнстрим — коммерческий продукт, имеющий широкий прокат и большое количество копий. *В целом, плюралистичное кинопространство XXI в. позволяет сосуществовать мейнстриму, авторскому кино (арт-кино), и так называемому «арт-мейнстриму» — «эстетическому кентавру», совмещающему коммерческое с интеллектуальным. Нужно заметить, что для нынешнего десятилетия характерно планомерное заполнение кинопространства именно «арт-мейнстримом».*

Трудный путь самоопределения, или Как жить своей жизнью: кино Франции, Германии и Италии

Предметный обзор выдающихся направлений и авторов начнем с французского кино. Безусловно, это уважаемая часть европейского кинопространства — профессиональная в художественном плане и вполне стабильная в производственно-экономическом. Относительно благополучно пережил кризис, связанный с разрушением системы кинопроката (на фоне развития ТВ, видео, массмедиа). Наступает период плодотворного плюрализма эстетических, стилистических и языковых возможностей, мирного сосуществования развлекательного и арт-кино, а также беспрецедентной свободы авторов и обновления мейнстрима. Не миновала **французский кинематограф** и общеевропейская тенденция коммерциализации кино. Под давлением неудержимой тяги зрителя к развлечению и осознанной производственно-экономической необходимости многие режиссеры возвращаются к системе «звезд», стандартизируют приемы, переходят в стан популярных жанров комедии, мелодрамы, полицейского кино. Наконец, завершила XX в. неотвратимость интеграционных процессов, обязывающих французскую кинематографию разделять общие трудности формирования кинопространства «единой Европы». Позади фееричные открытия в области киноязыка,

далеко в прошлом киношколы и направления, гордо представляющие национально окрашенные интеллектуальные и художественные приоритеты. Впереди новые проблемы, как, впрочем, и достижения.

Сегодня французскую кинематографию представляют: авторское кино, глобализированные коммерческие продукты и арт-мейнстримовские образования. Голливудская модель никогда не предусматривала демонстрации культурной специфики, и не делает подобных уступок в нынешнее десятилетие. Но и арт-кино нивелирует эту особенность. В силу того что индивидуальный фокус кинозрения зачастую обращается либо к универсальным (общемировым) темам, либо к актуальным проблемам, близким сугубо европейскому зрителю, — национально-культурную принадлежность такого кино трудно идентифицировать. Тем не менее французское кино выделяют и «почерк» режиссеров, и специфичность интересов, рождающую разнообразие тем.

Так, реалистическое социологизированное кино, очень тесно связанное с характеристиками конкретной бытовой среды — в данном случае Франции, уходит на второй план. Зато актуализируется интерес к универсальной проблеме загадочного устройства мира, в котором трудноразличимы границы между реальностью и фантазией. Пришел конец правдоподобным историям, наступило время фантазий и версий реальности, построенных сознанием человека. И если М. Пиала («Ван Гог», 1991; «Сорванец», 1995) еще продолжает традицию документального реализма, то Л. Каракс («Любовники с нового моста», 1991; «Парень встретил девушку», 1996) совмещает эстетику «поэтического реализма», «новой волны», элементы «фантастического реализма», формирующего неопределенность границ между реальным и ирреальным, и привносит натуралистическую составляющую. Так был проторен путь к кино «нового реализма», оформившегося в первое десятилетие XXI в.

Французское кино 2000-х продолжает «лакомиться» темой непостижимости мира, уравнивающей в правах реальное и ирреальное. И линия «нового реализма» становится необходимым подспорьем для киновысказывания по этому поводу, так как в качестве материала для конструирования неустойчивых метаморфоз

фантазии и действительности используется сверхдостоверный визуальный ряд. При этом без спецэффектов достигается «прорыв в новую социальную, экзистенциальную, эстетическую и физическую реальность»*, доступную именно современному кино. В итоге фильм приобретает двойственный характер: что это — «правда жизни» или ее субъективная версия? Когда-то поэтический и прозаический киноязыки могли «правильно» сориентировать зрителя. Но сегодня их сложное переплетение не оставляет надежды на однозначность ответа. Смешение условности и реализма превращает «правдивую» историю в философскую притчу, в метафору, в фантастическую игру. К этому должен быть готов современный зритель.

Ж. Риветт, один из давних проповедников призрачности мира, сегодня сохраняет верность такой стратегии. Неторопливая повествовательность его метафорических фильмов «История Мари и Жульена» (2003), «36 видов с пика Сен-Лу» (2009) скользит по реальности и создает атмосферу недосказанностей. А рациональная точность описания внутреннего мира и чувств героев усиливает эффект присутствия призрачной реальности. Более радикально поступает Жако Ван Дормель в фильме «Господин Никто» (2009). Хотя режиссер не пытается указать на скрытое за действительностью, но откровенно уводит зрителя «из рационального мира социальных мотиваций в поле чистейшего, безоблачного воображения»**. Получается достоверно-фантастическая история об альтернативности человеческой жизни. Кстати, это невероятно дорогой англоязычный фильм, который режиссер, отрекшись от участия Голливуда, считает исключительно национальным. Переплетает метафору и шокирующие гипернатуралистичные сцены Бруно Дюмон («Человечность», 1999; «Фландрия», 2006). Фильм «Фландрия» становится «притчей о современных цивилизованных варварах»***. В близкой стилистике обращаются к общечеловеческим проблемам и вечным ценно-

* *Виноградов. В.* Стилиевые направления французского кинематографа. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 302.

** *Долин А.* Указ. соч. С. 442.

*** Там же. С. 249.

стям брата Жан-Пьер и Люк Дарденны. «Физиологический очерк о современном мультикультурном мире» (А. Плахов) представляет собой фильм «Молчание Лорны» (2008) о жизни французских эмигрантов и маргиналов. Но речь идет о таком вненациональном, общечеловеческом явлении, как совесть. Путь к «новому реализму», все больше захватывающему европейское кино, демонстрируют и фильмы Дарденнов «Сын» (2002), «Дитя» (2005), в которых сквозь реалистическую эстетику просвечивают притчевые, метафизические интонации.

Другой «клондайк», традиционно разрабатываемый арт-кино, — «правда жизни», очищенная от любых метафорических и символических недомолвок. Для подобных реалистических подвигов всегда было наготове оружие в виде «прозаического» киноязыка. Однако к концу XX в. режиссеры внесли принципиальные коррективы в этот художественный метод. Формируется тенденция, характерная не столько для французского или европейского, сколько для мирового кинопространства XXI в., — радикализация натурализма. С одной стороны, в ее основе неуывающее стремление добиться сияния «чистого» реализма. Но предметом натуралистического смакования становятся темы насилия и жестокости. Свою принадлежность к подобной «новой французской эстетике» демонстрирует Гаспар Ноэ («Один против всех», 1998; «Необратимость», 2002).

К счастью, современное французское кино не ограничивается депрессивным киномышлением, всегда находящим своего зрителя. *Спектр самых разнообразных интересов и авторских стилей украшает национальную кинематографию. Одной из наиболее востребованных зрителем и облюбованных режиссерами является тема семейных отношений.* При этом семейные ценности иногда выходят за пределы уютных традиций, поскольку нынешняя толерантность допускает вариативность межполовых отношений и включение табуированных аспектов в орбиту интимного. А. Делпешен, наследник «новой волны», успевший завоевать титул «современного классика», переносит в фильмы личные автобиографические элементы («Как я обсуждал свою сексуальную жизнь», 1996; «Королева и короли», 2004; «Рождественская сказка», 2008). Утрированную модель современной

Франции среднего класса создает О. Ассаяс в картине «Летние часы» (2008). До последнего дня в строю кинематографистов был ветеран «новой волны» — Клод Шаброль, приглушивший былую социологизированность, но не потерявший ясности сюжетной формы и открытого стремления к коммерческому успеху своих авторских работ. Режиссер и в 2000-е подтвердил прозвище «французский Хичкок» детективными триллерами «Подруга невесты» (2004), «Беллами» (2009).

Многих молодых режиссеров интересует проблема Чужака (эмигранта), которая подспудно формирует представление европейцев и о собственной идентичности, и о возможностях межкультурных отношений. Так, мейнстримовского типа триллеры и любовные истории О. Ассаяса («Демон-любовник», 2002; «Очищение», 2004; «Выход на посадку», 2007) указывают на очевидную для автора вещь: с глобализацией, с растворением границ Европы теряется значение дома. Неприкаянные герои получают только враждебный мир без любви, без корней. «Для Ассаяса обращение к теме национальной идентичности — это очередной вопрос обращения к самому себе»*. В свою очередь, в картинах Клер Дени («Белый материал» 2009; «35 стопок рома», 2008) «понятие чужеродности возводится до степени абсолюта, где герои, испытывая постоянное давление извне, вынуждены объединяться в общины по национальной или социальной принадлежности**». Собственный, личный опыт чужеродности и экзотичности привнес в свои работы Тони Гатлиф — французский режиссер арабо-цыганского происхождения («Изгнанники», 2004).

Несмотря на затишье социально-политической тематики, ее реанимирует неугомонный патриарх французского кино Жан-Люк Годар. В принципиально элитарном (по художественной форме и интеллектуальной наполненности) фильме «Социализм» (2010) режиссер предлагает зрителю задуматься о перспективах Европы, отчетливо намекая на свое неоптимис-

* *Битюцкий С.* Неудобные миры Оливье Ассаяса // Cinetiele. Интернет-журнал об авторском кино (<http://www.cineticle.com>).

** *Битюцкий С.* Опыт памяти // Cinetiele. Интернет-журнал об авторском кино (<http://www.cineticle.com>).

тичное видение. С. Бозон на историческом материале эпохи первой мировой войны («Франция», 2007) задается вопросом: что есть патриотизм? И пытается предостеречь, что Франция — это страна, «не давшая своим гражданам ощущения волнующей принадлежности к одной семье»*.

Оставило свой отпечаток на первом десятилетии и постмодернистское кинематографическое мышление, давшее зрелые плоды уже к концу ушедшего века. Фильмы П. Векшиали, Ж. Давила, М. Каро и Жан-Пьера Жёне («Деликатесы», 1991; «Город пропавших детей», 1993) построены на смешении жанров, иронии, цитатности, смеси абсурда, гротеска и клиповой эстетики. Но не убиваемый постмодернистским культурным фаршем тонкий французский эстетизм придает едва уловимый аромат этим произведениям. Не случайно М. Каро и Жан-Пьеру Жёне американские продюсеры предложили поставить четвертую часть фильма-ужасов «Чужой 4: Воскрешение» (1997), скрасив тем самым его сугубо коммерческую составляющую. В свою очередь, постмодернистская «Амели» (2001) Жёне получает всеобщее признание за пределами Франции за жизнеутверждающую смесь «мелодраматизма, абсурдизма и сюрреализма, разлитую в коммерческую тару современной сказки со всевозможными компьютерными эффектами**». В 2000-х отзвуки постмодернизма улавливаются в той или иной степени в творчестве таких режиссеров, как Э. Бурдые («Ядовитые дружбы», 2006); М. Амальрик («Стадион Уимблдон», 2001); Б. Бонелло («О войне», 2008); Ж.-Ш. Фитусси («Дни, когда меня не существует», 2002) и др.

Первое десятилетие века порождает и универсалов, подобных Ф. Озону, осваивающему разные темы как в традиционной, так и постмодернистской форме. В его кинематографическом фокусе насквозь «прошита» стереотипами жизнь социума («Крысятник», 1998); проблемы мужского самоопределения («Время прощаний», 2005); тайна ускользающей женственности

* *Лукьянов С.* Франция (La France) // Cinetiele. Интернет-журнал об авторском кино (<http://www.cineticle.com>).

** *Виноградов. В.* Указ. соч. С. 338.

в любовном романе самого «французского» фильма «5x2» (2004); любовь и насилие в шокирующем сказочно-метафорическом фильме «Криминальные любовники» (1999). Постмодернизм по-французски Озон готовит, смешивая такие ингредиенты, как цитаты, элементы поп-культуры, китча, щедро пропитывая их иронией. Так, собрав в фильме «8 женщин» (2002) актрис-легенд разных киноэпох, рассыпав массу ссылок на фильмы, в которых они прославились, режиссер получил «живую энциклопедию всего мирового кинематографа середины прошлого века»*. Несмотря на крайне оригинальную форму музыкальной комедии, пародирующей голливудский стиль 1950-х, эта картина имела коммерческий успех, что, к удовольствию автора, поставило ее в пограничное положение между арт-кино и мейнстримом. В этом Озон не одинок. И, к примеру, зрительский успех самого дорогого французского фильма 90-х Люка Бессона «Пятый элемент» (1997) не смог запятнать (несмотря на уверения критиков) его постмодернистскую оригинальность и изящную игру киноязыка.

По примеру многих европейских стран Франция активно пользуется преимуществами международной копродукции. Фильм «Ангел» (2007) снят Ф. Озоном в Англии на английском языке, по английскому роману. В США проходили съемки картины Люка Бессона «Леон» (1994). Но, как показал совместный проект «Жанна д'Арк» (1999), «обращение к столь знаменитому историческому персонажу было не случайно — Бессон никогда не упускает случая продемонстрировать всем, что он прежде всего является французским режиссером»**. Правда, отстаивать свою «французскость» приходится на чужой территории. Первое десятилетие XXI в. показало, что невероятно плодовитый в области продюсерской деятельности Бессон переключился исключительно на коммерческую продукцию голливудской модели. Собственные же режиссерские работы «Необычайные приключения Адель» (2010), «Артур и война двух миров»

* Плахов А. Режиссеры настоящего: Радикалы и минималисты. СПб.: Сеанс; Амфора, 2008. Т. 2. С. 191.

** Режиссерская энциклопедия. Кино Европы / Под ред. Г. Компаниченко. М.: НИИ киноискусства, 2002. С. 21.

(2010) украшают мейнстрим своей неумемной энергетикой, характерным юмором и чувством музыкального и монтажного ритма. Личным вкладом Бессона в развитие комфортных производственных условий для европейского кино стало создание компании «Еурога Согр», продвигающей европейские проекты и составляющей конкуренцию Голливуду.

В целом же на фоне тотальной коммерциализации и сращивания арт-кино с мейнстримом критики осторожно поговаривают о возрождении авторского французского кино. В любом случае, в первом десятилетии XXI в. французский кинематограф продолжил связывать свою судьбу с индивидуальным видением, приносящим нередко национально-культурную самобытность. В творчестве многих французских авторов могут не опознаваться этнические признаки и география сюжета, однако зачастую неуловимым образом присутствуют особый характер отношения к миру, рационализм и неповторимая эстетика визуального ряда, утонченность вкуса и колоритный юмор. Эти уникальные черты выходят за пределы собственно кинематографии, обогащая мировое и европейское кино, в том числе его коммерческую сторону.

Кинематограф Германии, в свою очередь, находит творческие ресурсы для того, чтобы предложить особый формат интереса к миру. В чем его уникальность на фоне нынешнего общеевропейского стандарта?

За успехи «нового немецкого кино» ответственны Райнер Вернер Фассбиндер, Фолькер Шлөндорф, Вернер Херцог и др. — творческие потомки киноэкспрессионизма, дети немецкого романтизма, приветствующие экзальтированное и иррациональное осознание мира, но строго и аккуратно соблюдающие достоверность. Однако «несмотря на максимально задействованную „немецкость“, этот кинематограф был изначально максимально активно развернут „вовне“, рассчитан на иностранного зрителя в той же мере, что и на отечественного»*. Социально-политические проблемы современной Германии: буржуазная

* Самутина Н. Райнер Вернер Фассбиндер и Вернер Херцог. Европейский человек: упражнение в антропологии // Киноведческие записки. 2002. № 59 (<http://www.kinozapiski.ru>).

мораль, отчуждение молодежи, наследие нацизма, терроризм и т. д., будучи сугубо «немецкими» проблемами, опознавались за рубежом и были понятны любому европейцу. *Ряд представителей «нового немецкого кино», перешагнувших порог XXI в., захватили с собой опробованные приемы и вполне адаптировались к новым условиям. В целом же немецкое кино нынешнего десятилетия отличается активное участие в копродукции; разнообразие тем (от близких немецкой нации до общечеловеческих); а также чуткость к новым художественно-эстетическим тенденциям и верность достижениям национального кинематографа, что позволяет не снижать планку арт-кино и заботиться о высоком уровне арт-мейнстрима.*

В. Вендерс, пообещав «снимать только те фильмы, которые возникают безо всякого принуждения, отражая его личные переживания на данный отрезок времени»*, обращается к нетривиальным темам о сложностях психологических отношений, о мнимых и подлинных ценностях, о связях человека со своими корнями — обо всем, что может помочь выжить в жестком современном мире («Конец насилию», 1997; «Буэна Виста Сошл Клуб», 1999). В 2000-е Вендерс эти ориентиры кинематографического фокуса кардинально не меняет, хотя и учитывает фестивальные и зрительские потребности. Будучи не только представителем интеллектуального европейского кино, но и воспитанником Голливуда, режиссер заметно усиливает в нынешнее десятилетие артмейнстримовскую тенденцию. Поэтому в его списке и детективная драма «Отель „Миллион долларов“» (2000), снятая совместно с США и Великобританией, с участием голливудских звезд (М. Йовович, М. Гибсон), и мелодрама «Входите без стука» (2005), и «Земля изобилия» (2004) в жанре роуд-муви (фильм-путешествие), снятый в эстетике документализма «нового немецкого кино», предупреждающий о проблемах насилия и ксенофобии.

Долгое время режиссеру «нового немецкого кино» Ш. Шлэндорфу удавалось, не подменяя общечеловеческие интересы глобализационно-голивудской схемой, сохранять признаки

национальной самобытности. «В начале своей деятельности Шлэндорф избрал своей миссией в искусстве упрочение высоких традиций европейского кино, защиту его культурного наследия от вторжения обезличенной продукции голливудской „фабрики звезд“*». Его киноязык был отчетливо сориентирован на ценности и заботы, присущие западному немецкому обществу. Кинематограф благодаря режиссеру получил талантливые экранизации немецкоязычной литературы (Г. фон Кляйста, Б. Брехта, М. Фриша). Однако не слишком удачные попытки сделать карьеру в Голливуде показали, что «самый мастеровитый режиссер современного немецкого кино так и не научился думать по-американски, а скорее всего — просто не захотел**». Зато краткий эпизод «Озарение», входящий в состав кинопроекта «На 10 минут старше: Виолончель» (2002), заставляет вспомнить о виртуозном умении немецкой школы очень точно отбирать нужные факты из россыпи незначительных событий. Заурядный пикник, закончившийся неожиданной трагедией, превратился в урок, обучающий зрителя тому, что за шелухой повседневности всегда скрывается иррациональное. Возвращение к теме Второй мировой войны в картине «Девятый день» (2004) для режиссера повод поставить проблему индивидуального этического выбора в предельной ситуации (такую задачу должен решить для себя католический священник, узник концентрационного лагеря Дахау). О возможностях диалога культур история француза в степях Казахстана в фильме «Ульжан» (2007), снятом при совместном участии Казахстана, Франции и Германии.

В. Херцог — «последний трагик и мистик немецкого кино» (А. Плахов), еще один режиссер, фильмы которого украсили европейское кинопространство национально-культурной спецификой. Магистральной темой его творчества становится бунт против цивилизации, утвердившей приоритет рационального и нормативного. Херцог выступает в пользу мистического и иррационального, присущего человеку, но изгнанного

* Режиссерская энциклопедия. Кино Европы. С. 35.

* Там же. С. 186.

** Там же. С. 187.

современной западной культурой. При этом он максимально достоверен и по художественным средствам (его кредо — стремление к «подлинности»), и по методам работы. Отсюда экстремальный риск во время съемок и пристрастие к актерам-дилетантам, непрофессиональная аутентичность которых придает образам экспрессию и остроту. Не стесняясь своей укорененности в немецкой культуре, режиссер это всячески подтверждает: обращением к классическому киноэкспрессионизму (ремейком «Носферату — призрак ночи», 1978); очевидной опорой на наследие Грюневальда, Босха, Каспара Давида Фридриха, у которых учится «умению раскрыть метафизический смысл самых реальных природных „мизансцен“»; пристрастием к немецкому романтизму. Правда, романтизму режиссер предъявляет строгий счет за «буржуазную» рационализацию повседневной жизни и за раздвоенность человека, не способного существовать вне общества и сопротивляющегося его системе ограничений. К подобной раздвоенности оказалась особенно чутка немецкая культура. Херцог стремится показать немецкому и любому другому зрителю страшные последствия исключения нормативной культурой всего необычного.

Веселый вирус постмодернизма, охвативший европейское кинопространство конца века, не обошел стороной немецкое кино. Но если для мейнстрима это становится поводом усилить зрелищность и разнузданность, то в творчестве того же Херцога постмодернизм направляется в русло строгой горечи. Безусловная ирония фильма «Крик камня» (1991) помогает понять, насколько современные массмедиа (устроившие шоу из события покорения горного пика) способны обесценить любой романтический героический подвиг. Но в картине «Спасательный расцвет» (2007) режиссер возвращается к болезненным темам немецкой истории и культуры, используя приемы жесткого натурализма, присущего первому десятилетию XXI в. А вот детектив Херцога «Мой сын, мой сын, что ты натворил» (2009) следует стратегии «нового реализма», не оставляющего на-

дежд на достижимость истины. Сплавляя документальность и художественность, режиссер формирует мир, «позволяющий увидеть над (и под) тривиальным случаем из криминальной хроники неисчерпаемую бездну мифологических значений»*. В итоге истина ни для следователя в фильме, ни для зрителя перед экраном недостижима. Но подготовленный зритель уже в курсе, что это излюбленные провокации современного европейского кино.

Сегодня В. Херцог много работает в сфере документалистики, позволяющей добиться той безупречной подлинности, к которой так стремилось «новое немецкое кино»: «Встречи на краю мира» (2007), «Пещера забытых снов» (2010), «Счастливые люди: год в тайге» (2010) (совместный с российским режиссером Д. Васюковым этнографический фильм о жителях села Бахта Туруханского района в Сибири). Снимая в разных экзотических странах, Херцог всегда утверждал, что не теряет своих национальных корней в мире, где глобализация убивает региональные культуры. Таким образом, он остается «самым немецким из режиссеров». Вместе с тем «проблемы, вскрываемые Херцогом, оказываются проблемами современного мира вообще, проблемами раздвоенности человеческого сознания и поиска новой, не столь конфликтной идентичности»**.

Так успешно продолжают работать ветераны, поддерживающие в тонусе арт-кино. *Необходимую же свежую кровь немецкий кинематограф получает с приходом нового поколения так называемой «Берлинской киношколы»: Томас Арслан, Ангеле Шанелек, Кристиан Петцольд, У. Келлер, Пиа Маре и др. Этих достаточно несхожих режиссеров объединяет установка на реализм и документальность в отображении жизни Германии (чаще провинциальной), а также нацеленность прежде всего на развитие национального кино в отличие от приверженцев голливудской модели. Многие режиссеры, следуя зову общеевропейских интересов, фокусируются на острейших проблемах национальных взаимоотношений в мультикультурном современном мире.*

* Плахов А. Режиссеры настоящего: Визионеры и мегаломаны. СПб.: Сеанс; Амфора, 2008. С. 288.

* Долин А. Указ. соч. С. 241.

** Самутина Н. Райнер Вернер Фассбиндер и Вернер Херцог.

Их интересуют возможности диалога, границы толерантности и гуманизма в жестких условиях настоящего. На эти болезненные точки указывают Томас Арслан («Братья и сестры», 1997); Л. Самдерели («Альмания: добро пожаловать в Германию», 2011 (о семье турецкого гастарбайтера)); Ланселот фон Нассо («Перемирие», 2009 (о событиях в Ираке 2004 г.)); У. Келлер («Сонная болезнь», 2011). Остается актуальной для немецкого кино и военная тема (К. Краус, «Дневники Оды», 2010; Ахим фон Боррис, «4 дня в мае», 2011 (совместный германороссийско-украинский фильм); М. Ротемунд, «Последние дни Софии Шолль», 2005 и др.). Не оставлена без внимания национальная история: Ф. Штельцль (клипмейкер со стажем, работавший для Мадонны и Rammstein) снял фильм о Гёте в молодости — «Гёте!» (2010). Наконец, режиссеры фокусируются на внутреннем мире человека, разочаровывающем либо обнадеживающем — в зависимости от настроения авторского взгляда (Т. Арслан, «Прекрасный день», 2001, «Каникулы», 2007; Пиа Маре, «В возрасте Эллен», 2010; Х. Вайнгарнтер, «Сумма всех моих частей», 2011; А. Шапелек, «Проходящее лето», 2001, «После полудня», 2007 и др.). *При этом мастера «Берлинской киношколы» не потеряли умения немецкого кино точно вычленять незначительные эпизоды повседневности, из которых складывается целостная картина. Тем самым усиливается такая тенденция современного кино, как культ ценности пустякового, незначительного в мире отдельного человека.*

Мейнстрим, в свою очередь, в руках некоторых немецких режиссеров подтягивается до вполне добротной продукции. Так, признанный мастер авторского кино Д. Граф в коммерческом фильме «Дрейблен — не ходи за мной» (2011), не отменяя положенной зрелищности, привлекает приемы арт-кино. Марк Ротемунд специфическим юмором фильмов («Муравьи в штанах», 2000; «Фанатки не остаются на завтрак», 2010) развлекает обеспокоенную всплеском гормонов молодежную аудиторию. Самым же ярким «голливудским» немцем, пришедшем в коммерческое кино из авторского, является Том Тыквер. Его дар тематической провокативности и художественного чутья мейнстрим получает в виде бонуса, облагораживающе-

го такие многобюджетные гиганты, как «Интернэшнл» (2009); «Парфюмер: история одного убийства» (2006); совместный с братьями Вачовски «Облачный атлас» (2012). Зато фильмом «Беги, Лола, беги!» (1998) Тыквер дал свой ответ постмодернизму, построив его на основе принципов клиповой эстетики и компьютерных игр. «Любовь втроем» (2010) уже мелодрама, правда — интеллектуальная, поскольку в основе сюжета нетривиальный любовный треугольник. При этом светлое и легкое настроение картины противостоит обласканному фестивалями депрессивному кино элитарного типа (зачастую маскирующего мрачной глубокомысленностью свою приставку «псевдо-»). Как замечает сам режиссер, темные стороны Бытия можно показать легкомысленно в силу взаимобратимости трагичного и комичного. «Я стараюсь делать универсальное кино, для всех и про всех... Каждый реален на свой лад, в своей вселенной: герои русского или турецкого фильма могут показаться экзотическими со стороны, но главное, чтобы мы не сомневались в их реальности»*.

В целом же ответственное отношение к общеевропейским проблемам не мешает немецким режиссерам оберегать свою культурную уникальность. Подтверждением становятся такие коллективные проекты, как «Германия» (2009). Это киносборник, снятый группой немецких режиссеров, перед которыми стояла задача: высказаться в любом формате киноязыка (экспериментальном или традиционном) о своей Родине. Фильм дает возможность оценить итоги такой своеобразной формы национально-культурной самоидентификации.

Так, современный немецкий кинематограф органично вписался в общеевропейское кинопространство, демонстрируя эстетическую, тематическую и отчасти институциональную общность, не забывая при этом о своих художественных заслугах и не теряя самобытности.

Насколько счастливо сложилась, несмотря на трудности самоопределения, судьба **итальянского кинематографа**, указывает

* Долин А. Том Тыквер: «Я ничего никому не впариваю» // Эксперт. (год?) 2 (756) (<http://m.expert.ru/>).

европейское кинопространство, испытывавшее с середины XX в. сильнейшее влияние неореализма. *Итальянский неореализм как предложенный во всеобщее пользование опыт приобщения к заурядной повседневности простого человека не только открыл официальный маршрут по родным культурным мирам, но и стал визитной карточкой национального итальянского кино. Кино Италии начала XXI в. пока не достигает того же уровня, но демонстративно крепко удерживает свою самобытность, в том числе прибегая к неореализму (в сегодняшнем формате «неонеореализм»)*. Безусловно, в новых условиях его поэтика модифицируется, но сущность остается близка первоисточнику.

Во второй половине XX в. уже прекративший свое существование как киношкола неореализм продолжал определять стилистику авторского кино. Но таких режиссеров, как Феллини, Антониони, Бертолуччи, Пазолини уже не привлекал уровень обыденной повседневности. Сохраняя «привитое» чутье к достоверности, режиссеры обошлись с неореализмом по-своему, облегчив тем самым его «пересадку» на новую почву XXI в. В ряду главных сокровищ, полученных нынешним кино, явилась сосредоточенность на исследовании психологии современного человека. Так, Б. Бертолуччи, принадлежащий по внутренним установкам неореализму, становится мастером достоверной передачи тончайших психологических граней человеческого существования, а также сложной взаимосвязи чувственности и самосознания («Последнее танго в Париже», 1972; «Ускользящая красота», 1996).

Свое место режиссер нашел и сегодня, давая уроки прощальности и психологической достоверности («Ты и я», 2012). Подобная способность до последних фильмов отличала кинозрение Микеланджело Антониони. О «внутреннем», психологическом путешествии повествует снятая совместно с В. Вендерсом картина «За облаками» (1995). Своеобразным межкультурным диалогом о любви стал фильм «Эрос» (2004), состоящий из трех новелл (итальянца М. Антониони, американца С. Содерберга и китайца Вонг Кар Вая), каждая из которых представляет собой рассказ о чувственности с позиций разных национальных традиций. Надо заметить, что для ита-

льянского кино эротическая тема не просто родная, а профессионально освоенная. В свое время итальянский Ренессанс преуспел в реабилитации и прославлении телесности, поэтому где, как не в Италии, искать певцов эстетически отрефлексированной чувственности. А там, где признание чувственных радостей, там и безграничное жизнелюбие. И действительно, характерная любовь итальянской нации к жизни, прорывается порой в самых трагичных сюжетах. Так, международный триумф картины Р. Бенини «Жизнь прекрасна» (1997) напомнил европейскому зрителю, что есть народ, у которого можно научиться ценить жизнь вопреки ее печалям.

Другим мостом от неореализма к современному итальянскому кино стал освоенный Ф. Феллини уровень философского отношения к действительности. «Феллиниевский кинематограф» всегда славился фильмами, в которых «простая житейская история звучала как метафора человеческого бытия вообще»*. Важно, что благодаря Феллини постановка универсальных вопросов приобрела явный национальный акцент как в форме безупречной достоверности «правды жизни» по-итальянски, так и в особой метафоричности (карнавальной, гротесковой, фантазийной), порожденной самосознанием итальянской культуры. Так, синхронно движению внутри европейского кинопространства, был сделан шаг от «правды жизни» в редакции неореализма — к метафоре и символике. Теперь документальность используется для воссоздания философских обобщений, углубленного психологического анализа и притчевых сюжетов.

Вместе с тем ни достойное наследие, ни продолжающие работать лидеры не смогли застраховать итальянский кинематограф первого десятилетия XXI в. от некоторого провинциализма. Сегодняшние режиссеры стремятся если уж не достичь былого величия, то хотя бы сказать свое веское кинослово в отношении современного мира. Неореализм же оказался настолько комфортным прибежищем национальной идентичности, что снова оживляет своим дыханием кино, получившее название «неонеореализм».

* Режиссерская энциклопедия. Кино Европы. С. 161.

Так, творчество М. Гарроне и П. Соррентино заставило поверить в возрождение политического кино. Его принципиально иной (нежели в эпоху 40-х) характер — холодный, рациональный, без жизнеутверждающих иллюзий и оптимизма — не мешает попыткам приобщиться к «умению внятно рассказать простую, минималистическую историю, а через нее — историю места, историю страны»*. Таков фильм М. Гарроне «Гоморра» (2008), разоблачающий итальянскую мафию. В свою очередь, Паоло Соррентино снимает фильм-кинобиографию «Il Divo» (2008), где главный герой, премьер-министр Италии Джулио Андреотти — «вечно живое воплощение лицемерной и всевластной европейской демократии»**. Согласно духу времени режиссеру удалось не просто воссоздать историю жизни политика, но сконструировать гротескный образ власти, увлекающий далеко не только итальянскую аудиторию. На уровень метафоры выходит в своих фильмах Нанни Моретти («Дорогой дневник», 1993; «Кайман», 2006). Путеводная нить традиции не позволяет режиссеру потерять лицо и в массовом формате картины «Комната сына» (2001), «которая сделала режиссера национальным героем и в какой-то степени примирила его с ненавистным мейнстримом»***.

В целом же итальянский кинематограф 2000-х постепенно выходит из тени, но, подключаясь к интересам европейского кинопространства, не спешит заработать очки на меткость попадания в область универсальных проблем. Собственные темы, кровно связанные с национально-культурной идентичностью, продолжают определять содержание фильмов. Остаются в поле кинематографического зрения политические проблемы: в жесткой постановке, как у Соррентино или М. Беллокью («Добрый день, ночь», 2003), или являясь фоном, на котором разворачивается семейная драма или любовная

* Плахов А. Режиссеры будущего: Индивидуалисты и универсалы. СПб.: Сеанс; Амфора, 2009. С. 66.

** Долин А. Указ. соч. С. 426.

*** Плахов А. Режиссеры настоящего: Радикалы и минималисты. С. 171.

история (Т. Джордано, «Бешеная кровь», 2008). Не обходится без «вечной», как Рим, проблемы мафии (Т. Джордано, «Сто шагов», 2000; М. Ризи, «Фортапаш», 2009; Соррентино «Последняя любовь», 2004). Со свойственной когда-то неореализму неторопливой достоверностью, во всей красе «правды жизни» поднимаются острые социальные проблемы в фильмах Дж. Торнаторе «Малена», 2000; «Незнакомка», 2006 (в главной роли российская актриса К. Раппопорт); М. Понтекорво «Клоун», 2008; А. Молайолли «Драгоценность», 2011 и др. Одной из самых приоритетных тем итальянского кино, прямо отсылающих к особенностям национального характера, продолжает оставаться тема семейных ценностей и отношений (Д. Колагранде, «Открой мне сердце», 2002; К. Росси Стюарта, «Свобода тоже хорошо», 2005; С. Кастеллино, «Не уходи», 2004; Т. Джордано, «Лучшие годы молодости», 2003; Д. Торнаторе, «Баария», 2009). Отдал дань европейскому кинопространству (политкорректному и либеральному) итало-турецкий режиссер Ферзан Озпетек, поместивший проблемы межличностных отношений в гомосексуальный контекст («Невежественные феи», 2001; «Сатурн в противофазе», 2006). Не оставлена без внимания и молодежная аудитория, неискушенная в арт-кино, но живо откликающаяся на комедии и мелодрамы. Почему бы нет? — решили для себя такие режиссеры, как Г. Муччино и Л. Лучини, выпускающие жанровое кино.

Провинциализм сегодняшнего итальянского кино в большей степени связан с нежеланием выйти за пределы традиционных тем и художественных приемов, в свое время успешно обслуживающих культурную самобытность. Ведь уже не секрет, что режиссеры в голливудской среде полностью избавляются от любых признаков национальной принадлежности. Такой путь к формату «евростандарта» осваивает София Коппола — американская дочь итальянской семьи Френсиса Форда Копполы. Фильм «Девственницы-самоубийцы» (1999) мог бы отослать к сицилийским семейным сагам типа «Соблазненная и покинутая» П. Джерми, «однако у Копполы никакой связи с южной — прежде всего итальянской — традицией

не заметно»*. Роскошной дизайнерской феерией становится картина «Мария-Антуанетта» (2006), снятая на английском языке, с американскими актерами, которую с нетерпением ждали французы, поскольку заявлена биография французской императрицы. Вместе с тем фильм не только явился «неприлично» гедонистическим и визуально роскошным, но и воплотил характерную тенденцию современного кино: вместо Французской революции представлена «история молодой девочки в чуждой среде, показанной через быт и нравы Версальского двора со всевозможными мелкими деталями...»**. *Так нынешнее кино, оставляя за кадром событие значимое, эпическое, приучает зрителя к ценности камерных, незначительных событий жизни, составляющих ее большую часть.*

Если обращение к камерному по-своему удавалось неореализму, то на новом этапе эту стратегию реализует, например, Бертолуччи. В фильме «Мечтатели» (2003) напряженная атмосфера 60-х передана не обращением к общественным волнениям, а через изящную, пропитанную эротикой, киноманией и бунтом против условностей хронику времяпровождения трех молодых людей. Зато в эпизоде «О воде» в коллективном проекте «На 10 минут старше: Виолончель» (2002) Бертолуччи столь же виртуозно создает обыденное настоящее. В этом фильме режиссер, следуя программе «нового реализма» (столь актуального в европейском кино), абсолютно органично нанизывает эскизный набросок жизни героя на ирреальную, мифологическую основу.

В целом же итальянские режиссеры не стремятся приобщиться к новым тенденциям и скорее делают осторожный выбор в пользу мейнстрима, чем постмодернистских или экспериментальных причуд. Зато бережное отношение к такому национальному достоянию, как неореализм и тематическая триада (политика, мафия, семейные ценности) продолжает отличать современное итальянское кино.

* Плахов А. Режиссеры будущего: Индивидуалисты и универсалы. С. 190.

** Там же. С. 198.

XXI в. подтверждает жизнестойкость тройки кинематографических лидеров, зарекомендовавших свою самобытность и выполнивших миссию построения общеевропейского кинопространства. А вот насколько сегодня комфортны условия для кино второго европейского «эшелона», т. е. тех кинематографий, которые подключились к процессу самоопределения позже?

Кинематографии «второй волны»: скандинавские страны, Испания, Польша

Шведское кино 2000-х, включенное в общий интеллектуальный и художественный контекст европейского кинопространства, продолжает нести груз собственных представлений о современном мире. Режиссеры арт-кино стремятся поделиться тяжелым и депрессивным размышлением о человеческом существовании. Полная дисквалификация любых жизнеутверждающих надежд осуществляется благодаря жесткому психологизму и правдивому препарированию повседневной жизни. При этом эффективно применяется актуальный в современном кино натуралистический подход, позволяющий незавуалированно показать неприглядные стороны действительности. Пускай итальянцы осваивают позитивную «правду жизни»! Скандинавы уверенно и мрачно лоббируют повседневный апокалипсис, позволяя себе вполне уловимую иронию. Рой Андерссон в фильме «Песни со второго этажа» (2000) предлагает европейскому зрителю насладиться черным трагифарсом «по-шведски». Картина «Ты, живущий!» (2007) складывается из 50 эпизодов, тщательнейшим образом зарисовывающих безделицы и пустяки обыденной безысходной жизни простых шведов. Таков шведский ответ на актуальную тенденцию современного кино — смены ориентиров с эпохальных событий на «не-событие». Да, XXI в. воспитывает в зрителе доверие к ценности камерной повседневности, позволяющей увидеть «большое» в «малом». Но никто не дал гарантии, что она будет представать в неизменно позитивном контексте.

Шведское кино побуждает зрителя задуматься о многом. Например, о межкультурных и межнациональных конфликтах, о проблемах эмигрантов в общем европейском доме, о расизме европейского типа (Юсеф Фарес, «Зозо», 2005). И даже позиционирование Швеции как самой благополучной страны не помешало кинозрению навести резкость на такие социальные проблемы общества, как преступность, насилие, наркотики, безработица (Д. Альфредсон, «Волк», 2008; «Девушка, которая играла с огнем», 2009). Свое видение семейных ценностей — с позиции скандинавского характера и понимания — демонстрируют Р. Хоберт («Дочери Гарри», 2005); М. Блум («Деревенщина», 2004); Й. Йонсон («Король пинг-понга», 2008); Ян Труэль («Застывшее мгновение», 2008) и др.

А вот Лассе Халльстрем, переключившийся исключительно на американский рынок, ставит фильмы, полные жизнеутверждающего оптимизма. Еще в 1970-е режиссер имел возможность реализовать свою эстетику красивой гладкой картинкой, работая над видеоклипами и музыкальными фильмами для группы АББА («АББА: Фильм», 1977). Сегодня он снимает добросовестные артмейнстримовские картины, радующие аудиторию всевозможными историями: семейными «Правила виноделов» (1999), романтическими «Шоколад» (2000), «Дорогой Джон» (2010), сентиментальными «Хатико: самый верный друг» (2009), костюмно-историческими «Казанова» (2005). Его чувство мелодраматической меры и умение затронуть «правильные» психологические струны позволили создать образцовые фильмы, деликатно названные «интеллигентным мейнстримом».

В свою очередь, датское кино после длительных раздумий о судьбе человечества к концу XX — началу XXI в. сделало рывок в лице Ларса фон Триера. Режиссера отличает и тяга к экспериментам киноязыка, и бескомпромиссность постановки глубоких проблем, впитанная с национально-культурным «молоком», и попадание в болевые общечеловеческие точки. Это может быть рассказ о национальном унижении немцев после поражения во Второй мировой войне «Европа» (1991) (совместное датско-шведско-франко-немецкое производство). Либо абсурдная

смесь ужасов, мыльной оперы и сатиры в стенах копенгагенской больницы «Королевство» (1994) — телевизионный сериал, ответивший на интерес современного мышления к прозрачности границ между реальным и ирреальным. Одновременно фильм продемонстрировал успех авторского подхода в развлекательном кино, поскольку Триер тут же был занесен в список 50 режиссеров мира с максимальным коммерческим потенциалом. Наконец, фильм обозначил присутствие скандинавского духа, выразившегося «в очень земном и конкретном предчувствии смерти»*. Картина «Рассекая волны» (1996), наследующая психологический реализм Т. Драйера и построенная на гиперреальных эффектах (благодаря экспериментам с ручной камерой и цифровыми технологиями), становится знаковой для новой эстетики Триера. Ее теоретические основы режиссер зафиксировал в киноманифесте «Догма-95», в котором призывает отказаться от всего, что мешает фильму приблизиться к естественности жизни, к реальности «здесь и сейчас». Эта программа «обета целомудрия» (как сам автор обозначил положения Догмы) явилась реакцией на условность коммерческого и «чрезмерный эгоцентризм» авторского кино.

Подобный этап борьбы за «правду жизни» приносит свои плоды, демонстрирующие новую реальность — реальность XXI в. А нынешняя реальность такова, что сложно определить границы между действительностью и фантазией, добром и злом, отвратительным и прекрасным. Совершенно бескомпромиссно Триер, лидер нового радикального кино, конструирует такую реальность в фильме «Танцующая в темноте» (2000) (история чешской эмигрантки в Америке 60-х с певицей Бьорк в главной роли). Но уже в следующем фильме «Догвилль» (2003) режиссер — бунтарь-провокатор, предаёт и эстетику «Догмы», и успевших сплотиться в группу последователей тем, что отказывается от всякого подобия реализма. Конструируя минималистический, условный мир американского городка, он «разыгрывает сюжет об американских ценностях с точки

* Плахов А. Режиссеры настоящего: Радикалы и минималисты. С. 214.

зрения европейского радикала»*. Своей принципиально новой эстетикой «Догвилль» прочертил четкую границу в кино XXI в. между «правдой жизни» и ее конструкцией, реанимировав на новом этапе противостояние двух методов киноязыка. Не менее провокативно поступает режиссер в «самой национальной» картине «Самый главный босс» (2006), представляя обобщенный образ европейской публики в форме офисной комедии. Ну а «Антихрист» (2009) — гностический фильм ужасов (по определению режиссера), убедительно разрушает уютные представления о том, что современная действительность вполне культурно обустроена, основана на здравом смысле и либеральных ценностях.

Ряд датских режиссеров, близко к сердцу принявших принципы «Догмы», используют их в той или иной степени. Так, непосредственный соавтор манифеста Т. Винтерберг воплощает эстетику естественного течения жизни в фильме «Торжество» (1998) и, не щадя зрителя, демонстрирует жесткость межличностных отношений в фильмах «Охота» (2012), «Субмарино» (2010). Выходец из «Догмы» Сюзан Бир в отличие от коллег-мужчин поступает с «трудными» вопросами, волнующими европейское сообщество, с женской деликатностью. Но это не мешает указать в фильме «Месть» (2010) на парадоксальную связь между европейской политкорректностью и природой насилия. В свою очередь, Л. Шерфиг подает пример того, как можно, применяя ключевые принципы «Догмы», получить жизнерадостные мелодраматические истории, пополняющие мейнстрим достойными фильмами («Итальянский для начинающих», 2000; «Воспитание чувств», 2009; «Один день», 2011). Уходит в сферу пограничности рационального и иррационального К. Боэ («Все будет хорошо», 2010; «Реконструкция», 2003).

Норвежское кино к XXI в. подошло, в чем-то совпадая с основными тенденциями европейского кинопространства, в отдельных же случаях сохраняя верность национально-культурной традиции, воспитавшей суровость взгляда на мир, этическую стро-

* Там же. С. 226.

гость и бесконечное уважение к природе. Так, в основе сюжета фильма Н. Гаупа «Проводник» (1987) — древняя лапландская легенда о саамском народе. Одухотворенные пейзажи норвежской природы, этнографическая достоверность предметного ряда создают почти документальную атмосферу исторической драмы. В 2008 г. режиссер снова обращается к родной культуре в фильме «Бунт в Каутокейно», восстанавливая историю произошедшего в XIX в. конфликта между саамами и норвежскими чиновниками. «Странники» (1990) У. Солум, признанные одним из лучших фильмов Норвегии, демонстрируют верность произведениям К. Гамсуна — лидера норвежской литературы по экранизациям.

У. Солум продолжает трогательную традицию развития детского кино, выделяющую скандинавов на фоне европейской индифферентности к этому жанру («Король — полярный медведь», 1991). На интересах подрастающего поколения фокусируется Т. Лиан, со всей серьезностью улавливающая «невзрослые» проблемы (первых чувств, соперничества, становления личности) подростков в фильмах «Только облака закрывают звезды» (1998), «Цвет молока» (2004), «Вегас» (2009). Поддерживается производство анимационных фильмов. Но шумный зрительский успех американской продукции заставляет идти по пути стандартизации художественных решений, в том числе благодаря новым технологиям. Хотя, например, Андерс Кларлунд экспериментирует с материалами в игровом и анимационном фильме «Нити» (2004), применяя деревянные марионетки. Это безусловное «эхо» традиции короля норвежской анимации Иво Каприно, который еще в 1948 г. изобрел уникальную систему съемок с использованием кукол. В целом же в 2000-х гг., с ростом количества детских и молодежных фильмов, заметно унифицируется художественное начало. Коммерческие и зрелищные приоритеты подавляют авторский голос, неторопливо рассказывающий о добре и зле.

Сегодня норвежский кинематограф работает в спокойном режиме «для себя», создавая по большому счету не резонансное авторское кино, а профессиональную артмейнстримовскую продукцию. Так, Бент Хамер начиная со своего фильма «Яйца» (1995)

продемонстрировал, что кинематографическому взгляду норвежца доступны и тонкость психологических взаимоотношений, и глубоко упрятанные проблемы современного общества. В 2000-х режиссер снимает при совместном участии нескольких стран такие фильмы, как «Кухонные байки» (2003), «Доверенное лицо» (2005), «О' Хортен» (2007). Несмотря на комедийность и мелодраматичность, фильмы внятно указывают на ценности общения, личной свободы, поисков себя, что благоклонно воспринимается европейским понятливым зрителем, например фильм Питера Нэсса «Эллинг» (2001), где история бывших пациентов психолечебницы, адаптирующихся к постбольничной жизни, заслужила искренние зрительские симпатии. К теме «на все времена» обращается Йенс Лиен в фильме «Сыны Норвегии» (2011), пытаясь дать скандинавскую интерпретацию проблем отцов и детей. А в своей картине «Неуместный человек» (2006) Лиен в духе нового реализма аккуратно создает безупречно достоверный мир, который, однако, оказывается ирреальным. Так же как и нынешний — мир симулятивный, выстроенный средствами массмедиа и внушающий человеку неподлинное счастье.

Х. Цварт, в свою очередь, честно выбирает коммерческое кино и выводит его на профессиональный уровень. Режиссер, который родился в Нидерландах, а живет в Норвегии, снимает голливудские развеселые комедии для всей Европы («Одна ночь в Мак-Куле», 2001; «Агент Коди Бэнкс», 2003; «Розовая пантера-2», 2009). Т. Виркола, опровергая стереотип чрезмерной серьезности норвежского кино, из любви к постмодернизму и мейнстриму делает пародию на Тарантино («Убить Булью», 2007). Не менее веселую историю предлагает Виркола в жанре ужаса-комедии «Операция „Мертвый снег“» (2009), в которой среди прекрасных скандинавских горных пейзажей немецкие зомби-нацисты методично поедают норвежских студентов-медиков.

Так неамбициозное норвежское кино пополняет общее кинопространство разными его формами (арт-кино, мейнстримом и арт-мейнстримом), не отказываясь от собственных художественных приоритетов. В целом же скандинавскому кино удастся, не изме-

няя своим национально-культурным установкам в видении мира, отвечать на острые вопросы интернационального зрителя.

Замкнутость в границах собственных тематических и художественных интересов блокировала мировой успех испанского кино в XX в. В условиях же непростых перипетий европейского кинопроцесса XXI в. **испанский кинематограф** пока гордо, но тихо мирится со своей провинциальной судьбой. Хотя это пытаются эффектно опроверить некоторые режиссеры.

К XXI в. определились основные черты, маркирующие испанское кино. В их ряду ассоциативная усложненность киноязыка; элементы «черного юмора»; тяготение к метафоричности, к темной стихии иррационального, органично сочетающееся с достоверностью и убедительностью формы. Такая двойственность воспитана традициями художественного барокко и сюрреализма, выразивших каждый по-своему взаимобратимость реальности и мистического (в случае барокко) и реальности и подсознания (в случае сюрреализма). В обоих вариантах натуралистическая форма была непременным условием воплощения. Подобная стратегия не могла доставить хлопот режиссерам, поскольку была освоена «новым испанским кино». Так, испанский кино взгляд на действительность, разоблачающий ее уютную очевидность, становится хорошим подспорьем для «нового реализма» нынешнего десятилетия.

Не менее характерной чертой становится суровая — испанская «правда жизни» простых людей, отсылающая к вечным ценностям. Кино несет на себе печать угрюмого самосознания испанской культуры, которая позже других европейских стран освободилась от инквизиции и которая ввела эстетику кровавого зрелища корриды, утвердив «великую национальную традицию праздничной смерти» (М. Трофименков).

Сегодня кинематограф Испании продолжает свое развитие в русле общего европейского кинопроцесса, а это значит, что он столь же многолик по стилям и тематике. При этом колоритный испанский «след» в обязательном порядке привносит свою специфику, будь это коммерчески успешная копродукция, или авторское кино, тяготеющее к общеевропейской надэтнической модели, или разноуровневый арт-мейнстрим.

Характерно, что достаточно одного обращения к испанской культуре для создания оригинального стиля. Например, мексиканец Гильермо дель Торо, вдохновленный испанской историей (темой гражданской войны) и художественной традицией, в фильме «Лабиринт фавна» (2006), привлекает испанскую символику, доводит до бескомпромиссно жесткого натурализма достоверность образов, в том числе сфантазированных героиней. Задачу показать призрачность границ между реальным и ирреальным мирами режиссер решает естественно и органично, опираясь на мощный заряд самобытности национального барокко, сюрреализма и «нового испанского кино».

Александр Аменабар как истинный испанец остается на стороне сюрреализма и иррационального («Открой глаза», 1997; «Другие», 2001). Даже вполне правдивую историю «Море внутри» (2004) на тему эвтаназии «он обставил наилучшим образом, сделав важной частью повествования сны главного героя»*. В свою очередь, сосед из Португалии — режиссер Мануэль де Оливейра — уже классик XX в., наследник бунюэлевского сюрреализма, сторонник театральной условности, ставит провокационный фильм «Странности юной блондинки» (2009). Ни истинных чувств, ни истинной идентичности современный мир не допускает — пытается внушить умудренный жизненным опытом режиссер, используя для убедительности вполне реалистическую форму. Вообще, Оливейра — один из немногих нынешних режиссеров, позволяющих себе противиться наступлению коммерческого кино, создавая подчеркнуто антизрелищные фильмы «для себя» и горстки единомышленников. Таков фильм о войне «Нет, или Тщетная слава» (1990) или «Говорящее кино» (2003) — саркастическое киновысказывание, о том, что культура есть бессмысленная череда давно завершившихся событий, адресованная интеллектуалам-пессимистам.

Эмблемой же страны сегодня считается П. Альмодовар как «проявление испанской культуры, которая время от времени концентрирует невиданные обаяние и силу в одной-

* Долин А. Указ. соч. С. 396.

единственной фигуре, становящейся для всего мира символом Испании»*. *На самобытном киноязыке Альмодовар говорит о болезненных точках мира «тотальной стандартизации и нового тоталитаризма мультимедиа»**, мира хаоса и неопределенностей, в котором должен выжить человек. Подобный интерес режиссера очень близок заботам общеевропейского кино, вынужденного искать параметры новой идентичности.*

Каковы представления современного человека о ценностях, о свободе и ее границах, о насилии и гуманизме, о любви и ненависти? На этот вопрос европейский зритель получает «испанский» ответ в обманчиво непритязательном творчестве Альмодовара. Стержнем большинства его сюжетов является тема любви: традиционной и однополый, игривой и смертельно трагичной («Кика», 1993; «Все о моей матери», 1999; «Поговори с ней», 2002; «Возвращение», 2006). Но иначе и быть не может для такой культуры, «где ярко накрашенная смерть бродит рядом с любовным ложем и придает остроту и пикантность жизни»***. Несмотря на провокационность и эпатажность своих работ, Альмодовар не выпускает из рук целый букет добрых традиций, будучи сыном испанского барокко (в театральной условности, в переодеваниях и половых преобразованиях героев), выходцем движения «мовида», преемником сюрреализма Л. Бунюэля и социологизированного поколения К. Сауры. *Вместе с тем Альмодовар становится основоположником национально окрашенного постмодернизма.* Об этом говорят жанровая неопределенность, цитатность, ирония, пронизывающие даже самые трагичные сюжеты, а также китч. Китчевой эстетикой (реклама, мода, анилиновая яркость визуальной среды) режиссер подчеркивает унифицированность современного мира. Однако полнокровная чрезмерность цвета и форм всегда свойственна испанской культуре, «так что и здесь, как и в особом отношении к смерти, постмодернистская свобода

* Трофименков М. Над всей Испанией анилиновое небо (<http://seance.ru/category/names/almodovar/>).

** Плахов А. Режиссеры настоящего: Визионеры и мегаломаны. С. 24.

*** Трофименков М. Указ. соч.

опирается на мощную культурную вертикаль»*. Не осталась незамеченной режиссером, повествующим о разных разнос-тях жизни, и ее необъяснимость и таинственность. На это он пытается указать в картине «Разомкнутые объятия» (2009). *Благодаря Альмодовару испанский кинематограф поспеивает и за неотвратимым процессом смешения коммерческого и авторско-го кино. Используя в качестве образца шаблонные заготовки испанских и латиноамериканских мыльных опер, он создает «настоящие шедевры современной эклектики» (А. Плахов), примиряющие вкусы интеллектуалов и широкой публики.*

В целом же испанские режиссеры XXI в. пока осторожно присматриваются к основным тенденциям, оставаясь верными собственным интересам и самобытным традициям. Среди тех, кто оберегает родные темы сегодня, остается К. Саура, отправивший за приключениями Луиса Бунюэля, Сальвадора Дали и Гарсиа Лорку в фэнтези «Сокровища царя Соломона» (2001). Возвращается Саура и к национальным музыке и песням в картинах «Фодос» (2007), «Фламенко, фламенко» (2010). Без особой шумихи свою миссию развития национального кино выполняют режиссеры провинций. Набирает силу каталонское кино (Х. Каминно, Х. Балагьеро, А. Вилларонга и др.). Не исключено, что вскоре определять судьбу испанского кинематографа станет поколение, формирующее так называемое «новое кино басков» (М. Армендарис, Т. Эснал, И. Оньедерра, А. Морено и др.). Молодой баскский режиссер Хулио Медем уже завоевал широкое признание своими фильмами «Коровы» (1991), «Рыжая белка» (1993), «Беспокойная Анна» (2007), «Комната в Риме» (2010); совместным испано-французским фильмом «Гавана, я люблю тебя» (2012).

Особый путь к XXI в. прошло киноискусство стран, побывавших после Второй мировой войны составной частью «социалистического лагеря». Кинематографии Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, Румынии, бывшей Югославии, Болгарии и др., имеющие разные этнические, религиозные и политические корни, демонстрировали в чем-то общность кинопроцесса, а в каких-то аспектах — собственную специфику.

* Там же.

В авангарде же национальных киношкол, открывших свое развитие в 50-х гг. прошлого века, оказалась Польша. Самобытность ее художественного опыта обогащает европейское кино-пространство национально-культурным колоритом, а поколение нынешнего десятилетия отталкивается от построенного мэтрами творческого трамплина. К XXI в. польский кинематограф подошел с достойным творческим багажом и с готовностью по мере сил вписаться в новые экономические условия и художественные стандарты.

Активно реализуется интеграция польского кино с западно-европейским, наметившаяся еще во второй половине XX в. Этому способствовала не только финансовая заинтересованность, но и эмиграция режиссеров, вызванная ужесточением политической цензуры и постперестроечными настроениями. Но дело в том, что успех подобной интеграции зависел от умения адаптировать авторское киновысказывание к приемлемой для европейского зрителя художественной форме. А это означало привести национально-культурную самобытность киноязыка к общеевропейской кинематографической модели. Блестяще справиться с этой задачей удалось Кшиштофу Занусси и Кшиштофу Кесьлёвски, чутко уловившим духовные настроения современного человека. Так, Кесьлёвски, режиссер «морального беспокойства», на средства французских продюсеров снял всемирно признанную трилогию «Три цвета: Синий» (1993), «Три цвета: Белый» (1994), «Три цвета: Красный» (1994), вводящую в поле зрения аудитории ценности гуманизма. На тягу современного мышления к темам вариативности жизни, возможных поворотов судьбы Кесьлёвски виртуозно откликается фильмами «Случай» (1981) и «Двойная жизни Вероники» (1991); на признание ценности неглавного, повседневного и пустякового — сериалом «Декалог» (1988–1990). И даже после смерти режиссера (в 1996 году) его сценарии продолжают использоваться в международных проектах («Рай» Тома Тыквера (2002), «Ад» Д. Тановича (2005), «Надежда» Ст. Мухи (2007)).

Роман Полански, эмигрировавший в 1960-х гг., успел получить уроки «польской школы». Работая преимущественно в Великобритании, Америке, Франции, он вливается в поток

европейского кинопроцесса, в котором остается органичен и в художественных, и в интеллектуальных аспектах. Более того, «законы, по которым живет нынешнее кино, не в последнюю очередь внедрил сам режиссер»*. Например, зрелищность, саспенс, непосредственное удовольствие, поворот к жанру — т. е. все, чего категорически избегало авторское кино. Ведь только к концу XX в. пришлось смириться с правом на жизнь профессионального и художественного арт-мейнстрима. В своем стремлении делать кино захватывающее и жанровое режиссер покидает «интеллектуальную резервацию» (А. Плахов), принимаясь за провокационные формы, выпирающие за рамки любых моделей (голливудской, соцреалистической и собственно арт-кино). В арсенале автора — ироничного, саркастического пессимиста и мистические ужасы, указывающие на то, что весь мир и человек пропитаны злом («Девятые врата», 1999), и темы психологической незащищенности и паранойи («Горькая луна», 1992), и политический «с антиамериканским посылом» триллер «Призрак» (2010), и семейная комедия с элементами триллера «Резня» (2011). Но самым личным киновысказыванием в ответ на зов польской крови становится «Пианист» (2002) — фильм на тему Холокоста, о трагической судьбе польского музыканта еврейского происхождения.

Ежи Сколимовски, в свою очередь облюбовавший для работы разные страны, в Польше снял претендующую на статус авторской картину «4 ночи с Анной» (2008). В то время как в основе сюжета этого фильма камерная и абсурдная история, в «Необходимом убийстве» (2010) (совместное производство Польши, Норвегии, Ирландии, Венгрии) автор предлагает версию возможностей диалога культур. Свои неутешительные размышления о полном провале взаимопонимания между Востоком и Западом он представляет в шокирующей форме нынешнего натурализма.

Несмотря на удачные примеры участия отдельных польских кинематографистов в копродукции, внутренний кинопроцесс

* Плахов А. Режиссеры настоящего: Визионеры и мегаломаны. С. 258.

здесь пока не отличается стабильностью. Проблемы первому десятилетию наступившего века создала определенная национальная истоженность авторского кино и неустойчивость арт-мейнстрима.

Арт-кино, которым славился польский кинематограф, пытаются поддержать и ветераны, и новое поколение. С киноарены не сходит тяжеловес А. Вайда, демонстрирующий разнообразие интересов («Мечь», 2002; «Аир», 2009; «Приговор Франтишеку Клосу», 2000). При этом отточивший свой киноязык на критике социалистического режима режиссер и в XXI в. бережно доносит привычное раздражение, реанимируя неисчерпаемый запас претензий к Советам. Так, в фильме «Катынь» (2008) представлен злободневный польский взгляд на события Второй мировой войны. Творческую формулу «кино морального беспокойства» продуктивно реализует в своем антиромантическом творчестве К. Занусси. Его фильм «Жизнь как смертельная болезнь, переносимая половым путем» (2000) — неторопливый рассказ о состоящей из незначительных пустяков повседневности маленького человека, отсылающий к вечным темами жизни и смерти. *Между тем тревожным симптомом, демонстрирующим определенное неблагополучие в пространстве арт-кино, является охлаждение аудитории к его мэтрам, в частности к философичным работам Занусси. Появились обвинения в архаичности, в том, что подобный киноязык устарел и больше «не попадает» в стремительно меняющуюся эпоху.* «И если в случае с экранизацией классики это обстоятельство можно заретушировать с помощью чисто визуальных средств, то в жанре психологической драмы старомодность режиссера чувствуется безошибочно*». Среди мастеров, пытающихся понять новое время, К. Куц («Смерть как кусок хлеба», 1994) и В. Марчевский («Вайзер», 2001).

Но в большей степени на современность киномышления претендует молодое поколение. Так, группа авторов-индивидуалистов формирует новый оригинальный стиль

* Потапов И. Бархатная революция — смена поколений в польском кинематографе (<http://kinoart.ru/2004/>).

(А. Кондратюк, «Солнечные часы» (1997), М. Котерский, «День чокнутого» (2002), Е. Штур, «Дикое животное» (2002) и др.). Пробу нового реализма берет на себя Ян Якуб Кольски, переплетая действительность и магию («Жасмин», 2006), фантазию и суровую реальность Польши военных лет («Порнография», 2003). А вот в ответ на обвинения критики в фальшивости образа Польши в кинематографе молодежь, вышедшая из самодеятельного независимого кино, принялась снимать «реальную жизнь в реальной стране». Фильмы П. Войчешка «Громче, чем бомбы» (2001), П. Тшаскальского «Эди» (2002), А. Якимовского «Зажмурь глаза» (2003) сняты о простых людях вне морализаторства, без пафоса и очень часто с иронией.

В свою очередь, арт-мейнстрим польского производства пока не достигает положенного этому виду фильмов зрительского успеха. Как и в других европейских кинематографиях, к такой продукции прибегли под давлением финансовой необходимости (из-за зависимости от спонсорских инвестиций, требующих окупаемости картин). Что могло гарантировать массовый успех? Польское кино делает ставку на беспроигрышные, как и в былые времена, литературные экранизации. Шумный успех эпохальных костюмных картин Е. Гофмана по роману Г. Сенкевича «Огнем и мечом» (1999) и А. Вайды «Пан Тадеуш» (1999) по роману А. Мицкевича, в производство которых была вложена масса государственных и частных средств, сочли точкой отсчета нового расцвета кино. Однако следующие высокобюджетные проекты 2000-х публика не приняла. Фильм Е. Антчака «Шопен: жажда любви» (2002) и поставленный по сценарию писателя А. Сапковского «Ведьмак» (2001) не получили ожидаемого успеха. Причиной охлаждения зрительского интереса к подобным национальным проектам явилась архаичность авторской манеры крупных режиссеров.

Зато неувядающая ироничность польского сознания нашла свое выражение в комедии. Наметилось возрождение этого коммерческого по сути жанра, в основе национально-культурного колорита которого остается выработанная в годы коммунистического режима традиция насмешки над абсурдом повседневной жизни. Но если в те тяжкие для Польши времена актуальной

была социальная комедия, то сегодня — разные варианты, например криминальная комедия. Так, Ю. Махульский рубеж веков отметил бестселлером «Киллер» (1998). Комедийные фильмы О. Любашенко «Парни не плачут» (2000) и «Утро койота» (2001) порадовали подростковую аудиторию. Фильм молодых «независимых» режиссеров А. Сарамоновича и Т. Конецкого «Тело» (2003) заслужил неофициальное право именоваться «лучшей польской комедией 2003 года». *Именно жанр криминальной комедии оказывается фирменным знаком польского кино 2000-х гг.* Итак, польское кино, пытаясь выжить в начале XXI в., накапливает новый опыт, не изменяя своей самобытности.

Завершая наше рассмотрение, отметим, что за жизнеспособность европейских кинематографий XXI в. ныне отвечает уровень комфортности экономико-производственных условий (институциональной поддержки внутреннего кинопроизводства, позволяющей наряду с мейнстримом выживать авторскому кино) и наличие признаков самобытности на художественном уровне. Экономический кризис, блокирующий финансовые предпочтения «ненадежному» в прокатном плане кино, глобализационные процессы, унифицирующие национально-культурные особенности, и проблемы построения «общеευропейского дома» создают безусловные трудности киноискусству европейских стран. Но в силу того, что «европейское и национальное все меньше противостоят друг другу и с готовностью объединяется в общем противостоянии голливудскому глобализму», возникают разные формы проявления специфических черт национального кинематографа. *Живое разнообразие европейского кинопространства демонстрирует плюрализм позиций и художественно-эстетических возможностей. Они всегда в распоряжении режиссера, который на свое усмотрение может высказаться условно-метафорически или жестко натуралистично на любую тему и для любого зрителя, окрасив фильм национально-культурным своеобразием или максимально от него отстранившись.*

Эскизно представленная конфигурация современного европейского кинопространства лет через десять, безусловно, изменится. Как заметил португальский режиссер М. Оливейра,

понятие «современный» лишено смысла, полно иронии и не существует без прошлого. Но путь развития кинематографий показывает неизменность силы внутренних резервов национально-культурной идентичности. Уникальность отношения к миру, ценностных ориентиров, художественных возможностей, этнографических признаков может приглушаться коммерческими интересами, блокироваться неотвратимой унификационной волной глобализации. Однако при этом всегда есть шанс на неожиданный прорыв самобытности.

Глава 8. СОТРУДНИЧЕСТВО КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Проблематика становления, состояния и взаимосвязей европейского государственного и частного ТВ, государственного регулирования и сотрудничества кино и телевидения Европы на рубеже XX–XXI вв. по-прежнему остается актуальной и малоизученной в современной культурологии, причем не только в России, но и в странах Европы. Как правило, подобные исследования проводятся в европейских специализированных учебных заведениях и носят эмпирический характер.

Государственное и частное телевидение: борьба за зрителя

Устойчивый рост бюджетного дефицита, внешнего долга, инфляции и безработицы буквально вынудил даже самые несговорчивые страны Европы в 80-е гг. прошлого века пойти на радикальные изменения системы государственного регулирования в пользу свободного рынка. Прежде всего речь шла об упразднении в начале 1980-х гг. многих государственных монополий, в том числе и ликвидации исключительного права государства на радио- и телевидение.

Упорная борьба частного капитала за право телевидения в Европе была не случайна. Фактически к концу 1970-х гг. теле-

видение стало важнейшим инструментом мировых массмедиа, потеснив не только кино, но даже радио и печатную продукцию. Однако по мере распространения телевидения, а также с ростом зрелищности и разнообразия телепрограмм в наиболее тяжелом положении оказались кинотеатры. Фактически уже в первые годы 1980-х подавляющее большинство простых европейцев перестало посещать кинотеатры. С точки зрения обывателя объяснение этому было весьма простым: зачем тратить деньги, если кино можно бесплатно посмотреть по телевизору? Результатом не только кризиса, но и появления частного телевидения, привнесшего быстрый рост зрелищных телепрограмм и ежедневные многочасовые показы отечественной и зарубежной кино/телепродукции, стало резкое сокращение количества кинотеатров по всей Европе. К примеру, в Италии, где с момента появления кинематографа количество кинотеатров было всегда рекордно высоким, в 1980 г. насчитывалось 8453 кинотеатра (включая приходские кинозалы). Но уже в 1984 г. их количество сократилось до 5628, а в 2001 г. осталось чуть более 2000, из которых 35 — кинотеатры-мультиплексы.

Пожалуй, переломным моментом в пользу «голубого экрана» и соответственно в ущерб посещению кинотеатров послужил трагический случай, произошедший 13 февраля 1983 г. в Турине: в кинотеатре «Statuto» в результате пожара погибло 64 человека (в основном подростки и молодые люди). Таким образом, в начале 1980-х гг. посещаемость кинотеатров по всей Европе стала резко падать. В той же Италии в 1978 г. кинотеатры посетило 319 млн зрителей, в 1988 — 93 млн, в 1992 г. — 84 млн*.

Такая же ситуация сложилась и в соседних европейских странах. В эти годы для простых европейцев ежедневно смотреть телевизор стало нормой. Следует отметить, что общие показатели продолжительности просмотра телепередач с 1980-х гг. по наши дни остаются без изменений. В среднем один европеец смотрит телевизор 3/3,5 часа в день; каждая семья — от 6 часов и выше.

* *Brunetta G. P. Guida alla storia del cinema italiano 1905–2003*, Einaudi, Torino, 2003.

К концу XX в. 94 % французских семей (в Италии — 98,5 %) имели от одного и более цветных телевизоров с дистанционным пультом управления; видеомэгнифоны, а позже «cd-Rom» — более 60 %. В то же время совершенствование и удешевление технологии производства привели к распространению в Европе принципиально новых телевизионных приемников. Речь идет о проекционных телевизорах, т/в приемниках с плоскими и темными кинескопами, новой системой передачи текстовой информации в телесигнале — «телетекст» и «фасттекст»; с функцией «картинка-в-картинке» (PIP). В начале XXI в. массовое распространение в Европе получили телевизоры с жидкокристаллическими и плазменными экранами (панелями), а с 2008 г. — лазерные телеприемники.

Таблица 8.1

Обзор телевизионного рынка Италии начала XXI в.*

Телезри-тели	Общее кол-во семей с ТВ-приемниками	21 320 000
	% соотношение семей с ТВ-приемниками	98,5 %
	Кол-во телеканалов у 70 % населения	7
Процентное соотношение семей, в которых ТВ-приемники имеют следующие показатели:		
ТВ-приемники	Цветные телевизоры	99,8
	Наличие более 1 телевизора в семье	55,3
	Кассетный видеомэгнифон	66,7
	DVD	11,4
	Телетекст	78,6
	Пульт дистанционного управления	99,6
Средства приема вещания ТВ	Кабельное	0,3
	Частные спутниковые антенны	13,0
	Коллективный приемник спутникового сигнала	4,0

Источник: La televisione in Europa: regolamentazione, politiche e indipendenza. Italia. (versione provvisoria) // Monitoring Television Cross Europe Open Society Institute. 2005. P. 174; La televisione in Europa: regolamentazione, politiche e indipendenza Italia. MONITORING TELEVISION ACROSS EUROPE OPEN SOCIETY INSTITUTE — 2005

* International Marketing Committee, Television 2004. International Key Facts. 2004. Ottobre. P. 174.

Таким образом, невозможность преодоления экономического кризиса в Европе путем государственного регулирования, высокая популярность и экономическая привлекательность телевидения, а также решение руководства Совета Европы о необходимости принесения «плюрализма в средства массовой информации» привели к появлению частного ТВ (1974) и окончательному падению режима государственных монополий на телевидение в начале 1980-х гг. К примеру, именно в эти годы в Италии появились крупнейшие частные телеканалы Сильвио Берлускони: «Canale 5» (1980); «Italia 1» (1981); «Rete 4» (1982). Однако в некоторых странах ЕС независимые коммерческие телекомпании появились задолго до отмены государственных монополий. К примеру, одна из крупнейших в мире британская независимая телекомпания ITV — «Independent Television» была учреждена в 1955 г. (главный конкурент английской государственной телекомпании BBC. — А. К.); частная телекомпания «Télé Monte Carlo» (ТМС) — 1954 г.; коммерческая радио/телекомпания Люксембург (RTL) — 1965 г. *До 1980-х гг. частное телевидение в Европе являлось скорее исключением, чем правилом.*

После окончания Второй мировой войны крупнейшие европейские государственные радио/телекомпании стали появляться в разные годы:

— Англия: BBC — «British Broadcasting Corporation» (1946) — «BBC One» (1964); «BBC Two» (1964);

— Германия: ARD — «Arbeitsgemeinschaft der Rundfunkanstalten Deutschlands» (1950); ZDF — «Zweites Deutsches Fernsehen» (1963);

— Франция: TF1 — «Télévision Française 1» (1946; приватизирована в 1987); «France 2» (1963); «France 3» (1972);

— Италия: «Rai 1» — «Radiotelevisione Italiana» (1954); «Rai 2» (1954); Rai 3 (1954);

— Испания: RTVE — «Radiotelevisión Española»: TVE 1 — «La Televisión Española» (1956); TVE 2 (1966).

Совершенно очевидно, что до появления частного телевидения государственные телекомпании Европы в течение нескольких десятилетий безраздельно владели правом на «антенну».

В эти «золотые» годы сложились определенный порядок, уклад и даже традиции в неспешной работе телекомпаний. Из всех госучреждений именно телекомпании обладали в обществе особо высокой значимостью, а ее работники почитались, как небожители. Вместе с этим наиболее серьезной проблемой, вызывавшей в обществе бурные дебаты и скандалы, являлась сомнительная независимость государственных телекомпаний от крупнейших, и в первую очередь правящих, политических партий.

Изначально основными источниками финансирования большинства государственных телекомпаний являются небольшая абонентная плата граждан («канон») и плата за рекламу, что строго регламентируется многими едиными правилами и ограничениями в странах ЕС. К примеру, в 2003 г. годовая абонементная плата граждан составляла: в Германии — € 193,80, Англии — € 178, Франции — € 116,50, Италии — € 97,10. Следует отметить, что до 1980-х гг. в условиях отсутствия конкуренции многие передачи государственных телекомпаний значительно уступали в зрелищности американским программам. Однако качество образовательных, культурных программ и телефильмов было всегда неоспоримо высоким. К примеру, в «золотую эпоху Барнебеи» в 1960–1974 гг. — период правления РАИ одним из крупнейших телепродюсеров XX в. Этторе Барнабеи (род. 1921), экранизировались произведения А. Мандзони, Л. Толстого, А. Кренина; литературные произведения античных и средневековых авторов; демонстрировались исторические, религиозные и общеобразовательные фильмы (реж. Р. Росселини, Ф. Дзеффирелли и др.).

С падением государственной монополии количество частных телекомпаний, а вместе с этим качество и разнообразие передач росло чрезвычайно высокими темпами. При этом «право на антенну» для частных предпринимателей было ограниченным — разрешалось лишь локальное/областное вещание, но не общенациональное. Однако для сравнительно небольших территорий европейских государств преодолеть подобное ограничение и тем самым добиться эффекта общенационального вещания не составляло труда. Для этого было достаточно в каждой

области заполучить право «локального телевидения» и запустить при этом единую телепрограмму (именно по такой схеме была построена «империя Берлускони» — компания «Фининвест»). Основанием для самой жесткой конкуренции за право на «частную антенну» послужило отсутствие законодательных ограничений по рекламе и тарифу для частных телекомпаний (в отличие от государственных каналов), так как именно доходы от рекламы были и остаются единственным источником финансирования частного ТВ. В то же время доходы владельцев частных телекомпаний в самый короткий срок оказались не просто высокими, а сверхвысокими.

Таблица 8.2

**Показатели рейтинга основных ТВ-каналов
Италии начала XXI в.**

Каналы ТВ	2002 г., %	2003 г., %
«RAI 1»	24,4	24,2
«RAI 2»	13,0	12,0
«RAI 3»	9,9	9,5
«Canale 5»	22,8	23,2
«Italia 1»	10,1	10,5
«Rete 4»	9,4	9,5
«La 7»	1,9	2,3
Прочие	8,5	8,8

Источник: La televisione in Europa: regolamentazione, politiche e indipendenza. Italia (versione provvisoria) // Monitoring Television Cross Europe Open Society Institute. 2005. P. 178; International Marketing Committee, Television 2004. International Key Facts. 2004. Ottobre. P. 178.

В начале 1980-х гг. частное телевидение буквально обрушило на европейцев поток зрелищной заокеанской телепродукции, что было обусловлено следующими причинами:

1) льготная государственная политика в странах ЕС на ввозимую американскую кино/телепродукцию, а именно предоставление льгот на пошлины и налоги;

2) низкая цена американской телепродукции, отсюда — снижение затрат и общей себестоимости работы частной телекомпании;

3) эксклюзивное право долгосрочного показа приобретаемых американских фильмов;

4) большой интерес европейских телезрителей к американским фильмам, особенно у молодежи;

5) получение сверхприбыли от продаж рекламного эфирного времени.

К примеру, в Италии именно по этим причинам в 1982 г. крупнейшая частная миланская телекомпания «Canale 5» приобрела конкурирующую телесеть «Italia 1». Однако процесс формирования крупнейших частных телевизионных компаний на Апеннинах был окончательно завершён в 1984 г. с приобретением Берлускони последнего конкурента — телеканала «Rete 4». Таким образом, в Италии была создана единая частная телекомпания «Группа Фининвест» или Mediaset — непримиримый антагонист и в буквальном смысле кошмар для государственной телекомпании RAI.

Тяжелейшее противостояние двух телегигантов продолжается уже более 30 лет, причем не в пользу RAI. Периодически возникающие громкие скандалы и взаимные обвинения RAI — Mediaset влекут не только бесконечные судебные разбирательства, но и требуют постоянного законодательного регулирования («Декрет Берлускони» — 1985 г.; Закон Мамми — 1990 г.; Закон № 249 — 1997 г.; Закон № 66 — 2001 г.; Закон Гаспарри — 2004 и др. — *А. К.*). Также в скандальные тяжбы двух телегигантов вынуждены постоянно вмешиваться Комиссия ООН по правам человека, руководство Совета Европы и даже проводить специальные отдельные слушания на парламентских ассамблеях стран ЕС*.

С появлением частного телевидения в европейских СМИ 1980-х гг. произошло значительное усиление либеральных настроений. Вместе с этим произошли принципиальные изменения содержания и характера телепрограмм, причем не только частных, но и государственных телекомпаний. Вместо

* La televisione in Europa: regolamentazione, politiche e indipendenza. Italia (versione provvisoria) // Monitoring Television Cross Europe Open Society Institute. 2005.

Таблица 8.3

**Экономические показатели основных ТВ-каналов
Италии начала XXI в.**

ТВ-каналы	Выручка, млн €		Рост прибыли в процентном соотношении
	2002 г.	2003 г.	
«RAI»	2,385	2,394	0,4
«Mediaset»	1,851	1,973	6,6
«Telepiù/Sky»	928	1,098	18,3
«MTV/La 7»	70	95	35,7
Прочие	316	319	1,3
Итого	5,550	5,879	5,9

Источник: Utorità per le garanzie nelle comunicazioni — AGCOM. Rapporto annuale. 2004. P. 112.

Таблица 8.4

Источники финансирования RAI начала XXI в.

Источники финансирования	2002 г.		2003 г.	
	выручка, млн €	доля от общей выручки, %	выручка, млн €	доля от общей выручки, %
Абонементная плата	1 382,5	53,9	1 432,0	55,2
Реклама	1 038,5	40,5	1 005,3	38,8
Прочие источники	144,9	5,6	156,2	6,0
Итого	2 565,9	100	2 593,5	100

Источник: La televisione in Europa: regolamentazione, politiche e indipendenza. Italia (versione provvisoria) // Monitoring Television Cross Europe Open Society Institute. 2005.

ставших традиционными образовательных и художественных телепередач акцент был сделан на создание всевозможных шоу-программ и показ телесериалов (первоначально в основном американских). С целью обеспечения высокого качества и быстрого роста популярности передач руководители частных телекомпаний активно использовали практику завлечения лучших профессионалов-техников, журналистов, редакторов,

телеведущих из государственных телестудий. При этом им предлагались оклады и гонорары, в несколько раз превышавшие их заработки на государственных каналах, что буквально в считанные дни позволяло решать кадровые вопросы. *В целом, предпринимаемые усилия очень быстро принесли свои плоды: передачи частного телевидения приобрели большую популярность у европейских телезрителей. Наряду с шоу-программами в частных телекомпаниях также уделялось внимание популяризации и поддержке отечественного кинематографа.* К примеру, частный телеканал «Canale 5» в первый же год своей деятельности (1980 г.) впервые в истории итальянского телевидения организовал ретроспективный показ 70 лучших итальянских кинокартин 1945–1960 гг., что стало подлинным событием культурной жизни года, а также ознаменовалось формированием одобрительного отношения населения к появлению частного телевидения.

Вместе с этим необходимо признать, что тяжелейшие условия неравной, а зачастую и нечестной конкуренции ставили государственные телекомпании Европы буквально на грань банкротства. Так называемый «кризис идентичности», обрушение сложившейся за многие годы стройной системы расходов и доходов, а также утрата роли «особой значимости в обществе» стали неизбежны. Прежние спокойные времена закончились буквально в одночасье. Отныне государственным телекомпаниям для выживания в условиях свободного рынка, острейшей нехватки финансирования и жесткой конкуренции было необходимо создавать новые, более интересные программы, подавляющая часть которых, как и в частном ТВ, должна была носить более динамичный и развлекательный характер. Подобное положение вызывало бурные протесты в первую очередь у старейших работников телевидения — «профессоров». В этой связи совершенно справедливым является замечание Джузеппе Рикери, директора Института медиа и журналистики при Университете Итальянской Швейцарии в Лугано (является одним из крупнейших европейских специалистов в области истории, теории и стратегии СМИ; автор 16 монографий и более 100 научных статей по проблемам коммуникации

и СМИ. — А. К.): «С появлением частного телевидения *логика предложения государственных телекомпаний была заменена на логику спроса рынка*». Таким образом, с возникновением конкуренции между государственными и частными телекомпаниями основной целью становится борьба за рынок путем создания лучших рейтинговых телепередач и телешоу*.

К началу 1990-х гг. противостояние европейских государственных и частных телекомпаний приобрело агрессивный характер (особенно в Италии, что привело к образованию дуополии RAI — Mediaset. — А. К.). Следует отметить, что после ликвидации монополии на теле вещание основной источник финансирования большинства государственных телеканалов Европы — абонементная плата граждан (канон), не претерпел каких-либо значительных изменений.

По официальным сведениям КЕС, опубликованным в «Panorama dell'industria comunitaria», в период 1982–1989 гг. в пяти крупнейших странах Европы инвестиции в рекламу ТВ выросли на 13,6 %, в то время как абонементная плата — на 3,5 %. В 1990–1995 гг. рост инвестиций в рекламу в Европе в целом составил 11 %, а рост абонементной платы — 2,3 %. В 1990-е гг. из всех европейских государственных телекомпаний в наиболее трудном положении оказалась итальянская RAI, где «канон» повышался в среднем на 0,2 % в год, в то время как инвестиции в рекламу росли в среднем на 11 % в год. Отсюда становятся очевидны незавидное финансовое положение государственных телекомпаний и невозможность их выживания без государственного регулирования и финансовой поддержки.

К концу XX в. наиболее сбалансированного финансового положения в Европе удалось добиться крупнейшим французским телекомпаниям:

— государственный канал «France 2»: господдержка — 61 %; доходы от рекламы — 39 %;

* Monteleone F. Storia della radio e della televisione in Italia. Un secolo di costume, società e politica [Testo]. 5 edizione. Venezia: Tascabile Marsilio, 2001. XXXII. 662 p.

- государственный канал «France 3»: господдержка — 71 %; доходы от рекламы — 29 %;
- государственный канал культуры «Arte»: господдержка — 100 %;
- частный телеканал «TF1»: реклама — 100 %;
- частный телеканал «M6»: реклама — 100 %;
- частный телеканал «Canal+»: абонентная плата — (почти) 100 %.

С появлением частного телевидения крупнейшие американские телекомпании приступили к немедленному осуществлению очередного массивного экспорта в Европу кино/телепродукции по демпинговым ценам. Известно, что в области кино-практика бросового экспорта американцев в Европу проводилась на протяжении XX в. неоднократно. В первую очередь речь идет о послевоенных кризисных периодах 1920-х и 1945–1950 гг., что не только тормозило европейское кинопроизводство, но и преследовало цель вытеснения конкурентов и завоевания всего европейского рынка. В этой связи правительства европейских государств в конце XX в. также были вынуждены принимать срочные меры по защите собственных интересов.

Однако в начале 1990-х гг. государственные телекомпании стран ЕС столкнулись с очередной неожиданной проблемой: самой жесткой конкуренцией со стороны американских СМИ в области новостного информирования. После драматических событий в мире 1991 г. (война в Персидском заливе и распад СССР) США фактически получили на некоторое время безраздельный контроль над мировым оперативным новостным информированием, в первую очередь с полем сражений. Для этого в армии США в качестве отдельного подразделения были аккредитованы более 500 военных журналистов, деятельность которых строго контролировалась военным командованием. По мнению известного европейского культуролога и историка телевидения Франко Монтелеоне, парадокс заключался в том, что в начале 1990-х гг. во всем мире самой известной и буквально вездесущей была лишь одна аббревиатура — «CNN». В то же время было общеизвестно, что владельцем этой крупнейшей телекомпании являлся всего

лишь один человек — Тед Тёрнер (род. в 1938; в 1993 г. основал в России вместе с Эдуардом Сагалаевым «Московскую Независимую Вещательную Корпорацию ТВ-6». — А. К.). Императивный тон прямых и сверхчастых американских телерепортажей с мест военных действий в Ираке стал отличительной чертой тележурналистики «CNN» и своего рода «новым словом» в мировой тележурналистике.

Безусловно, речь идет о первой широкомасштабной информационной войне с максимальным использованием возможностей телевидения как мощнейшего информационного и пропагандистского рупора в пользу одного государства. Перед военными журналистами ставилась задача добиться «эффекта присутствия», полного доверия телезрителей всего мира к информации «CNN», сопереживания и положительного отношения к «хорошим парням» из Америки, рискующим своими жизнями во имя «демократии и мира на земле». Однако в Европе очень быстро начали уставать от бесконечных «горячих» новостей американцев и даже подвергать сомнению как правдивость новостей, так и реальную опасность работы военных журналистов на войне в Ираке.

С целью успешного противостояния «CNN» в начале 1992 г. руководство ЕС одобрило инициативу «Европейского вещательного союза» (анг. — «European Broadcasting Union» — EBU; фр. — «Union Européenne de Radio-Télévision» — UER) по немедленному созданию европейского круглосуточного информационного канала «Euronews». Таким образом, уже с 1 января 1993 г. начал работу уникальный европейский телеканал по одновременному новостному вещанию в 155 странах мира на пяти языках: английском, французском, итальянском, немецком и испанском (по состоянию на 2012 г. «Euronews» осуществляет вещание на 11 языках. — А. К.). Отдельно следует выделить ряд принципиально новых особенностей телекомпании:

- отсутствие каких-либо традиционных передач из телестудии — только видеохроника;
- отсутствие ведущих журналистов (во избежание так называемой «групповщины»);

— наложение закадрового голоса диктора на видеоизображение (для отдельных репортажей и интервью «Euronews» допускает присутствие в кадре журналиста);

— использование различных, в том числе прямо противоположных, взглядов на какую-либо проблему и события в мире;

— одновременное многоязычное вещание;

— девиз единой редакторской группы — точность и достоверность информации.

Подготовкой видеоматериалов для «Euronews» занимаются в основном две дочерние компании «Европейского вещательного союза»: «Associated Press Television News» и «Reuters TV». Также используются дополнительные материалы, подготовленные европейскими агентствами «France-Presse», «DPA» (Германия), «ИТАР-ТАСС» (Россия), «ANSA» (Италия), «LUSA» (Португалия), «EFE» (Испания).

Однако ни создание крупнейшей в Европе новостной компании «Euronews», ни усилия «Европейского вещательного союза» и крупнейших государственных телекомпаний ЕС так и не смогли ослабить попытки установления англо-американской гегемонии новостных фильтров «CNN» и «Fox News». Нескрываемые намерения англосаксов на рубеже веков полностью захватить европейский телевизионный рынок лишь усилили протестные настроения в странах ЕС. В первую очередь речь идет о государственных теле/радиовещательных компаниях Франции, Германии, Италии, Испании, Австрии, Португалии, Бельгии и других стран. Мириться со сложившейся ситуацией не намеревались в первую очередь во Франции.

В начале нового столетия призывы государственных европейских телекомпаний к самому жесткому противостоянию американской экспансии нашли неожиданное понимание и даже поддержку со стороны частных телеканалов. Фактически впервые с момента появления частного телевидения речь зашла о возможном сотрудничестве антагонистических организаций, состоявших на протяжении двух десятилетий лишь в острой конкурентной борьбе.

К примеру, в 2003 г. генеральный директор французского парламентского телеканала TPS — «Télévision Public Sénat» Жан-Пьер Элькаббах выступил в сенате с предложением соз-

дать французский аналог «CNN», мотивируя это «геостратегической необходимостью Франции», «битвой планетарного масштаба за телеэфир» и «отстаиванием собственной точки зрения на события в мире». В своем эмоциональном выступлении Элькаббах, в частности, заявил: «Франция находится в ловушке и выставляется в карикатурном виде в шаблонных взглядах англосаксонцев и спаренной гегемонии американцев и арабов вместе с „Fox“, „CNN“ и „Al-Jezira“». Телеканалы „RFI“, „Euronews“ и „TV5“ пытаются что-то сделать, но этого недостаточно. При желании выход всегда можно найти, и мы его найдем! При создании телеканала „TPS“ мы объединили государственные и частные фонды, что само по себе является революционным достижением! Так почему не взять за основу этот успешный опыт? На мой взгляд, создание подобного канала очень важно не только для профессионалов, но также для страны и будущего*». Отмечу, что конкурентное противостояние новостного информирования между крупнейшими англо-американскими и европейскими телекомпаниями продолжается по настоящее время.

Влияние ТВ на европейское общество

Одной из самых злободневных и широко обсуждаемых тем в современной Европе является проблема влияния телевидения на общество. Способность мощного воздействия экранных искусств на сознание и поведение людей, особенно молодежи, впервые была отмечена в Европе в 1913 г. после выхода на мировой экран мелодрамы «Но любовь моя не умрет!» («Ma l'amor mio non muore!», 1913, реж. Марио Казерини, 90 мин, пр-во Film Artistica «Gloria», Турин). Во многом успеху немого фильма способствовал кинодебют знаменитой театральной актрисы Лиды Борелли (1884–1959). Популярность этой кинокартины была столь велика, что привела к невиданному для

* Sénat — Session ordinaire de 2002–2003. Annexe au procès-verbal de la séance du 11 juin 2003 // Rapport d'information. N 352 (URL: <http://www.senat.fr/rap/r02-352/r02-3520.html>).

тех лет повальному подражательству молодых девушек кино-образу несчастной красавицы Эльзы: осанкой, взглядом, походкой, жестами. Чтобы соответствовать «стандарту», юные итальянки буквально поголовно были вынуждены сидеть на диетах. Первый случай негативного влияния кино на массовое поведение людей вызвал в обществе как удивление, так и испуг. Психологами он был назван эффектом «бореллизма» («*borellismo*»), а для описания действия был даже придуман глагол — «борелледжарэ» (ит. «*borelleggiare*»), т. е. страстное желание быть похожим на Борелли или кого-либо из звезд кино, театра или эстрады.

Задолго до появления массового телевидения возможность пагубного воздействия СМИ на нравственное воспитание молодежи вызвала серьезные опасения и со стороны Ватикана. 31 декабря 1929 г. было обнародовано известное послание папы римского Пия XI (1857–1939) «*Divinis illius magistris*» («Божественный наставник»), полностью посвященное проблемам воспитания молодежи. Данное послание вызвало в обществе большой резонанс и во многом сохранило свою актуальность и в наши дни. Рассуждая о важной роли СМИ в обществе, его огромной ответственности за правильное формирование нравственных и религиозных убеждений молодых людей, Пий XI в частности писал: «Именно сейчас как никогда необходимо всячески усилить бдительность, так как источников нравственного и религиозного разложения неопытных молодых людей стало великое множество. В первую очередь это касается безнравственных и нечестивых книг, большая часть которых по дьявольскому наущению продается за бесценок, а также зрелищных фильмов кинематографа и появившихся сейчас радиовещательных передач. Все это множится благодаря, так сказать, разного рода чтиву. Также множится и синематограф благодаря разнообразию его зрелищных фильмов. Эти мощнейшие средства информации могут быть очень полезными в вопросах образования и воспитания, но только если они руководствуются здоровыми принципами. Однако в большинстве случаев, к сожалению, они находятся во власти пагубных страстей и движимы жадной наживы... Как много

совращений молодежи происходит по вине современных зрелищ и вредоносных чтений и как много в наши дни они заставляют плакать родителей и педагогов...»*

Не вызывает удивления, что с появлением во второй половине XX в. массового телевидения оно в довольно короткий срок стало главным объектом обвинения в «самом пагубном воздействии» на молодежь и общество в целом. К примеру, в начале 1970-х гг. известный итальянский режиссер и поэт Пьер Паоло Пазолини (1922–1975) был глубоко убежден, что именно телевидение повинно в тяжелейшей культурной деградации европейского общества. По мнению режиссера, передачи «голубого экрана» виновны в массовом «зомбировании» и «унификации» итальянской молодежи 1970-х гг.: одинаковая одежда, стереотипное поведение и примитивное мышление. Происходящие в обществе изменения он называл «феноменом антропологической мутации» и считал, что все «стандарты» массового поведения, как и все потребности и даже мечты простых людей, цинично решаются на советах правлений телекомпаний, а затем насаждаются посредством «подсознательного» рекламирования**.

Не менее пессимистические суждения о проблеме телевидения принадлежат одному из крупнейших философов науки XX в. Карлу Попперу. В работе «Телевидение — плохой учитель» (1994 г.), написанной в соавторстве с Джоном Кондри, Поппер проводит подробный анализ содержания английских телепередач и эффекта их воздействия на зрителя. Ученый приходит к малоутешительному выводу, что современное телевидение обладает колоссальной и бесконтрольной властью; самым радикальным образом ломает устои общества

* *Divini illius magistris*: lettera enciclica di Sua Santità Pio XI [electronic resource]: sulla educazione cristiana della gioventù : dato a Roma, presso San Pietro, il giorno 31 dicembre 1929, anno VIII del Nostro Pontificato (URL: http://www.vatican.va/holy_father/pius_xi/encyclicals/documents/hfp-xi_enc_31121929_divini-illius-magistri_it.html).

** *Pasolini P. P.* Lettere luterane. Il progresso come falso progresso (1976). Intr. di Alfonso Berardinelli [Testo]. Torino: Einaudi, 2003. Saggi. XIII. 208 p.

и буквально калечит души детей и подростков, превращая их в малолетних преступников.

По мнению Поппера, работа телевидения превратилась в некий гигантский механизм по «добавке специй в безвкусную пищу» и этот механизм необходимо остановить, «пока не поздно». Бесконтрольность и вседозволенность телевидения, как и его растущая власть, могут стать чрезмерными и крайне опасными даже для самой демократии. В то же время Поппер приходит к выводу, что изменить положение невозможно, особенно в демократической стране. Цензура неприемлема по причине своей антидемократической природы, и даже ее введение вряд ли принесет пользу. Работа цензоров будет направлена не на превентивные меры, а на разбирательства после выхода в эфир «вредоносных передач». Единственным решением проблемы, считает Поппер, может быть выдача особого разрешительного документа на телевизионную деятельность, а именно специального «патента», подобного медицинскому, что может способствовать созданию некоего механизма самоконтроля телевидения*.

Следует признать, что как на рубеже веков, так и в настоящее время важнейшие проблемы телевидения находятся в центре внимания не только крупнейших деятелей науки и культуры, но также широкой общественности и государственной власти стран ЕС. Вопросы регулирования телевидения по-прежнему являются актуальными и широко обсуждаются в обществе. Одним из важнейших инструментов упорядочения деятельности телевидения стали традиционные ежегодные дебаты в европейских сенатах с участием представителей власти, руководителей крупнейших компаний и специалистов в области СМИ. Из важнейших тем дискуссий следует выделить следующие:

- проблематика развития телевидения сквозь призму культурной эволюции общества;
- ответственность телевидения в конфликтных ситуациях;

* *Popper K., Condry J., Bosetti G. Cattiva maestra televisione. Roma: Reser-Donzelli, 1994. 64 p.*

- борьба с насилием и распространением порнографии;
- проблема засилья в телепрограммах различного рода реалити-шоу;
- перспектива развития аудиовизуальной культуры и средств связи;
- качество и тематика телевизионных программ;
- необходимость строгого отбора телепередач и введение ограничительных мер.

Однако при изучении материалов данных дискуссий наблюдается утверждение диаметрально противоположных точек зрения оппонентов на существующие проблемы, спорность предложений по способам их преодоления, а также значительные разночтения приводимых доказательств, результатов исследований и отчетов.

Вопреки многим проблемам, жесткой критике и противоречивым мнениям о деятельности европейского телевидения бесспорным фактом его благотворного влияния на развитие европейской культуры стала поддержка кинопроизводства. Вызывает сожаление, что вопрос сотрудничества кино и телевидения по настоящее время остается наименее исследованным.

Поддержка телевидением европейского кинопроизводства

Еще в начале XX в., когда вместо документальных короткометражек и комических двухминутных киносенек утвердился формат средних и полнометражных разножанровых картин, а в мировое кино пришло поколение профессионалов (1907–1910 гг.), европейская «фабрика грез» получила необычайно мощное развитие и популярность.

Вместе с этим на заре кинематографа, и тем более в последующие годы, стало совершенно очевидно, что кинопроизводство является исключительно затратным, сверхприбыльным, а вместе с этим крайне рискованным вложением капитала. В качестве примера финансовых потерь можно привести европейский фильм «Россини, Россини!» (1991 г., реж. Марио Моничелли), посвященный творческой судьбе и любовным похождениям

знаменитого композитора. Съёмки картины обошлись инвесторам (Италия, Франция, Испания, Германия) в \$15 млн, однако после нескольких месяцев проката в Италии фильм едва собрал сумму в \$5 тыс. Легким утешением для создателей стала награда на МКФ в Венеции 1992 г. — статуэтка «Давида» художнику по костюмам Лине Нерли Тавиани.

Практически во всех странах Европы любой экономический кризис, не говоря о двух мировых войнах, немедленно сказывался на резком, а порой катастрофическом сокращении кинопроизводства (к примеру, массовая ликвидация крупнейших кинокомпаний Италии в начале 1920-х гг.). Периодическое спасение отечественных кинематографий исключительно за счет государственной казны было невозможно для любой европейской страны. По этой причине начиная с первого послевоенного экономического кризиса в начале 1970-х гг. европейское телевидение приняло участие в кинопроизводстве.

Затяжной характер европейского кризиса начала 1980-х гг. и сложный период реформирования телевидения вынудили кинопродюсеров и госчиновников активно искать новые источники финансирования и кардинально менять организацию кинопроизводства. Вызывает сожаление, что *к началу XXI в. такие мощные кинематографические страны, как Италия или Испания, так и не смогли выйти из кризисного состояния*. Несмотря на все предпринятые усилия мэтров кино из «старой гвардии» и громкие успехи итальянцев — Р. Бенини, Б. Бертолуччи, Г. Сальваторе, Э. Ольми, Дж. Торнаторе; испанцев — К. Саура, П. Альмодóвар, Ф. Труэба, А. Аменáбар, тема «спасения кинематографии» этих стран по-прежнему актуальна.

Основными причинами затяжного кризиса итальянского и испанского кино на рубеже веков стали неэффективная поддержка государства, малопродуктивная экономическая политика в области кинопроизводства, отсутствие интересных условий для привлечения в кинопроизводство отечественных и международных банковских учреждений, недоброжелательное отношение СМИ, низкий художественный уровень подавляющего количества картин, слабая профессиональная подготовка молодого поколения кинематографистов.

Не вызывает сомнения, что в таких условиях крайне сложно не только вернуть утраченные позиции на мировом рынке, но и сохранить собственный рынок от засилья зарубежной кинопродукции. К примеру, в 1971 г. на итальянском рынке доля национальных фильмов в прокате составляла 65,1 %, а США — 27,3 %. Однако в последующие годы малопродуктивного государственного регулирования («свинцовые семидесятые») и жесткого противостояния между кинематографистами и правительством Италии доля итальянского кино на внутреннем рынке очень быстро снизилась: 1978 г.: итальянские фильмы — 42,8 %, США — 41,5 %; 1980-е гг.: итальянские фильмы — менее 30 %, США — 70 %; 1993 г.: итальянские фильмы — 14,4 %; начало XXI в.: итальянские фильмы — 20–25 %, американские — 55–60 %, европейские — 20–25 %. Фактически речь идет о трехкратном снижении доли проката итальянского кино на внутреннем рынке по сравнению с 1971 г. Валовой сбор кинопроката в Италии в 1968 г. составлял: итальянские фильмы — 91 683 604 лир; американские — 53 085 221 лир; в 1998 г.: итальянские фильмы — 281 005 180 лир, американские — 722 626 889 лир*.

Не менее драматичной выглядит ситуация и в Испании, где финансирование кинопроизводства происходит главным образом за счет государства — «Института кинематографии и аудиовизуальных искусств», Фонда поддержки кинематографии, телевидения и банковских кредитов. Также с целью оптимизации отечественного кинопроизводства испанская налоговая система освобождает от уплаты налогов до 20 % любые кинокомпании, но на условиях инвестиции в кинопроект размером около € 18 млн в год. Следует отметить, что в последние годы банковское финансирование достигло в среднем € 30 млн в год, а инвестиции испанских телекомпаний — в среднем 5 % от суммы годовой выручки предыдущего года. Также в последние годы наблюдается рост совместного кинопроизводства с соседними странами по Евросоюзу, в основном с Францией,

* Официальные данные итальянского киноежегодника «Borsa film»; Waterman DJayakar., К. Р. Da che parte pende la bilancia della competizione tra l'industria cinematografica italiana e quella statunitense? // L'Industria. 1999. N 3.

Италией и Германией. К примеру, наиболее крупная испанская кинокомпания «Madrid Film Commission» в 2004 г. сняла совместно с Францией (продюсерский центр «l'Île de France») 13 фильмов, с Италией (п. ц. «Lazio») — 11, с Германией (п. ц. «Berlin-Brandenburg») — 2. В том же году компания «MFC» выступила участником в 25 полнометражных фильмах, 12 короткометражных, 10 телесериалах, 1 игровом телефильме и 4 документальных.

Следует признать, что в начале XXI в., несмотря на суммарное увеличение европейского кинопроизводства, наличие мощных технических, финансовых и творческих ресурсов, кинематограф Европы по-прежнему значительно уступает американской киноиндустрии, где налицо не только более высокий коэффициент производительной и финансовой мощности, но и уровень активности и менеджерских способностей.

Также очевидно, что дорогостоящему американскому «кино спецэффектов» и блокбастерам — фантастика, приключение, триллер, поставленным в США и Англии буквально на поточное производство, невозможно серьезное конкурентное противостояние. В то же время практика показывает, что в современной мировой киноиндустрии европейские кинематографисты способны прочно закрепиться в так называемом «авторском кино», что означает: невысокий бюджет, узнаваемая история из жизни простых людей, интересный сценарий, хорошо продуманный «поворот», высокий уровень режиссуры и актерского мастерства. Также европейское кино способно успешно конкурировать на мировом рынке в таких жанрах, как комедия, мелодрама, историческое, военное, политическое, документальное и детское кино.

На рубеже веков фундаментом новой европейской схемы по увеличению кинопроизводства стали:

- привлечение зарубежных инвестиций — «копродукция» (на условиях льготного налогообложения и кредитования);
- государственное регулирование инвестиций ТВ в кино;
- новая система распределения доходов.

Принятые меры оказались настолько эффективными, что очень быстро изменили географическую палитру европейско-

го кинематографа. К примеру, в начале XXI в. стало полной неожиданностью появление динамично развивающегося национального кино Бельгии, Норвегии, Швеции и Финляндии. Также динамично развивается кинематограф Германии, где создана гибкая схема по безвозвратному государственному кредитованию кинопроизводства в размере 20 % от бюджета картины, что во многом позволило привлечь зарубежных инвесторов и значительно усилить немецкую киноиндустрию.

Однако бесспорным лидером европейского кино и телевидения с конца XX в. стала Франция — «Киноэльдorado европейского кино», сумевшая после кризисных 1980–1984 гг. не только очень быстро вернуть утраченные позиции на мировом и отечественном кинорынках, но и прочно занять первенствующее положение в Европе. Основными причинами «французского чуда» в кино стали внимание правительства к нуждам кинематографистов, успешное государственное регулирование, уважительное отношение СМИ к отечественному кино, а также активное участие государственного и частного телевидения в кинопроизводстве и прокате. Фактически речь идет о самом мощном в Европе финансировании кино со стороны телевидения.

С целью эффективного участия телекомпаний в кинопроизводстве (как наиболее мощного инвестора) в Европе стала широко применяться логически-функциональная типология оценивания проектов, а именно «Ex-ante» как предварительная оценка с учетом мнения специалистов и «Ex-post» (facto) — итоговое оценивание фильмов (рецензии независимых критиков). При отборе кинопроектов другими важными показателями являются:

- участие зарубежных инвесторов (International co-production);
- генеральная смета расходов кинофильмов;
- является ли работа режиссера-постановщика дебютной.

Следует признать, что участие французских (и европейских) телеканалов в кинопроизводстве является не добровольным волеизъявлением, а неуклонным исполнением закона — инвестирование в кино части своей годовой прибыли. При этом за телевидением сохраняется право выбора проекта и объема инвестиции

в бюджет одной картины, что в сумме может составить 30–40 % и выше от сметы затрат. К примеру, в 2006 г. французскими телекомпаниями было осуществлено 1490 инвестиций в производство различных кинокартин*.

Безусловно, в сотрудничестве кино и телевидения имеются отличительные особенности, в частности участие в кинопроизводстве наиболее крупных государственных и частных телекомпаний. К примеру, ведущие французские частные телекомпании («TF1», «Canal+», «TPS») и крупнейшая государственная телесеть — «France 2» финансируют, как правило, фильмы с большим бюджетом, кассовый успех которых во многом зависит от рекламной кампании в телеэфире. В то же время частная телекомпания «TF1» финансирует и так называемые рискованные проекты, опираясь исключительно на мнение критиков. Государственный франко-немецкий телеканал культуры «Arte» участвует, как правило, в создании малобюджетных художественных лент, имеющих положительные рецензии критиков и предназначенных не столько для широкого проката, сколько для участия на кинофестивалях. Другая государственная телекомпания — «France 3» финансирует как высокобюджетные картины, так и фестивальные, причем способна инвестировать в них более крупные суммы, чем телеканал культуры «Arte».

Согласно официальным данным, опубликованным в 2002 г. государственным департаментом по кинематографии — «Центр национальной кинематографии» (CNC — Centre National de la Cinématographie), инвестиции французских телекомпаний с € 367 млн в 1991 г. увеличились до € 749 млн в 2001 г. При этом бюджет одной киноленты в среднем составляет € 5,34 млн, а высокобюджетных — более € 60 млн (к примеру, на фильм «Артур», реж. Люк Бессон, 2004 г., было израсходовано € 65,2 млн).

* Françoise BENHAMOU MATISSE. Université de Paris I et Université de Rouen // Olivier GERGAUD OMI. — Université de Reims et TEAM, Université de Paris I // Nathalie MOUREAU. Université de Montpellier III, LAMETA, Université de Montpellier I.

Le financement du cinéma par la télévision: Une analyse économétrique des investissements des chaînes. 2007. 22 p. (L: <http://olivier.ergaud.free.fr/files/Cinema.pdf>).

Таблица 8.5

Основные телеканалы Франции

ТВ-канал	Год создания	Характеристика канала
Государственные ТВ-каналы		
«France 2»	1963	Основной государственный телеканал Франции. Переименован в 1992. В прошлом — «Cha ne 2» и «Antenne 2». Входит в группу «France Télévisions» — главный управляющий орган всех государственных телеканалов Франции (учрежден в 2000 г.)
«France 3»	1972	Первоначальное название «La troisième cha ne couleur» с 3-часовым вещанием в день, цветным изображением и без рекламных вставок. До 1970-х гг. вещание было на регион Парижа и некоторые северные территории (26 % населения). Общенациональное вещание с конца 1970-х гг.
«France 4»	1996	Развлекательный телеканал (х/ф, сериалы, концерты, спортивные игры). Первоначальное название «Festival». Переименован в «France 4» в 2005 г.
«France 5»	1994	Образовательный телеканал. Учрежден решением правительства в 1994 г. как «телевидение знания, образования и повышения рабочей квалификации». Первоначальное название «La Cinquième». В холдинг-группу «France Télévisions» вошел в 2000 г. Переименован в «France 5» в 2002 г.
«Arte»	1992	Франко-немецкий канал культуры с телевещанием на страны Европы. Был учрежден по решению правительства Франции и Германии (Länder). Раздельное вещание совместно с ТВ-каналом «France 5». Головной офис в Страсбурге. Время вещания: с 19:00 до 3:00. Активно сотрудничает со многими европейскими телеканалами и ведет свои передачи на разных языках

Продолжение таблицы 8.5

ТВ-канал	Год создания	Характеристика канала
«La Cha ne parlementaire»	1999	Парламентский телеканал. Разделение: Национальная ассамблея «LCP-Assemblée nationale» (бюджет 2011 г. — € 15,99 млн) и сенат «Public Sénat» (бюджет 2011 г. — € 16 млн). Время вещания в равных долях. С 2003 г. владеет правами «Canale 13». Кроме ежедневных парламентских новостей транслирует аналитические программы, документальные и художественные фильмы
«France Ô»	1998	Первоначально именовался — телеканал «RFO Sat» в Париже — новости из отдаленных регионов Франции. Трансляции велись после 21:00. на несколько часов. В 2005 г. был переименован в «France Ô» (с буквы «Ô» начинается слово « <i>outré-mer</i> », т. е. заморские провинции Франции. — А. К.) с увеличением трансляции на весь дневной день. С 2010 г. — общенациональное вещание
Частные ТВ-каналы (неполный список)		
«TF1»	1932	Старейшая телекомпания Франции. В 1932 имела название «Radio PTT-Vision»; 1939 — «Radiodiffusion Nationale Television»; 1940—1944 — «Fernsehen Paris»; 1946 — «Television française de la R.D.F.» — «R.T.F.»; 1963 — «Première cha ne»; с 1975 — «Télévision Française 1» — «TF1». В 1987 г. по указу премьер-министра Жака Ширака с целью либерализации рынка компания была приватизирована. Владельцы: франц. пром. группа «Bouygues» (42.9 %), «Sportitalia», «Eurosport» и др.
«Canal +»	1984	Платная телекомпания с разножанровой телепрограммой. Владелец — «Gruppo Canal+». Часть передач имеют свободный доступ просмотра без кодировки в течение 6 часов. Бесплатные просмотры на спутниковом канале «Canal + Clair»

Продолжение таблицы 8.5

ТВ-канал	Год создания	Характеристика канала
«M6»	1987	«M6» (Métropole 6) среди частных телекомпаний Франции по значимости является второй после «TF1». Владелец — «Métropole Télévision». Бесплатное вещание — аналоговое, цифровое, кабельное, спутниковое и ADSL TV. Основное зритель — молодежь. В 2001 г. организовало первое во Франции реалити-шоу «Loft Story» (версия «Большого Брата»)
«W9»	1998	Популярный музыкальный телеканал «W9» — филиал телекомпании «M6» (аббревиатура «W9» — зеркальное отображение «M6»). Вещание: наземное, спутниковое, ADSL. С 2011 г. — вещание в формате HD
«TMC»	1954	TMC — «Télé Monté-Carlo» — старейшая в Европе частная телекомпания княжества Монако, учрежденная принцем Ренье III (1923—2005). В 1980-х гг. по договору с правительством Франции площадь вещания увеличилась в 3 раза (около 3 млн зрителей). Вещание на Италию с 1974 г. Разножанровая программа. В последние годы сокращен выпуск собственной телепродукции и увеличен показ телесериалов. Эфирное, кабельное, спутниковое вещание. Наиболее популярные передачи: «SUD» (о Монако и Южной Франции); «Monascope» (новости политики, спорта, королевской семьи); «Notre région» (новости экономики, политики, культуры области Provenza-Alpi-Costa Azzurra)
«Paris Premièr»	1986	Телеканал культуры. Входит в группу «M6»

В начале XXI в. помимо финансирования кинопродюсерскими и дистрибьюторскими компаниями основными инвесторами французского кино являются:

- государственное финансирование («Центр национальной кинематографии»);
- частные и государственные телекомпании;
- финансовые инвестиционные компании в области кинопроизводства и аудиовизуальных искусств (фонд «Sofica» и др.);
- региональные фонды.

К примеру, в 2004 г. для поддержки национального кинематографа правительство Франции выделило €32 млн, фонд «Sofica» — €27,5 млн, региональные фонды — €21 млн. В том же году доля инвестиций телекомпаний составила €290 млн, из которых:

- «Canal +» — €136,6 млн (финансирование 124 полнометражных к/ф);
- «TF1», «France 2», «France 3», «M6», «Arte» — €125 млн;
- остаток — прочие телекомпании.

В начале XXI в. основными партнерами французских кинематографистов стали продюсерские центры Великобритании, Италии, Испании; чуть меньше — Бельгии и Германии. С целью привлечения зарубежных инвесторов с 2003 г. во Франции действует льготная система освобождения от налогов: до €500 тыс. на х/ф и до €750 тыс. на анимационные фильмы. Также инвесторам гарантируются отчисления от продажи билетов в размере €0,73. Благодаря этому в 2004 г. зарубежные продюсеры участвовали в 73 кинопроектах с общей инвестиционной суммой в €229 млн, в то время как доля французских кинопродюсеров составила €226 млн. Доказательством успеха введения льготной системы налогообложения стало не только увеличение кинопроизводства, но и дополнительная прибыль кинопроизводителей в 2004 г. в размере €56 млн*.

Согласно действующему законодательству Франции (и при согласовании с руководством стран ЕС), все телекомпании, в годовую программу которых включены показы не менее 52 игровых художественных полнометражных фильмов, должны инвестировать от чистого годового дохода с реализации за предшествующий год: в европейское кинопроизводство — ми-

* Ibid.

нимум 3,2%; в национальное — 2,5%. При этом три четверти от внесенной суммы считаются предоплатой за право будущего эфирного показа кинофильма. Следует подчеркнуть, что доля обязательных инвестиций в кинопроизводство у развлекательных телеканалов (показ кинофильмов, спортивных передач) значительно выше, чем у телесетей с общими программами. К примеру, компания «Canal+» начиная с года своего основания (1984) инвестирует в кинопроизводство 21% от чистой годовой выручки, где 12% — европейское, 9% — французское кино (часть инвестиций в национальный кинематограф по условиям договора должны идти в малобюджетные фильмы, т. е. от €5,34 млн и ниже). Наиболее жесткое государственное регулирование ТВ в Европе распространяется не только на инвестиции в кино, но и на пропорциональное распределение показа в кинотеатрах и телеэфире национальных, европейских и американских фильмов. При данной системе распределения обязательно учитываются дни (будний/выходной/праздничный день) и время показа (во Франции известна под термином «хронология СМИ» — «la chronologie des médias». — А. К.).

Ключевую позицию на европейском кинорынке Франция занимает не только благодаря отлаженной системе софинансирования, но и хорошей технической оснащенности кинокомпаний, а также большому вниманию к подготовке высококвалифицированных специалистов. Практически во всех крупных городах и регионах имеются киношколы, куда стремятся попасть не только юные французские дарования, но и талантливая молодежь из разных стран мира. К примеру, в 2004 г. во Франции были сняты 54 полнометражных дебютных фильма молодых режиссеров, что явно выделяет французскую «палитру» кино в плане стиля и жанрового многообразия. При этом французское кино становится довольно успешным с коммерческой точки зрения, если принять во внимание тот факт, что такие наиболее распространенные жанры, как французская комедия или психологическая драма в том же 2004 г. после проката за рубежом принесла своим создателям прибыль более €200 млн.

Заслуживает отдельного внимания тот факт, что с появлением частного телевидения значительно возросло количество

и качество европейской кинопродукции. К примеру, в условиях конкурентной борьбы в Италии между государственным и частным телевидением, а также катастрофического спада кинопроизводства итальянские кинематографисты начали получать солидные финансовые ресурсы из бюджетов телекомпаний. В то же время для наиболее крупных и дорогостоящих проектов создавались товарищества из числа представителей частного капитала, а для минимизации риска прокатного провала приглашались наиболее опытные, «проверенные» режиссеры, в том числе и зарубежные. К примеру, в наивысший период кинопроизводства РАИ 1976–1994 гг. (с 1994 г. РАИ прекратил активное участие в кинопроизводстве, предпочитая закупать готовые работы) совместно с кинокомпанией «Чекки Гори Груп» (с 1987) были сняты многие известные комедийные фильмы режиссеров Вердоне, Нути, Троизи и др. Для создания высокохудожественных лент РАИ тесно сотрудничало с такими мастерами, как Феллини, Дзеффирелли, Беллоккьо, Антониони, братья Тавиани, Ольми, Скола, Торнаторе и др. Также в «золотой» период приглашались и многие известные зарубежные режиссеры, в том числе и российские: Бергман, Ангелопулос, Херцог, Шаброль, Лой, Рохмер, Занусси, Тарковский, Михалков, Панфилов, Бондарчук, Йоселиани и др.

Совершенно очевидно, что в период наиболее заметной конкуренции в кинопроизводстве (1984–1994 гг.) двух итальянских телегигантов «режиссерская палитра» Фининвеста значительно уступала РАИ. Причиной этому были опасение руководства Фининвеста и частных инвесторов прокатного провала, поэтому ставка делалась в основном на гарантированный успех «комедии по-итальянски». Для этого приглашались такие проверенные мастера комедийного жанра, как Вердоне, Нути, Ванцина (фильмы «Римини, Римини», «Суперфантоцци», «Морской волк», «Пожарники-2», «Я выиграл новогоднюю лотерею», «Комики», «Сильно загорелые» и др.). В то же время Фининвест сотрудничал и с такими известными итальянскими режиссерами, как Бертоллуччи, Феррери, Ризи, Беллоккьо, Вертмюллер, братья Тавиани, Моретти, Ардженто

и др. Из зарубежных режиссеров в сотрудничестве с телевидением участвовали Бессон, Гринуэй, Тавернье, Сандор и др.

Следует отметить, что в тяжелейший период спада итальянского кинопроизводства 1980-х гг. и горького разочарования (известная поговорка тех лет у мастеров кино: «Снимай не что хочешь, а что дают») общий вклад телекомпаний в сохранение национальной кинематографии был не просто огромным, но решающим. Таким образом, ключевая роль как в современном европейском кинопроизводстве, так и в контексте дальнейшего развития кино Европы по-прежнему сохранится за государственным и частным телевидением.

ГЛАВА 9. ЕВРОПЕЙСКИЙ ТЕАТР СЕГОДНЯ

Во все века своей истории драматический театр развивался скачкообразно, прерывисто, великие театральные эпохи с неизбежностью сменялись «нетеатральными». *В конце XX столетия театр пережил очередной виток трансформаций и в наши дни занимает отнюдь не ведущее положение в системе ценностей западноевропейской культуры, уступая натиску кино и иных визуальных искусств.*

Вопреки всем процессам глобализации в объединенной Европе продолжают существовать национальные театральные системы: языки и культурные корни, актерские школы и способы взаимодействия со зрителем по-прежнему сохраняют свою специфику в разных странах. *Театр старается, насколько может, поддерживать стремление к национальной идентичности, как никогда ранее при этом тяготея к универсализму. Свою символическую роль хранителей национальных традиций поддерживают берлинский Дойчес театр, Бургтеатр в Вене, парижская Комеди Франсез, Королевский Шекспировский театр в Англии, Пикколо в Милане и ряд других прославленных сцен с долгим прошлым, хотя творческое лицо этих театров определяют актеры и постановщики самых разных школ.*

Новый век и новые формы

Понятие «театра-дома» по российскому образцу или по модели Д. Стрелера ныне почти что забыто. Успешные режиссеры, как правило, избирают для себя позицию космополита, предпочитая разовые проекты долговременному художественному руководству. Отметим, что многие мастера европейской сцены реализуют свои проекты в нашей стране и что весьма заметным стало участие русской режиссуры в западном театральном процессе.

Важнейшую коммуникативную функцию в современном театральном процессе выполняют разнообразные фестивали. Именно ими создается история сцены новейшего времени, формируются репутации, выявляются новые идеи. Объективно существуют и «фестивальные» спектакли, рассчитанные на интернациональную публику и не всегда отражающие тенденции искусства страны своего происхождения. Наиболее авторитетными в Западной Европе остаются старейшие фестивали: Авиньонский и Эдинбургский (оба основаны в 1947 г.), БИТЕФ в Белграде (с 1967 г.), в начале XXI в. влияние приобрел масштабный Венский театрально-музыкальный фестиваль (Wiener Festwochen). Благодаря международным театральным форумам и у российского зрителя наконец появился доступ к самым актуальным спектаклям западных сцен.

Очевидна вовлеченность театра в «паутину» коммуникаций. Продолжая ценить главное — живое со-бытие актеров и зрителей, театр вынужден создавать себе «двойника» в виртуальной реальности. Видеоверсии собственных спектаклей снимают не только молодые режиссеры, но и представители старшего поколения. Питер Брук поставил и снял «Махабхарату» (спектакль 1985 г., фильм — 1989 г.), нового «Гамлета» (2000 и 2002 гг.), Ариана Мнушкина — свои «Барабаны на плотине» (1999 и 2002 гг.), «Мимолетности» (2006 и 2009 гг.) и т. д. Крупнейшие театры (например, Комеди Франсез и Одеон — Театр Европы в Париже, Национальный и Королевский Шекспировский театры в Англии) уже с 1980-х гг. целенаправленно формируют видеокolleкции — в расчете на современников и потомков.

Великие мастера

В современном театре продолжают жить и действовать художники, с именами которых давно срослось определение «великий», которые оставили за собой эпоху в истории театра предшествующего, XX в. В их творчестве национальное и международное соединились особенно плодотворно. Англичанин с русскими корнями Питер Брук с 1970-х гг. переехал во Францию, чтобы работать с многоязычным актерским сообществом. Итальянец Джорджо Стрелер в 1990 г. основал в Париже систему «Театров Европы», которая имеет значение и сегодня.

Из наследия великого Стрелера (1921–1997) в живой театральной реальности сохраняется «Арлекин — слуга двух господ» — уникальный спектакль, созданный в 1947 г., претерпевший десяток режиссерских редакций, но всего одну замену актера на главную роль (Марчелло Моротти — Ферруччо Солери) в 1961 г. В этой «арлекиnade», пропитанной брехтовским «остранением», романтизирована, если не сказать обожествлена, сама сценическая игра, лицедейство. Полное отсутствие жизнеподобия (пустая сцена или рисованные занавеси в разных редакциях) и столь же полноценная человечность каждой маски и полное доверие к зрителю, без чего была бы невозможна импровизация. Исторический спектакль Стрелера в начале XXI в. воспринимается как квинтэссенция взаимодействия актерского и режиссерского искусства, тогда как в последнее время, по оценкам критики, слишком часто «продвинутый режиссерский театр не нуждается в актере как сродноточии профессиональных умений»*.

Великий Питер Брук (род. 1925), чьи главные свершения относятся к 1950–1970-м гг., с наибольшей силой воплотил свое видение «универсальной ценности» театра в грандиозной «Махабхарате» (1985) по индийскому эпосу, спектакле фантастической красоты и философской мощи, сыгранном в слиянии

* Давыдова М. Ю. Слуга, мастер, трикстер: Как меняется роль художника в европейском искусстве // Западное искусство. XX век: Судьбы классики в европейском искусстве: Сборник статей. М.: РАТИ — ГИТИС, 2010. С. 177.

европейских и восточных театральных техник двадцатью пятью актерами шестнадцати национальностей. Впервые он был поставлен на Авиньонском фестивале 1985 г. (в специально оборудованном карьере), затем перенесен в парижский театр Брука Буфф дю Нор, показывался в Европе и на других континентах. 9-часовой спектакль шел целиком или в трех частях и в двух вариантах: по-французски и по-английски.

В 1990–2000-е гг. Брук словно бы сознательно сложил с себя полномочия лидера театрального процесса и предпочел сферу локальных и неброских экспериментов («Человек, который», «О! счастливые дни» С. Беккета, «Кто там?», «Тьерно Бокар», «Великий инквизитор» по Ф. М. Достоевскому, «*Warum warum*» и другие). Впервые Брук поставил «Гамлета» в 1955 г. с Полом Скофилдом. Его новая «Трагедия Гамлета» (2000 г., Париж, Буфф дю Нор) решена в камерном плане, в экспрессионистских и вместе с тем приглушенных тонах (крово-красный помост и красные отблески на кирпичных стенах, темные и белые костюмы, темные и светлые лица). Очень молодого Гамлета играет афроанглийский актер Адриан Лестер, похожий на современного студента, датский двор многонационален, прекрасная Офелия — индианка. Композиция с минимизированным составом действующих лиц сконцентрирована на трагедии одного героя, Гамлета. Он здесь не интеллеktуал, но сверхъестественно чуткий к тайнам потустороннего мира человек, в равной мере наделенный артистизмом и животными инстинктами. И в этом, казалось бы, неконцептуальном спектакле Брук создает сценический образ предельной чистоты и точности: его Гамлет, произнося: «Дальнейшее — молчанье», умирает с улыбкой на лице.

«Брук менее всего простодушен, — пишет А.В. Бартошевич о поздних работах режиссера, — но идею театрального мессианизма он исповедует истово и твердо, избегая при этом громких манифестов. Вопреки разрушительным играм постмодернистской эпохи он продолжает верить в театр как инструмент общения с Богом, носитель высших тайн бытия. В сценическом представлении он видит и высокую забаву,

и акт священнодействия, умея внушить это видение актерам и публике»*.

Действующим лидером остается в современности немецкий режиссер Петер Штайн (род. 1937), под чьим руководством в 1970-1980-х гг. прославился западноберлинский театр Шаубюне. В конце XX в. Штайн уехал в Италию, избрав для себя позицию независимого постановщика. В его творчестве рубежа столетий также выделяются эпические спектакли — трилогия Эсхила «Орестея» (1980 г. в Берлине и 1994 г. в Москве с российскими актерами), «Фауст» по полному тексту драматической поэмы И. В. Гете (2000 г., Ганновер, длительность около 22 часов). В «Фаусте» Штайна особенно важна идея времени: величия настоящего и опасности слепой веры в будущее, которая лежит в основе глобальных историко-политических заблуждений человечества. На первый план выдвинут не Фауст — ученый и любовник из популярной на сцене первой части, а Фауст — неудачливый политик и реформатор из второй части «мировой драмы» Гете, которая едва ли не впервые воплощена на сцене во всей своей невообразимой сложности. Следуя мыслью за Гете, П. Штайн также соединил в своем творчестве фаустовский «макрокосм» и «микрососм»: многофигурную фреску дополнил его личный моноспектакль «Фауст-фантазия» с фортепианной музыкой А. Аннекино. Среди других важных работ мастера — «Чайка» (2003 г., Рига), «Эдип в Колоне» (2010 г., Зальцбург) и «Разбитый кувшин» Г. фон Клейста (2011 г., Берлин) — и античная трагедия, и романтическая комедия поставлены со всемирно известным актером Клаусом Мариа Брандауэром. Штайн на всем протяжении своей карьеры предпочитал вписывать в свои концепции актера-личность.

Из когорты мастеров, рожденных еще в первой половине XX в., только Ариана Мнушкина (род. 1939) продолжает управлять своим «театром-домом» с труппой-ансамблем — созданным ею в 1970 г. Театром дю Солей в Картушери (в театр

* Бартошевич А. Улыбка Гамлета // Брук П. Пустое пространство. Секретов нет. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2003. С. 345.

превращено здание бывшего военного завода в пригороде Парижа Венсенне). Неповторимый режиссерский метод Мнушкиной, основанный на принципе коллективного творчества, на рубеже веков дал такие значительные спектакли, как тетралогия «Атриды» (1990–1992 гг.) по Еврипиду и Эсхилу, «Проклятый город, или Пробуждение эриний» (1994 г.), «Барабаны на плотине» (1999 г.), «Мимолетности» (2006 г.) и «Потерпевшие с „Безумной Надежды“» (2010 г.).

Мнушкина, как и Брук, увлечена исследованием искусства Востока, для нее огромное значение имеет маска — в ее архаической ритуальной сущности и в то же время как обобщенная «формула» актерской игры. «Я думаю, — говорит режиссер, — что театр — это движение туда и обратно между тем, что существует в самой глубине нашего существа, в самом неведомом, и проекцией всего этого, максимальным внешним воплощением на публике. Маска требует максимального погружения вглубь и максимального же внешнего выражения»*.

При этом в постановках Мнушкиной явственна высокая степень политической актуальности. В «Барабанах на плотине» действие стилизовано под китайский театр кукол: куклы играют живые актеры, ведомые кукловодами в черных балахонах, с «деревянными» лицами, но подвижными ртами и со странно-выразительной пластикой рук, перебинтованных до самых пальцев. В сугубо условной игровой реальности противостоят друг другу знать и крестьяне, город, которому угрожает затопление, и деревня, где сотни жизней зависят от той плотины, которую нужно разрушить, чтобы спасти город. Эта сценическая притча, действие которой разворачивается в далеком прошлом, напоминает о катастрофическом наводнении в Китае совсем недавних времен.

Итальянский режиссер Лука Ронкони (род. 1933), сделавший себе имя авангардистской постановкой «Неистового Роланда» (1969 г., Сполето) в эстетике площадной сцены, в 1999 г.

* Мнушкина А. Маска: базовая дисциплина в Театре дю Солей // Хрестоматия по истории зарубежного театра / Под ред. проф. Л. И. Гительмана. СПб.: Изд-во СПбГАТИ, 2007. С. 487.

занял пост руководителя миланского театра Пикколо и таким образом стал официальным наследником Д. Стрелера. Пикколо Театро ди Милано — первый стационарный театр Италии, организованный в 1947 г. Д. Стрелером и П. Грасси.

Ронкони не раз заявлял, что не стремится к присущему Стрелеру единству художественной концепции и сценического языка: его спектакли не должны быть «узнаваемы». Ронкони, как и другие классики европейской режиссуры, длит плодотворный диалог с традициями различных театральных эпох: у него это «Король Лир» (1995 г.), «Жизнь есть сон» П. Кальдерона (2000 г.), «Вакханки» Еврипида и «Прометей прикованный» Эсхила (2002 г.). В комедии «Веер», поставленной в 2007 г. к 300-летию К. Гольдони, режиссер на свой лад провокационно «музеефицировал» стрелеровско-гольдониевскую традицию. Его дивно изящные герои, молодые и старые, устремленные в погоню за веером, во второй части спектакля вдруг оказываются живыми «экспонатами»: за сметенной ветром декорацией открывается металлическая стена какого-то безликого строения, куда, по всей видимости, и должны быть спрятаны обломки прекрасного прошлого.

Несмотря на видимый разрыв с недавним прошлым, безусловно востребованными в театре XXI в. остаются важнейшие концепции авторской режиссуры прошлого столетия — от Всеволода Мейерхольда и Антонена Арто до Ежи Гротовского; паратеатральные опыты последнего развивает его ученик Эудженио Барба, теоретик и практик «театральной антропологии».

Некоторые тенденции поставангарда

Глобальной тенденцией драматической сцены рубежа веков стало стремление к современности — во всех проявлениях и всеми мыслимыми и немыслимыми средствами. Почти что обязательной для воплощения классического текста является его деконструкция. Классики перестали быть «собеседниками», как писал на рубеже 1970–1980-х гг. А. М. Смелянский, они противники или скорее объект, который необходимо

одолеть. По словам одного из «культовых» режиссеров немецкого поставангарда Ф. Касторфа, «верность произведению — принципиальное недоразумение... Это понятие напрочь перечеркивает момент случайности, деструктивности по отношению к требуемому идеологическому смыслу, момент образования нового*». Самые громкие постановки классики 1990–2000-х гг. именно таковы.

Франк Касторф (род. 1951) в своих знаменитых «Разбойниках» (1990 г.), поставленных в Восточном Берлине в канун падения Берлинской стены, избавил Шиллера от всякой героики, состарил его героев, довел коллизии до абсурда и превратил заигранный шедевр в трагикомический «реквием по погибшей ГДР». Диалогия «Нибелунги» по мотивам Ф. Геббеля (1995 г., Фольксбюне), перенасыщенная трюками и натуралистической жестокостью, выворачивает наизнанку главный германский миф, чтобы заново политизировать его. По мнению российского критика В. Колязина, «Касторф намекает своей притчей на новые геополитические реалии в Европе, повлекшие за собой возрождение древних страхов и инстинктов. Его цель — социально-терапевтическая эстетика, способная разряжать агрессию**».

Фламандец по происхождению Люк Персеваль (род. 1957), в 2000-е гг. ставящий спектакли в немецких театрах, применяет наиболее радикальные методы постмодернистской деконструкции в работе над классической драматургией (Шекспир, Мольер, Расин, Чехов, Горький и др.). Разрушая не только классическую просодию, но и сам текст произведений, режиссер стремится вскрыть некую первооснову отношений между героями, скрытую под слоем литературы. В своей «Андромаше» (2003 г., Шаубюне, Берлин) Персеваль сокращает Расина настолько, что не остается ни александрийских строф, ни стиха вообще, лишь оголенные до предела страсти. Четверо героев (и с ними единственный «наперсник») претерпевают свои

* Цит. по: Колязин В. Франк Касторф: Крайности и ужасы // Московский наблюдатель. 1997. № 5–6. С. 12.

** Колязин В. Указ. соч. С. 16.

трагедии, будучи загнаны на узкий и высокий многослойный помост, вокруг которого море хаоса и битых бутылок. В «Отелло» (2003 г., Каммершпиле, Мюнхен) текст пересочинен соавтором Персеваля Феридуном Займоглу так, чтобы прорвалась неприкрашенная солдатская речь, органичная для лагеря наемников на венецианской службе. К этой пьесе Шекспира Персеваль обращался не однажды с 1986 г.

Теперь уже очевидно, что современный театр перестал нуждаться в литературной драматургии, которая диктовала ему законы много столетий. И дело не только в том, что не появляется новых влиятельных драматургов уровня, например, Хайнера Мюллера (1929–1995), но в том, что драма как таковая почти перестала оказывать влияние на развитие сценического искусства. Многие режиссеры сами сочиняют литературную основу своих спектаклей, объединяя функции постановщика и драматурга. XX в. утвердил принцип, что абсолютно любой текст, будь то роман или интернет-публикация, может быть перенесен на сцену, и вследствие этого связь с драмой как специфическим родом литературы у драматического театра в наши дни, как кажется, сведена к минимуму.

Исключением в этом плане можно считать расцветшую в 1990-х гг. в Великобритании «новую драму», *New Writing* (Марк Равенхилл, Сара Кейн и другие), сосредоточенную на проблемах мультиэтнической маргинальной среды — изнанки европейского благополучия, которая побуждает театр к поискам соответствующего сценического языка. Особенно востребован присущий этим авторам «черный юмор». В рамках англо- и немецкоязычной «новой драмы» сложилась особая театральная документалистика — так называемый *verbatim* (лат. дословно), метод создания пьесы из устной речи реальных людей на избранный тему, без литературной обработки, посредством монтажа. Источником распространения *verbatim* стал лондонский экспериментальный театр Ройал-Корт.

После падения Берлинской стены на европейской сцене возродился политический театр, особенно ярко он развивается в Германии после объединения, но также и в других странах. Его общие черты — глубоко пессимистическое видение настоящего

и будущего западной цивилизации (что в принципе отличает современный политический театр от его прошлой модели — послевоенной), а также всеобъемлющая провокационность, направленная на то, чтобы достучаться до сознания зрителя. «Убей европейца» — таково эпатажное название одного из самых громких политических спектаклей 1990-х гг., поставленного в Берлине Кристофом Маргалером.

Шоковое воздействие стало чуть ли не обязательным элементом постановки, претендующей на художественную новизну. Защита театром своей плотской сущности — единственно-го, в чём он не конкурирует с телевидением и сетями, — привела к навязчивому воспроизводству образов тела и телесного низа, нередко сопрягающихся с самым глубоким, философски насыщенным высказыванием.

Агрессивность по отношению к публике — вообще характерная черта современной режиссуры. Не вдаваясь в описание изощреннейших приемов, которые без конца изобретают западные режиссеры, отметим здесь проявление защитного рефлекса театра: он по своей природе требует живого отклика из зрительного зала, грубо говоря, подтверждения, что театр не телевизор. Свобода высказывания является в современном театре, вероятно, единственной неоспоримой и желанной ценностью.

Глава 10. Архитектурная реальность: опыт современной Европы

Архитектурная реальность, как это ни парадоксально, сегодня является скорее неуловимым феноменом. Главная причина этого — множество спонтанных процессов, меняющих привычную структуру города и городской ткани. Прежние механизмы регулирования структуры и ткани города в значительной степени выходят из-под контроля градостроителя и архитектора. Можно констатировать, что глобализация и связанные с ней

геокультурные и геоэкономические процессы за последние лет тридцать способствовали утверждению новой урбанистической эры — со своей драмой, своими плюсами и минусами. Еще в середине XX столетия в крупных исторических городах были сосредоточены учреждения административной власти, средней мощности производства и учреждения торговли. А стратегическим пространством, местом главных инноваций, были скорее моногорода в регионах. Но примерно с 1980-х эти крупные исторические города по ряду причин становятся стратегическими точками в глобальной экономике. Главное здесь, как считают экономисты, — острая необходимость для корпораций сосредоточения невиданных прежде информационных мощностей в комфортабельных зонах с готовой инфраструктурой и с высоким капиталом культуры*. *Появившиеся в последние лет двадцать так называемые «глобальные города» — точнее, встроенные в территорию центров крупных городов уплотненные высокотехнологичные высотные структуры, — как раз и позволяют корпорациям производить информационный обмен в настоящем времени и в глобальном масштабе. Структуры такого рода придают городу статус глобального.*

Еще одна причина восхода глобальных городов как стратегических пространств — это глубокие структурные трансформации всей геоэкономики, в частности небывалый взлет сервисной экономики. Именно сервисная экономика подпитывает сегодня глобальные города. При этом она подрубает жизненно необходимую связку национального (всегда связанного с территорией — государственного, регионального, локального) и глобального.

В последние тридцать лет для европейского региона характерны сокращение нерентабельного размещаемого в городах производства, активизация притока иммигрантов, миграция городского населения, в том числе такое весьма сложное явление, как джентрификация**. Сегодня требуются гибкая динамичная

* Sassen S. When Cities Become Strategic // Architectural Design. 2011. N 3. P. 124–127.

** Джентрификация — комплексное изменение городской среды, которое происходит в результате переселения состоятельных граждан

стратегия в архитектурно-градостроительной политике, участие градостроителей и архитекторов в составлении программ развития, не поддающихся строгой регламентации. Понятно, что такого типа программы могут быть построены только при наличии четко сформулированной цели и на фоне четких представлений направленности действия.

Фокусный центр культуры: европейская специфика

В связи со сказанным хотелось бы обратить внимание на концепцию *фокусного центра культуры*, выдвинутую американским этнографом Мелиллом Джинном Херсковичем. Ученый утверждает, что «среди многочисленных аспектов культуры имеются такие, которые в данной конкретной культуре и в данное конкретное время обладают наибольшей властью над людьми. <...> Эти аспекты культуры, если рассмотреть их с точки зрения структуры, представляют собой наиболее изменчивые паттерны. Можно выразить эту мысль и таким образом: доминирующий интерес народа можно рассматривать как *фокусный центр его культуры*; это та сфера деятельности или мышления, где наличествует наибольшее осознание формы, разражаются наиболее жаркие споры о ценностях и отчетливо распознается наиболее широкое структурное многообразие»*.

Если на рубеже столетий и в начале XXI в. фокусный центр культуры Соединенных Штатов Америки — высокие технологии, то Европа, никак не умаляя значимости технологий, все же рядом с ними ставит удержание ценной исторической среды, хра-

в кварталы, заселенные представителями низших классов. Этот феномен наблюдается не только в Европе, но и в США, и в Австралии. Он связан и с возвращением белых профессионалов в запущенные городские центры, населенные в значительной степени этническими меньшинствами, а также с возрождением старых промышленных городских кварталов в контексте новых вызовов постиндустриальной экономики.

* Херскович М. Дж. Процессы культурного изменения // Культурология: Дайджест. М.: ИНИОН РАН, 2005. № 1. С. 33.

нящей культурную память народа. Представляется, что именно поэтому в Европе уже с 1980-х начинают разрабатываться программы регенерации регионов, городов, городских депрессивных территорий. Именно в Европе столь эффективны эксперименты с конверсией бывших промышленных объектов, представляющих художественную и культурную ценность.

Европейская культура — своеобразный магнит для многих народов, что особенно отчетливо проявилось в XX в., когда резко повысились мобильность и информированность населения в планетарном масштабе. *На Европейском континенте всегда совершались уникальные прорывы к новизне в архитектуре, и, как правило, они сопровождались плодотворными пересмотрами богатого исторического прошлого европейской архитектуры, как это случилось, например, в эпоху Возрождения, а также ассимиляцией специфических черт иных культур.* Творчески осмысленная ассимиляция иных культур была всегда, она продолжалась и в XX в. на этапе формальных открытий архитектуры модернизма, а затем и постмодернизма.

Архитектурные монументы длительное время служили собирательными символами целой нации. Крупные европейские государства, такие, например, как Англия, Франция, Голландия, и сейчас обладают сильным чувством солидарности своих сограждан. Единый язык и богатое историческое прошлое — важнейшие факторы связанности государства. Но, как известно, историческое наследие страны состоит в значительной степени из городских архитектурных монументов — из исторического городского ядра, из прославленных и ставших достоянием мировой культуры храмов или общественных сооружений. Позднее ценность была усмотрена и в уникальных промышленных сооружениях. Ансамбли площадей в эпоху расцвета национального государства создавались для того, чтобы люди собирались и праздновали там сам факт того, что они — единый народ. И в этом смысле архитектура по сути дела есть и наглядное, и осязаемое выражение сущности той или иной страны, того или иного государства.

Голландский критик Оле Бауман отмечает, что архитектура длительное время была зримым подтверждением связанности людей. В ней было заключено взаимное признание

причастности к общему, общественному. Архитектура формировала то физическое пространственное символическое основание, на фоне которого люди разделяют свою жизнь со своими соотечественниками. Несколько веков можно было с уверенностью считать, что там, где складывается и утверждается государство, непременно потребуется и архитектор. Можно сказать даже иначе: построение сильной нации имело место только там, где были сильные архитекторы. *Сила архитектора как раз состояла в том, чтобы организовать пространство, в котором живут люди того или иного государства, и чтобы придать особую специфическую выразительность ценностям, связанным с данным народом**. Бауман подчеркивает: «Архитектор являлся подвижником в выразительном закреплении *национальной идентичности***». По этой самой причине государство всегда поощряло действия архитекторов и заботилось о том, чтобы выявить лучших их представителей в каждом поколении. Так обстояло дело в Европе на протяжении ряда веков. «Однако зададимся вопросом, — отмечает Бауман, — насколько же надежной показала себя система связи архитектора и государства с течением времени? Может быть, в наши дни господства информации и экономики и сам вопрос о надежности и общественной ценности архитектуры устарел? Действительно, сегодня вопрос о надежности звучит так, как если бы мы обнаружили в архитектуре некую эрозию, как если бы появилось предчувствие, что все, за что мы держались, может перейти какое-то в иное состояние, и причем в не слишком удаленном будущем»***.

Власть сетевой экономики: архитектура как медиум

В 1990-е в общей стратегии строительства стал очевиден перевес программ глобального капитализма, что нашло выражение во внедрении в среду исторических городов объектов трансна-

* См.: *Bouman O. From the State as Client to the Client State // Volume. 2005. Issue: 5. P. 25–33.*

** Ibid.

*** Ibid.

циональных компаний — штаб-квартир крупнейших корпораций и множества объектов, строящихся по инициативе фирм — сателлитов этих корпораций. *Произошел взлет так называемой «спектаклярной» театрализованной архитектуры, иначе — иконических сооружений, служащих главным образом подъему туристического бизнеса. При этом центры городов становятся гламурными зонами, а жилье все больше оттесняется к периферии. Одновременно продвигаются программы регенерации как звена культурной политики регионального и городского развития.*

Сегодня очевидно различие стратегических позиций внутри архитектурного цеха при ответах на вызовы глобализма: заказ со стороны глобального космополитического по сути транснационального капитала и призыв со стороны локальных структур, настойчиво возвышающих идею территориальной идентичности.

Понятно, что речь идет о трудноуловимой двойственности поведения архитектуры, о степени ее зависимости от той или иной властной инициативы, но одновременно и о степени самостоятельности архитектурной политики.

Транснациональная сетевая структура глобальных городов становится альтернативой государственному разделению народов. Четыре города в Европе являются глобальными: Лондон и Париж, Франкфурт-на-Майне и Милан. Финансовые транснациональные корпорации (ТНК) осуществляют здесь центральные стратегические функции — управление, координацию, обслуживание, финансирование всей системы операций своих компаний.

Получив в 1990-е опору в новых технологиях, глобальный капитализм внедряется ускоренно и программно. Всякое новое знание, как и новая эстетика, используется для получения максимальной выгоды. Эстетическое достоинство архитектуры здесь выступает, как правило, в качестве символического посредника, медиума. *Затребованная новыми глобальными энергиями архитектура уходит от традиции поддержки духа места, ищет национально нейтральные формы воплощения. Космополитизм, характерный для экономической сферы, перетекает и в сферу архитектуры.*

Глобализм внедряет новые культурные программы в пространство глобального города. Тем самым глобальный город меняет структуру привычной архитектурной типологии.

Если говорить о новой морфологии города, то новые структуры как бы надстраиваются над структурами существующими. Происходит «вживление» в устаревавшую городскую ткань объектов экономического интереса ТНК. При этом новое резко трансформирует и пространственную, и образную структуру сложившегося крупного города, активно вводя новые символические коды глобальности с помощью архитектуры. Такого рода операция и задает мегаполису статус глобального города. В результате сегодня архитектор поставлен перед фактом сложной, почти неразрешимой урбанистической задачи.

Рассмотрим стратегию архитектуры, возникшую поначалу как мягкий и податливый ответ на первые вызовы глобального капитала. Архитектура на этой стадии как бы теряет нить собственной политики, а архитектурные бренды звездных архитекторов используются для достижения целей глобального капитала.

Интервенция глобальной инициативы в городскую территорию травмирует структуру города и резко меняет его ландшафт. Ландшафт глобального города представлен двумя типами архитектуры.

Первый — элитарная культовая архитектура — репрезентирует штаб-квартиры крупных ТНК, стремясь оставаться нейтрально-анонимной. Элитные штаб-квартиры собраны в кластеры в сетевых «узлах», стратегически значимых для деловых кругов сетевого общества. Они физически тяготеют к высокому уровню микроэлектроники и телекоммуникаций. Это определяет специфику их кластерного расположения в городе и недоступность. Типичны постройки крупнейших штаб-квартир международных финансово-промышленных корпораций на Кенери Уорф в Лондоне. Архитектура здесь — строгий футляр для корпоративных таинств.

Второй тип известен сегодня как зрелищная иконическая архитектура. Различие в образных характеристиках архитектуры соответствует общей коммуникативной программе гло-

бализации, и в частности кодификации самой среды. Инициаторами масштабного наступления зрелищной иконической архитектуры — всегда загадочной и мистериозной — выступают фирмы-саттелиты крупнейших ТНК. Они демонстрируют собственный экономический успех и внедряют новые культурные программы в пространство глобального города: это фешенебельные гостиницы, музеи современной архитектуры, торговые центры, медиатеки и культурно-библиотечные центры, тематические парки и т. п. То есть глобальный город одновременно меняет структуру привычной типологии. Иконическая архитектура заботится о броскости, загадочности, диковинности образной структуры. Норманн Фостер создает грандиозные сооружения, поддерживающие престиж города как глобального центра. Широко известна его Штаб-квартира Свисс Ре в Лондоне. Напрашивается вывод, что иконическая архитектура намеренно разрывает связь с историей и, какой бы диковинной она ни была, унифицирует среду, оттесняя культурную самобытность исторического города. Тем самым она становится второй интернациональной архитектурой после модернизма. И возникает естественный вопрос: есть ли альтернатива?

При современном резком смещении фокусного центра культуры в сторону ценностей новой технологии и новой экономики вопрос о сохранении или возрождении идентичности практически не ставится. Вместо него имеет место сложная диалектика перехода к новой идентичности, удерживающей структурные элементы традиционной. Задача осложняется тем, что культурные изменения происходят в ситуации так называемой «креолизации» населения, особенно остро проявившейся в европейских городах. Помимо того, фокусный центр любой локальной культуры в настоящее время смещен наступательным продвижением ценностей глобального капитала, намеренно нивелирующего культурное разнообразие.

Рядом с философским понятием идентичности возвышаются такие важнейшие его атрибуты, как стабильная самоидентификация личности, инстинкт социального единения и упоминаемый выше фокусный центр культуры народа. Вся эта тонкая конструкция требует символических пространственных

форм для своего воплощения. Что само по себе огромная тема для исследования и в статье не рассматривается. В ситуации главенства стереотипных глобалистских ценностей возникает вопрос: можно ли ставить перед архитектурой задачу сохранения, восстановления или перестройки идентичности как неотъемлемого условия сохранения человекомерного мира? Или в какой форме может быть поставлена подобная задача?

С начала 1980-х до 2010-х можно уловить попытки, со временем все более совершенные, совмещения условий космополитического глобализма с политикой сохранения локальных культур. Следует сказать, что на первом этапе (1980–2000) в европейской архитектурной стратегии все же главенствует глобальный принцип, на втором (2000–2010) мы видим постепенное усиление локального, однако, как можно понять, не в ущерб глобальному. И здесь прорисовывается сверхсложное сближение двух стратегических линий. Две тенденции, отмеченные нами, — глобализация и локализация — постепенно движутся в сторону выравнивания интересов сторон. Имеются в виду интересы транснациональных корпораций и интересы национальных государств, регионов, городов — т. е. всего того, что связано с территорией и сохранением или, что гораздо более точно, с восстановлением человеческих сообществ на новой экономической основе.

Архитектура в европейских сценариях регенерации

Потребность в регенерации регионально-промышленных территорий в Европе становится очевидной уже начиная с 1960-х гг. прошлого века. Она связана со структурными преобразованиями индустриальных регионов. Промышленный спад привел к падению уровня производственных технологий, беспрецедентным загрязнениям окружающей среды, вымыванию рабочих мест, маргинализации территории, потере населения, обнищанию и т. д. Так, например, образовались целые биологически мертвые области без собственной способности

к регенерации, непривлекательные для дальнейшего экономического и соответственно градостроительного развития*.

Требуется сказать несколько слов о рождении европейской модели поддержки регионов и городов. Одним из первых ее шагов был проект 1980-х, предложенный группой международных экспертов Culture and Regions, возглавляемой Мишелем Бассаном, в результате которого возникла карта, композиционно нечувствительная к государственным границам. Критерием выделения того или иного региона было его культурное наполнение — язык, исторически сложившаяся ценная архитектура, образ жизни, система преподавания и т. п. Следующий шаг — разработка сценария, согласно которому выбирались регионы-лидеры (Мюнхен, Барселона, Франкфурт), и в этом случае культурные факторы, как правило, эффективно усиленные новой архитектурой, становились ресурсом запуска процессов самостоятельного социально-экономического роста регионов. Далее регион сам формирует лидерские группы и принимает решения**.

Сколько бы ни отделялась сетевая экономика от государственных образований, существующая структура политической власти обладает организационным и инвестиционным ресурсом планирования экономического развития регионов и городов. Тем самым государственные структуры включены в единый процесс «глобализации» и заботятся об усилении экономической самостоятельности локальных узлов, о позиционировании культурных локусов, территорий.

Однако поддержка территорий — регионов, городов, формирование их новой идентичности требует особо напряженных усилий. В европейских странах архитектура давно развивается рядом с «рыночным знанием», и она уже проявила себя как важнейшее звено в политике регенерации территорий

* См. об этом: Шубенцева Е. А. Образование творческих кластеров как один из методов регенерации регионально-промышленных территорий // Архитектон: известия вузов. 2012. № 38 (http://archvuz.ru/2012_22/46).

** См.: Зувев С. Культура регионального развития (<http://polit.ru/article/2008/04/03/regiony/print/>).

и привлечения инвестиций для усиления их экономического статуса.

В качестве примера продуманной политики регенерации территорий следует назвать Великобританию, где создаются специализированные агентства по развитию того или иного края, в которых опытные методологи предлагают сценарии его развития и инвестиций. Регенерация — процесс улучшения качества жизни и проекты переустройства — требуют привлечения широкого диапазона специалистов. На первом стратегическом этапе аналитики выдвигают концепцию места и идею его нового имиджа, идет проработка инфраструктуры, намечается план начальных инвестиций. Архитектор, градостроитель, ландшафтный архитектор — по сложившимся правилам участники второго этапа, но все чаще они приглашаются на первую концептуальную стадию.

Для европейских городов в 1990-е гг. иконические постройки выполняли своего рода «лечебную» роль — поднятия иной экономики после умирания городской промышленности — ради сохранения городских сообществ. Сама архитектура в 1990-е благодаря технологической революции одновременно совершала небывалый прежде формальный эксперимент, впервые создавая гигантские биоморфные скульптуры. По признанию Френка Гери, после того как был построен Музей Гуггенхайма в Бильбао (1994), люди стали ездить в этот ничем не примечательный городок и поток туристов изменил экономику. Иначе говоря, здание стало «работать» на экономику. «Эффект Бильбао» был подхвачен, но формальные эксперименты такого рода тиражировались, тем самым обесцениваясь.

Пример удачного вклада архитектуры в качество жизни региона — взлет туристической индустрии в британской провинции Корнуолл, где создан комплекс университетов, построен филиал известной лондонской галереи «Тейт» и на месте глиняного карьера возникло грандиозное биоморфное сооружение «Райский сад» архитектора Николаса Гримшоу (1998–2000) — главный катализатор возрождения региона.

Сегодня широко известен торговый центр Буллринг в Бирмингеме, возникший как плод многоступенчатых, поначалу

неудачных, преобразований, начавшихся еще в конце 1980-х. Архитекторы с самого начала были привлечены в систему «действенного планирования», включающего также и вопросы управления архитектурным наследием 1960-х. Работа над концепцией нового Буллринга в 1999 г. проводилась одновременно специалистами по маркетингу, архитекторами и градостроителями. «Знаковая» постройка — универмаг «Селфридж» архитектора Яна Каплицкого — произведение, граничащее с китчем, — вызвала восторг жителей и определенный скепсис архитекторов.

Одна из линий трансформации городов — конверсия промзданий. Особенно ярким примером одной из первых конверсий промышленного здания в Европе были четыре газометра в Вене, в районе Зиммеринг (1896–1899). Каждый из газометров имеет высоту 70 и диаметр 60 м. По условиям конкурса сохранялся только экстерьер — выразительный кирпичный фасад и части крыши. Все внутреннее содержимое удалялось ради жилой, офисной и торговой и развлекательной функции.

Проект был эффектно предложен четырьмя архитекторами: знаменитым архитектурным бюро Кооп Химмельблау, звездным Жаном Нувелем, а также Вильгельмом Хольцбауэром и Манфредом Ведорном. Социальный эффект — внутри газометров появилось особое сообщество людей, развилось ощущение общности. Феномен изучался психологами, социологами, архитекторами.

Еще раз подчеркну, что агентства, определяющие политику регенерации, разрабатывающие сценарий по развитию того или иного города, региона, как правило, финансируются государством. Государство обеспечивает доступ к инфраструктурам — транспортным, телекоммуникационным. Едва ли не главная особенность политики регенерации территорий — открытое обсуждение программ с жителями. В этом отношении локальная политика прямо противоположна глобальной, основные маневры которой, в том числе заказы архитектору, отличаются скрытым характером. Удачно и квалифицированно сформированная новая идентичность того или иного локуса позволяет эффективно позиционировать его в культурном пространстве и выгодно

встраивать в сложное сплетение сетевых финансовых потоков, связывая со структурой интересов других локусов.

Что же предлагают европейские программы регенерации городов? Понятно, что программы регенерации скорее связаны с понятием «локальное». Архитектура здесь призвана участвовать в восстановлении идентичности. Однако целью такого восстановления сегодня является не столько возврат к прежней системе, сколько ее реидентификация. Известно, что на фоне взлета глобального капитала города меняют и профессиональную специфику. Меняется доминирующий интерес горожанина (не говоря уже об интересах целого народа). И система стратегических задач архитектора постоянно пересматривается.

Европейская политика регенерации городов строится на пробуждении исторической памяти и на конструировании новой мифологии, на творческом сплетении истории с ультрановыми образами среды. При всем том, что эта политика тоже ведома бизнесом и построена на принципе экономической выгоды, все же с самого начала она основана на продуманных программах — с приглашением круга экспертов из области культуры, с надеждой на новые архитектурные открытия и одновременно с привлечением к этому движению широкой общественности.

Примечательно, что в городах Европы мифическими персонажами, оживляющими в целом сухую структуру программ регенерации, становятся исторические личности, судьба и творчество которых связаны с данным городом. И в некоторых случаях это архитекторы.

Пример наиболее удачного опыта — каталонская столица Барселона, где четкая политическая, экономическая и культурная программа регенерации 1980-х, усиленная подъемом Олимпийских игр 1992, поначалу стимулировала развитие района городских набережных и позднее возведение множества иконических построек. В 2000-е мистическая привлекательность творений Антонио Гауди позволила возвысить линию необычайного прошлого города Барселона. 150-летие Гауди в 2002 г. пришлось весьма кстати.

На начальном этапе в 1980–1990-е к обновлению среды Барселона были привлечены известные иностранные архитекторы. Так, Ричард Майер, сохраняя верность позднему изысканному модернизму и своей авторской манере, создал Музей современного искусств МАКБА (MACBA) вблизи центрального бульвара Рамблас. Каталонец Энрико Мираллес и итальянка Бенедетта Тальябуа подарили городу необычный объект — башню Gas Natural. Брутальная башня зеркальными эффектами превращена в призрачную вспышку света. Целый ряд новшеств способствовал укреплению репутации Барселона как города величайшей архитектуры. Королевский институт британских архитекторов (РИБА) присудил городу золотую медаль в честь состоявшейся политической, архитектурной и коммерческой коалиции.

Еще один пример — шотландский город Глазго, где программа регенерации города была напрямую связана с фигурой английского архитектора Чарлза Ренни Макинтоша. Чувственная эlegantность в его архитектуре в свое время повлияла на облик города. Образцами модерна в стиле Макинтоша являются Школа искусств, Чайная на Сошихолл-стрит. Из новых сооружений следует назвать здание Шотландского выставочного и центра «Армадилло» Нормана Фостера. Заха Хадид спроектировала для Глазго Музей транспорта Риверсайд, поражающий оригинальностью, эксцентричностью решения, создающий эффект живого экрана.

Второй этап регенерации охватывает 2000–2010 гг. В этот период очевиден значительный перевес муниципальной, фактически государственной, инициативы по отношению к космополитическим программам глобального капитализма. Заметна и все более высокая ставка на архитектуру в решении проблемы реидентификации городов.

В начале 2010-х гг. крупные мегаполисы европейского континента в экономическом плане как бы соревнуются. С другой стороны, ряд городов можно описать как «игроков одной команды» с распределенными ролями в сфере производства и экономики. Города озабочены одновременно тем, чтобы стать более гуманными для жизни, привлечь высоко-

культурный человеческий ресурс, но главное — быть все более привлекательными для бизнеса. Эпоха, которая выдвигала большие идеологии, охватывающие страны и континенты, закончилась. И потому предполагается, что такая, казалось бы, локальная идея, как соревнование городов может оказаться не только эффективной для идеологов, но и увлекательной для самих жителей. Идея соревнования поддержана и характером функционирования глобальной экономики, поскольку узлы сосредоточения транснационального корпоративного капитала, культурного человеческого ресурса и телекоммуникаций расположены в крупных городах. Мегалополисы являются стратегическими точками глобальной сетевой экономики. При столь невиданных, наверное, со времен Средневековья контрастах в условиях проживания элиты и бедняков, объединенных в одной агломерации, высокие инстанции, принимающие решения, конечно же, обращаются к архитекторам, видя в них режиссеров жизнеустройства, способных к изобретательству.

Общестратегическая задача архитектуры в самом общем виде — это переход к «устойчивому развитию» в масштабе мегаполиса, иначе говоря, попытка наладить более равномерное распределение наглядно предъявленных общественных благ, развитой инфраструктуры для всех районов, именно поэтому задача регенерации депрессивных территорий продолжает быть едва ли не главной. Художественная задача архитектуры, как и всегда, — сохранять сущность профессии, что значит изобретательно нарушать собственные пределы.

Так, например, во Франции активно (как и 15 лет назад) ведется разработка официальной государственной стратегии развития «Большого Парижа» как современной агломерации на ближайшие десятилетия. Проводится международный конкурс для выявления жизнеспособных архитектурных идей. В Париже существуют пригороды «аристократические» (Венсан или Версаль) и пригороды запущенные и даже небезопасные (Ла Курнёв и Клиши-су-буа). Звездный состав архитекторов предложил 10 вариантов развития «Большого Парижа» к 2030 г. Так, Ричард Роджерс превращает запущенные квар-

талы в полноценные городские районы с жителями разных национальностей и социальных слоев, с жилыми домами, офисами, разнообразными магазинами и досуговыми центрами. Кристиан Портзампарк вносит оригинальное предложение — распуститься экономическим «почкам» на периферии, для чего там создаются вертикальные «Экосити». Жан Нувель создает большие зеленые зоны, но компенсация такого уплотнения идет опять за счет сверхвысотной застройки. Ролан Кастро рассыпает и перемешивает все социально стратифицированные участки. Элитные парки и даже резиденцию президента он решительно перемещает в беднейшие районы.

К оригинальным образцам иконической архитектуры второго периода можно отнести весьма элегантную башню «Фаре тауэр» архитектора Тома Мейна в Париже (2012).

Пари Рив-Гош — масштабный архитектурно-градостроительный проект, рассчитанный на 25–30 лет, создаваемый по инициативе муниципалитета Парижа и нацеленный на реновацию и культурное освоение большой площади города, использовавшейся до сих пор как индустриальная зона в районе вокзала Аустерлиц. Район в 25–30 гектаров поделен на четыре сектора: Аустерлиц, Тольбьяк, Массена Нор, авеню де Франс. Координаторами являются крупнейшие архитекторы — Кристиан Портзампарк, Жан Нувель, Поль Андре, Кристиан Долвиллер, привлечена фирма Jacob + Macfarlane*.

Теоретически подготовленным и выверенным, на наш взгляд, является ведомый Кристианом Портзампарком район Массена Нор. Концепция Портзампарка — попытка откликнуться на постоянно меняющуюся реальность. Он пишет: «Задача проектирования плотного квартала города завтрашнего дня — согласовать различия, отдельные, порой трудно сводимые объекты, упорядочить постоянно меняющуюся реальность, создать единство, сохраняя неоднородность»**. Это своего рода современный «эkleктизм», продиктованный

* См.: Мон-Марен Ж. де. Пари Рив-Гош: о характере преобразований // Проект International. 2008. № 19. С. 56–77.

** Портзампарк К. Открытый участок // Проект International. 2008. № 19. С. 79.

соображениями формы, но не на уровне отдельного объекта, а на уровне целого квартала.

Искусствовед из Сорбонны Симон Тексье пишет: «Здесь (в Массена Нор. — *И. Д.*) впервые в Париже появляются убедительные конверсии прома: завод компрессоров (Жозеф Леклер, 1891) усилиями Фредерика Бореля превращается в архитектурную школу, а комплексы Больших мельниц (Жорж Вибо, 1921) и мучных складов (1950) — по проектам соответственно Руди Риччиотти и Николя Мишлена — в здания Университета Пари-VII (2007). Все это подводит нас к вопросу о том, не является ли способность к творческому переосмыслению наследия едва ли не самым интересным свойством сегодняшней архитектуры?»*.

В рамках программы регенерации Лондона Ренцо Пьяно встраивает в центральную часть города гипервысотное сооружение Шард. Фактически это осуществление программы глобализации города. Постройка близка к разряду иконических сооружений.

Однако лондонская мэрия усиленно рассматривает возможности так называемого третьего пути: программы регенерации должны быть как бы слиты с прежде «анархическими» глобальными включениями.

Одновременно с большой программой регенерации Лондона мэрия города развивает локальную по своей сути программу — «100 публичных пространств». Назовем два примера: реконструированный знаменитый ансамбль Трафальгар Сквеа, собирающий множество людей так называемого среднего класса — класса, являющегося главным ограничителем глобальной политики, и еще один пример — Баркинг Таун Сквеа, небольшая уютная площадь, где практически «гений места» сохраняется с помощью живописной руины, и именно руина является здесь главным фокусом притяжения людей.

Как очевидно, на первом месте в европейских программах регенерации — все та же иконическая архитектура. Сегодня

* *Тексье С.* Выставка французской архитектуры // Проект International. 2008. № 19. С. 93.

она медиатор экономического успеха. Неудивительно, что и программы, нацеленные на пересмотр идентичности города, пытаются изменить среду с помощью все той же иконической архитектуры. Однако понятно, что так называемые иконы по своему унифицируют среду. Ускоренное производство архитектуры спектакля, разрастание «зон гламура», безграничная поддержка идеологии консьюмеризма неминуемо вступают в конфликт с метафизикой пространственной организации жизни человека.

Но, как это понятно, например, из опыта регенерации восточной части Лондона или осуществления недавней программы Пари Рив-Гош, третий путь — забота о городе для людей — все же намечается.

Европейские и мировые архитекторы для Европы: мастера и новые лидеры

Наблюдения за мировой картиной современной архитектурной экспансии в городах дают возможность сделать определенные предположения. Архитекторы с мировым именем чрезвычайно бережно относятся к контексту европейского города. Те же архитекторы видят в экономически щедрых заказах, поступающих от других континентов, и главным образом из азиатских стран, возможность свободно экспериментировать, используя новые технологии и изощренные авангардные формы. Не потому ли аттракционность азиатских построек часто обескураживает европейского зрителя? С другой стороны, *работая в пределах Европейского континента, любой, в том числе и «звездный», архитектор всегда чувствует контекст, даже если предлагает необычное и рискованное решение.*

Индивидуализация языка — процесс, связанный с глубинными основами современного творчества. Постмодернистская философия в 1980-е гг. тоже призывала к увеличению языков. Но это была тенденция увеличения по принципу плюральности, эклектики (Лиотар, Барт, Кристева). Плюрализм как осознанное смешение различных языков архитектуры, т. е. как

процедура логической игры, как «радикальный эклектизм» 1980-х, на рубеже веков и в начале XXI в., уже не отвечает внутренней потребности выражения творческой индивидуальности во всей ее полноте. Плюрализм сам по себе не в состоянии производить подлинное разнообразие. «Сложность и противоречия» не являются больше его гарантиями, поскольку неотъемлемым условием различия оказывается определенный уровень эмоциональной непосредственности, наивности, чувствительности, без которых невозможно удержать необходимый уровень напряженного существования противоположностей.

Что может служить необходимому возвышению наивности, непосредственности? Во-первых, весьма широкий спектр авторских философских позиций, создающий напряженное энергетическое поле. Игра различий, ощущение присутствия Другого — эти тезисы позднего постмодернизма здесь вполне пригодны. Оппозиции, включенные в игру, удерживают определенный «уровень непосредственности». Во-вторых, острота индивидуального интуитивного переживания полярности позиций в культуре и в самой архитектуре, глубина проникновения в феноменальную сущность бытия. Разнообразие индивидуального подхода заложено в особенностях личности архитектора как чувствительного художника. На уникальность языка архитектуры всегда влияет уникальность объекта. Уникальности способствуют и непосредственные эмоциональные контакты с заказчиком, и всегда особенная ситуация заказа.

Но главный источник столь необходимой непосредственности остается в эмоциональном, экстатическом отношении к своему творчеству. «Телесность» творчества — родовая черта архитектуры. Сегодня архитектурное творчество становится все менее рукотворным. Все большее число операций передоверяется компьютеру. Однако эмоциональное переживание темы — прерогатива архитектора. Переживание «телесно». Архитектор отдает машине на разработку некий проектный концепт, рожденный и пережитый на эмоциональном уровне. Эмоциональность, непосредственность, открытость миру остаются основой творчества и служат гарантом сохранения профессии как системы.

По признанию профессионалов, архитектор, вобравший в себя новые представления о хаотической картине мироздания, наполненного своевольной игрой энергий, испытывает шок, что заставляет его обращаться к глубинным основам интуиции, к бродящим силам бессознательного. В этом видится феноменальная сущность прилива новых «телесных» энергий, будоражащих воображение. Сдвиг сознания действительно всегда был одним из множества источников эмоциональных подъемов, способствующих необходимой наивности при сотворении архитектурной формы. Здесь же коренится интуитивно-эмоциональное начало философии архитектурной формы.

Рассмотрим произведения некоторых наиболее известных архитекторов.

Европейская архитектура пытается стимулировать динамичное общение со зрителем. В этом ракурсе инновационные объекты архитектуры можно разделить на два распространенных типа — чувственно постигаемые и умопостигаемые объекты. Чувственно постигаемые объекты превалируют сегодня. Такой поворот намечился с приходом цифровой архитектуры и со сменой вектора развития в культуре. Характерная для архитектуры высокого модернизма тенденция — просто не замечать массовую культуру — пошла на убыль с 1970-х с приходом постмодернистских настроений. Усилению новой динамики способствовало единение дисциплины с различными видами искусства, уже давно занятыми проблемой влияния на современную публику. Афинский архитектор Лина Стержио утверждает, что архитектура сегодня идет по пути современного искусства, хоть и с некоторым опозданием, благодаря чему современное архитектурное пространство стало обладать «либидозной властью»*. Это качество возникло не по чьему-то указанию и не в результате действия каких-то теоретических концепций, но исключительно потому, что сама архитектура есть искусство.

* *Stergiou L. Architecture Gets Intense // VOLUME. 2006. № 6. P. 122–133.*

Создавая эмоционально воздействующие, чувственно постигаемые объекты, архитектура ради успеха у публики развивает методы и технику инсталляции. Инсталляция — своего рода символическая декорация, которую зритель созерцает не со стороны, как картину, но может сам находиться внутри нее. Идея инсталляции рождена концептуальным искусством (Марсель Дюшан, сюрреалисты) и первоначально опробована на посетителях выставочных залов, когда предмет искусства становился сценой, втягивающей в себя посетителя, что делало невозможным конструировать объективную и нейтральную точку зрения со стороны.

Современный архитектурный объект можно увидеть как гигантскую инсталляцию, созданную в русле современной эстетики, с добавленной к ней утилитарной функцией. Инсталляция в архитектуре создает особую «атмосферу». Это опыт специфической фрагментации пространства, сопровождающийся цветовыми и световыми эффектами, предназначенный для возбуждения публики и введения ее в некоторое заблуждение относительно реальной структуры пространственного окружения. Человеческое тело в таких необычных условиях стремится к релаксации, сам же человек готов принять на веру любую иллюзию. «Атмосфера» инсталляции усилилась в 1990-е, с приходом дигитальной архитектуры.

Чувственно постигаемая архитектура не нарушает привычного автоматизма восприятия. Напротив, способствует ему, но при том усиливает эстетизм, эмоциональный подъем, ощущение комфорта и приятной расслабленности. Эстетика инсталляции проникает и в крупномасштабные объекты.

Опыт чувственной архитектуры не чужд всей звездной системе архитекторов. Грег Линн исследует б্লоб-форму*, строя

* Понятие «б্লоб» родилось в процессе компьютерного моделирования архитектурной формы. Б্লоб-форма — сложная полиповерхность, образованная влиянием внешних и внутренних сил деформации, замкнутая, напоминающая каплю, пузырь. Изменения любого элемента влечет за собой изменение всей системы. На практике форма б্লоб как правило используется для устройства небольших павильонов, имеющих неправильные округлые очертания

необычные инсталляции. Заха Хадид предлагает проект Исламского центра искусств на территории Лувра, отражающий томность Востока.

Многие проекты Хадид впитали эстетику динамичной мягкой инсталляции, смягчив резкость ее почерка. Заха Хадид создает головокружительное пространство Музея актуального искусства МАКСИ в Риме (2011), проявляя мастерство инсталляции, граничащей с аттракционом.

Ян Каплицкий из фирмы «Футур систем» создает мягко взволнованный фасад здания универмага Селфридж, покрытие которого вызывает чувственные ассоциации с металлизированной тканью одежды от Пако Рабан.

Башни Порта Фиры (Porta Fira towers) на площади Европы в Барселоне архитектора Тойо Ито отсылают к восточным орнаментам.

Фирма Эмёрджент в Лондоне создает причудливые инсталляции. В эту же типологию легко вписываются опыты с интерактивными средами.

Но более продуктивным в продвижении живых акций архитектуры, придающих ей самой дерзкую энергию, как ни удивительно, является второй тип — сложно осваиваемая, даже озадачивающая, эпатажирующая архитектура, иначе умопостигаемые или странные объекты. У зрителя нет опыта освоения такой архитектуры. Странная архитектура заставляет включить все механизмы памяти — и чувственно-телесный опыт освоения пространства (с целью проконтролировать свои автоматические реакции), и ассоциативный опыт (с целью сфокусировать внимание на смыслах).

Иначе говоря, странные объекты — это одновременно и чувственно постигаемая, и умопостигаемая архитектура. Она воздействует на оба типа памяти. Она намеренно сбивает устойчивый автоматизм чувственного восприятия, и уж никак не способствует расслабленному поведению. Но главное — она заставляет интенсивно работать ассоциативную память, и более того, подключать работу интеллекта. Аналитика подключается на какой-то стадии восприятия, но здесь и возникают трудности ее непротиворечивого единения с эмоциональной

сферой, так как эмоциональное восприятие в данном случае также сдвинуто с привычного автоматизма.

Приведем примеры странной архитектуры. Работа фирмы «Герцог и де Мерон» стадион Альянц-Арена в Мюнхене доставляет зрителю и сенсорное, и интеллектуальное удовольствие. Несмотря на огромный размер и массивность постройки, человек неожиданно переживает ее как уютную и мягкую на ощупь благодаря необычному типу обшивки.

Особо яркий пример умпостигаемой архитектуры — проект Рема Кулхааса «Каза ди Музика» для города Порто в Португалии. Форма, предложенная Кулхаасом, несопоставима с известным репертуаром образов филармоний или домов музыки. Формальный жест Кулхааса скорее похож на магический трюк. В самом центре небольшого города мы наблюдаем странный объект, приковывающий внимание хотя бы тем, что он резко нарушает масштабный строй исторического окружения. Этот гигантский музыкальный ящик вторгается в окружение как бы из другого мира. Он предназначен порвать с таинством слушания музыки, всегда сосредоточенного, охраняемого, изолированного. Он экстраполирует эту функцию в окружающую городскую среду. Как очевидно, здесь нет постмодернистского столкновения формальных тем, но есть прямое следование теоретической концепции самого Кулхааса, известной как «кросс-программирование». Приведены в столкновение несовместимые функции. Одновременно продемонстрирована постмодернистская гибридность — пестрые формальные темы введены в интерьер. Другими словами, перед нами незнакомый и очень странный объект.

Так в чем же сила этих двух наиболее активных типов архитектуры? Оба типа архитектурных объектов имеют тенденцию не просто заинтересовать и привлечь своего зрителя, но и побудить его к динамическому с ними взаимодействию. Первая — легко усваиваемая архитектура, предлагает эмоционально волнующие, чувственно постигаемые объекты, перекидывает мост между высокой и низкой культурой, комбинируя новейшую эстетику и самое изощренное исполнение с общим

для всех людей стремлением к комфорту или просто к физической защите. Эта архитектура удерживает власть, взяв на вооружение *стратегию обольщения*.

С ней контрастирует умпостигаемая архитектура, которая предлагает странные объекты и пытается опробовать на широкой аудитории новейшие профессиональные коды, долгое время остававшиеся внутренними для искусства в целом. Она способна не только управлять эмоциями человека, но и побуждать к расшифровке самого архитектурного концепта, тем самым влияя на формирование нового типа восприятия и мышления.

В картине мозаичного цветения сегодняшней европейской архитектуры нелегко выделить главные фигуры, тем более что число мастеров постоянно множится. Этому явлению следует посвятить не статью, но монографию. Безусловно такого рода труды уже есть*, но с каждым годом число шедевров множится.

Жан Нувель — признанный национальный гений Франции и лидер современной архитектуры, прошедший путь от Института арабского мира в Париже (1982–1987) к башне Агбар в Барселоне (2000), к цифровой конструкции Парижской филармонии (2010). Швейцарцы Жак Герцог и Пьер де Мерон. Голландец Рем Кулхаас — мировая величина в архитектуре. И здесь рассмотрим лишь его европейский опыт. Дом музыки в Порту упоминался выше. Помимо него, необходимо назвать Театр музыки в Роттердаме. Англичанин Норманн Фостер — король хай-тека в 1990-е сегодня строит высокотехнологичные здания. Среди новых лидеров испанец Энрик Руис Гели.

Мы рассматривали здесь два полюса глобализационного процесса — глобальный и локальный, за которыми стоят: во-первых, противоположные по своей природе властные инициативы, во-вторых, интересы различных социальных страт. Архитектура, как очевидно, отвечает обеим инициативам. Если архитектура видит себя частью системы политического

* См.: *Рябушин А. В.* Архитекторы рубежа тысячелетий. М.: Искусство — XXI век, 2005.

и экономического контроля, она идет за глобальной инициативой. Опасность прямого следования глобальной инициативе состоит в том, что архитектурная стратегия способствует возвращению потребительства, продолжению политики спектакля, приемов аттракциона. Локальная инициатива сегодня — это в основном программы регенерации, сохранение идентичности в масштабах города. Она отчасти урезана, но в какой-то степени служит привлечению архитектуры как специфической защитной системы человека.

Стратегия архитектуры двойственна. С одной стороны, она играет ключевую роль в создании новых брендов для ведущих корпораций, с другой — возможно, еще более важную роль в формировании новой культурной идентичности локусов, способствуя их встраиванию в глобальную систему культуры и экономики. Само городское пространство сегодня становится одним из акторов, продуцирующим новый результат. В сложной смеси новых условий лежит некая политика — политика новых пользователей города. Рядом противоположно направленные политические требования права на город его коренных жителей.

Перекройка центральных зон городов — это часть новой урбанистики, опирающейся на экономическую активность. В ней основание быстрого инициативного роста глобальных процессов — от экономики к культуре. Все это объясняет, почему архитектура и градостроительство становятся все более важным и более заметным культурным явлением в последние два десятилетия и почему этическая устойчивость архитектуры испытывается на прочность.

Наш второй вывод: *наблюдается совершенствование политики регенерации и ставка на архитектуру в этом процессе повышается, при этом политика регенерации не теряет ориентации на экономический рост.*

В связи со сказанным хотелось бы обратить внимание на новейшие теоретические концепции архитектуры, поддерживающие данную стратегию европейского развития. В частности, представляет интерес концепция континьюизма. Континьюизм, или идеология неразрывности культуры, пытается

приостановить тенденцию мгновенного безотлагательного использования нового опыта. Континьюизм предлагает осваивать новое с помощью его постоянного и взвешенного оценивания и постоянной отсылки назад — к тому, что мы (люди) оставляем после себя, что может оказаться забытым в водовороте обновления и прогресса. Идея континьюизма как идеологии неразрывности родилась никак не из чувства ностальгии по ушедшему в историю, а скорее из необходимости приспособиться к новому «мировому беспорядку», к реальности перманентного прорыва к новому опыту*.

Архитектура сегодня, как можно понять из вышесказанного, с одной стороны, играет ключевую роль в создании новых брендов для ведущих корпораций и подчиняется запросам девелоперов, с другой — возможно, еще более важную роль в формировании новой культурной идентичности локусов, способствуя их встраиванию в глобальную систему культуры и экономики. Отстаивая ценности преобразующихся, но сохраняющих (или даже усиливающих) своеобразие культур, архитектура укрепляет позицию противостояния унифицирующему влиянию сетевой экономики. Тем самым она как бы «размывает» ту возникшую в мире напряженность, на которую указывал Кастельс, — напряженность между *«логикой индивидуальной конкуренции и логикой социальной солидарности»*. Современная архитектура, как и современная культура в целом, «инструментальна». Она, как и всегда, социально ангажирована и способна оказывать прогнозируемое влияние на человеческую практику.

Архитектура современной Европы движется по, казалось бы, несовместимым траекториям — от высокотехнологичной конверсии (фактически реанимации построек прошлого) до дерзких дигитальных опытов. Но точный и тонкий расчет при сложном сплаве формальных и методологических различий и при условии высокой технологичности решений делает ее адекватной пульсирующей современности.

* *Boomkens R. The New Disorder of Creolization // Volume. 2009. N 19. P. 16*

Глава 11. КУЛЬТУРА КАК ИНДУСТРИЯ: ЕВРОПЕЙСКАЯ ВЕРСИЯ

Мир культуры и искусства — предмет особой гордости и заботы европейцев. У наследников греко-римской античности, византийского и католического христианства, ренессансного гуманизма, эпохи Просвещения и модернизма XX в. особое чутье и способность к глубокому переживанию культуры. Оно в крови. Не будет преувеличением метафорически назвать это культурным геном европейских народов. И потому *культура всегда кажется выше суеты экономических и политических решений. Тем парадоксальнее выглядит «десертное» — то есть неприоритетное — финансирование культурной политики ЕС и отдельных стран Евросоюза. И еще более странным кажется активное стремление интегрировать культуру в систему современного капитализма, с которым у творческой интеллигенции Европы были свои счеты еще с эпохи промышленной революции, когда промышленная буржуазия, потеснив с доминирующих позиций правящие аристократические семьи, лишила художников привычной системы поддержки и патронажа.*

Факты — штука упрямая. XX в. действительно стал периодом стремительного развития новых форм массового культурного производства, которые характеризуются прежде всего своей технологичностью, или, по определению Вальтера Беньямина, «технической воспроизводимостью». Фотография, кино, видео, телевидение, радио, звукозапись, основанные на использовании технических средств производства и распространения культурной продукции, превратили искусство в культурное производство, похожее как две капли воды на любую промышленную индустрию. Поэтому совершенно не случайно появление понятия «индустрии культуры» и его широкое использование в обсуждении тенденций и задач культурного развития.

В этой главе мы попытаемся понять, как и почему возникло это новое для европейских обществ понятие о культуре как индустрии — элементе экономической системы. И что еще более важно, попытаемся ответить на вопрос: почему сфера куль-

туры и искусства — традиционный предмет государственной опеки, поддержки и субсидирования, область культурной политики и национального культурного суверенитета, стала все чаще рассматриваться в Европе по одному экономическому ведомству вместе с сельским хозяйством и строительством?

Мы начнем с критического осмысления феномена американской популярной культуры в противопоставлении ее европейской традиции высокой культуры, а также подробно остановимся на современном культурном развитии Европы, которая, образно выражаясь, пережила два пришествия культурной индустрии: американское после Второй мировой войны и собственно европейское, которое продолжается с 1990-х и набирает силу в начале XXI в.

Культура против индустрии: критическая теория

Понятие о культуриндустрии впервые появилось в одной из версий теоретического марксизма — так называемой критической теории. Ее возникновение связано с созданием в 1923 г. Института критических социальных исследований во Франкфурте (известного также как Франкфуртская школа) и именами таких влиятельнейших интеллектуалов XX в., как Герберт Маркузе, Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Вальтер Беньямин. В социологической теории культуры работы теоретиков Франкфуртской школы представляют особое значение именно благодаря предложенному ими понятию «культуриндустрия»¹, которое стало обобщенным именем бурно формировавшегося в Америке 1920–1930-х гг. бизнеса развлечений: кинематографа, радиовещания, звукозаписи. Именно в США критические теоретики провидчески обнаружили надвигающуюся на Европу машину индустриализованного культурного производства, подчиненного идеологическим функциям капиталистической системы господства.

В контексте данного рассмотрения очень важен акцент на критическом содержании и миссии Франкфуртской школы. Эта теория занимает не нейтрально-описательную позицию,

а критическую, ценностную, разоблачающую. Она стремится разоблачить и вывести на чистую воду современные ей формы социального порядка развитых капиталистических обществ, координаты которых можно разместить между двумя полюсами: нацистскими концлагерями и массовой культурой. Критические исследования в целом стремятся показать проблематичность классических представлений о рациональности, свободе, индивидуальности, поскольку с разумной активностью свободной и культурной личности не очень сочетается история Аушвица, Хиросимы и ГУЛАГа. По словам одного из современных представителей критической теории З. Баумана, «величайшие преступления против человечества (совершенные самим человечеством) свершались во имя закона Разума, лучшего порядка и большего счастья. Двадцатый век научил нас, что Современность означает не только производить больше и путешествовать быстрее, не только богатеть и свободнее передвигаться. Современность имела и имеет другое значение — быстрое и эффективное уничтожение в сумме с научно спроектированным и расчетливо управляемым геноцидом»*.

В этом контексте культурные индустрии — один из важнейших символов современности — рассматриваются как важный функциональный элемент подобного социального порядка. Поэтому и критическое отношение к ним выражается в разоблачении их негативного воздействия на общественную жизнь и личность человека. *Поскольку критическая теория является развитием идей марксизма, постольку культурное производство рассматривается как часть социальных механизмов господства и стратификации, т. е. как машина идеологического принуждения: кинематограф и фабрика грамзаписи не являются только лишь тиражированием развлечений, они формируют и транслируют капиталистическую идеологию общества потребления.*

Основной экономической задачей культуриндустрий является формирование вкусов и предпочтений потребителей. От автомобилей до одежды популярность продукции зависит

* *Bauman Z. Life in Fragments: Essay in Postmodern Morality. Oxford UK and Cambridge USA: Blackwell's, 1995. S. 190–193.*

от ее узнаваемости в кино, на телеэкране или в арсенале вещей поп-звезд. *Культурные индустрии помогают создавать массового, типового, одинакового потребителя — принуждают всех нас становиться таковыми. В этой роли человек как бы растворяется в массовом поведении и бессознательно принимает общий потребительский конформизм, становясь неспособным осознавать свое подлинное положение и интересы. А само культурное производство интегрируется в финансовые и производственно-технологические механизмы капитализма.*

Власть индустрии культуры основана на ее возможностях организовывать и направлять восприятие человека: образы на экранах сливаются с реальностью и мы верим в них как в реальные. Так культуриндустрии поставляют нам «реальность» еще до ее переживания и осмысления в опыте (т. е. за нас ее уже кто-то осмыслил и в таком виде поместил в нее нас). В результате весь мир становится пропущенным через фильтры культуриндустрии, стремящейся к тотальности воздействия на общество. Тотальность воздействия достигается также через тиражирование в процессе массовой технической репродукции.

Понятие «культуриндустрия» подразумевает также, что типовое потребление ориентировано на типовую продукцию, производство которой подчинено общеэкономическим критериям капиталистической экономики: технологиям производства, прибыльности, рыночному циклу товара. В результате, как и производство любой промышленной продукции, культурные товары существуют в логике стандартизации (модель автомобиля — это то же самое, что жанр популярной музыки). Как отмечают Хоркхаймер и Адорно: «Застывшие типичные формы, такие как скетч, новелла, проблемный фильм, шлягер, являются нормативно предписанными, грозно навязываемыми образцами вкусов среднего представителя позднелиберальной эпохи»*. Понятно, что с критической точки зрения любая стандартизация и унификация творчества — это убийство искусства, поскольку творчество всегда есть

* *Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997.*

выход за рамки известного и типового. Вместо творческого воображения здесь господствует техническая рациональность и уже заданная схема производства довлеет над производством и творческим воплощением идей.

Эстетика культуриндустрии основана на эмансипации детали или, другими словами, доминировании эффекта (спецеффекты в кино) над структурой и целостностью (т. е. смыслом) произведения. Смысловая сторона искусства, интерпретация и понимание идей произведения уступают эмоциональным впечатлениям от набора эффектов (трюков, компьютерных образов и т. п.). Идея или проблема скучны, лишены развлекательной ценности, они заставляют думать и испытывать не очень приятные чувства. Эффект забавен, развлекателен, неглубок, эмоционально легок, несет налет загадочности.

Продукция культурных индустрий стимулирует слияние культуры и развлечений, в котором культура деградирует до уровня типовой массовой продукции, а развлечение одухотворяется до уровня причастности культуре. Развлечение создает эффект мгновенного легкого счастья и помогает забыть, отвлечься, убежать от реальных проблем. Оно действует как наркотик. Его всегда мало. Стремясь расслабиться, отвлечься, не думать и убежать в мир кино- или (поп)музыкальных грез, человек на самом деле расписывается в собственном бессилии и неспособности реально изменить свою жизнь. В итоге удовольствие способствует разочарованности, от которой бы хотелось забыть в развлечении.

Так устанавливается социально-экономический ритм производства и потребления, в котором рабочая и досуговая части жизни людей организуются ритмами и образами массовой культуры. Объединяясь вокруг потребления этой культурной продукции, мы принимаем существующий порядок и подчиняемся ему.

Интересно, что в самом марксизме нет единодушия относительно того, что культуриндустрия есть очевидное зло. Британский социолог-марксист Рэймонд Уильямс подчеркивал, что нам следует признать тот факт, что в системе социальной стратификации и неравенства доступа к культурным благам раз-

влекательная культура не есть лишь форма деградации вкуса и художественной жизни. *Массовая культура решает проблему отчужденности низших классов, которым было отказано в серьезном искусстве, тем самым делая культурную жизнь более демократичной и доступной.* Если еще в XVIII в. литература была доступна лишь избранным, то массовое книгоиздание и развитие библиотечных систем сделали книгу и знания доступными практически всем. Аналогичная история с кинематографом и звукозаписью: они совершили революцию в доступности культурных благ для большинства в противоположность эксклюзивности элитарной культуры аристократов.

Индустрии культуры и культурная политика: история сопротивления

Критическая теория оказала и оказывает огромное влияние на интерпретации современной массовой культуры. Однако довольно быстро проявились и недостатки этого подхода: неучет экономической роли культурных индустрий, явный элитизм и нежелание признать свои (пусть и не элитные) вкусы аудитории массовой культуры; неучет влияния активной, критической, думающей аудитории; недооценка развития качественного уровня культурной продукции и ее творческих/инновационных возможностей.

Как мы увидим дальше, критические теоретики были провидцами, говоря о неизбежности доминирования американской индустрии развлечений и подчеркивая, что для европейского контекста «культуриндустрия» есть источник угрозы и объект политического сопротивления «культурному империализму». Приведем немного статистических данных, убедительно демонстрирующих масштабы угрозы:

- рыночная доля голливудских фильмов на экранах Западной Европы возросла с 41 % в 1975 г. до 75 % в 1995 г. (по продажам билетов);
- на 1998 г. соотношение проката фильмов местного производства к прокату голливудских картин составило:

- в Германии — 10 и 80 % соответственно, Великобритании — 12 и 80 %, Канаде — 2 и 90 %, Франции — 26 и 55 %, Италии — 25 и 64 %;
- в 2000 г. США экспортировали столько же телешоу, сколько производилось во всем остальном мире;
  - доля Великобритании в экспорте аудиомызыкальной продукции в США сократилась с 30 % в 1986 г. до 1 % в 2001 г.;
  - отрицательный рыночный баланс в торговле аудиовизуальной продукцией между ЕС и США с 1986 по 1997 г. вырос в 2,3 раза*.

Стремление к рыночному и культурному доминированию американской индустрии культуры получило название «культурный империализм». Суть этой доктрины в том, что после Второй мировой войны складывается гегемония американской культуры над другими за счет диффузии/насаждения определенных ценностей, поведения и образа жизни. Начиная с 60-х гг. XX в. критика культурного империализма — прямая наследница критической теории — демонстрирует, как работает механизм экспорта американских ценностей и образа жизни через экранную продукцию, подрывая значение и ценность европейских культур и языков в своей претензии на глобальную универсальность.

Продвижение аудиовизуальной, рекламной, пропагандистской продукции воспринимается с позиций критиков культурного империализма в единстве с финансовой и коммерческой экспансией транснациональных корпораций и с интересами военно-промышленного комплекса США. Таким образом, формируется глобальная американизированная монокультура капитализма. Ее характеризуют товарная унификация и гомогенизация культуры, доминирование консюмеризма (потребительства) как модели поведения. Ученые и публицисты используют разные неологизмы для именования этих тенденций

* European Audiovisual Observatory. Statistical Yearbook. Barcelona, 1998; Screen Digest. September 1999 — January 2000; Miller T., Govil N., McMurria J., Maxwell R. Global Hollywood. London: British Film Institute Publishing, 2001. P. 17–44.

глобальной американизации: например, «кока-колонизация», «макДиснейзация»* и т. п.

Еще один важный пункт критики «культурного империализма» связан с политикой правительства США. На самом деле существует своего рода «культурный картель». С одной стороны, это прочный альянс Голливуда с правительством США, а с другой — концентрация контроля над СМИ, международными новостными агентствами, комплексом экспорта теле-, кино- и видеопродукции в руках корпоративных структур. Это комплекс символического продвижения американского капитализма за счет кино, телевидения, музыки, новостей, развлечений и пр. Известно высказывание главы Американской ассоциации кинопроизводителей (МРАА) Уила Хейса (сделанное еще в 1930-х гг.) о том, что каждый фут пленки американского фильма помогает реализовать в мире американских товаров на \$1**.

Когда в 1916 г. продажи голливудских фильмов за рубежом возросли более чем в четыре раза, Государственный департамент создал в своей структуре отдел кино. А уже в 1918 г. Конгресс США принял закон, позволяющий голливудским компаниям вести трастовую политику за рубежом, запрещенную в США***. С тех пор Государственный департамент и Министерство торговли США всегда поддерживали Голливуд как идеологическую и коммерческую машину продвижения американских товаров и идеалов (в 70-х гг. стали говорить, что туда, куда не проникнет ЦРУ, проникнет MTV — молодежное музыкальное телевидение). Голливуд был и остается очень важным элементом экономической мощи США.

Исторически восприятие «культурного империализма» было связано еще и с протестами правительств по всему миру против того, как в голливудских фильмах представлена та или иная культура (следует отметить показательную гибкость

* Tomlinson J. Globalization and Culture. London: Polity Press, 2002. P. 83.

** Ibid.

*** Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997.

Голливуда в удовлетворении этих претензий). Кроме того, дискурс культурного империализма, безусловно, ассоциируется с советской пропагандой времен холодной войны, хотя его односторонность, политизированность, пренебрежение достоинствами коммерческой (популярной) культуры и ее экономических механизмов очевидны и несчетное количество раз удостоились вполне убедительной критики.

Однако экономический успех американской индустрии культуры очевиден и все больше является примером того, как сегодня культурные индустрии функционируют в качестве важнейшей части современной экономики. Это не только важный предмет международных дискуссий об угрозе «культурного империализма», но и стимул для выработки моделей культурной политики, национального протекционизма и гармонизации интересов в развитии конкурентоспособной креативной экономики. Это означает не только критический взгляд на проблемы «культурного империализма», но и понимание экономических возможностей развития моделей экономики культурных индустрий.

Тем не менее культурный империализм для Европы (и не только для нее) продолжает означать необходимость сопротивления экспансии массовой культуры США. Когда в конце 1970-х — первой половине 1980-х обострились дискуссии о новом мировом информационном порядке, попытки международного сообщества защитить стремительно складывающееся глобальное информационное пространство от американских медиамонополь и коммерциализации, а также поддержать информационные интересы стран третьего мира привели к серьезному политическому конфликту, повлекшему за собой выход США и Великобритании из ЮНЕСКО — главного органа ООН, отвечающего за культуру и образование. В начале 1990-х вступает в силу инициатива Евросоюза «Телевидение без границ», предполагающая введение квот на экранное время для кино- и телепродукции в странах объединенной Европы. В результате была установлена квота 49 % экранного времени (кинозалы, ТВ) для продукции не европейского (догадайтесь — чьего?) производства (отметим, что эффективность

экранных квот весьма сомнительна, поскольку не распространяется на спутниковое и интернет-вещание). Наряду с этими мерами власти объединенной Европы вложили более €2 млрд (с 1993 по 2012 г.) в развитие конкурентоспособности аудиовизуального производства в рамках программы MEDIA.

В 1993 г. очередной раунд переговоров по Генеральным соглашениям о торговле (ГАТТ) провоцирует европейских деятелей искусства и интеллектуалов на организованные акции протеста против «проамериканских» статей соглашения о признании культурной продукции товаром наравне с продуктами, одеждой, автомобилями и пр.* (в конечном итоге политики ЕС стали еще большими поборниками идеи культурных продуктов и услуг в системе свободной торговли).

О чем говорят эти политические меры? О том, что культурные индустрии для Европы — вопрос культурного, политического и экономического суверенитета. И здесь мы неизбежно приходим к проблеме протекционизма в культурной политике — всесторонней государственной поддержке художников и творческих организаций не ради экономической отдачи, а ради идеалов культуры, просвещения и доступности искусства для граждан. *В отличие от США, где официально культурной политики нет, культура и культурные индустрии в Европе — предмет государственной культурной политики на разных уровнях — от Еврокомиссии до муниципалитетов.*

Формально-исторически официальная политика на уровне правительственных и муниципальных органов управления культурой возникает в период послевоенного восстановления Европы 1940–1950-х гг. минувшего века.

«После Второй мировой войны культуре в европейских странах начали уделять первостепенное внимание, что выразилось в увеличении государственных ассигнований в данной сфере. Это в свою очередь повлекло развитие самой культуры: в ней оказалась занята значительная часть населения, колоссально расширились ее аудитория и формы выражения, повысилась ее общественная и экономическая значимость. До 60-х гг. XX века

* Miller T., Govil N., McMurria J., Maxwell R. Op. cit. P. 3–16.

усиление влияния государства любой политической окраски в области культуры объяснялось "старым добрым" представлением о цивилизующей, облагораживающей роли искусства и о демократизации доступа к нему как об общественном благе. Отсюда приоритетом культурной политики того времени становится широчайший доступ населения к культурным ценностям через специальные образовательные программы, бесплатный доступ в музеи, популяризация культуры на государственных теле- и радиоканалах и т. п. Эта тенденция сохранялась на протяжении довольно длительного времени, несмотря на все приливы и отливы политической и культурной моды*.

Такая культурная политика базируется на идеях и принципах культурной демократии: культура и искусство трактуются как общественное благо, что предполагает обеспечение широкого доступа к нему силами государства. Вполне закономерно такой подход приветствует и идею самоценности искусства — т. е. искусства ради него самого. Поэтому государство берет на себя обязательства содержать и развивать сферу культуры не только на благо населения, но и на благо искусства как такового. Никакие экономические задачи перед сферой культуры не ставятся!

В Европе и СССР культурная демократия утопически понималась еще и как стирание грани между городом и деревней, преодоление вопиющего неравенства в доступе к столь ценным общественным благам. Что, в общем, неудивительно, поскольку в идеях культурной демократии легко обнаружить «материнский» политический дискурс социал-демократии, столь важный для развития послевоенной Европы. Однако это лишь одна сторона культурно-политической «монеты».

С этих пор берет отсчет и история бюрократической культурной политики, имеющей формальный статус на уровне министерств культуры и их региональных органов власти. Дискурс бюрократии привносит весомый элемент нормативности, калькулируемости, формального признания и, конечно, цензуры. Такая система сложилась в СССР и практически всех европейских странах. (Некоторое исключение составлял и продолжает

составлять англо-саксонский мир; Великобритания, США, Канада, Австралия упорно стремятся избежать «бюрократизации муз», другой вопрос — насколько им это удастся?)

В 1960–1970-х гг. социальное значение культурной политики в Европе усилилось. Теперь она использовалась правительствами европейских стран как подход к решению социальных проблем, и это стало основным фактором усиления ее значения в государственной политике. Ситуация во многом была создана усилившимся влиянием различных социальных движений после событий 1968 г., которые почти всегда ассоциировались с альтернативными культурными объединениями (издателями, музыкантами, актерами). Они существенно изменили представления о культуре, расширив его, преодолев стереотип различения высокой и народной культуры. Эта политика проводилась социалистами, которые выделяли бюджетные деньги на новые культурные проекты, чтобы, в частности снять проблему атомизации населения в городах, чтобы интенсифицировать публичную жизнь и социальные интеракции, добиться реальных равных возможностей для разных групп участвовать в культурной жизни. Для левых это было шансом обновить политические коммуникации и мобилизовать поддержку населения.

В этот период идеи культурной демократии продолжают давать политические плоды. Столкнувшись с новыми социополитическими реалиями всевозможных общественных движений, правительства переориентируют вектор культурной политики на проблемы социальной и культурной маргинализации. В частности, начинают создаваться механизмы поддержки и защиты прав «меньшинств» — этнических, сексуальных и т. п. И здесь реалии культурной жизни городов предстали в совершенно ином свете. Перед нами не официозные, «прилизанные» культурные центры, а многообразная, малопонятная, слабоуправляемая повседневная культура окраин, этнических районов и гетто. И как результат — комплексная картина пересечений, наложений, демаркаций культурных и социальных пространств в контексте неравенства, различных форм взаимодействия, текучих субкультур и сложной национальной географии.

* Хоркхаймер М., Адорно Т. Указ. соч.

С новым политическим видением приходит иное понимание культуры: не только как возвышенной сферы искусства, но и как образа жизни, повседневного уклада различных групп, символическим выражением которого являются весьма и весьма разнообразное художественное творчество. Политическая практика показала, что предложенная еще Рэймондом Уильямсом интерпретация культуры как «обыкновенной»*, как интегрирующей все многообразие художественной деятельности мира, материальных практик повседневной жизни дает более адекватное понятие о культурной жизни современных обществ.

Интеграция маргинальных субкультур и сегодня остается одной из сложнейших задач развития культурной среды европейских городов. Однако в существенной мере именно трудности в ее решении и абсурдность бюрократической реализации подобной демократической политики привели к переосмыслению самой культурной демократии.

От культурной демократии к креативной экономике

В 1980–1990-х гг. культурная политика стала определяющей в развитии европейской культуры. Возникла ситуация, в которой государству и местным властям пришлось приспособиться, во-первых, к глобализации корпоративных стратегий и, во-вторых, к кризису системы массового производства индустриальных обществ. Крупный бизнес стал перемещаться в регионы, где рабочая сила дешевле, спровоцировав тем самым поляризацию в доходах населения. Культурная политика оказалась одним из самых важных элементов в стратегии решения этих проблем политиками мегаполисов. Во многих случаях она становилась инструментом прямой интервенции в экономику: в сферу услуг, досуга, туризма, спорта и т. д. Скептики

* Известная работа Р. Уильямса так и называется «Культура обыкновенна», см.: *Williams R. Culture is Ordinary // The Politics of Culture. Policy Perspectives for Individuals, Institutions and Communities / Ed. by G. Bradford, M. Gary, G. Wallach. N. Y.: The New York Press; Washington, DC: The Center for Arts and Culture, 2000.*

считают, что это не дало значительного прямого результата для роста экономики и благосостояния, для борьбы с безработицей. Главный результат — конструирование имиджа территорий и городов как глобальных центров для привлечения туристов, квалифицированных кадров и инвесторов. Осуществление престижных культурных проектов воспринимается как символ возрождения, динамизма, нового уровня доверия, космополитизма, конкурентоспособности, современности и инновационности. Однако есть и бесспорный реальный экономический эффект.

Экономическая проблематика выходит на первый план в периоды кризисов. Вторая половина XX в. — это в какой-то мере история кризиса и упадка индустриальной модели городов — промышленных центров индустриальной Европы. Местные градообразующие индустрии образца XIX в. естественно отмирали, а с ними приходили в упадок и городские поселения. Глобальный бизнес в этот период уже более не привязан к определенному месту, а значит, легко снимает с себя всякую социальную ответственность. «Возвращение» культуры в эти города стало не только символом, но и реальным экономическим механизмом их возрождения.

Главной задачей было снижение социальных издержек (пост)урбанизации, увеличение уровня комфортности жизни в городе за счет развития культуры. К ним были отнесены: улучшение архитектурного и эстетического облика городских районов, создание «культурных кварталов», расширение спектра и доступности культурных услуг для горожан (фестивали, бесплатные концерты и т. п.), внедрение специальных учебных программ в школах. Эти и другие механизмы стали использоваться для повышения уровня культурной жизни городов (часто небольших) и оздоровления их социоэкономической среды. Такие проекты сами по себе есть своего рода PR, содержащий вполне эксплицитное послание. Оно направлено непосредственно самим горожанам и служит формированию имиджа «города для горожан», апеллируя к культурности как составляющей качества жизни города.

Восстановление культурно-исторических объектов, создание новых культурных достопримечательностей, создание

культурных кварталов/улиц и районов, инвестиции в современные культурные индустрии — все эти решения позволили властям многих городов сделать реальные и весьма успешные шаги на пути регенерации городской среды и экономического развития за счет привлечения туристов и инвесторов. Успешный опыт реализации подобных проектов постепенно обрел собственное имя — маркетинг мест (его пропагандирует гуру современного маркетинга Ф. Котлер).

Бум «креативных» или «тематических» городов в Европе 1980–1990-х гг. служит примером того, как острейшие социально-экономические проблемы регенерации городской среды решаются с помощью культурных стратегий, а города превращаются в центры творческих индустрий. Так, Бильбао в Испании, Глазго в Шотландии и многие другие «депрессивные» города обрели новую жизнь и новый толчок в развитии благодаря эффективному использованию имиджа города в экономической и культурной политике. В данном случае речь идет о культурно-экономическом планировании, в основе которого — использование человеческого и культурного капитала города. Хрестоматийный пример «глокального» культурного проекта — филиал нью-йоркского Музея Гуггенхайма в испанском городе Бильбао. Музей был построен как главный элемент проекта регенерации (т. е. восстановления) одного из районов города и очень быстро стал туристической Меккой (т. е. частью индустрии), создав тем самым благоприятные условия для экономического и социального развития города.

«Общепризнано, что в условиях глобализации культурное наследие или обладание произведениями современного искусства могут привлечь в тот или иной город или регион туристов, клиентов и поток инвестиций. Открытие филиала Музея Гуггенхайма в Бильбао сделало этому городу прекрасную рекламу, причем такой эффект задумывался вполне сознательно, помимо естественного положительного культурного влияния»*.

* Матарассо Ф., Лэндри Ч. Как удержать равновесие? Двадцать одна стратегическая дилемма культурной политики // Культурная политика в Европе: Выбор стратегии и ориентиры. М., 2002. С. 12–13.

Однако рекламный эффект — лишь часть экономического успеха. В создание музея было вложено \$132 млн. Новое здание, построенное по проекту знаменитого архитектора Ф. Гери, сегодня с успехом претендует на роль архитектурной достопримечательности европейского масштаба. За десять лет работы финансовая отдача от этих вложений составила более \$1 млрд — инвестиционные результаты, говорящие сами за себя. Музей современного искусства вполне может функционировать как доходная и социально значимая индустрия, обслуживающая десятки миллионов человек!

Таким образом, приоритеты культурной политики в Европе претерпели серьезные изменения. *Общая тенденция в 1990-х гг. была направлена на смещение от политического к экономическому пониманию развития культуры — превращению ее в культурную индустрию. Новый подход подчеркивает значение партнерства и гармонизации интересов государства и бизнеса, однако полный уход от государственного субсидирования и поддержки культуры не подразумевается.* Это касается отношений государства и шоу-бизнеса, использования рекламы в культурных проектах, подходов к развитию местных сообществ и ряду других практических вопросов.

Новые тенденции все настойчивее заставляют обращать внимание на проблемы приватизации культуры, проблемы определения общественных благ и частной собственности по отношению к объектам культуры, проблемы пересмотра роли государства на рынке художественных ценностей, проблемы создания новых типов культурных сервисов и способов их продвижения для публичного использования. *Тенденции либерализации встречают острую критику из лагеря консерваторов за явную смену приоритетов с продвижения подлинной культуры на развитие популярной, за перераспределение средств из сферы некоммерческой культурной деятельности в коммерческие проекты, за коммерциализацию использования общественных благ.*

Несмотря на неизбежный отход от идеалов культурной демократии и неизбежные издержки социальной и культурной маргинализации, на сегодняшний день реализация экономических стратегий развития культуры находится на переднем

крае выработки стратегии развития культуры в Европе. А значит, культурные индустрии «возвращаются в окно» экономики после того, как их «выгнали за дверь» политики.

Как мы увидим далее, главный вопрос заключается в том, как мы концептуально определяем культурные индустрии и измеряем их деятельность. Для экономистов очень важна систематическая и регулярная статистика, а ее как раз и не хватает, поскольку творческие индустрии — изобретение относительно недавнее, к тому же не всегда понятно, насколько экономические показатели, приложимые в традиционных секторах промышленности, подходят к сфере культуры.

Развитие творческих индустрий в современной Европе

Сегодня европейские политики и исследователи все больше внимания уделяют экономическим вопросам развития культурных индустрий и многообразию способов их влияния на общество. Чтобы избежать негативных и критических акцентов, а также расширить само понятие, используется термин «креативные индустрии» (или «творческие индустрии», англ. creative industries), т. е. индустрии, «основанные на индивидуальном творческом выражении, умениях и таланте и имеющие потенциал для создания богатства и рабочих мест за счет генерирования и использования интеллектуальной собственности»*.

Термин заимствован из одноименного проекта «Творческие индустрии» («Creative Industries»), который стартовал в Великобритании в 1997 г. по инициативе только что избранного премьер-министра Тони Блэра. Задачами проекта были признаны консолидация усилий в креативном секторе и продвижение экспорта британской культурной продукции, развитие сферы специального образования и доступности финансов и инвестиций, создание благоприятного налогового климата, обеспечение прав интеллектуальной собственности

* Данные официального веб-сайта программы развития креативных индустрий: Creative Industries Fact File (www.culture.gov.uk).

и преодоление барьеров для развития креативных индустрий. Английские лейбористы, таким образом, решили найти способ не просто поддержать сферу культуры, но и получить от этого экономическую отдачу.

Межведомственная правительственная группа, работавшая над проектом, пользовалась сугубо экономическим определением: *«Креативные индустрии — те, что основаны на индивидуальном творческом выражении, умениях и таланте и имеют потенциал для создания богатства и рабочих мест за счет генерирования и использования интеллектуальной собственности»**. В их число вошли музыка, визуальные и исполнительские искусства, дизайн, программное обеспечение, реклама, издательское дело, мода, кино и телевидение, ремесла, рынок искусств и антиквариата. В этом определении нет и следа исходного критического понятия о «культуриндустрии». Строго наоборот — позитивная экономическая трактовка совершенно в духе либерального капитализма.

Активность британского правительства в сфере креативных индустрий способствовала тому, что в данном секторе на 2000 г. производилось 8,2 % ВВП при ежегодном росте 8 % (с 1997 г.). Общий экономический эффект составил порядка 60 млрд фунтов стерлингов (из них 14 млрд — доходы от экспорта при его росте 15 % в год). Этот сектор предоставляет почти 2 млн рабочих мест при постоянном росте занятости более 5 % (с 1998 г.)**. Экономические данные за послекризисные 2009–2011 гг. несколько менее оптимистичны (хотя снижение показателей, как предупреждают авторы отчетов, в значительной мере связано с изменением методики расчетов и исключением некоторых видов деятельности, согласно универсальному промышленному классификатору, из списка творческих индустрий, например, разработки программного обеспечения для бизнеса). Так в 2011 г. занятость в креативном секторе составила 1,5 млн человек (чуть более 5 % общей занятости в Великобритании) при общем числе креативных предприятий

* Creative Industries Fact File (www.culture.gov.uk).

** Ibid.

106 700. В британском экспорте объем культурной продукции составил 10,6 %.

Считается, что англичане оказались настоящими пионерами и сам проект был открытием творческих индустрий как самостоятельного сектора экономики, к тому же неплохо растущего и дающего существенный вклад в экономику, причем не только напрямую — продажи, обороты, занятость, но и косвенно — новые знания, идеи, проекты и инициативы в других отраслях.

Ставший до некоторой степени каноническим, список творческих индустрий Великобритании сегодня включает: рекламу, архитектуру, ремесла и промыслы, исполнительские и визуальные искусства, дизайн (включая дизайн одежды), кино и видеопроизводство, интерактивные развлечения на основе программного обеспечения, музыку, издательское дело, разработку программного обеспечения, телевидение и радио*. Самый значительный вклад в экономику Великобритании вносят издательское дело, реклама, теле- и радиовещание — как по общему объему производства, так и по экспорту. Легко заметить, что в этом списке отсутствуют, с одной стороны, такие чисто коммерческие форматы, как культурный туризм, а с другой — такие исключительно общественные учреждения, как музеи и библиотеки, которые, однако, вполне могут быть состоятельны и в коммерческом плане. В европейских странах не все согласны как с самим термином, так и с определением творческих индустрий.

Личный опыт общения автора этих строк с европейскими экспертами по культурному развитию говорит о том, что не все страны Европы позитивно восприняли инициативу Великобритании. Это подтверждает и тот факт, что *Европейская комиссия включила творческие индустрии в контекст большой общеевропейской политики (в программу развития до 2020 г.) только после принятия так называемой Амстердамской декларации, инициированной на сессии Директората Еврокомиссии по предпринимательству и промышленности в феврале 2010 г.*

* См. Creative Industries Economic Estimates. Full Statistical Release. 8 December 2011 (<http://www.culture.gov.uk/images/research/Creative-Industries-Economic-Estimates-Report-2011-update.pdf>).

(сессия так и называлась «Общеевропейская инициатива по поддержке творческих индустрий в Европе»).

Документ призывает власти ЕС всех уровней начать масштабную работу по развитию творческих индустрий: признание их в качестве стратегического сектора экономики, формирование местных творческих кластеров, привлечение внимания инвесторов, развитие социальной и деловой инфраструктуры, формирование механизмов финансовой поддержки креативного бизнеса, расширение взаимодействия между креативным сектором и другими секторами экономики. *Одна из главных задач — создать Европейский альянс творческих индустрий, которой мог бы максимально мобилизовать их экономический потенциал и усилить конкурентные преимущества экономики Старого Света (что вполне обоснованно, поскольку вклад творческих индустрий в ВВП ЕС составляет 2,6 %).*

Кроме того, в этом и других документах творческие индустрии рассматриваются как неотъемлемый элемент инновационной экономики, оказывающий значительное влияние на другие отрасли. Например, кинопроизводство, звукозапись и концертная деятельность тесно связаны с производством специального высокотехнологичного оборудования. Не случайно английский подход сегодня все больше ориентируется на технологическую основу творческих индустрий (что вполне логично, если исходить из технологичности промышленных систем в целом).

Интересно, что с самого начала британский опыт вдохновили только скандинавов. Финляндия уже в 1997 г. запустила собственный проект по развитию творческих индустрий, и справедливости ради следует сказать, что финны весьма преуспели и в самом креативном секторе (вспомним уже легендарный проект компании Rovio — компьютерная игра — блокбастер Angry Birds), и в развитии инфраструктуры. В 2002 г. Норвегия, Дания и Швеция начали создавать скандинавскую сеть креативных индустрий (Nordic Jenka Creative Industries Network).

Оригинальный трехсекторный подход предложили эксперты в Австрии (правда, значительно позже британцев и скандинавов). В отличие от англичан они объединили

в понятии «творческие индустрии» коммерческие (частный сектор), неправительственные (сектор НКО) и государственные организации (госсектор) сферы культуры. Коммерческое культурное производство именуется культурной индустрией. Вполне ожидаемо, что по совокупности творческие индустрии охватывают всю сферу культуры. Именно так и получилось у австрийцев, если взглянуть на распределение индустрий по категориям: культурное наследие (музеи, архивы, исследования, монументы и исторические достопримечательности, местные традиции и обычаи, народная культура, библиотеки), исполнительские искусства (музыка, театр, опера, хореография), аудио- и аудиовизуальное искусство (кинематограф и кинопрокат, видео, радио и ТВ, новые медиа), визуальные и пластические искусства (архитектура, скульптура, фотография, живопись, дизайн, декоративно-прикладное искусство), литература и книгоиздание (включая периодическую прессу), междисциплинарные направления (профессиональная подготовка и обучение, культурные центры, межкультурные обмены, фестивали и масштабные культурные события, управление).

Австрийский подход напоминает нам, что, говоря о культурных индустриях как об одном из секторов экономики, мы должны иметь в виду и понимать важность разделения между частным и общественным секторами. В частном секторе, куда, безусловно, относится все многообразие коммерческой культуры, господствует чисто экономический порядок: частная собственность; суверенный, обладающий правом выбора потребитель; законы и правила рынка; культурная продукция рассматривается как товар, а творчество — как разновидность производства товаров. В общественном секторе дело обстоит иначе. Здесь вместо потребителя — гражданин со своим правом на доступ к культуре как общественному благу и обязанностью платить на эти цели налог; вместо частной собственности — доступное, публичное искусство, размещенное в специальных публичных местах; вместо рынка — государство, которое призвано защищать права граждан, поддерживать и сохранять мир культуры как общественную некоммерческую сферу (культурное достояние),

законодательно регулировать правовые отношения в этой сфере и развивать культурные контакты с другими странами; вместо культурных товаров — культурное наследие и культурное достояние нации.

На сегодняшний день в странах Евросоюза нет полного единства относительно использования терминологии и определения творческих индустрий. В Германии и Франции используется термин «культурные индустрии», а отношение к ним гораздо более сдержанное и критичное, чем у британцев. Французы предпочитают говорить о культурном секторе (Secteur culturel), который универсален и включает все многообразие культурной жизни, а на долю культурной индустрии приходятся кинематограф, ТВ, радиовещание, звукозапись, архитектура, а также книгоиздание и производство компьютерного мультимедийного контента (видеоигры и т. п.). Немцы предпочитают более широкий взгляд на индустрию культуры, включая в нее ремесла, архитектуру, разработку программного обеспечения, музыку, рекламу, книгоиздание, но исключая визуальные искусства и моду. Кроме того, в самой Германии разные федеральные земли часто по-разному трактуют структуру своих культурных индустрий.

В Италии также свой подход к определениям в силу специфики итальянской культуры и ее исторического места в культурной жизни Европы. У итальянцев огромную роль играет связь культурного и природного наследия, поэтому культурные индустрии идут бок о бок с архитектурой и строительством, национальной кухней и виноделием, культурным наследием и художественной жизнью. Система творческих индустрий включает три категории: материальная культура (мода, дизайн, ремесла, виноделие и национальная кухня), информационные и коммуникационные технологии (кинематограф, ТВ, радиовещание, книгоиздание, реклама, производство программного обеспечения) и культурное наследие (музыка, исполнительские искусства, архитектура, музеи). При таком понимании креативных индустрий их роль в экономике оказывается весьма существенной: почти 10 % ВВП и два с половиной миллиона рабочих мест (из которых больше половины приходится на индустрию моды). Однако если использовать британскую модель творческих индустрий,

то цифра занятости окажется иной — не более 900 тысяч. Кроме того, в Италии есть четко выраженные доминирующие индустрии — архитектура и тесно связанные с ней строительство и реставрация, что объясняется огромным количеством памятников архитектуры мирового значения (в Испании, для сравнения, лидерство у книгоиздания и печати, а во Франции — у кинопроизводства и исполнительских искусств).

Но даже при столь весомых разногласиях и отсутствии единой статистики эксперты сходятся во мнении, что доля творческих индустрий в экономике европейских стран составляет от 8–11 %, а в некоторых городах и регионах — 15 % и выше. Их ВВП колеблется от 3 до 8 %, обеспечивая занятость 4–6 % населения. Оборот финансовых средств в этой сфере составляет десятки миллиардов евро в год (более 20 млрд только в Австрии и Швейцарии). С точки зрения занятости в креативном секторе лидирует Великобритания с почти полутора-миллионом рабочих мест. Далее идут Франция — без малого миллионом занятых и Италия — почти 900 тысяч.

Предсказуемым образом концентрация творческих предпринимателей и предприятий существенно выше в больших городах. Лидером является Лондон, где в этой сфере занято более 400 000 человек — почти 30 % всей занятости по сектору в Англии. Следом идут Мадрид (более 200 тыс. рабочих мест и тоже почти 30 % по Испании в целом), Париж (173 000 и почти 18 %) и Милан (порядка 150 000, что менее 10 % занятости в секторе), а вот в Глазго и Марселе этот показатель не доходит и до 30 тысяч. В целом порядка 90 % занятых в этой сфере сконцентрированы в небольшом числе европейских метрополий.

Однако и за пределами мегаполисов происходит много интересного. Например, во французском Лионе сформировался так называемый креативный кластер, основанный на разработке интерактивных развлечений — компьютерных игр. Он называется IMAGINOV и официально признан властями, которые закрепили за кластером налоговые льготы в размере 20 %. Такая щедрость понятна и обоснована, если учесть, что кластер дает работу почти тринадцати тысячам человек при обороте, превышающем миллиард евро.

Еще один показательный пример из Франции — творческий кластер UPTEX. Исследовательские институты, лаборатории вузов, бренды дизайна одежды при участии Торговой палаты объединились для разработки новых видов тканей, которые могли бы максимально индивидуально удовлетворить потребности покупателей и дизайнеров.

Кластерный подход, который становится все более популярным и перспективным, позволяет объединять исследовательские, творческие, производственные, финансовые ресурсы, развивая собственно креативное производство и его инфраструктуру. От подобных альянсов вполне обоснованно ожидается значительный вклад не только в культурную жизнь, но и в инновационную экономику Европы.

Объяснить переход от дискурса культурной демократии к дискурсу экономики культуры можно целым рядом факторов. Как отмечает Чарльз Лэндри (Landry, 2001), один из ведущих экспертов по культурному развитию в странах ЕС, ключевую роль здесь сыграли процессы глобализации городов и та новая комплексная динамика урбанизации, которую она спровоцировала. Концентрация ключевых политических и экономических процессов в крупных «мировых» городах, интенсивная миграция и усиление этнического разнообразия городского населения (включая новые линии сегрегации), локальная безответственность глобального бизнеса, развитие наднациональных институтов политического управления (таких как ЕС), усиление конкуренции между самими городами за глобальных инвесторов — эти и другие обстоятельства глобализации потребовали смены акцентов в подходах к культурному развитию городской среды.

Еще одна группа факторов, которые существенно повлияли на пересмотр принципов культурной политики, связана со сложившейся практикой бюрократического планирования культуры. Как подчеркивает Лэндри, «бюрократическая ментальность» действительно чревата «бюрократизацией муз». Элитарность и недемократичность, закрытость процесса принятия решений, стереотипность принимаемых решений («формульное мышление»), подчинение живого пульса культуры сомнительным

нормативным показателям и требованиям генеральных планов — все это предопределяет неэффективность культурной политики, основанной на машинерии государственной бюрократии. Попытки преодоления этих недостатков, и в частности создание механизмов межсекторного управления, а также привлечение частных консалтинговых компаний для разработки программ культурного развития показали необходимость поиска новых методов и стратегий.

Сегодня все более укрепляется точка зрения, что культура должна работать на экономическое развитие общества. Скажем, культурная привлекательность для туристов прекрасно стимулирует развитие сферы услуг — гостиницы, рестораны, развлечения и пр. Чтобы турист приехал и привез деньги, его должно что-то привлечь («зацепить»), и обычно этим чем-то является либо природный, естественный объект (море, горы и пр.), либо культурно-исторический (исторические памятники, фестивали, музеи и т. п.). В данном случае речь идет о создании системы интенсивного культурного потребления, основой которой может быть некая культурная экзотика либо вполне типовая модель туристического потребления (о которой шла речь выше).

Культурно-развлекательная сфера в целом рассматривается как своего рода ключ к решению многих проблем социально-экономического развития. Так, «приличный город» обязан иметь музей современного искусства, аквариум, развлекательный квартал (от «улиц ремесел» или «улиц искусства» до кварталов красных фонарей) и «сеть» культурных достопримечательностей. Характерно, что эти объекты могут быть расположены как в центре города, так и в других районах, что способствует более равномерному развитию городской среды. Инвариантом такой культурной привлекательности могут быть не только «объекты культуры», но и культурные события — карнавалы, фестивали и т. п. Однако общий ожидаемый эффект во всех случаях лежит в экономической плоскости.

Подобный эффект имеет традиционное экономическое измерение: общий объем вовлеченных финансовых средств, создание рабочих мест и налогооблагаемой базы, привлечение по-

ребителей и инвестиций и т. п. Кроме того, *искусство активно интегрируется в маркетинговые стратегии современного бизнеса.* Формы такой интеграции многообразны: от благотворительной поддержки художественных проектов как особого типа PR-компаний до тяжелой артиллерии поп-культурных «карнавалов», дающих не только грандиозную рекламу, но и приносящих реальную прибыль (например от кассовых сборов).

Еще один аспект, который связывает культуру и экономику, заставляет нас обратиться к проблеме локальной идентичности в условиях глобализации. Культурная политика обретает в данном случае еще и политический аспект как способ отстоять, сохранить и преумножить специфику, индивидуальность и местную уникальность города на фоне доминирования глобальных тенденций урбанизации. Не исчезнуть с карты мира на фоне мировых городов-мегаполисов, не превратиться в маргинальные поселения — вот что волнует политиков и художников в глобальной конкуренции стран и городов. С одной стороны, невозможно избежать глобализации и всего, что она приносит современному человеку: мобильность, миграцию, глобальные коммуникации, культурную унификацию и т. п. С другой стороны, глобализация провоцирует локальный патриотизм, стремление вернуться к корням, сохранить историческую память и местную уникальность.

Однако туристы — не единственная и не всегда самая «желанная» целевая аудитория с точки зрения развития творческих индустрий. Для них важен постоянный приток свежих талантов. Как подчеркивает американский социолог Ричард Флорида, современным городам не менее важно быть притягательным местом для «креативного класса», который составляют, по определению Флориды, ученые и работники образования, инженеры, архитекторы и дизайнеры, художники, актеры, музыканты и работники шоу-бизнеса*. Речь идет именно о классе, т. е. о группе с определенными экономическими интересами

* Florida R. The Rise of the Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. New York: Basic Books, 2002. P. 67–85.

и влиянием. В современной экономике креативный класс является группой, определяющей нормативный порядок, поскольку эти люди отвечают за производство новых идей, технологий, любой оригинальной содержательной стороны (creative content) производства и потребления. Понятно, что если эффективность и успех бизнеса зависят от креативной «начинки» (или доступа к «креативным ресурсам»), а сами компании неизбежно ориентируются на интересы креативного класса.

Примером стратегий развития творческих индустрий в Европе может служить панъевропейский конкурс «Культурная столица» и такие дорогостоящие масштабные культурные инновации, как те, что были предприняты в Глазго в начале 1990-х. Среди европейских культурных столиц в 1990-х и начала первого десятилетия XXI в. мы видим Копенгаген (1996), Стокгольм (1998), Веймар (1999), Брюссель и Болонью (2000), Роттердам (2001), Лилль и Геную (2004), Линц (2009) и Марибор (2012). Подобные проекты аккумулируют значительные инвестиции в сферу культуры и призваны оправдать эти вложения за счет усиления культурной привлекательности города для туристов и глобального бизнеса*. Одним из наиболее существенных результатов этих стратегий является масштабное системное изменение структуры потребления и предложения культурных услуг. Такой подход предполагает возведение новых культурных объектов («достопримечательностей»), привлечение дополнительных творческих ресурсов и, что особенно важно, включение развития сферы культуры в генеральное планирование города. В частности, в отчете Еврокомиссии о реализации панъевропейских программ «Культурная столица» и «Европейский месячник культуры» подчеркивается важность эффекта развития культурной инфраструктуры городов (новые объекты — музеи, концертные залы, парки, культурные кварталы и т. п.), участвовавших в программе**.

* Cultural Policy and Urban Regeneration: the West European experience / Ed. by F. Bianchini and M. Parkinson. Manchester: Univ. Press, 1993. P. 4–8.

** European Cities and Capitals of Culture. Part 1–2. European Commission (Directorate Generale — Education and Culture), 2002.

Имидж «культурной столицы», безусловно, открывает большие возможности и для городских властей, и для самих горожан. В частности, он позволяет артикулировать культурную идентичность города в глобальном мире. Что, конечно, означает ориентацию на развитие международного туризма. В том же отчете Еврокомиссии показатель привлечения туристов рассматривается как индикатор успешности развития культуры в городе, ставшем культурной столицей или проводившем месячник культуры.

Чем обоснованы такие установки? Исключительно экономическими соображениями. Например, празднование 400-летия со дня рождения Рембрандта в Нидерландах привлекло в Голландию более двух миллионов туристов. На протяжении года проводились различные мероприятия и акции, общий доход от которых превысил € 190 млн.

Но стоимость и сложность реализации подобных проектов не позволяют считать их универсальными для городов всех типов. Есть здесь и свои издержки. К примеру, в культурной столице 2000 — Брюсселе, абсолютно новая ситуация культурного развития создала многочисленные дополнительные трудности с точки зрения закрепления экономического эффекта: администрация города оказалась не готова к управлению культурной экономикой в новых условиях, а бизнес-сообщество не проявило достаточного интереса к инвестициям в культурные проекты*. Кроме того, такие проекты могут обострить социальные проблемы городов, поскольку неизбежно влекут за собой маргинализацию отдельных групп населения.

Перспективные тенденции развития культурных индустрий некоторые исследователи (Landry, 2001) связывают с реализацией концепции креативных городов («creative cities») и признанием градообразующего значения культурной инфраструктуры городов, понимаемой теперь как своего рода синергия, средоточие креативного потенциала населения в различных сферах деятельности.

Термин «креативный», или «творческий», здесь необходимо толковать более расширительно как городскую или социальную

* Ibid. P. 129.

креативность. Он отчасти позволяет выйти за пределы контекста культуры как сферы и акцентировать внимание на роли многообразных творческих видов деятельности, в которых культурное производство проникает во все сферы общественной жизни. В этом пункте экономический дискурс максимально сближает идею культурного творчества с идеей инновационных практик. Как, например, культура связана с инновациями в медицине? Очень просто: игровое видео- и компьютерное моделирование (симуляции) может помочь, например, в разработке стратегий оперативного лечения.

Концепция креативного города, по мнению Чарльза Лэндри, *требует понимания творчества не столько как основы определенного типа индустрий, сколько как сложной совокупности элементов, среди которых следует выделить: культурные ресурсы, творческое мышление и производство новых идей, социальные инициативы и самоорганизацию, организованный процесс и механизмы кооперации, а также инновационную инфраструктуру.*

Разумеется, подобная креативность не есть самоцель. Эта модель, с одной стороны, является попыткой осмысления подходов и самих процессов развития творческих индустрий, включая уже обсуждавшиеся проблемы культурной демократии, бюрократизации культурной политики, вызовов глобальной экономики, интерпретации культуры как экономического фактора. С другой стороны, с точки зрения социальной антропологии города, концепция креативных городов обнаруживает интересный способ артикуляции различного видения города глазами разных групп и социальных слоев, в котором содержится важная позитивная идея: сделать город более удобным, комфортным и пригодным для жизни.

Некоторая утопичность, которая может помешать восприятию этих идей, не должна сбивать нас с толку, поскольку у нее без сомнения есть и социально-психологическое, и технологическое назначение. Принципиально важно то, что *в данном случае культура как содержательная часть подобного плюралистического видения несет послание, в котором отражается определенное качество жизни, местная идентичность*

и «интересность» жизни в том месте, где «бурлят» творческие индустрии.

Таким образом, мы видим, что *развитие творческих индустрий напрямую связано с тенденцией трансформации практики и дискурсов европейской культурной политики: от культурной демократии к экономике культуры и далее к новому синтетическому дискурсу креативной экономики, в котором явным образом идет поиск сочетания первых двух.* Складывается понимание того, что политика культурного развития должна служить усилению креативного потенциала и развитию инфраструктуры культурного/креативного производства как системного качества жизни современных «креативных обществ». И это предполагает как систематическую инвестиционную политику в секторе креативной экономики и творческого бизнеса, так и активное вовлечение граждан в разнообразные креативные процессы как форму систематического участия в демократическом процессе обретения обществом своего будущего.

Итак, креативные индустрии необходимо рассматривать в более широком контексте современной постиндустриальной креативной экономики*. Если в индустриальном укладе ключевую роль играют естественные добываемые ресурсы и производственный капитал, то в информационной экономике — знания, новые идеи и креативные ресурсы. Именно поэтому важно разнообразие в производстве национального контента. Без вложений в «креативный класс»** нациям и государствам придется зависеть от идей и знаний, произведенных в других странах.

Большое значение играет создание благоприятного климата для креативной экономики. Как отмечает С. Вентурелли***, здесь необходимо учесть не только расширение доступа к капиталам и источникам средств, но и снижение налогов

* *Venturelly S.* From the Information Economy to the Creative Economy: Moving Culture to the Center of International Public Policy. Washington, D.C.: Center for Arts and Culture, 2001.

** Термин «креативный класс» предложен Р. Флоридой в его шумевшей в США книге. См.: *Florida R.* The Rise of the Creative Class. 2nd ed. New York: Basic Books, 2004.

*** *Venturelly S.* Op. cit. P. 18.

при наличии творческих рисков, а также гарантии постоянного притока новых идей, их внесение в повестку дня общественных дискуссий, их доступность при существовании гибкой системы прав интеллектуальной собственности.

Это означает, что принципиальную важность приобретают: экспертиза и циркуляция (доступность) новых идей в публичном пространстве; обеспечение гарантий прав граждан на доступ к информации для образования, политического участия, просвещения (информационные права граждан должны иметь приоритетное значение по отношению к правам иных искусственных правообладателей); концентрация усилий на производстве контента и его популяризации в общественном секторе; перераспределение капитала в пользу более мобильных и гибких микроинвестиций; создание эффективных механизмов предотвращения возникновения знаниевых и информационных монополий; выработка международных правил торговли и кооперации, которые должны признать право наций на протекционизм в общественном и частном секторах (против монополизации креативных ресурсов).

Таким образом, главное — не пропорции информации из разных источников и не угроза со стороны одной культуры другой, а свобода форм творческого выражения, распространяемых по информационным каналам. Этот вопрос, несомненно, нуждается в международном регулировании. Например, многие авторы считают, что новые международные правила Copyright выгодны крупным корпоративным производителям контента и в долгосрочной перспективе приведут к сокращению спектра креативного производства. При этом в пространстве между прожективным идеализмом дискурса креативной экономики и гипертрофированной критикой «культурного империализма» мы можем сформулировать *основные противоречия развития культурной экономики в Европе*:

— создание креативной среды (контента) — пассивное потребление глобальной поп-индустрии;

— утрата экономической и культурной суверенности — эффективное продвижение креативной экономики;

— укрепление конкурентоспособности национальных культурных индустрий — маргинализация культурного производства;

— экономическая/культурная унификация — продуктивное культурное разнообразие.

Таким образом, основная причина борьбы с «культурным империализмом» по образцу Голливуда не в том, что под угрозой культурное наследие, идентичность и пр., а в том, что в глобальной креативной экономике необходимо иметь конкурентоспособные творческие индустрии. Эта идея связана с пониманием важности стимулирования инноваций и толкованием культуры не только как традиции, наследия, памяти, достояния — т. е. прошлого, но и как креативного потенциала для будущего.

Но как создать и какими должны быть конкурентоспособные творческие индустрии Европы? Должны ли они копировать структуру и опыт индустрии развлечений США? Как мы видели выше, Европа, очевидно, выбрала другой путь — поддержку и развитие всего многообразия творческого предпринимательства во всех видах творческих индустрий. Масштабы бизнеса могут быть различными — от небольшой видеостудии до телевизионных мегапроектов. Что важнее: сформировать креативную экономику для самих европейцев (внутреннего рынка) или выиграть конкуренцию на глобальных рынках, покажет время.

Часть III

ЕВРОПА НА ПУТИ К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ

Глава 12. Европейская наука в зеркале национальных культур

Наука интернациональна — так принято говорить и считать. Одновременно мы оперируем «континентальными» координатами науки, именуя ее североамериканской, европейской, азиатской... Что же касается национальных измерений науки, то такой терминологией начинают пользоваться, когда говорят о трудностях или об успехах исследователей той или иной страны.

Индикаторами национальной принадлежности науки в современном мире выступают количество ученых, публикаций, нобелевских лауреатов и, наконец, размер ассигнований на исследования в государственном бюджете. Между тем все названные индикаторы являются количественными* и никоим образом не фиксируют качество, в том числе и различные качества национальных наук.

В самом деле, каковы те принципиальные отличия, которые делают, например, британскую науку отличной от немецкой? Для классического науковедения ответ на этот

* Количественным индикаторам развития национальных наук Европы посвящена глава 17 этой книги.

вопрос однозначно определяется спецификой научных школ. Однако *сами научные школы — это порождение национальных культур*. Именно поэтому в этой главе *европейская наука будет рассматриваться нами не только как монолитное единство, а скорее как «единство непохожих»*. Первопричиной такой непохожести и уникальности национальных исследовательских процессов как раз и выступают национальные культуры различных стран Европы. Плюрализм идентичностей — таков один из ключевых факторов современного мира, и наука не является исключением. Соответственно, европейская наука в ее текущем функционировании и грядущей перспективе предстает через единство и взаимодействие национальных идентичностей в деятельности научных школ стран Старого Света.

Разнообразие — это во многом фундамент европейской жизнеспособности и специфики, поскольку ни в одном другом месте на планете не существует таких культурно-стилевых различий на столь ограниченном пространстве. Разумеется, социокультурная модель развития европейской науки через призму национальных культур и стилей исследовательского поиска вовсе не является универсальной. Как, впрочем, и любая познавательная схема. Ведь реальность — это бесконечное число признаков, а любое исследование в состоянии зафиксировать лишь часть из них.

История понятия «национальная наука» не менее интересна, чем его содержание. Сравнение двух типов наук: английской и французской впервые в 1916 г. предложил П. Дюгем, но его идея в первой половине XX в. не получила развития из-за повсеместных опасений быть обвиненными в пропаганде национальной составляющей призванной быть интернациональной науки. Однако уже к 80-м гг. XX в. национальная наука и неотделимый от нее национальный стиль познания стали тем стержнем, на котором начали формироваться междисциплинарные исследования в таких отраслях знания, как история и философия науки, психология научного творчества и даже история искусств. «Через года, — писал в начале 90-х гг. XX в. американский исследователь Н. Рейнголд, — национальные стили взывают о помощи

в истории науки»*. В это же время в немецкой и англоязычной литературе начинают активно обсуждаться как вопросы влияния национальных традиций на формирование научной политики, так и проблемы формирования национальными культурами стиля национальной науки.

Диалог культур в диалоге наук: Запад и Восток Европы

Путь исследователя к решению той или иной проблемы всегда индивидуально конкретен и неповторим. Придает эту неповторимость стиль деятельности. Не в последнюю очередь этому способствуют и национальные культуры. Проиллюстрируем этот тезис на примерах из истории британской, немецкой и французской науки, вот уже несколько веков являющихся лидерами европейского исследовательского процесса.

С эпохи Нового времени и до сих пор *основной характеристикой английской науки является ее опытно-экспериментальная доминанта*. Проиллюстрируем этот тезис лишь наиболее известными фактами из истории британской науки XX в. В Англии в 1901 г. О. У. Ричардсоном была открыта термоэлектронная эмиссия, что положило начало эпохе электроники. В 1919 г. Э. Резерфорд осуществил первую в мире искусственную ядерную реакцию. В 1929 г. А. Флеминг установил, что один из видов плесневого гриба выделяет антибактериальное вещество — пенициллин. В 1932 г. Д. Чедвик открыл нейтрон. В 1948 г. А. Тодд установил основной принцип химического строения РНК, а в 1953 г. английский физик Ф. Крик открыл структуру ДНК, положив тем самым начало молекулярной генетике.

Наиболее выдающиеся мировые научные достижения в сфере информационных технологий также принадлежат англичанам: речь идет об изобретении Г. Хаундсфилдом в 1971 г. томографа — прибора, совершившего революцию в методах медицинской диагностики, и изобретении в 1989 г. новой технологии свободного доступа в Интернет «Всемирной паути-

* *Reingold N. The Peculiarities of the Americans or Are There National Styles in the Sciences ? // Science in context. 1991. V. 4. N 2. P. 347.*

ны» специалистом из Оксфорда, работавшим в Европейском центре ядерных исследований (ЦЕРН) Т. Бернерсом-Ли. Автором наиболее «громкого» научного достижения конца века: удачного эксперимента по клонированию млекопитающих, в 1997 г. также стал британский исследователь Й. Уилмут. Овцу Долли клонировали из клетки другой овцы шестилетнего возраста. Она оказалась единственным выжившим экземпляром из 277 реконструированных зародышей, полученных в ходе эксперимента. В феврале 2003 г. серьезно заболевшую Долли усыпили, ее повторное клонирование не планируется. Творец овцы Й. Уилмут считает, что эксперимент с ней перевернул все представления о биологии развития. Позже ученый и его команда участвовали в клонировании свиней и исследованиях терапевтических свойств стволовых клеток.

Таким образом, за исключением сугубо теоретических работ П. Дирака — одного из создателей квантовой механики, английская наука в XX в. продемонстрировала преимущественно опытно-экспериментальную направленность. При этом ушедший век вполне подтвердил сложившиеся прежде эмпирические тенденции в ее развитии. Необходимость и достаточность теоретических рассуждений отвергалась еще классиками британской науки. Вспомним, что известный тезис Ф. Бэкона «знание — сила» обращен прежде всего к поиску истины как опытного знания, постигаемого на пути движения от частного к общему. В этом же ключе следует трактовать и афоризм И. Ньютона, утверждавшего: «Я не измышляю гипотез, но извлекаю из явлений природы ее принципы». Еще более эмпирическим являлось научное мировоззрение М. Фарадея, заметившего, что «если я чего-то в физике не понимаю без математики, то и с нею не пойму». Так проецируется на процесс научного поиска британский национальный менталитет, образующий культурологическую триаду «океан — остров — самодельный человек». Такая система координат национальной ментальности исходно предполагает активность, преобразование, силу и энергию социума и отдельного индивида, познающего природу и весь внешний мир посредством собственных усилий, опытов, проб и ошибок.

Британский ученый по стилю своего мышления и деятельности в значительной мере Робинзон Крузо: он трудолюбив, настойчив, научился никогда не отступать перед трудностями и не отчаиваться. Он познает мир как остров неизведанного. Оставаясь с этим миром один на один, он должен приложить усилия и победить, найдя истину. Английский «робинзон познания» одновременно еще и изобретатель, об этом говорят многие значимые достижения британской науки.

Британские естествоиспытатели природу понимают прежде всего через приспособление к текущей ситуации, через адаптацию к ней по принципу «что будет, если», и поэтому английских мыслителей, представляющих разные отрасли знания, повсеместно интересует не столько генезис проблемы, сколько ее текущее состояние. Это означает, что для британского ученого важнее ответить на вопрос «как?», нежели на вопрос «почему?». Именно данный отправной принцип национального научного менталитета и позволяет понять основы британского эмпирико-экспериментального исследовательского канона, к основным параметрам которого следует отнести технологичность (наука, понятая как производственный процесс) и воспроизводимость в опыте (постановка и понимание эксперимента как естественного процесса, воспроизводимого в искусственной среде).

Научный менталитет английских исследователей специфичен и во многом благодаря этому так часто в истории европейской науки оказывался плодотворен ее научный межстрановой исследовательский диалог, причем прежде всего с Германией и Францией: «В Англии не боятся противоречий, и потому английские мыслители выглядят с континента как непоследовательные... оставляющие свои же принципы на полдороге, недодуманными. Тут открывают, а на континенте развивают в стройную теорию. Юм — и Кант, Резерфорд — и Бор. Ньютон открыл математический анализ и пределы, но изящный аппарат предложил Лейбниц, а теорию пределов — Коши»*.

* Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры. Ростов/Д., 1993. С. 45.

Глубинные различия народов, составляющих сердцевину Европы, обозначил еще Г. Гейне: французам и русским досталась земля, британец владеет морем, а мы — воздушным царством мечты, там наш престиж бесспорен. Истоки этого «царства мечты» коренятся в немецкой истории.

Германия второй половины XVIII и начала XIX в. по уровню своего социально-экономического развития стояла значительно ниже Англии и Франции. Но со средневековья здесь существовало несколько университетов, являвшихся основными центрами научной жизни. Как известно, университетская аура с ее духом отрицания и сомнения способствует прежде всего формированию теоретиков. «Думать и творить, творить и думать — вот основа всякой мудрости», — писал Гете. Данное историческое запаздывание страны в эпоху Нового времени также повлияло на формирование в национальной науке Германии теоретической доминанты. В определенной степени мимо страны прошло смещение в этот период базовых европейских исследовательских приоритетов в сторону экспериментального и количественного анализа, которым характеризовалась наука Великобритании и Франции.

Следует отметить еще и тот факт, что на стратегию развития немецкой науки всегда большое влияние оказывало государство. В свою очередь, ученые как законопослушные граждане воплощали провозглашенные им стратегии в жизнь. Так, во многом под патронажем властей немецкое Просвещение проявило свой преимущественно теоретический характер. Наглядным, хотя и существенно более поздним, примером теснейшей взаимосвязи государства и науки в Германии служит судьба немецкого проекта по атомным исследованиям 40-х гг. XX в. Возглавивший проект Вернер Гейзенберг надеялся получить ядерную энергию, но некомпетентность и недальновидность тогдашнего правительства страны, дискриминация ученых по национальному признаку, требование от исследовательских коллективов быстрых практических результатов, — все это не позволило участникам проекта создать даже необходимую приборную базу для экспериментов, т. е. прежде всего ядерный реактор. Так

постепенно Германия теряла славу страны великих ученых-теоретиков.

Национальные традиции теоретического мышления с его классическими приоритетами в физике и химии в инновационном аспекте современной науки сыграли в немецкой исследовательской деятельности вовсе не однозначно благоприятную роль. Уже к концу 80-х гг. XX в. на страницах печати и в экспертных оценках эффективности немецкой национальной науки стали звучать тревожные утверждения о том, что у германских университетов явно не хватает взаимодействия с практикой. Доминирование немецкой науки в Европе дало США определенные основания утверждать, что «Европа погрязла в исследованиях, не имеющих коммерческой ценности». А поскольку лидерами европейской науки сегодня являются именно Германия и Великобритания, то в конечном счете именно от них зависит возможность усиления европейских позиций в инновациях.

В сфере прикладной науки Германии ныне доминируют такие области исследований, как химия, фармацевтика, электроника, оптика и машиностроение. Если сравнить их с вышеперечисленными британскими технологическими приоритетами: медициной, микроэлектроникой и биотехнологиями, то мы получим вполне очевидное взаимодополнение между национальными научными спектрами. Что же касается сравнения в культурологических координатах, то и здесь обнаруживается некое ментальное взаимодействие британского «обустройства мира» с германским «обустройством дома». Так глубинно в современную эпоху, равно как и в прежние времена, различные мотивации технологического развития формируют европейское лидерство Великобритании и Германии в прикладных науках. Разумеется, в эпоху глобализации и все углубляющегося европейского научно-технического сотрудничества национально-технологическая специфика несколько нивелируется, что, однако, не отменяет глубинных ментальных различий британских и немецких технологий. Основной мотив развития первых — преодоление природы, поединок, в котором человек обязан выиграть и построить искусственный мир для себя. Германская же технология по своей

ментальной сути не столько революционна, сколько эволюционна: она скорее усовершенствует реальность, в большей степени украшая, нежели укрощая.

Французский ученый ориентирован национальным научным менталитетом на поиск гармонии между числом и реальностью, природой и социумом, человеком и внешней средой. Преодоление, основательность, поиски сущности и первоначала, столь характерные для Британии и Германии, здесь оказываются весьма далеки от главных целей национальных научных задач. Достижение «легкости бытия» — такова глубинная культурологическая цель французского ученого. Она подразумевает:

1. Гармонию мира, воплощенную в числах;
2. Социальную гармонию либо точную диагностику дисгармонии, как у экзистенциалистов. Социальный прагматизм французской науки вполне допускает его трактовку как движение к гармонии личности и социума. Во многом этими вполне прагматичными установками можно объяснить сложившееся к настоящему времени сочетание основных компонентов национального научного спектра от информационных технологий до фармацевтики. Стремление к социальной гармонии в значительной мере определяется и то обстоятельство, что современная французская наука сосредоточена преимущественно в государственном секторе;
3. Гармонию организма с внешним миром (на этом культурном основании во Франции заложены основы современной иммунологии и микробиологии, отцом-основателем которых по праву считают Луи Пастера);
4. Гармонию внутри организма с помощью фармакологии и химии;
5. Гармонию стихий: французы первыми совершили полет на воздушном шаре, а ныне Франция является бесспорным европейским лидером в аэрокосмической сфере, именно она представляет Европу в соперничестве в этой области с Новым Светом;
6. Гармонизацию взаимодействия «человек — техника». В этом аспекте национальных исследовательских приоритетов наиболее показательны информационные технологии, сущность

которых предстает как единство математики, физико-химии и техникзнания, т. е. циклов наук, традиционно развитых во Франции.

Влияние стран-лидеров на развитие европейского исследовательского процесса как целого невозможно переоценить, но не менее интересно проследить их воздействие на науку стран — ближайших соседей. *Оказавшись в геонаучном пространстве Старого Света в непосредственной пограничной близости с лидерами, Швейцария, Австрия, Нидерланды и Бельгия внесли тем не менее существенный вклад в развитие европейской науки. Это влияние в геонаучном аспекте проявилось как непосредственная сопряженность голландской и германской науки, швейцарской науки со стилями научного поиска Франции и Германии, австрийских национальных исследований с научными стандартами Германии и Италии и проецировании на науку Бельгии франко-германских влияний.* В свою очередь, страны Восточной Европы с позиций геонаучной трактовки исследовательского процесса оказываются как бы дважды участвующими в диалоге — как с тройкой европейских лидеров, так и с «четверкой» малых стран Западной Европы.

Наука каждой из стран этой четверки никогда не прошла по разряду «большой науки». Хотя, вероятно, такое разделение по масштабу также в чем-то условно. Вспомним хотя бы, что Швейцария сегодня имеет больше лауреатов Нобелевской премии и больше зарегистрированных патентов на душу населения, чем любая другая страна мира. Каждая из четырех упомянутых здесь стран очень тесными узами связана с Германией. Национальные науки при этом воспроизводят многие черты немецкого исследовательского менталитета. На уровне внешних характеристик это проявилось даже в том, что главные научные открытия, сделанные в XX столетии исследователями из стран этой четверки, осуществили преимущественно физики-теоретики.

Для стран этой европейской четверки весьма характерна диалогичность национальных наук, которая в наибольшей степени проявилась в германоязычном регионе Европы,

объединив исследовательский поиск в Германии, Австрии и Швейцарии (65 % швейцарцев говорят на немецком языке), прежде всего посредством чрезвычайно высокой мобильности исследователей синтезируя национальное и интернациональное. Впрочем, голландский Логос также не избежал германского влияния.

Голландский Логос — это не только сражение со стихией, но и ее познание, преобразование. Стихия — это природа. Природу познают физик — теоретически и инженер — на практике. Отсюда и традиционные успехи Нидерландов не только в фундаментальном, но и в прикладном знании. Что, впрочем, тоже сближает их с Германией.

В еще большей степени диалоговый характер национальных наук выразил себя в результатах исследовательского процесса в странах Востока Европы. Диалог же, как известно, вовсе не всегда происходит на равных. В случае с Восточной Европой это обстоятельство нельзя не учитывать, исходя прежде всего из того, что «влияния передовых культур могут стимулировать самобытную деятельность (если они поглощаются в дозах, соизмеримых с органическими потребностями), а могут и совершенно задушить маломощные самобытные ростки или вырвать лучшие силы науки из родной почвы и пересадить их в другую культуру, открывающую перед ними перспективы высокой духовной деятельности»*.

Перспективы национальных наук в Европе XXI в.

Каким образом можно оптимизировать объективно конфликтную природу национально-интернационального континуума? Какой же должна быть стратегия оптимизации интернационального в исследованиях? Вопросов здесь пока больше, чем ответов. И даже инновационный проект ЕС пока лишь подтвердил, что Европа в целом еще очень далека от такой организации исследований, которая ныне свойственна

* Гачев Г. Д. Указ. соч. С. 128.

национальным наукам. *Для нынешней Европы пока наиболее эффективны такие примеры интернационализации науки, как коллективные и многонациональные исследования в структурах типа CERN.* При этом нельзя не отметить следующие обстоятельства:

- ныне интернациональность для Европы в глобальном масштабе скорее региональна;

- доминанта общеевропейского с неизбежностью ведет к уменьшению научного сотрудничества с другими континентами. Так, уже в конце 90-х гг. XX в. в ЕС росла внутренняя научная кооперация между странами и происходило относительное уменьшение внешней научной кооперации стран ЕС, да и в последнее десятилетие указанная тенденция сохранилась;

- слабо прогнозируемы и тенденции изменения бинарного научного сотрудничества между европейскими странами на фоне роста его общеевропейской составляющей;

- неясно, какой должна стать организационная структура интегрированного общеевропейского научного пространства: имеющей центр в Брюсселе либо самоорганизованной сетью групп различного масштаба, соответствующих национальной специфике стран Европы;

- до сих пор малые страны крайне слабо вовлечены, а следовательно, и не заинтересованы в дорогостоящих исследовательских программах. При проведении же малых программ страны — лидеры европейской науки, как правило, не поднимают планку стандартов исследований на ту высоту, для которой действительно требуются объединенные усилия всей европейской науки;

- и наконец, как заметил немецкий исследователь П. Балтес, не потому ли Германия — безусловный лидер и локомотив ЕС — «не столь быстро движется к интернационализации науки, что национальная составляющая ее науки является столь успешной?»*. Попутно отметим, что для США ситуация

* *Baltes P. B. Nationality and Internationality in Science: Gains and Losses in the Search for the Right Balance // Internationality of Research. München, 1997. P. 47.*

сегодня прямо противоположная, что, однако, вынуждает делать поправки на специфику становления интернационального в североамериканской науке. Интересно отметить, что в конце XIX — начале XX в. такое достижение «критической массы» исследователей посредством интернационализации науки наилучшим образом складывалось в германоязычном регионе Европы.

Однако нынешняя стратегия интернационализации науки вовсе не универсальна и существует наряду с национальным, чему способствуют такие обстоятельства, как:

- стремление национальных государств к успеху национальных наук, являющемуся важнейшим показателем международного престижа страны;

- финансирование национальных наук национальными государствами и влияние последних на мобильность исследователей;

- возможность ограничения национальными государствами трансляции полученных наукой результатов вовне;

- стремление ученых сохранить автономность собственных исследовательских групп и не допустить интернационального менеджмента;

- различные стандарты функционирования науки в разных странах;

- особенности коммуникации в естественных и гуманитарных науках.

Таким образом, вектор нынешнего движения европейской науки к интернационализации пока нельзя считать односторонним, а взаимодействие интернационального и национального подчас вызывает больше вопросов, чем ответов. Но, несмотря ни на что, европейская наука развивается, и это, видимо, главное.

Сегодня современная Европа стремительно изменяется. И научное сообщество должно трансформировать возникающие противоречия посредством нахождения компромиссов и ведения диалога между фундаментальным и прикладным, национальным, европейским и общемировым, а также между разнообразием и унификацией.

Глава 13. Наука в информационном социуме Европы

Грядущее научное бытие ныне видится весьма противоречивым. Причина этого коренится прежде всего в том, что за последние пятьдесят лет отношение к науке с восторженного сменилось на сдержанное во всемирном масштабе. Практически повсеместно происходит подчинение познания требованиям эффективности и быстрой востребованности на рынке, а дух познания блекнет перед духом предпринимательства. Последнему, конечно, также свойственны творческие порывы, но они отнюдь не тождественны творчеству в науке как бескомпромиссному поиску истины. Оценка науки современным обществом на основе соотнесения затрат и результатов также оказывается не в ее пользу.

Между познанием и предпринимательством

Время научных открытий сменяется временем использования плодов этих открытий, временем инноваций, в которых объединяются социально востребованные текущим моментом наука и технология. Все это означает, что постиндустриальная эпоха использует такую науку, которая отвечает не столько на вопрос «почему», сколько главным образом на многозначительное «как».

Технологические реалии современной науки отразились и в названиях крупнейших исследовательских достижений конца XX в.: информационные технологии, биотехнологии, технологии клонирования. Разумеется, исследовательская активность в XXI столетии будет, как и прежде, распределена по всему спектру направлений, но приоритетными, видимо, станут те сферы, в которых инновационный цикл окажется наиболее коротким. Такова еще одна иллюстрация нарастающего прагматизма деятельности ученых.

Наука в эпоху глобализации переходит от перспективы интернационализации к её воплощению посредством реаль-

ной мобильности ученых и сетевой виртуализации объектов исследований. Одновременно глобализация с ее финансово-экономической и компьютерно-технологической доминантами все же предстает как нечто внешнее по отношению к научной деятельности, выражая социокультурное влияние общества на науку. Уже в этом последнем заключена потенциальная противоречивость взаимодействия двух противоположных процессов: эгалитарности глобализации, (по крайней мере, провозглашаемой идеологией данного кросскультурного проекта) и сущностной элитарности науки. Глобализация, таким образом, несет с собой потенциальную опасность растворения науки в других видах деятельности. Дабы предотвратить подобный поворот событий, замкнутому в себе исследовательскому сообществу профессионалов следует ревностно оберегать себя от «дилетантизма глобализации».

Ярчайшим примером последнего становится социокультурный диалог чтения и телевидения, в котором в современную эпоху безусловная пальма первенства принадлежит последнему. Телевидение «во многих отношениях отбрасывает нас назад, в мир неграмотности. Человеку приходится учиться читать. Это требует труда и времени. Учиться смотреть телевизор не нужно. Разница очень велика»*. Телевидение апеллирует к эмоциям, письменная речь — к логике. *В ситуации, когда логика уходит в культуре на второй план, наука также переживает не лучшие времена. И если для социума в ближайшей перспективе глобализация становится важнейшей целью и одним из факторов процветания, то для науки — это всего лишь некое технологическое средство повышения эффективности интеграционных и кооперационных процессов.*

Национальная нивелировка исследовательского процесса (если даже попытаться осуществить ее в общемировом либо региональном масштабе) явно не пойдет на пользу продуктивности научной деятельности. Кроме того, как свидетельствуют факты новейшей истории науки конца XX в., между

* Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1998. С. 218.

ремя центрами мировой науки сложилось своеобразное «разделение труда» по узким специализациям, которое до сих пор являлось весьма важным и весомым основанием для отказа от него пока не обнаружено. Таковыми для США являются прикладные промышленные разработки, для азиатских стран — распространение новых технологий, тогда как для Западной Европы — фундаментальная наука. Каждый из национальных лидеров мировой науки нацелен на завоевание ведущих позиций по всему спектру НИОКР. Однако в реальности это вряд ли возможно.

В целом мировая наука становится все более прикладной и с технологической точки зрения все более приближается к производственному процессу: «Разделение труда существовало в научном познании всегда. Но если до конца XIX в. этот процесс был растянут в десятилетиях и даже в веках, то с возникновением научных учреждений процесс разделения труда удалось сконцентрировать в пространстве и времени. Эта концентрация, ничего не изменяя в самом процессе порождения знания, существенно ускоряет циркуляцию идей в научном сообществе. Огромные людские ресурсы, колоссальные материальные затраты, многообразие учреждений, характеризующие „большую науку“, создают впечатление, что производство научных идей поставлено „на поток“, индустриализовано, стало делом коллективного творчества и с технологической точки зрения все более приближается к производству вещей»*. Однако постиндустриальная научная деятельность «выпадает» из общей тенденции развития общественного производства данного исторического периода, которая характеризуется стремлением к минимизации всех типов ресурсов: от людских до сырьевых и финансовых. В науке информационной эпохи ситуация является противоположной.

Промышленное производство породило современную большую науку с ее индустриальными формами. Постиндустриальное же общество не только унаследовало, но и возвело

* Чернякова И. С. Истина как смысл человеческой деятельности. СПб., 1993. С. 85, 86.

последние в абсолют. Эту тенденцию в эволюции исследовательского процесса Петр Капица зафиксировал еще в 1938 г., когда написал в своих заметках, что наука стала производительной силой, став более богатой и одновременно порабощенной. На языке же сегодняшних реалий вполне правомерно говорить о порабощенности науки инновациями.

Нишей, но свободной осталась наука фундаментальная. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что в промышленно развитых странах постепенно утрачивает значимость тезис о самодостаточности и незначительной востребованности практикой фундаментальных исследований, а их удельный вес в общем объеме научной деятельности все более сокращается. «Все больший упор делается на прикладные дисциплины и все чаще свертываются исследования в тех областях, где привычные „показатели продуктивности“ не работают»*. И дело здесь вовсе не в чьей-то злой воле, а в стандартах массовой науки, где организация знаний по промышленному образцу означает наличие полного жизненного цикла в науке, простирающегося от идеи через ее разработку до практического внедрения.

Богатство, обретенное прикладной наукой, стало платой за потерю академической свободы и отход от бескорыстного поиска новых знаний. Все быстрее растет количество научных центров, принадлежащих производственным корпорациям. Ученые всего мира работают сегодня над созданием разработок для IBM, Motorola, Siemens и других гигантов. Приоритеты научной деятельности данных структур во многом отличны от их аналогов в университетах. Для большинства патронируемых промышленностью научных центров приоритет конкурентоспособности является ведущим мотивом при выборе предмета исследований. Так, в пределе, исследовательские центры фармацевтических компаний скорее углубятся в изучение показаний к применению того или иного лекарства, нежели сосредоточатся на исследовании отдаленных побочных действий вновь созданного препарата.

* Теории информационного общества. М., 2004. С. 346.

Еще один сегмент исследовательского процесса в постиндустриальном обществе — малые гибкие венчурные фирмы. Большинство таких фирм исчезает вскоре после появления, но некоторые достигают выдающихся результатов, не в последнюю очередь измеряемых доходами от их продажи. Доходами измеряются и нынешние стратегии многих банков промышленно развитых стран, активно скупающих патенты — зримое подтверждение коммерческой значимости современной науки.

Наконец, постиндустриальная наука полностью предают забвению доставшееся в наследство от Нового времени стремление ученого к энциклопедизму и универсализму в процессе создания нового знания.

Общество, ведомое к своим высотам интеллектуалами, казалось бы, предлагает последним максимальные возможности для самореализации. Однако так представляется лишь на первый взгляд, поскольку информационная эпоха диктует социуму и ученым в частности принципиально отличные от предшествующего индустриального периода правила игры.

Отчего в постиндустриальную эпоху изменяется и становится все более прагматичной мотивация ученых? «Я хочу понять и узнать» — таков исходный посыл классического исследовательского процесса. Ведь познание в его незамутненном соображениями выгоды виде — это прежде всего поход за истиной. Интерес, вызванный проблемой, исходно формирует предельно общую, абстрактную цель выявить истину и понять причину того или иного явления. По мере прогресса науки эти цели все более конкретизируются, уточняются и, увы, сужаются. Тем самым формируются условия для роста специализаций и сокращения сферы абстрактно-универсального поиска. Соответственно и цели научной деятельности начинают формулироваться не столько с помощью термина «хотеть», сколько ориентируясь на потенциал глагола «суметь». Уметь все одинаково хорошо невозможно, а вот овладеть навыком некоего ремесла, пусть и исследовательского, вполне реально.

Именно таким образом и построена мировая наука номер один — американская. Ее потрясающие результаты уже несколько десятилетий достигаются прежде всего посредством

слаженной работы узкоспециализированных исследователей, объединенных в научные коллективы. Кроме того, деятельность современного ученого неотделима от умения эффективно осуществить поиск в компьютерных базах данных, спектр которых столь широк, что возможность более полного знакомства с ними, разумеется, выше у группы, нежели у отдельного ученого. При таком коллективном поиске и обработке информации, безусловно, повышается скорость работы. Темп мировой научной гонки растет все быстрее, и здесь главное — успеть первым. Издержки подобной деятельности: полнотой, а подчас и точностью получаемой информации в этом случае приходится пренебречь в угоду потенциальной прибыли.

И хотя идеи по-прежнему являются прерогативой отдельных ученых, их реализация сегодня под силу лишь организациям, поскольку создание принципиально нового знания ныне настолько сложно, что для его достижения нужны целые коллективы. В результате наука постиндустриального социума утрачивает индивидуальный характер и становится интерперсональной.

Итак, с одной стороны, от ученого в условиях преимущественно коллективной научной деятельности требуется сосредоточение на определенных функциях, а именно специализация. С другой стороны, рост параметров неопределенности в системе постиндустриального общества делает ориентацию исследователя на специализацию достаточно рискованной. Ведь, как отмечают теоретики информационной эпохи, к экономике «третьей волны» наиболее безболезненно адаптируются те, кто готов к быстрому приспособлению к изменениям и способен перемещать идеи из одной сферы в другую. Именно поэтому есть все основания утверждать, что для постиндустриальной науки наиболее важным становится режим гибкой специализации исследователей, который прежде всего означает умение обучаться, а главное — постоянно переобучаться. Для современного ученого высшей квалификации важны прежде всего вхождение в проблему (проект), своевременный выход из нее и плавный переход к новой проблеме. Последнее в качестве важнейшего условия эффективности такой

деятельности предполагает уже не классическую абстрактно-энциклопедическую, а прагматическую универсальность. Именно навык подобного типа позволяет ученому верно избрать новый проект, компетентно войти в него и, наконец, эффективно его реализовать. Все это возможно лишь в условиях глубокой погруженности в виртуальные исследовательские сети. Этот процесс предполагает не только задействованность информационного поля научных проблем, но и сетевое общение с коллегами, а также внешнюю экспертизу ими полученных отдельным ученым результатов.

Гибкая специализация современного ученого неотделима от мобильности исследователей и их жажды перемен как по отношению к содержанию деятельности, так и к смене научных коллективов и места своей работы. Разумеется, такая технология творческого процесса существенно видоизменяет его традиционную специфику, сложившуюся в рамках общества индустриального типа.

Коллективность и высокая специализация современной науки связаны еще и с необходимостью нахождения ответов на уже поставленные социумом задачи. Это, в свою очередь, оставляет намного меньше возможностей для фундаментального теоретического знания, прикладная востребованность которого, как правило, неочевидна.

В основе сложившейся ситуации лежит целый комплекс социальных, а также внутринаучных причин. Сетевое общество информационной эпохи делает главным своим субъектом группу, без которой не может существовать сеть. Таким образом, коллективный характер науки постиндустриального общества со стороны социума обусловлен его сетевой структурой, а со стороны исследовательского процесса — необходимостью ответа на сложные и крупномасштабные задачи, обращенные обществом к науке. К настоящему времени большинство из них уже сформулированы и ждут от мирового научного сообщества своего решения.

К основным из них относятся:

- предотвращение глобальных природных катаклизмов;
- снятие остроты экологических проблем;

— решение продовольственных проблем во всемирном масштабе;

— возможность эффективного лечения заболеваний различной природы, в том числе повсеместное распространение и всеобщая доступность генной терапии, биопротезирования и широкого спектра биотехнологий;

— экспансия человеческой жизнедеятельности в океаническое и подземное пространства;

— автоматизация и роботизация производства и быта;

— индивидуализация потребления.

Итак, в информационном обществе и науке этого периода, как утверждают его теоретики, отдачу дает не один человек. Подлинную отдачу дает только организация. Однако информационный социум — это лишь первый этап становления постиндустриального общества. Сохранится ли данная тенденция в перспективе? Вряд ли верно утверждать это однозначно. *Постиндустриализм порождает новый сетевой индивидуализм. А уж кто, как не ученый, самим характером своей деятельности объективно приспособлен к автономии в условиях «одиночества в сети» и в состоянии максимально эффективно ею пользоваться. Уже сегодня коллективная деятельность экспериментаторов весьма специфична: оборудование часто находится в одной стране, а подготовка и обработка данных осуществляется ученым в другой стране. Результаты же эксперимента вообще сразу «сбрасываются» в сетевое пространство. Что же касается организации поисковой деятельности в информационных массивах, то не за горами появление «ноуроботов», с помощью которых человек будет в состоянии успешно управлять знаниями и перерабатывать их в любом необходимом объеме.*

Виртуализация научного поиска

Значительный вклад в усиление прагматического характера современной науки вносит виртуализация исследовательского поиска. Это новая тенденция в развитии науки информационного социума, видимо, постепенно будет окончательно

встроена в ее стандартную модель. Виртуализация современной науки — свершившийся факт, который нет оснований оценивать однозначно. В основе виртуализации лежит всеобщая компьютеризация деятельности вообще и научной деятельности в частности.

Виртуальная реальность исходно формировалась как новая ипостась моделирования. Традиционно под моделированием в науке понимают возможность осуществить исследование процессов, характерных для оригинала, в отсутствие самого оригинала. Таким образом, виртуальный образ объекта и есть модель того процесса, который исследует наука. Данная функция виртуализации вполне может быть отнесена к сугубо инструментальным составляющим науки, и в этом своем качестве она вряд ли бы привела к революционным изменениям в самом характере исследовательского процесса. Наука с успехом использовала технико-технологические новшества и в прежние века. В качестве средства научного поиска компьютер не слишком отличается от микроскопа. Принципиальная разница между ними состоит в новом вкладе компьютерной техники в становление виртуализации как способа и стиля коммуникации в научном сообществе. Таким образом, для науки информационного общества коммуникативная функция виртуализации оказывается более значимой, нежели функция моделирования.

Наиболее яркой иллюстрацией позитивной эволюции научной коммуникации безусловно является использование Интернета для исследовательских контактов и обратная связь с незнакомыми коллегами, узнавшими о ваших результатах и публикациях при посредстве компьютерных сетей.

Однако Всемирная паутина генерирует и иные процессы, ходом которых «движет стремление не к истинному, а к выгодному знанию. Происходит отделение научности от истинности, воспроизводства науки как предприятия от собственно поиска истины. В деятельности ученых и студентов все больше времени и сил отводится созданию и презентации образа, необходимого для успеха в конкурсах на получение грантов, стипендий для обучения за границей, заказов на консалтинго-

вые услуги».* Данные процессы являются всемирными и создают в большей степени имиджевую, а не реальную науку.

Подобная деятельность превращается в бег по кругу и квазиактивность, где условиями получения нового гранта являются значительное число ранее полученных грантов и навык оформления заявок на них. Научные результаты при этом как правило никого не интересуют, а вот сугубо ремесленные навыки самопрезентации оказываются весьма кстати. Стипендии для обучения за границей — особенно для молодых ученых — также преимущественно оказываются комплексным результатом хорошего знания языка избранной для поездки страны и оживленной интернет-переписки с ее учеными и научными фондами, а отнюдь не поиском истины ради нее самой. Преодолев две эти первые ступени современной научной карьеры и став грантополучателем и стипендиатом, ученый выходит на рынок консалтинговых услуг в соответствующем образе успешного прагматика.

Известно, что исследовательская продуктивность в значительной степени зависит от верно выбранной ученым (или научным коллективом) собственной «роли» или набора ролей (функций) в познавательном процессе. Так, существует специфика труда генераторов идей, собирателей фактов, синтезаторов и т. д. Виртуализация современной науки требует — и порождает — новое научное «амплуа», совмещающее функции менеджера и маркетолога. Назовем это амплуа «прагматик», цель которого «рыночная деятельность, работа для „продажи“, вместе с другими и для других, требующая взаимных денежных оценок и признания их обществом»**. Так посредством функциональной составляющей научного поиска объединяются виртуализация и прагматизм современной мировой науки.

Научная деятельность, таким образом, начинает осуществляться в координатах параллельных миров: реального исследовательского процесса и его имитации. Возможно,

* *Иванов Д. В.* Критическая теория и виртуализация общества // Социс. 1999. № 1. С. 38, 39.

** *Васильчук Ю. А.* Социальное развитие человека в XX веке // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 17.

ничего трагичного в этом нет. Особенно если рассматривать проблему с позиций развития технологического, где деятельность стран — имитаторов научно-технологических достижений оказалась весьма эффективной и во всемирном масштабе востребованной. Кроме того, имитаторы в технологиях вчера, сегодня и завтра невозможны без новаторов. Но в классических координатах научности имитация исследовательского процесса посредством квазиактивности и сугубо коммерческой результативности в конечном счете в состоянии свести на нет саму сущность деятельности ученого с ее системообразующей установкой на новизну. Что же касается упомянутых квазиактивности и псевдорезультативности, то эти термины достаточно точны, поскольку отражают нацеленность постиндустриального научного сообщества не столько на поиск новых результатов, сколько на поддержку спонсоров. Последней жаждут и гении, и посредственности. Обратной стороной данной ситуации как раз и служит устремление потенциальных доноров науки получить быструю прибыль от своих вложений, а значит, сэкономить на финансировании преимущественно бесприбыльной фундаментальной науки.

Все это позволяет считать поистине пророческими слова Митчела Уилсона, который в 1949 г. в романе «Живи с молнией» весьма прозорливо предсказал закат классической науки. Характеризуя оценку труда ученого социумом, он писал: «Общество нас не преследует, нет, гораздо хуже — оно почти не знает о нашем существовании. Нас не считают за людей. Так что славы настоящей у нас нет и денег тоже, и в том, что может дать нам жизнь, не слишком много счастья, — вот почему я не понимаю, чем может привлекать научная карьера молодого человека в расцвете сил»*.

Точность столь пессимистических рассуждений для эпохи информационного капитализма базируется на том, что экономика знаний требует вовсе не универсального знания, необходимого прежде всего для понимания сути, т. е. идеала классической науки. Напротив, информационное общество

* Уилсон М. Живи с молнией. М., 1965. С. 28–29.

формирует заказ на знание, применяемое в производстве, либо оказывающее влияние на повседневную жизнь человека. Между тем такой продукт в состоянии произвести не только ученые, но и крупные менеджеры финансового рынка, рекламные аналитики, практикующие юристы и иные интеллектуалы информационной эпохи. Ценность и престиж «чистой науки» в таких условиях неотвратимо снижаются.

Эволюция дисциплинарных приоритетов

Но вернемся к внутринаучным реалиям. Осмысление тенденций в развитии науки невозможно без анализа эволюции дисциплинарных приоритетов в исследовательском поиске XXI в. В определенной степени они оказались подготовлены всем предыдущим ходом развития науки в истории общества. Цивилизация уже прошла через пик гуманитарной и религиозной образованности в античности и средневековье соответственно. Новое время обеспечило триумф техникознания, символом которого стала механика. Ей на смену в прошлом веке пришла физика, возможности которой еще 40 лет назад казались землянам безграничными. Конец XX в. развеял эти иллюзии безвозвратно, но одновременно вывел на авансцену нового фаворита: комплекс «наук о жизни» (название, ставшее общепринятым и подразумевающее систему биологического и медицинского знания). Эвристический потенциал наук о жизни действительно огромен и сулит множество перспектив человечеству. Очевидно, что не все они будут реализованы, а иерархию тех из них, которые станут явью, в конечном счете определит общество, а не ученые.

Разумеется, биология не решит и всех текущих (а тем более вечных) человеческих проблем, так же как не сумели сделать это античная философия и механика Нового времени. И в этом смысле мироздание мудрее человека. Однако *по крайней мере на первую половину нынешнего века приоритет наук о жизни очевиден*. Целью постиндустриального общества является совершенствование человека средствами его

биологических резервов, поскольку прежние искусственно-технические рецепты совершенствования человеческой жизни лишь преумножили комфорт, но не изменили ее принципиально. Сегодня ученые точно знают, как устроен космический корабль, и куда менее точно представляют работу человеческого мозга и уж тем более почти бессильны перед его «ремонтom». Двухтысячелетняя история западной цивилизации наглядно подтвердила, что техническое развитие не в состоянии осуществить деятельность подобного рода, поскольку оно не внесло ничего нового в физиологические и биохимические законы функционирования человеческого организма. Принципиально качество жизни можно изменить только с помощью наук о жизни. *Тем самым возникает объективное подтверждение для прогнозов футурологов, утверждающих, что «царицей наук» в XXI в. будет уже не физика, а биология.*

В целом науки о жизни в XXI столетии, подобно другим базовым направлениям мировых исследований, будут определять собственную эффективность по практической востребованности. Как известно, для человека нет ничего важнее здоровья. Именно поэтому медицинские инновации, видимо, и сформируют наивысший рейтинг наук о жизни в наступившем веке.

Как раз в таком контексте потенциальной прикладной востребованности обществом инновационных следствий наук о жизни медико-биологическое исследовательское сообщество уже сегодня делает предварительный прогноз своих результатов на ближайшие два десятилетия. Так, по мнению экспертов, через два десятилетия вполне прогнозируем ряд поистине революционных достижений в исследованиях генома человека, в том числе в генной терапии*. Для человечества это будет означать внедрение геннозамещающих технологий, возможность генетической корректировки всех психических характеристик индивида и даже применение «генетической косметики» с целью выбора цвета глаз, волос, и, возможно, роста. Углубление в тайны мозга безусловно внесет вклад в улучшение человеческих способностей и позволит лучше

* См.: Наука и общество на рубеже веков. М., 2000. С. 64, 65.

понять загадки духовного мира людей. В свою очередь перспективы освоения технологий клонирования ряда органов и выращивания тканей человеческого организма, причем с использованием для этого биологического материала самого пациента, позволят снять проблему отторжения органов и дефицита доноров. Уже сегодня стволовые клетки оказываются отличным транспортом для генетического материала, предназначенного для введения в геном (пока, правда, лишь у мышей). Генетическая медицина будущего, скорее всего, возьмет свое начало именно от этой методики. С ее помощью можно в принципе определить функции любого гена, отключить «вредные», активизировать «полезные», вылечить болезнь, сегодня еще фатальную, а также вырастить нужную ткань взамен поврежденной*.

Кроме того, в процессе врачевания произойдут и иные революционные перемены, к которым прежде всего следует отнести перспективу передачи ряда функций клинического медицинского наблюдения за состоянием организма в руки самих пациентов. Так науки о жизни, с одной стороны, предстанут предельно субъективизированными, став одновременно весьма насыщенными информационными технологиями. Без них важнейшие медико-биологические достижения современной науки были бы невозможны, поскольку компьютерная техника позволяет моделировать и демонстрировать в трехмерных координатах природные процессы любой сложности.

Что касается собственно биологической составляющей цикла наук о жизни, то от них ожидают прежде всего качественного роста биотехнологий. Эксперты полагают, что в ближайшие два десятилетия с их помощью в общемировом масштабе будет решена продовольственная проблема и модифицируется система питания человечества. Одновременно биотехнологии станут доминировать не только в сельском хозяйстве, но и в производстве лекарственных препаратов. Принципиально новым также может стать повсеместное использование органических форм жизни для различных видов

* См.: В мире науки. 2007. Октябрь–ноябрь.

трудовой активности, простирающейся от экологически чистых производств до сферы проведения досуга.

Разумеется, уже сегодня, когда большинство из вышеперечисленных достижений еще не стало реальностью, существует достаточно много опасений по поводу возможного перехода биологических исследований в неуправляемую фазу. А пока этого не произошло, человечество ожидает от наук о жизни всегда столь желанных чудес.

Известно, что общество живет обычно не тем образованием, которое оно породило, а тем, которое создала предшествующая эпоха. В ней физики спорили с лириками, однако ни одна из сторон при этом не нуждалась в аргументах биологов и медиков. И хотя со времен давнего спора прошло полвека, к биологическому доминированию в восприятии мира массовым сознанием не приблизилось даже население развитых стран. Современный интеллектual гораздо чаще осведомлен о принципах работы компьютера, нежели о механизмах функционирования собственного организма. А значит, бэконовский девиз «знание — сила» по-прежнему в большей степени относится к точным и техническим наукам, навыки из сферы которых формируются и укореняются в сознании масс легче, нежели взгляды на мир сквозь призму наук о жизни. Последним еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем они завоюют доверие социума.

Маловероятно, однако, что науки о жизни смогут полностью заменить собой науки об искусственном, т. е. комплекс технических наук. Прогнозы подобного рода вряд ли имеют под собой реальную почву. Ведь даже в случае некоего — пока лишь прогнозируемого сегодня — триумфа биологического знания в будущем исследовательское поле для техникознания по-прежнему останется достаточно широким.

Собственно, уже сегодня как лидеры, так и аутсайдеры исследовательского поиска объективно вынуждены выстраивать стратегию научных изысканий на стыке собственно предметного рассмотрения объекта и информационных технологий. Комплекс наук о жизни также не может функционировать вне информационно-технологического пространства. Таким об-

разом, *синтез наук в XXI в. — это во многом синтез естественного и искусственного, органического и неорганического, природного и социального начал бытия.*

Таковы контуры века биологии, как они представляются в самом начале наступившего столетия. Наряду с очевидными позитивными результатами массовому сознанию предстоит долгая и достаточно болезненная перенастройка на биологическое доминирование в картине мира XXI в. Несомненно, что этот процесс будет более тяжелым по сравнению с практически уже произошедшей адаптацией к технологиям информационным. Последние предстают как результат слияния двух достижений в развитии техники: вычислительных машин и способов передачи цифровой информации по телекоммуникационным сетям. Данная научно-технологическая сфера является искусственно-технической в своей основе, но в ходе своего развития переходит в новое качество, поскольку рост кодифицированных научных результатов знаменует собой в технологическом аспекте переход от знания преимущественно технического к обработке различных типов информации. Кроме того, информационные технологии являются самой «размытой» и одновременно самой интегративной сферой научного поиска.

По самой своей сути информационные технологии более других исходно призваны играть роль средств оптимизации того или иного вида деятельности. Инструментальную сущность информационных технологий хорошо иллюстрируют слова одного из руководителей корпорации Intel — крупнейшего в мире производителя микропроцессоров: «Дело в том, что микропроцессор сам по себе не нужен ни вам, ни нам — никому. Микропроцессоры — лишь инструмент для достижения определенных целей»*. К таким уже осуществленным на сегодняшний день и воплощенным в информационном пространстве социальным целям относятся:

— постоянный рост быстродействия компьютеров и их повсеместное использование;

* НГ-наука. 2000. № 11. Декабрь.

— формирование сетевых информационных технологий, лежащее в основе работы в режиме реального времени, всемирной финансовой индустрии и электронной торговли, а также дистанционного образования;

— революционные изменения во всех типах коммуникаций, простирающиеся от интернет-конференций до виртуальных научных парков;

— автоматизация и компьютерный контроль различных производственных циклов;

— оптимизация научного поиска;

— качественные изменения в способах и стилях организации частной жизни.

Дальнейшая эволюция информационных технологий, видимо, в ближайшей перспективе будет происходить в направлении все большей адаптации компьютерных комплексов к человеческим «слабостям»: техника должна будет «научиться» распознавать звуки речи и жесты.

Что касается перспектив информационных технологий, то относительно их развития также существуют весьма неоднозначные прогнозы. И самые революционные из них, разумеется, стыкуются с проблемой искусственного интеллекта. Как только появится первая машина с интеллектом, близким по мощности к человеческому, у нас, как считают специалисты, уже не будет возможности ее выключить. В этом случае интеллектуальному господству человечества придет конец и тогда уже нельзя будет остановить наступление машин. Думается все-таки, что последнее предположение — из области фантастики. Реальностью же является то, что к настоящему времени информационная интенсификация по сравнению с масштабами и темпами использования сырья (в том числе и в энергетических целях) вышла на первый план. В этом смысле наукам о жизни еще предстоит доказать свой приоритет, решив в обозримой перспективе те задачи, которые уже сегодня поставило перед ними человечество.

Человеческая цивилизация в третьем тысячелетии вовсе не намерена отказываться от уже обретенного уровня комфорта в результате взаимодействия с технико-технологической

средой, а, напротив, готова углублять его. Ведь технологии постиндустриальной экономики — это прежде всего результат реагирования на социальный заказ общества. Так, в частности, даже констатируя появление таких новых реалий, как, например, сетевое пространство Интернета или виртуализация, невозможно отрицать их энергетическую обусловленность. В этом случае вполне резонно заметить, что если функционирование энергетики возможно (в пределе) и без информатики, то информатика без энергетики просто мертва.

Разумеется, информационная эра вносит свои коррективы и в энергетическую стратегию мирового сообщества. «В будущем наша энергетическая инфраструктура скорее всего сосредоточится вокруг использования двух неуглеродных источников: атомной энергии и энергии солнца. Атомная энергетическая промышленность будет развиваться по образцу французской: использование унифицированных конструкций, экономический масштабный эффект, взаимозаменяемость деталей, узлов и персонала. Солнечная энергетика пойдет двумя путями. Один из них — прямое преобразование света в электричество с помощью солнечных батарей, второй — использование тепловой составляющей солнечного излучения для нагрева воды. Еще одним важным источником энергии станет ветер. За последние пять лет в этой области достигнуты значительные успехи»*. Для иллюстрации последнего достаточно упомянуть современные немецкие «сюрреалистические» природные ландшафты, богато украшенные лопастями «ветряков».

Специалисты-энергетики относятся к возможностям ветряной энергетики по-прежнему в основном скептически: ее потенциал действительно не столь уж велик. Тем не менее *Западная Европа уже сегодня выступает одной из испытательных экспериментальных площадок по производству альтернативных источников энергии.*

Что же касается энергетики классической, индустриальной, основанной на углеродных источниках, то даже если в результате новых исследований и выяснится меньшая, чем

* Наука и общество на рубеже веков. С. 56.

принято считать сегодня, потенциальная опасность горючих полезных ископаемых для производства электрической энергии, то все равно вряд ли будущее этой отрасли будет определяться данными энергоносителями. Ведь кроме столь остро обсуждаемого ныне феномена «парникового эффекта» продукты сгорания угля, нефти и газа по-прежнему небезопасны и для здоровья человека. Это последнее обстоятельство еще не скоро удастся минимизировать и, следовательно, как уже сегодня утверждают ученые-энергетики, будущее этой отрасли за энергетикой атомной. Среди ее неоспоримых преимуществ ныне уже задействованы два: крупномасштабное генерирование электроэнергии и практически полное отсутствие вредных выбросов в атмосферу при нормальном производственном цикле. Таким образом, если в ближайшие десятилетия будут созданы технологии, обеспечивающие безопасное функционирование АЭС, а также безопасное захоронение отходов атомного производства, триумф атомной энергетики окажется бесспорным.

Но даже если этот прогноз полностью не оправдается, энергетические технологии и в XXI в. останутся среди доминирующих. Самим фактом своей востребованности они подтверждают невозможность функционирования постиндустриального мира вне индустриального фундамента, причем не только в контексте синтеза естественного и искусственного, но и в координатах преемственности исторического развития. Ведь точно так же, как индустриальная эпоха была бы невозможна вне фундамента традиционного общества, так и постиндустриализм строит свое процветание на гребне промышленной основы «второй волны».

Еще одним индикатором значимости техникотехнологического знания для постиндустриального миропорядка XXI столетия является материаловедение. Цели, которые преследует комплекс наук о материалах, сводятся к двум основным:

- создание принципиально новых материалов с исходно заданными потребителем свойствами;
- изготовление материалов, которые позже смогут неоднократно использоваться в качестве сырья для создания

других подобных структур и представляющих собой элементы цикла безотходного производства.

Данные цели научно-техническое сообщество в промышленно развитых странах уже сегодня намерено реализовывать не только на традиционном макроуровне, но и на микроуровне. Ныне уже вполне очевидны два направления этого движения. Первое базируется на парадигме технического и искусственного — таков вектор микроминиатюризации (в том числе нанотехнологий) и модульности производимой продукции. Второе стремится воспроизвести в искусственных условиях природу, разрабатывая материалы, имитирующие естественные.

Коротко остановимся и на содержании термина «нанотехнологии». Нанотехнология («нано» — в переводе с греческого «карлик») оперирует масштабами измерения, равными одной миллиардной доли метра. Данный вид технологий нацелен на создание микроскопических машин размером с молекулу с целью конструирования из отдельных атомов структур практически любой сложности с заданными свойствами. Нанотехнологии базируются прежде всего на достижениях генетики, оперирующей микроскопическими масштабами, однако имеют своей целью искусственно-технологические манипуляции в микромире.

Таков спектр дисциплинарных приоритетов в исследованиях, инициируемых наступившим веком. Одновременно каждый из них представляет собой еще и фундамент для изысканий на стыке наук. Сам принцип формирования новых предметных областей междисциплинарных исследований уже вполне определен: чем более отдалены (вплоть до уровня кажущейся полной «несовместимости») друг от друга предметные области науки, тем значительнее может быть потенциальный эффект от разработок, проводимых на их стыках. Количество последних давно уже не сводится к двум и в принципе неограниченно. Исследования междисциплинарного характера требуют от ученого достаточно специфической подготовки, значимость которой в ближайшей перспективе, видимо, будет расти.

Основными же проблемами научного сообщества постиндустриальной эпохи безусловно являются элементы триады:

оптимальное перераспределение ограниченных ресурсов, объективная оценка полученных результатов и организация процесса передачи научных знаний в промышленность. Они — наследие ушедшего века, в котором не были полностью решены. И от того, насколько сумеет преодолеть их нынешняя эпоха, зависит будущее науки в информационном обществе Европы. Причем наука будущего, скорее всего, окажется будничной. «Будничность» здесь выступает как синоним «повседневности». По-видимому, именно повседневной, необходимой, привычной, но отнюдь не ярко неожиданной станет наука для человечества XXI в.

Эпоха триумфа науки вряд ли повторится, но в этом нет ничего трагичного, как не повторялись в истории культуры античный триумф прекрасного и религиозные искания средневековья. Сегодня к этому готовы и общество, и ученые. Каждая из этих социальных групп принципиально изменилась по сравнению с индустриальной эпохой. Но информационное общество в состоянии найти общий язык только с современной ему наукой, и очевидно, что именно этот диалог как раз и предопределяет, будут ли решены постиндустриальной наукой задачи, поставленные «экономикой знаний».

Концептуальное видение европейской науки в «Стратегии-2020»

Ситуацию в европейской науке невозможно описать целостно вне анализа усилий Евросоюза по совершенствованию инновационного цикла, простирающегося от идей (а значит, от науки во всех ее ипостасях) к рынку. Что касается воплощения в жизнь концепции Европейского исследовательского пространства, то она непрерывно модифицируется и ныне, оказавшись составной частью «Стратегии-2020», нацелена на создание высокоэффективной, но, что еще более важно, интегрированной исследовательской системы в Европе.

«Стратегия-2020» — это новый мегапроект Европейского Союза, направленный на прогрессивное развитие в текущем

десятилетия и призванный помочь государствам ЕС стать максимально эффективными, устойчивыми и уникально управляемыми экономиками*. Это, в свою очередь, подразумевает оптимизацию управляющих воздействий на социум. Их предполагается осуществлять посредством рычагов образования, исследований и инноваций, нацеленных на весь спектр позитивных социальных изменений, в том числе на создание новых продуктов и услуг, рабочих мест и устойчивого экономического роста в формирующемся цифровом обществе.

Институциональной основой планируемых изменений должна стать новая Рамочная программа ЕС по исследованиям и инновациям «Горизонт-2020» на 2014–2020 гг. По сравнению с предыдущей 7-й Рамочной программой ЕС инвестиции на ее реализацию будут увеличены на 46 %. Символично, что в самом названии впервые с 1984 г. на смену традиционным «технологиям» пришли «инновации». Последние стали сердцевиной «Стратегии-2020». Это проявилось как в весьма расширительном толковании самого термина «инновации», так и в наличии в структуре проектов ЕС данного спектра инициативы «Инновационное объединение». Последняя направлена, во-первых, на акцентирование внимания к инновационному циклу прежде всего в таких сферах, как изменение климата, энергетическая и ресурсная эффективность, а также здоровье населения Европы и демографические изменения. Во-вторых, в данной проектной концепции впервые для ЕС оказались объединены все типы инноваций, включая творческую деятельность различных видов, услуги и социальные инновации.

Что понимается в современной науке под инновациями? В самом широком смысле — это «любое целенаправленное, позитивное изменение материальных и нематериальных элементов организации, т. е. изменение, способствующее развитию и повышению организации»**. Возможно, данная трактовка инноваций и является чрезвычайно расширительной, однако она позволяет

* См.: http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm

** Санто Б. Инновации как средство экономического развития. М., 1990. С. 100.

понять тот смысловой стержень, который объединяет в единое социокультурное целое все продуцируемые обществом инновации. Среди них: экономические, технико-технологические, научные, образовательные, организационные, политические, социальные инновации. *Традиция уходит на второй план, отдавая пальму первенства инновации. Признание этого постулата Европой особенно символично.* Оно означает принятие даже на уровне «еврократии» гибких стратегий и решений, столь свойственных информационным реалиям и во многом противостоящих традиционным управленческим, да и социокультурным европейским схемам менеджмента. *Это подразумевает открытость к диалогам, обратным связям и деятельности в условиях значительной неопределенности.*

Все эти качества имманентны процессу научного поиска в целом. Знаменательно, что ныне идеология декларированного интегративного подхода оказалась детально прописана в самих документах Еврокомиссии. Так, в частности, описан механизм многоуровневого применения научных и технологических знаний на разных уровнях. При этом, во-первых, новое знание в инновационном измерении может находить не только крайне привлекательное для всех участников данного цикла коммерческое, но и социетальное применение. Во-вторых, крайне значимым становится изобилие форм инновационного процесса. Оно может включать в себя множество как традиционных, так и новых способов организации деятельности и способов финансирования, а также видов взаимодействия субъектов инновационного процесса. При этом речь идет в том числе и о совершенствовании уже существующих технологий и научных результатов, а также о применении инноваций для некоммерческого использования. Подобная гибкая открытая система в состоянии успешно противостоять всем вызовам современного мира, нацеливая наиболее творческих людей на самостоятельные решения и упраздняя всяческие барьеры.

Содержание документов «Стратегии-2020», обосновывая новую комплексную научно-технологическую и инновационную политику на долгосрочную перспективу, одновременно

подразумевает ответ на крайне важный для массового сознания вопрос: «Почему ЕС инвестирует в образование, исследования и инновации в период, когда Европа находится в глубоком кризисе?» Ответ этот однозначен для экспертного сообщества: другого пути у Европы сегодня нет (впрочем, как и у любого, задумывающегося о своем будущем государственного либо надгосударственного образования). «Smart» инвестиции — это потенциальный источник будущего экономического роста и эффективности инновационного комплекса, в том числе и в условиях перманентной состязательности Европы XXI в. с мировыми инновационными лидерами.

ГЛАВА 14. СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА КАК ЕДИНОЕ НАУЧНОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Североевропейские страны приступили к развитию нового направления своего интеграционного сотрудничества: к объединению научно-исследовательского, технологического и инновационного потенциалов и созданию на этой основе единого пространства. Они снимают барьеры на пути трансграничного движения соответствующих знаний и информации и объединяют усилия в названных направлениях. Соответствующие решения были приняты на уровне Совета министров североевропейских стран в начале 2000-х гг.

Страны региона развивают международную кооперацию в сфере НИОКР и инноваций одновременно по разным линиям: многолетние научно-технические программы ЕС, формирование единого научно-исследовательского пространства в Европе, и вот теперь такое пространство формируется и на Севере Европы. Последний вид кооперации — взаимное сотрудничество в сфере НИОКР и инноваций — развивается настолько интенсивно, что начинает выходить на уровень интеграции.

Инновационное прочтение курса на «зеленую экономику»

Тесное сотрудничество в сфере НИОКР связано с несколькими факторами, среди которых — принятие североевропейскими странами курса на декарбонизацию экономики и создание «зеленой экономики». Соответствующие меры при этом осуществляются как на национальном, так и на региональном уровне. Этот курс является приоритетом Совета министров северных стран, и он не может быть реализован без соответствующих НИОКР. Поскольку приоритет является общим для всех стран региона, то оказывается логичным объединить и ресурсы, позволяющие решить эту задачу. В свою очередь, эта задача распадается на ряд более частных задач:

- подготовка соответствующих специалистов;
- повышение эффективности энергетического сектора;
- приоритетное приобретение «зеленых технологий» и соответствующего оборудования при осуществлении государственных закупок;
- переработка отходов;
- учет экологических аспектов при оказании помощи развивающимся странам.

«Зеленая экономика» базируется на экологическом сотрудничестве, которое осуществляется по четырем главным направлениям:

- противодействие изменению климата и повышение качества воздушной среды;
- охрана природной среды в море и прибрежной зоне;
- сохранение биологического разнообразия и экологических систем;
- внедрение устойчивых способов производства и потребления.

Важным направлением развития «зеленой экономики» является перевод энергетики на альтернативное топливо. Его доля достигла в 2009 г. более 50 % в Швеции, более 40 % в Финляндии, 19 % в Дании по сравнению с 9 % в ЕС*. Все эти

* Nordic Statistical Yearbook. 2011. Nord. Copenhagen. Vol. 49. P. 33.

меры североевропейских стран, принимаемые на согласованной в рамках Северного совета основе, содействуют созданию единого научно-исследовательского, технологического и инновационного пространства.

Новые стратегические решения

Начало более тесному сотрудничеству североевропейских стран в области научных исследований и инноваций было положено в 2005–2010 гг., когда была принята программа сотрудничества «Предложения по североевропейской программе инновационного сотрудничества на 2005–2010 гг.». Этот документ послужил идеологической платформой последующего сотрудничества. В нем впервые была сформулирована идея объединения инновационных систем североевропейских стран на основе использования эффекта синергии, создания инновационных кластеров, ориентации на получение высших достижений в международном сравнении.

В 2007 г. премьер-министры северных стран разработали Глобализационную стратегию по более тесному сотрудничеству в регионе, повышению компетенции и поддержке экономического процветания. Для ее выполнения министры североевропейских стран разработали ряд инициатив. В 2008 г. Совет министров северных стран одобрил совместную исследовательскую программу в области климата, энергетики и окружающей среды*. Программа принята в целях реализации северными странами решений конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Эта реализация осуществляется на национальном и региональном уровнях.

В настоящее время реализуется программный документ «Научные знания для достижения „зеленого“ роста и благосостояния», которая явилась основой для сотрудничества в период 2011–2013 гг. Она была одобрена министрами, ответственными

* Документ Совета министров северных стран — «Greening the Economy — the Nordic Way».

за образование и науку*. Главная задача, сформулированная в стратегии: конвертировать вложения в НИОКР в инновации и устойчивый экономический рост. Политический выбор североевропейских стран — развитие «зеленой экономики», глобального сотрудничества, межсекторной интеграции. Для реализации этой стратегии предпринимаются следующие шаги:

- образовать единое североевропейское партнерство в области образования, профессиональной подготовки, научных исследований и инноваций;

- более полно использовать важное сравнительное преимущество Северной Европы в отношении качества «человеческого потенциала», определяемого накопленным «социальным капиталом», в частности имеется в виду высокий уровень образования и профессиональной подготовки рабочей силы;

- повышать эффективность и гибкость рынка труда;

- укреплять конкурентоспособность экономики, используя возможности «зеленого роста»;

- продолжать усиливать участие в международном сотрудничестве;

- развивать общие североевропейские ценности, такие как: региональные языки, культурная идентичность, социальные модели.

Характерно, что североевропейские страны разрабатывают и реализуют свою стратегию в области научных исследований, технологий и инноваций комплексно с вопросами социальной направленности, включая развитие систем образования и профессиональной подготовки кадров, охраны окружающей среды, что полностью соответствует характеру принятой ими модели социально-экономического развития.

Большое значение придается взаимодействию между такими сферами, как система образования, научные исследования и инновации; а также между тремя уровнями научно-технического сотрудничества: национальным, североевропейским и коммунитарным. Проводится в жизнь концепция образования

* Документ Совета министров северных стран — «Kundskap for Grønt vekst og Velfærd».

на протяжении всей жизни, поэтому развивается образование, предназначенное для взрослых. Министры, ответственные за науку, приняли решение создать единое североевропейское пространство научных исследований и инноваций (NORIA) в качестве составной части единой европейской зоны научных исследований (ERA) путем достижения «пятой свободы» — свободы движения знаний, обмена студентами и научными работниками в Северной Европе. *В североевропейских странах была принята точка зрения, что четыре «свободы», на которых зиждется ЕС (свобода движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы), надо дополнить пятой «свободой» — свободой движения знаний и технологий, особенно «зеленых технологий», которые позволяют экономить энергию и материалы.*

Термин «единое североевропейское пространство научных исследований и инноваций» (НОРИА) был введен на заседании Совета министров северных стран в 2004 г. Характерно, что страны Северной Европы дали широкое толкование понятию единого пространства, включив в него наряду с научными разработками научные и организационные новации. Цель новой политики Совета министров северных стран — стимулировать региональное сотрудничество в соответствующей области. Одновременно был создан Северный совет по научным исследованиям и инновациям (НоФИР*), который отныне функционирует наряду с ранее образованным Северным советом по научной политике. Третьим органом управления служит Группа управления сотрудничеством в области высшего образования. Каждый из трех органов имеет свою область компетенции, вместе с тем частично эти области пересекаются. Ранее созданные Северная научная академия и Северный совет по научной политике интегрируются в НоФИР, который несет также ответственность за Группу управления сотрудничеством в области образования. Северный совет по научной политике несет ответственность за деятельность Североевропейской сети центров высших достижений и за развитие соответствующей инфраструктуры. Кроме того, некоторые национальные

* Ett nordiskt forsknings och innovationsråd — NoFIR.

институты начинают преобразовываться в том направлении, что они теперь превращаются в институты регионального плана, таким образом, отныне они будут работать для всего североевропейского пространства. В число таких институтов входят следующие: Северный институт азиатских исследований в Копенгагенском университете, Северный институт теоретической физики (тоже в Копенгагене), Северный институт морского права в Осло, Северный институт культуры саамов в Финляндии, Северный институт вулканологии в Рейкьявике, Нордический институт и Северный институт научной информации в Хельсинки. Кроме того, организуются совместные секторные научные исследования по энергетике, по сельскому хозяйству, по лесному хозяйству, по равноправию полов, по региональной политике. В рамках Северного инновационного сотрудничества, которое до сих пор финансировалось через Северный промышленный фонд, был осуществлен 71 проект и проведено 22 семинара. Теперь Северный промышленный фонд преобразуется в Северный инновационный центр (СИЦ).

Северный совет министров по экономике и торговле устанавливает приоритеты инновационной политики на уровне всего североевропейского региона. Реализация общей инновационной политики осуществляется при помощи двух главных научных и инновационных институтов: Северного инновационного центра (СИЦ) и НордФорск*, которые были образованы в 2004–2005 гг.

Важнейшая задача СИЦ — содействовать развитию инновационного производства и наукоемких отраслей экономики на севере Европы при помощи объединения национальных инновационных систем в единую сеть и создания платформ для распространения новых знаний, а также помогать малым и средним предприятиям повышать конкурентоспособность. СИЦ был создан на основе Северного промышленного фонда. Его называют «мыслительным танком» для выработки инновационной политики для Северной Европы и распространения

* NordForsk.

лучших достижений. Этот центр финансирует исследования по промышленным инновациям и инновационной политике.

НордФорск (2005) — это орган для организации эффективного сотрудничества между североевропейскими странами в области научных исследований и подготовки научно-исследовательских кадров. Он действует как консультативный орган Совета министров северных стран в области научных исследований. Это — форум для обсуждения политики в области науки и образования.

Кроме того, создается сеть североевропейских центров высших достижений (во всех странах Северной Европы существуют такие национальные центры), в которую войдут все североевропейские научные институты, соответствующие мировому уровню.

Отныне северная научная система будет развиваться, опираясь на два основания. Первое образуют структуры, которые были созданы ранее под эгидой Совета министров северных стран: Северный совет министров на уровне министров, ответственных за науку и образование; сотрудничество между национальными советами по науке*, Северный совет по научной политике, и группа управления сотрудничеством в области высшего образования. Вторую опору образует вновь созданный Северный научный и технологический совет, который работает по модели национальных инновационных органов, таких как ВИННОВА (Швеция), ТЕКЕС (Финляндия), РАННИС (Исландия), Датский совет по технологиям и инновациям, Норвежский научный совет.

В настоящее время странами-участницами Северного совета осуществляется 14 проектов. Крупнейшим из них проектом является научно-исследовательская инициатива по климату, энергетике и окружающей среде, осуществляемая с 2009 г. с бюджетом в €54 млн на пятилетний период**. Еще одна программа направлена на развитие партнерства между частными

* Такое сотрудничество осуществляется по трем направлениям: сотрудничество по гуманитарным и общественным наукам, по естественным наукам и по медицинским наукам.

** Mini Country Report/Norway by INNO Policy TrendChart. 2011. P. 5.

предприятиями и государством, между бизнесом и университетами. Развивается также северное научное сотрудничество в области энергетики, благосостояния и социальных вопросов, общественного здравоохранения, сельского и лесного хозяйства, повышения профессиональной подготовки и охраны труда, генетики, охраны окружающей среды, информационных технологий и электроники и т. д.

Предполагается усиливать сотрудничество прежде всего в области информационных и коммуникационных технологий, в области стандартизации, обучения и профессиональной подготовки. Признано полезным развивать частно-государственное партнерство в целях дальнейшего распространения и развития информационных и коммуникационных технологий на рабочих местах и в повседневной жизни.

Страны Северной Европы намерены также углублять сотрудничество с балтийскими странами, особенно в области науки, образования и реализации Балтийской морской стратегии. Министры северных стран также придают большое значение сотрудничеству с Россией, Азией, а также в Арктическом регионе. Североевропейское сотрудничество будет развиваться преимущественно по трем направлениям: обмен опытом, реализация совместных инициатив, разработка общих подходов к глобальным вопросам.

Новой формой сотрудничества является объединение национальных инновационных систем. При этом предполагается выделить страны-лидеры в разных областях научных исследований, которые будут брать на себя главную ответственность за результаты. Для реализации стратегии «Научные знания для достижения „зеленого“ роста и благосостояния» разрабатываются годовые программы. Были созданы новые единые для Северной Европы инновационные институты, такие как: НордФорск, Северный инновационный центр и др.

НордФорск финансирует инициативу «ЛИЛАН», которая охватывает все страны Северной Европы и Балтии с целью организации сотрудничества между производителями и потребителями товаров и услуг, чтобы тестировать их качество в целях усиления новаций. НордФорск исследует также значе-

ния стандартизации для продвижения инноваций и развития государственных закупок.

В 2003 г. единый бюджет Северного совета в сфере НИОКР не достигал 1 % совокупных национальных расходов, выделяемых по государственной линии на эти цели, но было принято решение, что эта доля будет постепенно повышаться, пока не достигнет 30 % от совокупных национальных ассигнований*.

Страны Северной Европы перешли от стихийно развивающегося НТП к планируемому и установили связь его развития с технологическими потребностями экономического комплекса. Этому служат организационные реформы в области НИОКР и инноваций, которые проводятся во всех странах региона начиная с 1980-х гг. Во всех странах, кроме Швеции, высшие органы научно-исследовательской и инновационной политики имеют более высокий статус, чем отраслевые министерства.

Для образования единого научно-исследовательского и инновационного пространства была создана и продолжает развиваться соответствующая инфраструктура: Северный совет по научным исследованиям и инновациям, Северный научно-исследовательский институт (НордФорск), Северный инновационный центр, Северный форум венчурного капитала, Северный инновационный фонд при Северном инвестиционном банке. Ранее был образован Центр северных исследований по энергетике.

Существенной предпосылкой развития разнообразного сотрудничества между североевропейскими странами, в том числе в форме создания единого научно-исследовательского, технологического и инновационного пространства, явилась деятельность Северного совета и Совета министров северных стран, без которых концепция единого североевропейского научно-исследовательского, технологического и инновационного пространства вряд ли могла возникнуть. Северный совет служит органом межпарламентского сотрудничества, а Совет министров обеспечивает межправительственное взаимодействие.

* Björkstrand G. NORIA. Vitbok om nordisk forskning och innovation. Huvudrapport. S. 65, 67.

Это позволяет воспользоваться эффектом синергии и достичь критической массы там, где недостаточно национальных усилий. Благодаря деятельности этих двух институтов в регионе зачастую удается реализовать интеграционные задачи раньше, чем в ЕС. Например, паспортный союз был достигнут ими уже в 1957 г., а полное объединение рынков труда (включая пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание) — в 1982 г.

Механизмы и направления инновационного сотрудничества

Приоритетной областью научного и инновационного сотрудничества стран Северной Европы являются информационные технологии, которые превратились уже в традиционное направление их сотрудничества. Разработана Североевропейская стратегия по информационным технологиям и технологиям дальней связи, а также программа по ее реализации. На ее осуществление выделено на период 2011–2015 гг. 110 млн норв. крон*. Национальные научные советы, а также министры по науке и образованию всех северных стран наладили сотрудничество на уровне экспертов. Согласно исследованию Всемирного экономического форума, Швеция, Финляндия, Дания и Норвегия вошли в десятку стран — мировых лидеров по степени развития информационных технологий**.

Во всех североевропейских странах был осуществлен перевод значительной части правительственных услуг в электронную форму — так называемое электронное правительство. Например, в Норвегии правительство по проекту «Алтинн» предоставляет предпринимателям более 700 различных форм, которые используются ими для отчета или получения информации о различных регламентах, регулирующих экономическую деятельность, о государственных закупках и тендерах и т. д.

* Nordic eScience Globalisation Initiative — NordForsk (<http://www.nordforsk.org>). По состоянию 2010 г. \$1 США = 6,0453 норв. крон; €1 = 8,0068 норв. крон (Nordic Statistical Yearbook. Nord. Vol. 49. Copenhagen, 2011. P.128).

** The Global Information Technology Report 2010–2011. WEF, 2011.

Скандинавские страны и Финляндия уже довольно давно осознали преимущества региональной интеграции, которую они развивают в областях взаимной заинтересованности. Эти области, как правило, соответствуют направлениям их внешнеторговой специализации. Такое объединение ресурсов позволяет достичь необходимой для успеха критической массы. Поэтому *сфера НИОКР североевропейских стран быстрее всего интернационализируется именно на региональной основе*. Такое объединение взаимовыгодно, т. к. их научно-технологические потенциалы взаимно дополняют друг друга. В частности, *Дания накопила богатый опыт в области ветроэнергетики, энергосбережения, фармацевтики, биотехнологии; Исландия — в области геотермальной энергетики, рыбпереработки; Норвегия — в оффшорной добыче углеводородов, современных средств морского транспорта, цветной металлургии; Финляндия — в целлюлозно-бумажной промышленности, информатики и средств программного обеспечения; Швеция — в областях альтернативных источников энергии (особенно биотоплива), производства автомобилей с гибридными двигателями, переработки отходов в биотопливо и т. д.* Вместе с тем все североевропейские страны заинтересованы в развитии информационных и коммуникационных технологий, однако региональными лидерами в этом направлении являются Финляндия и Швеция. В области биотехнологии и фармацевтики лидируют Дания и Швеция.

По сообщению Северного инновационного центра, в 2009 г. страны региона инвестировали в инновации за рубежом €150 млн, а иностранные инвесторы вложили в инновационный бизнес Скандинавии €308 млн*. Таким образом, чистый приток составил €158 млн. Эти данные говорят о том, что другие страны тоже осознают преимущества североевропейских стран в области инноваций и стремятся ими воспользоваться.

Североевропейские страны опережают средний уровень ЕС по степени развития венчурного финансирования. По данным

* Statistical Cross Border Venture Capital Investments in the Nordic Region. 2010. Dec. // Nordic Innovation Centre. 2010. Dec. P. 4.

Европейской ассоциации частных инвестиций и венчурного капитала (ЕВКА), за 2011 г. венчурные инвестиции оставили 0,064 % ВВП — в Швеции; 0,052 % ВВП — в Дании; 0,044 % ВВП — в Финляндии и 0,034 % ВВП — в Норвегии по сравнению с 0,026 % ВВП — для ЕС в среднем*. Швеция, Финляндия и Дания опережают ЕС также по доле совокупных инвестиций в НИОКР по отношению к ВВП. Европейская ассоциация венчурных инвестиций в 2010 г. поставила Швецию на 5-е место в ЕС по степени инновационной активности.

Почему североевропейским странам удалось перейти к интенсивному взаимодействию в такой сложной для сотрудничества сфере, как технологическая и информационная раньше, чем Европейскому Союзу? Ведь такое сотрудничество связано с рядом сложностей в связи с действием следующих факторов:

— во-первых, эта сфера является основой поддержания конкурентоспособности, поэтому наряду с заинтересованностью в объединении ресурсов в целях экономии расходов действуют серьезные мотивы для самостоятельной (т. е. отдельной) деятельности;

— во-вторых, научная, технологическая и инновационная интеграция требует взаимодействия между множеством участников, координация усилий которых представляет собой довольно сложную задачу. Осложняет взаимодействие также тот факт, что в этих странах уже сложились национальные инновационные системы со своими системами организации, финансирования и управления. Поэтому при налаживании взаимного сотрудничества взаимодействие должно осуществляться одновременно на нескольких уровнях: наднациональном и межгосударственном, а также на уровне самостоятельных участников. Не облегчает задачу то обстоятельство, что эти конкретные участники (соисполнители) относятся к разным сферам народного хозяйства: науке, системе образова-

* EVCA Yearbook 2012. Activity Data on Fundraising, Investments and Divestments by Private Equity and Venture Capital Firms in Europe. P. 32.

ния, венчурным образованиям разного типа, инновационным кластерам и т. д.;

— в-третьих, сфера науки, технологий и инноваций достаточно сложна для организации взаимодействия (кооперации) даже на уровне отдельных стран, естественно, сложности такого рода только возрастают при переходе на более высокие уровни.

С другой стороны, делу объединения научно-исследовательского, технологического и инновационного пространства североевропейских стран содействует несколько положительных факторов, среди которых следует назвать следующие:

1. Одновременный переход североевропейских стран к интенсивному типу развития, основанному на активном использовании интеллектуального ресурса экономического развития.

2. Некоторые особенности североевропейских стран, а именно раннее включение их в новый вид международного разделения труда — разделение труда в научно-технологической сфере, недостаточность национального потенциала для получения значимых достижений на основе исключительно национальных действий, относительная узость внутреннего рынка из-за малого демографического потенциала.

3. Создание в странах Северной Европы национальных инновационных систем, которые могут при определенных условиях трансформироваться в инновационную систему на уровне региона.

4. Формулировка на уровне ЕС и Северного совета концепции единого научно-исследовательского, технологического и инновационного пространства и реализация этой концепции на практике.

5. Развитие всех североевропейских стран по единой для региона модели социально-экономического развития, что благоприятствует взаимодействию между ними во всех областях и формах сотрудничества.

6. Сохранение во всех североевропейских странах ведущей роли государства при формулировании стратегии национального экономического развития и организации эффективной системы ее реализации на практике.

7. Традиции регионального сотрудничества, соответствующее институционально-организационное его обеспечение при помощи Северного совета и Совета министров Северных стран.

Североевропейские страны выделяются в мире высокой инновационной активностью. Это проявляется как в отношении финансирования сферы НИОКР и инноваций, так и в сфере применения их результатов. Принятие курса на интенсивное использование инновационных факторов поддержания экономического роста и благосостояния обусловлено особенностями исторического развития региона и формированием североевропейской модели экономического развития. В этом отношении у них много общего. В скандинавских странах, которые рано включились в процессы интернационализации производства, было глубоко осознано на уровне формирования экономической политики значение НИОКР и инноваций в качестве важнейшего экономического ресурса современной экономики. Это осознание пришло раньше, чем у многих других стран, готовых перейти к интенсивному пути развития. В результате экономика этих государств вышла на путь постоянного качественного обновления. Развитию в этом направлении способствовали следующие факторы:

— узость внутреннего рынка, мотивирующая развитие специализированных производств с последующим выходом соответствующей продукции на мировой рынок;

— создание социального государства, обеспечивающего человеческие ресурсы высокого качества, которые способны осуществить перевод экономики на интенсивный тип развития;

— некоторые особенности психологического склада скандинавских народов (высокая креативность, трудолюбие как высшая ценность, склонность к перфекционизму, исторические традиции активного инженерно-технического изобретательства и социальных новаций);

— особая политическая и общественная культура, обеспечивающая конструктивное взаимодействие (кооперацию) между разными звеньями народного хозяйства и уровнями общества;

— особенности организации бизнеса и создание сетевых научно-внедренческих и торгово-производственных систем;

— создание национальных инновационных систем, объединяющих различные звенья инновационной цепочки и позволяющих им действовать как единое целое в результате создания особого сектора экономики, обеспечивающего эффективный перенос новинок из сферы НИОКР в сферу производства и потребления продукции;

— сильная мотивация к внедрению новинок в результате усиления конкуренции и появления новых импульсов к нововведениям (инновации, инициируемые партнерами по кооперации и/или потребителями конечной продукции);

— участие в западноевропейской интеграции, подстегивающей конкуренцию и углубление интеграции в рамках Северной Европы, которая, не будучи традиционно оформленной, тем не менее благодаря деятельности Северного совета и Совета министров северных стран фактически получила значительное развитие, а в некоторых областях шла с опережением по сравнению с интеграцией в рамках ЕС. Например, в отношении интеграции рынка труда, создания паспортного союза и интеграции в социальной сфере, а теперь — и в инновационной сфере.

Таким образом, североевропейская интеграция стала развиваться как более плотное ядро в рамках Европейского Союза, обеспечивая преимущества масштаба участвующим в ней странам.

Во всех североевропейских странах научно-техническая и инновационная политика пользуется высоким статусом. Здесь были созданы специальные государственные органы для поддержки инноваций, деятельность которых увязана с министерствами по экономике или по науке и образованию.

Несмотря на большое разнообразие, можно выделить общие тенденции, присущие всем североевропейским странам. Это, во-первых, увязка научных исследований с технологическими потребностями промышленности. Во-вторых, разработка и применение финансовых мер содействия внедрению инноваций (венчурное финансирование) и созданию новых предприятий на начальных этапах их развития. В-третьих,

приоритетное развитие энергетических, информационных и природоохранных технологий. В-четвертых, упор на использование регионального потенциала. В-пятых, это совершенствование национальных инновационных систем и использование преимуществ международного научно-технического и инновационного сотрудничества.

За формированием научной и инновационной политики в странах Северной Европы наблюдают высшие уровни государственного управления. В Финляндии Совет по науке и инновациям подотчетен только Государственному совету и парламенту страны. Датский совет по научно-исследовательской политике отчитывается непосредственно перед фолькетингом. В некоторых странах североевропейского региона были образованы советы по глобализации, которые рекомендовали своим правительствам содействовать усилению инновационной деятельности, так как только это может быть адекватным ответом на вызовы глобализации, которая все более жестко диктует условия экономической деятельности, навязывая свои правила.

Во всех государствах региона существуют поддерживаемые государством академии наук, ученые и инженеры обладают высоким общественным статусом, входят в различные консультативные органы, например в органы, формулирующие научную, технологическую и инновационную политику, в советы, специально созданные для формирования политики в условиях глобализации.

В Скандинавии наука и образование хорошо финансируются, и это финансирование почти постоянно увеличивается. Даже во время последнего кризиса, когда многие страны стали сворачивать свои научные и научно-технические программы и урезать расходы на образование, североевропейские страны продолжали увеличивать инвестиции в сферу НИОКР и систему подготовки кадров, включая высшую школу. В ответ на последний кризис в Исландии и Дании ввели налоговые скидки для предприятий, если они осуществляют НИОКР. Например, в Исландии в 2010 г. этой льготой воспользовалось более 100 компаний. Если еще в начале 1990-х гг. финансирование НИОКР в североевропейских странах находилось приблизи-

тельно на уровне ЕС, то сейчас оно существенно превысило его и по отношению к ВВП, и в расчете на душу населения. По данным Инновационного совета ЕС, в 2010 г. первые три места среди стран ЕС по инновациям занимали Швеция, Дания и Финляндия. В том же году Финляндия оказалась на 4-м месте в мире по глобальному индексу конкурентоспособности*.

В Швеции, например, в 2001 г. был достигнут рекордный уровень финансирования НИОКР, когда на эти цели было направлено свыше 4 % ВВП. В настоящее время в этой стране (см. табл. 1) на эти цели выделяется 3,8 % ВВП по сравнению с 2,1 % в ЕС в среднем. Примерно на таком же уровне, как в Швеции, финансируется наука в Финляндии, где рекордный уровень был достигнут в 2009 г. (с показателем в 3,96 % ВВП). Дания и Исландия поставили своей целью довести финансирование до уровня Швеции и Финляндии, т. е. до 3 % ВВП, что было реализовано к 2009 г. В Швеции и Финляндии было принято решение еще больше повысить финансирование НИОКР и довести его до 4 % к 2020 г. В этом отношении немного отстает Норвегия, в которой, как и в России, наблюдается отток ресурсов в добывающую промышленность в ущерб инновациям.

Таблица 14.1

**Финансирование сферы НИОКР
в североевропейских странах в 2005–2010 гг. (% от ВВП)**

Страны	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Дания	2,46	2,48	2,58	2,87	3,02	-**
Исландия	2,77	2,99	2,68	2,65	3,10	-
Норвегия	1,52	1,52	1,65	1,64	1,80	-
Финляндия	3,48	3,48	3,47	3,72	3,96	3,88
Швеция	3,56	3,68	3,40	3,70	3,62	3,8
ЕС-15	1,89	1,92	1,93	2,01	2,10	-

Источник: Nordic Statistical Yearbook, Nord. Copenhagen, 2011. Vol. 49. P. 138.

* The Innovation Union Scoreboard. 2010 (см. также: (Mini Country Report/Finland by INNO Policy TrendChart. 2011. P. iii).

** В 2010 г. расходы Дании на НИОКР по отношению к предыдущему году выросли по всем статьям (Mini Country Report/Denmark

Заметим, что после кризисного 2008 г. все североевропейские страны повысили степень финансирования своей сферы НИОКР, кроме Швеции, которая, слегка снизив показатель в 2008 г., вновь увеличила его в 2009 и 2010 гг. Действительно, зачем резать курицу, которая несет золотые яйца? Исландия сократила ассигнования на НИОКР из государственного бюджета в абсолютном выражении на 10–15 % под влиянием банковского кризиса, начавшегося в октябре 2008 г., но поскольку ВВП также сократился, то в относительном выражении в 2009 г. эта доля даже выросла. Однако в 2010 и 2011 гг. Исландия несколько сократила совокупные расходы на НИОКР из-за роста государственного долга. Если ЕС в 2010 г. уменьшил государственное финансирование НИОКР по сравнению с предыдущим годом на 1,6 %, то страны Северной Европы, напротив, увеличили на 2,1 % (табл. 14. 2).

Таблица 14.2

**Государственное финансирование НИОКР
в странах Северной Европы (€млн по ППС)**

Страны	2007	2009	2010	2010 (2007 = 100 %)
Дания	1313,9	1512,7	1627,2	123,8 %
Исландия	82,4	81,6	69,4	84,2 %
Норвегия	1509,4	1885,0	1775,9	117,6 %
Финляндия	1514,1	1554,1	1717,5	113,4 %
Швеция	2278,4	2383,3	2382,7	104,6 %
Страны Северной Европы, всего	6698,4	7416,7	7572,7	113,0 %
ЕС		81301,8	80002,8	98,4 % (2009 = 100 %)

Источник: Nordic Statistical Yearbook. Norden. Copenhagen, 2008 (p. 47); 2010 (p. 53); 2011 (p. 139).

Еще более ярко проявляются приоритеты стран Скандинавии и Финляндии, если взять данные по инвестициям в НИОКР в пересчете на душу населения. Эти данные Северный совет представляет в виде диаграммы, из которой видно, что Финляндия и Швеция выделяют более € 1000 на душу на-

by INNO Policy TrendChart. 2011. P. 11–12).

селения по сравнению с немногим более € 600 в ЕС, если рассматривать их в составе 15 стран. Дания, Исландия и Норвегия также опережают ЕС по душевому финансированию сферы НИОКР, хотя и не так значительно, как североевропейские лидеры Швеция и Финляндия*. По числу патентов на миллион жителей в Скандинавии лидирует Швеция: почти 400 патентов на миллион. Швеция, Финляндия и Дания опережают средние показатели ЕС по числу зарегистрированных патентов в расчете на миллион жителей. Все страны Северной Европы опережают ЕС по числу цитирования, которое приходится на одну статью, а также по численности публикаций, которая приходится на миллион жителей. Дания, Финляндия и Швеция относятся к лидерам в ЕС по численности ученых, обладающих докторской степенью. Немного отстают от Швеции Дания и Финляндия (300–340 патентов). На публикации всех североевропейских стран часто делают ссылки иностранные авторы: Дания оказалась на 4-м месте в мире в этом отношении среди стран ЕС, а Финляндия — на 11-м. И это является очень хорошим результатом, учитывая численность населения этих стран.

Скандинавские страны первыми в рамках ЕС начали ликвидировать свое отставание от США в отношении развития рынка венчурных капиталов и «бизнес-ангелов». По данным Европейской ассоциации частных инвестиций и венчурного капитала (ЕВКА), Швеция оказалась в 2011 г. на 1-м месте среди ее членов по величине венчурных инвестиций. Доля венчурных капиталовложений составила 0,064 % ВВП Швеции**. В этой стране венчурные инвестиции претерпели лишь незначительное сокращение в 2008 г., а в 2009–2010 г. уже вновь отмечалась позитивная тенденция.

Теоретической основой инновационной политики (а позднее и инновационной интеграции) в североевропейских странах явились разработки преимущественно скандинавских ученых, которые получили известность наряду с концепциями

* Nordic Statistical Yearbook, Nord. Copenhagen, 2011. Vol. 49. P. 140, 141.

** EVCA Yearbook 2012. European Private Equity and Venture Capital Association. 2012. P. 32.

американских теоретиков. *Б. О. Лундвалль развил важную концепцию национальной инновационной системы и интерактивного обучения в процессе производства, а Курт Согнер ввел не менее важное понятие инновационной культуры. Идеи Лундвалля и Согнера позволили выработать качественно другое отношение к науке и инновациям. Эту сферу перестали рассматривать как ресурсопоглощающую, осознав ее значение в качестве постоянно растущего по своему значению экономического ресурса.* Разумеется, такие качества наука и инновации приобретают при соблюдении целого ряда условий:

— распространение процессов специализации на науку и инновации, с тем чтобы достичь необходимой критической массы вложения человеческих и денежных ресурсов, необходимой для получения значимых коммерческих результатов;

— создание особого (венчурного) сектора экономики и целостной инновационной системы (цепочки), что позволяет разным звеньям народного хозяйства, несмотря на организационную разобщенность, порождаемую существованием частной собственности, действовать фактически как единое целое, так как действительно эффективные значительные инновации являются продуктом всего общества;

— *переход от научно-технической политики, направленной непосредственно на сферу создания новых знаний и продуктов, к политике инновационной, которая со временем все больше приобретает интеграционный характер, пронизывая и переплетаясь с политикой в области промышленности, охраны окружающей среды, в сфере образования и т. д.;*

— *исторические традиции изобретательства и высокий статус естественных наук и инженерного дела, а также прочный авторитет соответствующих специалистов;*

— *выработка приоритетных целей в научно-технической, технологической и инновационной сферах, соответствующих целевым установкам сложившейся модели социально-экономического развития, позволяющих достичь синергетического эффекта.*

В настоящее время приоритетными целями для развития стран скандинавского региона являются:

— декарбонизация экономики на основе расширения использования альтернативных экологически дружественных источников энергии;

— улучшение качества жизни и повышение жизненных стандартов на основе развития наук о жизни и окружающей среде (биотехнология, фармацевтика, превентивное направление в медицине, налаживание невраждебного взаимодействия между человеком и природой, переход к согласованному развитию природы и человека);

— повышение степени защиты окружающей среды, которая понимается как важный жизненный ресурс человека и общества, которому современная техногенная цивилизация, развивающаяся на рыночных принципах, наносит заметный ущерб или даже прямой вред, так как она не учитывает в должной мере экологические последствия, особенно отложенные во времени.

Североевропейская модель социально-экономического развития не только не препятствует переводу экономики на интенсивный инновационный путь развития, но напротив, способствует этому. Во-первых, она содействует развитию человеческого потенциала и разрыванию творческих способностей, повышению креативности. Не случайно именно в Скандинавии широко используются понятия «социальный и человеческий капитал», «креативное производство» и «креативные отрасли» экономики. Во-вторых, эта модель создает предпосылки для конструктивного взаимодействия между разными звеньями народного хозяйства. С одной стороны, она ведет к относительно равномерному распределению качественных человеческих ресурсов между разными его звеньями. С другой стороны, эта модель содействует формированию консенсусной культуры, которая в принципе исключает игнорирование интересов (а следовательно, подавление продуктивной активности) одних звеньев общественной системы (например науки или образования) другими. В-третьих, благодаря высокому уровню жизни широких слоев населения она содействует приобретению внутренним рынком особых качеств. Такой рынок предъявляет высокие

требования к качеству продукции, он обеспечивает относительно высокий спрос на инновационные изделия, которые, утвердившись на внутреннем рынке, затем находят себе дорогу на рынок внешний. Этот феномен получил в западной литературе отражение в следующем понятии — «инновации, инициируемые потребителями продукции». Развертываются также инновации, инициируемые партнерами по кооперации, что получило отражение в теории конкурентоспособности М. Портера.

Важно также подчеркнуть, что социальное государство является значительным потребителем инновационной продукции. Дело в том, что без развития науки и внедрения ее результатов в виде инноваций невозможно существование современного социального государства, осуществляющего переход к устойчивому развитию на основе дружественного взаимодействия между современной техногенной цивилизацией и окружающей человека природной средой. Бесплатное образование вплоть до высшего; качественное медицинское обслуживание, доступное для широких слоев населения; высокоразвитая инфраструктура; эффективно действующая на основе применения наукоемких технологий и принципа консенсуса государственная машина (в том числе электронное правительство); проявление действенной заботы о состоянии природной среды; переход к экономике, независимой от сжигания углеводородов, — все это критически сильно зависит от технологических, организационных и социальных новаций, а также от глубины сотрудничества между североевропейскими странами. Социальная ориентация государства создает эффективный и массовый спрос на продукцию соответствующих видов деятельности. Короче говоря, социальное государство, с одной стороны, создает спрос на инновации, а с другой — содействует увеличению предложения новаций. У частного бизнеса североевропейских стран действует иная, но тоже очень действенная инновационная мотивировка, связанная с необходимостью удержания завоеванных позиций на мировом рынке. На этой основе складывается частно-государственное партнерство, направленное не на экстенсивное потребление

природных ресурсов (как в странах, которые специализируются на экспорте сырья), а на качественное развитие экономики на основе использования инновационных факторов.

Выработка новых целевых установок общественного и экономического развития, означающих глубокий переворот в экономике и экономической политике, здесь происходит не стихийно, а сознательно и организовано при ведущей роли государства и активном участии частного бизнеса. Такой переход от экстенсивного развития, основанного на стихийном НТП, к развитию интенсивному, основанному на активном использовании инновационных факторов, фактически частично выводит экономику этих стран за рамки неолиберальной модели, важнейшим принципом которой является невмешательство государства — так называемый принцип «laissez-faire». Переход к инновационному типу развития изменяет рыночную экономику в ее традиционном понимании, усиливая элементы стратегического планирования целей и механизмов их достижения на макроэкономическом уровне. Если сформулировать в наиболее общем виде, то такой выход мотивирует социальное государство, переход к «зелёной экономике», включая «зеленую энергетику», «зеленое коммунальное хозяйство», усиление охраны окружающей среды и переход к устойчивому развитию.

Обзор правительственных программ, направленных на стимулирование инноваций в североевропейских странах, показывает ведущую роль государства в переводе их экономики на ресурсосберегающий инновационный тип развития и к объединению их национальных инновационных систем в единую для региона структуру. И крупный, и мелкий бизнес без помощи государства не способен соединить воедино все звенья инновационной цепочки. Его интересуют лишь непосредственные результаты хозяйственной деятельности, получаемые в краткосрочной перспективе. Предприниматели не склонны без поддержки государства выполнять долгосрочные задачи, обеспечивающие повышение степени защиты окружающей среды или переход к широкому использованию альтернативных источников энергии, развитие долгосрочной

кооперации между разными звеньями национальной инновационной системы и международного сотрудничества. Интерес к инновациям у частного бизнеса просыпается только тогда, когда они способны приносить коммерческую выгоду уже в краткосрочном плане, поэтому заботу об общественном благе в долгосрочной перспективе вынуждено брать на себя государство.

Глава 15. Наука в Восточной Европе: ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ПОСЛЕ РЕФОРМ

Почти четверть века, прошедшая после кардинальных восточноевропейских трансформаций, породила множество исследований, посвященных итогам этого периода. И вряд ли было бы логично обойти вниманием ситуацию, сложившуюся за эти годы в исследовательских и образовательных структурах региона.

Попутно также следует отметить и то обстоятельство, что наряду с анализом текущих восточноевропейских страновых реалий, терминологическая ситуация, отражающая фиксацию границ региона, до сих пор полностью не устоялась, оставшись практически столь же неравновесной, как и более чем двадцать лет назад. Именно поэтому нелишне посвятить несколько строк в начале статьи изложению нашей позиции по этому вопросу. Она основана на взглядах Арнольда Тойнби, утверждавшего, что граница между Европой и «не-Европой» проходит по линии Будапешт—Прага—Краков—Варшава—Рига—Таллинн, тогда как «сердцевина» Запада находится в треугольнике Париж—Рим—Барселона. Столь афористично зафиксированная автономность Восточной Европы в противоположность Европе Западной, в том числе и социокультурная, все же безусловно существует. Заметим также, что в данной главе будут проанализированы организационные

трансформации лишь тех национальных восточноевропейских исследовательских структур, которые оказались либо наиболее значимыми, либо, напротив, минимальными. Наука же государств СНГ намеренно оставлена за скобками данного рассмотрения.

Малые страны — малые науки

Наука региона была и остается «малой наукой», к которой, видимо, применимы иные закономерности, нежели к большим научным организациям науки Великобритании, Германии, Франции и других ведущих европейских научных держав. И если в большой стране малая наука не в состоянии эффективно выполнять свои функции, то, напротив, малая наука для небольших восточноевропейских стран — это нормальное явление. Хотя определенные «подводные камни» имеются и здесь, поскольку в целом современная наука — это крупномасштабное производство, требующее избыточных ресурсов. По этим параметрам наука стран рассматриваемого региона еще долго будет объективно отставать от стран-лидеров.

Переходный период оказался для восточноевропейской науки менее болезненным в тех странах, где существовали научные школы высокого уровня (прежде все польская и чешская наука). В целом же эволюция стартовых позиций для развития науки Восточной Европы в первое десятилетие нового века оказалась гораздо менее благоприятной, чем это ожидалось. До сих пор исследовательские системы в полной мере не востребованы рынком, государством и промышленностью. *Более чем за двадцать посткоммунистических лет экономическая ситуация в Польше, Чехии, Венгрии и Словении кардинально изменилась к лучшему, не затронув в ожидаемых масштабах сферу науки и образования. Низкие темпы трансформирования этих сфер по-прежнему определяются недостатком финансирования.* До падения Берлинской стены страны региона тратили на науку по крайней мере 1,5 % ВВП. Сегодняшнюю ситуацию с расходами на науку иллюстрирует табл. 15.1. Из нее следует,

что на сегодняшний день предреформенные масштабы финансирования достигнуты лишь в Чехии, Словении и Эстонии. Словения ныне является безусловным лидером по финансированию ИР (2,11 % ВВП). Достаточно высок данный показатель у Эстонии: 1,62 % ВВП. Особенно впечатляет то обстоятельство, что за десятилетие он вырос более чем в два раза.

Таблица 15.1

Расходы на ИР, % ВВП

Страны	2001	2007	2009	2010
EU-27	—	1,85	2,01	2,0
EU-15	1,92	1,93	—	—
Чехия	1,2	1,54	1,53	1,56
Польша	0,62	0,57	0,68	0,74
Венгрия	0,92	0,97	1,15	1,16
Словения	1,5	1,45	1,86	2,11
Словакия	0,63	0,46	0,48	0,63
Болгария	0,47	0,48	0,53	0,6
Румыния	0,39	0,52	0,47	0,47
Латвия	0,41	0,59	0,46	0,6
Литва	0,67	0,81	0,84	0,79
Эстония	0,7	1,11	1,42	1,62

Источник: Eurostat.

За прошедшие 10 лет почти не выросли расходы на науку в Польше. Тем не менее ее результаты пока продолжают оставаться лучшими в регионе, и вряд ли это случайно. Скорее всего, в тех странах, где объемы финансирования исследовательского процесса в силу различных причин недостаточны, роль их частичного компенсатора может выполнять научная школа. Пример Польши, имеющей химическую школу с конца XIX в. и хорошие результаты в этой области в условиях ограниченного финансирования сегодня, это подтверждает. Достаточно результативна польская наука и в других дисциплинарных областях.

С 1989 г. наука этого региона по многим показателям оказалась отброшена на уровень стран третьего мира. Экономические факторы были усилены факторами внешней (на работу

в США) и в еще большей степени внутренней интеллектуальной миграции. Если предположить, что эта тенденция будет воспроизводиться и еще десятилетие, то в цепи научных поколений будет выбито системообразующее звено. Внутренняя утечка мозгов при этом оказалась куда более существенной, нежели внешняя. Одновременно возник феномен многократной занятости (мультизанятости). Наличие трех рабочих контрактов оказалось среди большинства профессоров скорее правилом, чем исключением. В Польше, например, это привело к формальному запрету на занятость профессоров больше чем в одном университете города.

Ныне молодежь Восточной Европы повсеместно не слишком стремится выбрать науку в качестве профессии, особенно в родной стране. Причины этого очевидны и вполне тождественны российским реалиям: это низкое финансирование и столь же невысокий престиж профессии исследователя, связанный с изменениями в ценностях ориентированного на рынок социума. Кроме того, «быстрое развитие системы нескольких высших образований ведет к ситуации, когда выпускников оказывается больше, чем рабочих мест. Тогда часто приходится выбирать профессиональные позиции, не соответствующие образовательному уровню. Причем это характерно не только для стран ЦВЕ, но и для Европы в целом. Позиции для молодежи в штате научных учреждений предусмотрены редко, а действие в продвижении исследовательской карьеры — еще реже. Уехавших же, как правило, не ждут в родной стране, поскольку они — в определенной степени угроза как для университетских, так и для академических структур. В основном же молодежь предпочитает работать в недавно созданных исследовательских структурах или университетах. Традиционные же структуры оказываются — в том числе и по этой причине — подвержены неизбежному старению кадров»*.

Как известно, в социалистический период профессиональная занятость в сфере науки и высшего образования считалась

* Статус и достижения социальных наук в Центральной и Восточной Европе. 2006. С. 3.

социально престижной и хорошо оплачивалась. Ныне все изменилось (начиная с появления феномена многократной занятости у ученых высшей квалификации). Последние пока еще остались. Именно на них и делает ставку наука Западной Европы, воплощая проекты международного научно-технического сотрудничества со странами региона. Восточноевропейская наука прежде всего заинтересована в финансовых ресурсах ЕС, однако, во-первых, они недостаточны, а во-вторых (что, возможно, даже более значимо), ведущие европейские страны и сами пока не являются примером успешного инновационного развития в мировом масштабе.

После смены политических режимов в восточноевропейских странах связи региональной науки с Западом быстро восстановились и расширились. В результате оказалось, что сотрудничество науки региона со странами ЕС-15 и США происходит куда активнее, нежели с другими посткоммунистическими странами. Последнее в большей степени основано на двусторонних соглашениях. Хотя, разумеется, региональное сотрудничество в науке и образовании существует и на уровне стран Балтии, государств Вышеградской группы и стран Юго-Восточной Европы.

В целом произошедшие более чем за два посткоммунистических десятилетия изменения в науке региона оказались в значительной степени хаотичными. Значительной реструктуризации исследовательских систем не произошло и, видимо, не предвидится в ближайшей перспективе.

Восточноевропейское научное сообщество по-прежнему не ответило на три главных вопроса: о структуре национальных исследовательских систем, их оптимальных размерах и эффективности. Возможно, на эти вопросы и не существует однозначных ответов, и поэтому дальнейших изменений в науке региона следует ожидать прежде всего исходя из внутренней логики ее развития, а не отталкиваясь от конъюнктурных управленческих новаций.

Движение в сторону становления постиндустриального социума сегодня в той или иной мере является магистральным вектором развития для большинства стран мира. Дистанция

же между провозглашением такой стратегии и процессами реализации подобных устремлений в большинстве случаев оказывается весьма значительной. Мировой опыт показывает, что изменения подобного рода повсеместно сопряжены со значительными трудностями как специфически национального, так и общего характера. Одновременно в процессе этого продвижения выявляются те элементы национальных стратегий модификации научно-технологических пространств, которые, во-первых, формируются по апробированным странам — лидерами мирового инновационного развития лекалам, а во-вторых, не могут не учитывать традиции и возможности той или иной страны во вполне конкретном исторически-временном интервале. Это последнее обстоятельство, пожалуй, представляется наиболее значимым в контексте данного рассмотрения текущих особенностей функционирования науки в восточноевропейском регионе.

Предлагаемый здесь взгляд на данную проблему, в сущности, нацелен на получение ответа на единственный, но весьма непростой вопрос: действительно ли менеджмент исследовательского процесса является для современной науки определяющим фактором развития? Выбор, сделанный государствами региона более чем двадцать лет назад, поставил финальную точку в развитии ее науки по централизованному образцу исследовательского процесса в СССР, но отнюдь не перечеркнул результатов, как достигнутых за этот период, так и сформировавших ранее национальные науки в Восточной Европе.

Языком фактов и цифр о науке региона

Итоги двух посткоммунистических десятилетий, о которых пойдет речь ниже, безусловно, формировались на фундаменте истории национальных наук региона как таковой.

В этот период для малых стран Восточной Европы оказалось невозможно расходовать одинаковые ресурсы по всем направлениям ИР, поэтому необходимо было определиться с ключевыми областями. Именно по этой причине большинство восточно-

европейских стран изложило свои научно-технологические приоритеты в национальных документах. Во многом они схожи с приоритетами Евросоюза как целого. К ним отнесены: информационные технологии, науки о жизни, нанотехнологии, национальная культура, история и язык. Вероятно, такой минимальный набор приоритетов абсолютно оправдан, поскольку естественнонаучная триада на сегодня является ведущей во всемирном масштабе. Другое дело, что ресурсное обеспечение этого движения весьма различается от страны к стране, равно как и менеджмент исследовательского процесса и наличие различных лобби, препятствующих приоритетному развитию избранной области. Гуманитарные приоритеты национальной идентичности также были приняты как безусловные практически повсеместно. Хотя и здесь следует отметить, что значимость социальных наук практически столь же повсеместно не поддерживается адекватным финансированием.

А наше сравнение стран предварим статистикой.

Таблица 15.2

**Рейтинг стран региона по количеству научных публикаций
(База данных ISI за период 2006–2010 гг.)**

Страны/ дисциплины	Клинич. мед-на	Физика	Химия	Молек. биол. и генетика	Сод. науки	Инж. науки	Математика	Комп. науки	Все поля
Польша	14339	22973	22272	2491	909	11675	5410	2924	135762
Чехия	6638	7505	10307	1411	887	3609	2444	1331	59199
Венгрия	6397	5250	7769	1244	718	2812	2607	1119	46560
Румыния	1498	5042	7718	297	459	2659	2380	810	29762
Словакия	1763	3028	3585	408	357	1292	753	418	22003
Словения	2846	2327	2951	326	960	2929	1015	551	20739
Болгария	1241	2603	3610	309	107	1237	804	350	17457
Литва	1118	1609	1097	106	231	1593	575	258	10058
Эстония	935	755	762	251	373	344	189	111	7673
Латвия	335	719	595	69	-	403	-	66	3442

Источник: ISI Web of Knowledge.

Таблица 15.3

**Рейтинг стран региона по индексу цитирования
научных публикаций**

Страны/ дисциплины	Клинич. мед-на	Физика	Химия	Молек. биол. и генетика	Сод. науки	Инж. науки	Математика	Комп. науки	Все поля
Польша	143,3	170,0	176,6	28,3	1,6	35,9	12,4	7,2	851,7
Чехия	72,5	58,3	84,7	19,1	1,1	16,6	7,2	2,8	428,5
Венгрия	80,5	51,7	65	21,3	2,9	13,5	6,4	3,5	424,5
Словения	22,5	21,9	22,8	4,0	1,0	9,2	2,9	1,9	129,4
Словакия	18,7	21,4	24,9	5,5	0,521	4,5	1,9	1,1	127,9
Румыния	13,9	31,8	28,9	2,7	0,311	9,6	5,6	1,7	123,5
Болгария	9,7	20,4	24,2	3,4	0,2	5,1	2,0	0,5	101,1
Эстония	10,7	4,6	7,3	6,7	0,9	1,27	0,41	0,23	65,3
Литва	7,8	7,7	6,6	1,3	0,4	3,7	1,1	0,4	46,7
Латвия	4,8	4,0	2,9	1,3	-	0,87	-	0,2	21,8

Источник: ISI Web of Knowledge.

Исходя из приведенных в этих таблицах показателей, лидерство науки *Польши* в регионе предстает абсолютно очевидным. Добавим к сказанному и те данные Института научной информации (ISI), которые трижды за последнее десятилетие отводили Польше почетные места в топ-рейтинге двадцатки мировых исследовательских лидеров. В этом рейтинге по количеству публикаций страна занимала 20-е место в 2001 г. и 19-е — в 2003 и 2007 гг. Подтверждение приведенным в табл. 15.2 и 15.3 данным мы находим и в межстрановых рейтингах наиболее цитируемых публикаций по физике и химии. Так, в период с 1995 по 2005 г. Польша заняла 13-е место в двадцатке наиболее цитируемых мировых публикаций по физике и 17-е — в аналогичном рейтинге по опубликованным результатам в области химии. Десятилетие назад, в 2001 г., количество национальных публикаций по химии превышало среднемировой уровень на 14 % и составляло 28,5 % от всех научных публикаций польских ученых. По оценке развития человеческого

потенциала Польша входит в круг «High» и находится в непосредственной близости от Сингапура и Кипра.

Между тем в целом, несмотря на ряд значительных реорганизаций в национальной науке, многое в ней за прошедшие два десятилетия осталось неизменным. Приоритетными областями исследований как в Польше, так и в восточноевропейском регионе в целом, в коммунистический период были физика и химия. Они щедро финансировались бюджетом (да и сегодня доля государства в финансировании ИР преобладает) и носили по преимуществу теоретический характер. Данные дисциплинарные и финансовые предпочтения к настоящему моменту продолжают проявлять себя в наличии более значимых научных результатов в тех областях, которые не требуют непосредственной практической «проверки рынком». Об этом свидетельствуют, в частности, данные патентной статистики, согласно которым показатели Польши практически в 100 раз уступают средним показателям по ЕС, а также в 10 раз — венгерским. Аналогично здесь чрезвычайно низка по сравнению с другими странами региона и доля национального экспорта высоких технологий. Таким образом, Польша, как и многие ее соседи по региону, а ныне и по Евросоюзу, оказалась в «ситуации ведения „безнадежной борьбы“ против „технологически продвинутых“ соседей»*.

Известно утверждение, гласящее, что нет низкотехнологичных отраслей, а существует лишь слабый технологический потенциал компаний. Польские частные структуры часто не хотят тратить деньги на развитие технологий. В то же время существуют и вполне объективные предпосылки для позитивных сдвигов в этом направлении. К ним могут быть отнесены значительная (и одна из самых высоких в Европе) склонность населения этой страны к предпринимательской деятельности, активность малого бизнеса, рост числа людей с высшим образованием, относительная молодость населения, дружественное налоговое законодательство и наличие множества учреждений для содействия разработке и принятию инноваций.

* Yusuf S. From creation to innovation // Technology in society. 2009. V. 31, I.1. P. 5.

Не последнюю роль в этом процессе играет территориальная близость страны к Германии, членство в ЕС, а также исторически сложившаяся в стране система научных специализаций в физике и смежных с ней областях. Так, *доля Польши в публикациях по нанотехнологиям сегодня оценивается выше, чем у таких членов ЕС, как Австрия и Ирландия, и предстает чуть более низкой, нежели показатели Испании и Бельгии. В целом же расходы страны на фундаментальные исследования составляют почти 40 % от общих национальных расходов на ИР, и это соотношение является одним из самых высоких в мире.* Ныне перед польской наукой стоят две главные задачи, связанные с получением новых результатов в передовых научных направлениях, а также созданием оригинальных и значимых технологий. Планируется, что фонды ЕС будут использоваться страной прежде всего в национальной Оперативной программе «Инновационная экономика 2007–2013». Она подразумевает, в частности:

- повышение инновационной активности на национальном уровне;
- расширение масштаба использования высоких технологий в экономике;
- увеличение доли инновационной продукции польской экономики на международном рынке;
- создание более полноценных рабочих мест;
- повышение конкурентоспособности польской науки.

В Чехии с 1993 г. Академия наук подверглась значительным преобразованиям как в организационном, так и в ресурсном аспекте, став автономным сообществом неуниверситетских исследовательских институтов. И поныне их исследовательский потенциал существенно превышает научный потенциал университетов. В начале 90-х гг. из Академии наук была уволена почти половина сотрудников. С учетом того, что рейтинги Карлова университета (основан в 1348 г.) и основанного в 1707 г. Технического университета весьма высоки, можно говорить о системе «двойной» науки в Чехии.

Академия наук Чешской Республики была создана в 1992 г. как правопреемница Чехословацкой АН. Академия до сих пор является ведущим неуниверситетским исследовательским

учреждением в Чехии. Ныне она состоит из трех отделений: Отделения математики, физики, технических наук и наук о Земле, Отделения химических наук и наук о живой природе, а также Отделения гуманитарных и общественных наук. Академия управляет сетью из 60 НИИ, ее головной офис и 40 институтов находятся в Праге, а остальные размещены по стране.

В 2009 г. проект реформы Академии наук вызвал многочисленные протесты чешских ученых, в результате чего лишь ее головной офис был сокращен на 13 %. Правительство постоянно демонстрирует намерения сократить бюджет национальной АН, особенно финансирование фундаментальной науки, однако, учитывая средства ЕС, ситуация демонстрирует позитивный тренд. И в целом за время реформ финансирование чешской науки выросло с 1,2 % ВВП в 2001 г. до 1,53 % ВВП в 2009 г. На поддержку чешских национальных исследований и инноваций из европейских фондов до 2013 г. выделено 53 млрд крон. Они предназначены для институтов и независимых исследовательских объединений. Отметим, что, несмотря на эти позитивные сдвиги, массовый исход выпускников в Германию и Великобританию продолжается.

В настоящее время Минобрнауки Чехии запускает финансирование программы *Navrat* (Возвращение), целью которой является возврат в страну успешных чешских исследователей, уехавших за рубеж. Данная программа будет продолжаться до 2019 г., при этом одним из условий ее действия является не более чем пятилетний срок работы над проектом каждого из привлеченных специалистов. Привлечь ученых в рамках собственного проекта наряду с инициативой министерства намерены и власти Южной Моравии.

По сравнению с ситуацией в науке соседних стран чешские результаты впечатляют прежде всего в аспекте декларированных и реальных расходов на науку: они уже в 2008 г. составили 1,47 % ВВП, хотя страна планировала выйти на 1 % ВВП в расходах на науку лишь к 2010 г. Другой значимой особенностью стратегии национальной науки следует считать ориентацию преимущественно на промышленные исследования. Пер-

вая Национальная программа исследований была запущена в Чехии на период 2004–2009 гг. и содержала 5 тематических программ: качество жизни, информационное общество, конкурентоспособность, энергетика для общества и экономики, динамика современного общества. В 2005 г. была принята вторая Национальная программа исследований на 2006–2011 гг., ориентированная прежде всего на практическую отдачу от естествознания и технических наук. К семи ее приоритетам были отнесены: устойчивое развитие, молекулярные технологии, источники энергии, материалы, конкурентоспособная механика, информационное общество и безопасность. Данное пятилетнее планирование на национальном уровне зарекомендовало себя весьма позитивно.

Страна уделяет значительное внимание подготовке молодого поколения исследователей и различным образом увеличивает их доходы с целью мотивировать продолжение их работы на родине и отказ от внешней интеллектуальной миграции. Другое направление работы с молодежью — это расширение масштабов учебы в Чехии иностранных студентов, причем преподавание в этом случае ведется в основном на английском языке.

После 1994 г. Академия наук Венгрии начала функционирование как независимая общественная ассоциация, основанная на принципах самоуправления. Она имеет собственные институты и издательства, но только университеты оказались наделены правом обучать в докторантуре и присуждать степень Ph.D.

Национальные исследовательские программы охватывают 5 основных направлений, к которым отнесены: улучшение качества жизни, информационно-коммуникационные технологии, исследования окружающей среды и материаловедение, исследования сельского хозяйства и биотехнологии, а также социальные вызовы.

Кратко обрисовем ситуацию в науке стран Балтии. За период реформ в Эстонии принципиально изменилась роль национальной академии наук, за которой сохранились лишь издательские и экспертно-консультативные функции. Ныне члены Академии наук заняты исследовательской деятельностью в университетах.

Среди них наиболее известны основанный в 1632 г. Тартуский университет, Технический университет в Таллинне (основан в 1918 г.) и Эстонский университет наук о жизни. Эстонская наука имеет давние и тесные контакты с Финляндией (преимущественно по прикладным проектам), а также традиционные связи с Литовской, Латвийской и Шведской академиями наук.

Увеличение финансирования было провозглашено в качестве одной из стратегических задач развития национальной науки на 2007–2013 гг., и страна последовательно реализует заявленное: так, в 2007 г. расходы на ИР составили 1,11 % ВВП, в 2009 г. — уже 1,42 % ВВП. Заметим, что особое внимание в стране уделяется финансовой поддержке молодежи, заинтересованной в научной карьере.

Ключевыми для эстонской науки областями исследований являются информационные технологии, биомедицина и материаловедение.

Среди исследовательских структур Литвы ныне безусловно доминирует Вильнюсский университет, основанный еще в XVI в. Институты национальной академии наук после реформы 2002–2003 гг. приобрели полную автономность, а часть из них интегрировалась в систему высшего образования. В настоящее время в стране существует около 20 университетских исследовательских институтов и примерно столько же государственных НИИ.

Независимая оценка научного потенциала Латвии была предпринята в 1992 г. датскими экспертами. Позже академия наук страны была преобразована, в результате чего латвийские государственные исследовательские институты были включены в университетские структуры. В стране имеется 5 университетов. Наиболее известными из них являются основанный в 1919 г. Университет Латвии и Рижский технический университет (основан в 1862 г.). В результате этих преобразований уже к середине прошедшего десятилетия в стране было создано 20 университетских научно-исследовательских институтов с независимым статусом, 12 государственных исследовательских институтов и 15 прочих.

Подобно странам-соседям, Латвия также сформулировала базовые принципы развития науки и техники на 2006–2013 гг. При этом в качестве основных задач были выбраны:

- омоложение и развитие человеческих ресурсов и инфраструктуры;
- преобразование университетов в конкурентоспособные международные исследовательские центры;
- усиление на международном уровне конкурентоспособности латвийских исследователей и развитие международного исследовательского сотрудничества;
- улучшение трансфера инноваций от науки к промышленности.

Ситуация в науке *Болгарии* выглядит следующим образом. *Как и в предыдущие годы, фундаментальные исследования в основном ведутся в структурах Болгарской академии наук, выдающей 60 % национальной научной продукции и наиболее эффективно готовящей молодые научные кадры, а также в национальном Центре аграрных наук.* Прикладные исследования выполняются в основном в частном секторе. Финансирование фундаментальной науки по-прежнему основано на прямой бюджетной поддержке, а основная часть бюджетных средств на исследования адресована Академии наук. Другое дело, что размер этих ассигнований далеко не столь значителен. Напомним, что если в 1989 г. ассигнования на ИР составляли в стране 2,7 % ВВП, то затем упали до 0,2 % в 1996 г., а за последнее десятилетие стойко удерживаются в районе 0,5 % ВВП, не демонстрируя никаких предпосылок роста. *Разумеется, в стране также предпринимались попытки реформирования исследовательской сферы и системы высшего образования. Однако преобладающими оказались устремления к сохранению сложившейся организационной структуры.*

БАН имеет двусторонние соглашения о сотрудничестве с академиями наук Чехии, Венгрии, Польши, Словакии, Румынии, Сербии, а также с Национальным исследовательским советом Турции. Межпроектное сотрудничество активно осуществляется между исследовательскими структурами БАН и академиями наук Хорватии, Македонии, Турции, Албании, а также с греческими университетами.

В 2005 г. болгарское правительство приняло первый с 1989 г. документ, касающийся национальной стратегии научных исследований на период 2005–2013 гг. В качестве тематических приоритетов в нем были закреплены следующие:

- национальная идентичность и болгарское культурное наследие;
- информационные технологии;
- новые материалы и технологии;
- агро- и биомедицинские исследования и технологии.

Несмотря на ряд отмеченных выше существенных различий в характере функционирования, а особенно в дисциплинарной структуре национальных наук региона, в последних существует гораздо больше вещей сходных. К ним прежде всего следует отнести:

- *выбор национальных исследовательских приоритетов;*
- *формирование институтов исследовательского менеджмента и кадров для них;*
- *необходимость изменения отношения к университетам как к неприбыльным организациям;*
- *рост конкурентоспособности национальных наук;*
- *становление современного технологического базиса общества на базе фундаментально-технологических и прикладных исследований;*
- *повышение инновационной активности науки и промышленности;*
- *активное стремление и координация на национальном уровне усилий по созданию современного конкурентоспособного технологического потенциала, в том числе и посредством прямых иностранных инвестиций.*

Применительно к последним отметим, что «широкомасштабное привлечение прямых иностранных инвестиций затягивает в ловушку технологического изживенчества, так как доступность чужих, пусть и не новейших технологий, ослабляет внимание к собственным ИР. Страны ЦВЕ расходуют на НИОКР от 0,5 до 1,5 % ВВП против почти 2 % в среднем в ЕС-15. При этом в некоторых странах, в частности в Польше и Словакии, доля ВВП, расходуемая на НИОКР, сокращалась

на протяжении всего периода реформ»* (исключением для Польши стал 2009 г.).

Все эти сходные черты дают достаточное количество оснований для обобщений, касающихся перспектив развития науки данного региона.

Уроки двух прошедших десятилетий

Вероятно, для развития науки более чем двадцатилетний период — это весьма репрезентативный срок, позволяющий сделать выводы о работоспособности и эффективности избранной десятилетия назад стратегии развития науки в регионе. Она создавалась по лекалам функционирования исследовательского процесса в развитых странах, но особенно — по образцу эволюции науки в блоке ЕС-15.

Сегодня можно со всей определенностью заявить, что избранная стратегия оказалась удачной лишь отчасти, да и то в значительной степени благодаря сохраненным институциональным и ресурсным предпосылкам эволюции исследовательского процесса в странах востока Европы. Последние успели за этот период со всей очевидностью понять, что громогласно провозглашенная «атака на инновации» часто остается не чем иным, как рекламным слоганом, в то время как наука продолжает развиваться по своим законам. Они и сегодня остаются неизменными: существенный государственный патронаж над фундаментальными исследованиями и их преимущественно бюджетное финансирование, а также поддержание условий для расширенного воспроизводства научных кадров.

Результаты провозглашенного «калькирования» пока оказываются скорее риторическими, чем реальными, и этот опыт вполне можно назвать попыткой копирования опыта Западной Европы. Кстати, и для последней успехи инновационной деятельности пока не слишком впечатляют. Собственно, для первоочередного решения именно этих задач и формировалась

* Куликова Н. Опыты модернизации в странах ЦВЕ // Свободная мысль. 2009. № 6. С. 58.

концепция европейского исследовательского, а затем и инновационного пространства и современные модификации ее инструментов, подобные объединенным технологическим инициативам, технологическим платформам и т. п.

Правильность выбора инновационного направления эволюции научно-технологического пространства Евросоюза не вызывает сомнений, чего, однако, нельзя сказать о ресурсном обеспечении такого мегапроекта. Оно по-прежнему существенно различно для запада и востока Европы, а потому надежды на быстрый успех формирования эффективного климата инноваций в восточноевропейском научно-технологическом ареале вряд ли могут оправдаться и еще достаточно долго обречены оставаться лишь декларациями.

Все это не означает, что за более чем двадцатилетний период реформ в науке региона не достигнуто положительных результатов. К ним следует отнести значительно бóльшую степень ее открытости для контактов с западноевропейскими и иными мировыми партнерами, свободу в выборе исследовательской проблематики, организационную и финансовую независимость, а также необходимость и возможность развивать знания и навыки, далекие от «чистой науки» и комбинирующие исследования и бизнес. *В целом же в восточноевропейской науке стало значительно больше открытости, однако не стало больше финансовых, да и кадровых ресурсов.*

Современная мировая наука становится все более унифицированной и формализованной. В этой связи ее национальный характер все более нивелируется. Международные научные структуры и временные творческие коллективы опосредуют свою деятельность благодаря глобальным компьютерным сетям.

Потенциально в наибольшей степени адаптированными к этой новой «интернациональной научной реальности» оказываются именно научные сообщества восточноевропейских стран, поскольку они уже имели в своей истории весьма длительные периоды работы ученых этих государств за границей. Это качество было органически присуще науке региона на протяжении всей ее истории: венгерские ученые работали

главным образом в Германии, словенские и хорватские — в Италии, а поляки — практически по всему миру.

Возможно, одной из объективных причин постоянного (хотя и свернутого в социалистический период) воспроизведения такой ситуации является своеобразное геонаучное положение этих стран, представляющих собой мост в Западную Европу. Вот по этому мосту на протяжении столетий и перемещались восточноевропейские исследователи. Сегодня роль аналогичного, хотя и более глобального, моста начинает брать на себя Интернет. В результате оказывается, что *восточноевропейская наука в аспекте своего исследовательского «менталитета» (а особенно фактора хорошей адаптации к изменяющимся условиям деятельности, причем часто не только географическим) является достаточно подготовленной к тем поистине революционным переменам, которые происходят в настоящее время в мировой науке и, видимо, будут углубляться.*

Наука этого региона имеет солидную историю и многовековые традиции научных школ, что прежде всего относится к Польше и Чехии. Имена корифеев науки стран ЦВЕ и исторические даты говорят сами за себя: университет в Кракове был основан в 1364 г. и стал вторым после Пражского средне-европейским университетом. В нем в XV в. учился Коперник. В Праге в XVII в. работали Тихо Браге и Кеплер, двумя веками позже в монастыре в Брно проводил опыты основоположник генетики Г. Мендель.

В целом университеты региона все еще больше сконцентрированы на обучении, чем на исследованиях. И в этом тоже проявляется элемент неполной унификации научно-образовательного комплекса региона в соответствии с его западноевропейскими аналогами. До сих пор ни один из них не является членом Лиги европейских исследовательских университетов (LERU), которая определяет стандарты качества преподавания и конкурентоспособности исследований на международном уровне. Между тем в различных мировых рейтингах ста лучших мировых университетов неизменно присутствует Charles University в Праге, а среди пятисот лучших такие центральноевропейские университеты, как: Карлов университет в Праге, Ягеллонский

университет в Кракове, Варшавский университет в Польше, университеты Сегеда и им. Лоранда Этвёша в Венгрии.

Фактор интернационализации восточноевропейской науки может рассматриваться как одна из важнейших предпосылок интеграции науки региона в мировую. Что же касается возможностей, экономических и научно-организационных, то они еще долго будут тормозом на пути этой интеграции.

Одновременно малоперспективным представляется жесткое перенесение традиционных схем институциональной организации науки развитых стран на восточноевропейскую почву. Таким образом, отвечая на поставленный в начале главы вопрос о роли менеджмента в эволюции восточноевропейской науки, можно однозначно утверждать, что его роль по сравнению с обеспеченностью исследовательского процесса кадровыми и финансовыми ресурсами является заведомо подчиненной. Уже почти прошедшие два с половиной десятилетия развития науки в странах восточноевропейского региона продемонстрировали это со всей очевидностью.

Глава 16. От Болонского процесса к европейскому пространству высшего образования

Система европейского высшего образования имеет практически тысячелетнюю историю. Европейские университеты («университет» в переводе с латинского — община, корпорация) — детища Средневековья, в котором античный «упор на память» был заменен «упором на развитие интеллекта», а книга стала основным средством обучения. География появления европейских университетов не была случайной. Они возникали либо на основе школ при соборах (так возник университет в Париже), либо в городах, где жили прославленные преподаватели (так, на основе группы последователей известного знатока римского права Ирнерия развился

Болонский университет, ставший ведущим центром средневековой юридической науки). Наиболее известными из них к концу XV в. стали Парижский, Болонский, Кембриджский, Оксфордский, Пражский и Краковский университеты. Каждый из них славился определенными дисциплинарными предпочтениями. Средневековые христианские моралисты утверждали, что в Париже школяры ищут искусства, в Орлеане — древних авторов, в Болонье — кодексы, в Салерно — аптечные банки, в Толедо — демонов и нигде — добрых нравов. Отметим попутно важную для нашего дальнейшего изложения деталь: Болонья издавна играла весьма значимую роль в европейском высшем образовании.

Высшую образовательную планку средневековой эпохи можно было преодолеть на так называемых «старших» факультетах университетов, к которым относили медицинский, юридический и теологический. Поступить на эти факультеты можно было только после окончания подготовительного факультета светских «свободных искусств», где обучали грамматике и риторике, диалектике, музыке, астрономии, арифметике и геометрии. Подготовка будущего юриста или медика занимала пять-шесть лет, философа-богослова учили в три раза дольше: так проявляла себя культурная доминанта эпохи.

Дисциплинарная структура образования, приоритет логики над верой, а также самоуправление и независимость от светских властей — таковы достижения европейского средневекового образования, устоявшие в горниле последующих времен, но подвергающиеся кардинальному пересмотру сегодня, в начале третьего тысячелетия.

Одна из аксиом постиндустриальной идеологии гласит: в информационном обществе университеты играют большую роль, нежели промышленные предприятия. Необходимость соответствовать этой новой роли одновременно предъявляет к современной высшей школе и новые требования. Таким образом, появление Болонской декларации явилось в значительной степени ответом на специфические вызовы информационной эпохи, реагировать на которые сугубо умозрительно, т. е. без внутреннего реформи-

рования, университетам Европы оказалось не под силу. Однако реалии этого реформирования предстали не менее противоречивыми, нежели сама постиндустриальная эпоха.

Послесловие к Болонской декларации

19 июня 2013 г. исполнилось 14 лет с момента подписания Болонской декларации — совместного заявления европейских министров образования и документа, конституировавшего становление европейского образовательного пространства. Подписанный в Италии документ получил свое название по месту проведения конференции «Зона европейского высшего образования». Его программные цели развивают Сорбонскую декларацию, подписанную в 1998 г. в годовщину 800-летия Парижского университета четырьмя министрами образования из Франции, Германии, Италии и Великобритании, призвавшими другие европейские страны присоединиться к их инициативе. *В подписанном в 1999 г. 29 министрами образования стран Европы болонском документе был точно зафиксирован 2010 г. как срок окончания реализации этого мегапроекта. После Болоньи министры образования из различных стран проводили конференции в Праге (2001 г., 32 страны-участницы), Берлине (2003 г., 40 стран-участниц), Бергене (2005 г., 45 стран-участниц), Лондоне (2007 г., 46 стран-участниц), Левене (2009 г.), Будапеште-Вене (юбилейный 2010 г., 47 стран-участниц). В Вене же было официально объявлено о создании европейского пространства высшего образования и тем самым о формальном завершении Болонской инициативы.* Состав участников этих форумов наглядно продемонстрировал, что Болонский процесс вышел далеко за рамки ЕС, а привлекательность его идей признана во многих регионах мира. И действительно, болонский замысел, предполагающий, что «в новом образовательном пространстве студенты смогут начать свое обучение, например, в Пизе, продолжить в Кракове, а получить диплом — в Мюнстере» (Ю. Хесс), выглядит очень привлекательно. Но что скрывается за этим столь ярким университетским фасадом?

Нынешняя, постъюбилейная дата рождения Болонского процесса между тем по-прежнему дает повод для столь же неюбилейных (а потому и в большей степени реалистичных) размышлений об эволюции и перспективах европейского высшего образования. В не меньшей степени это относится и к вузовской системе России, переживающей сегодня период реформирования, грозящего стать реформированием радикальным. И в целом Болонская декларация, и инициированный ею *Болонский процесс — это прежде всего повод для размышлений не столько о достижениях, сколько о проблемах высшей школы в Европе в целом, которые на сегодняшний день по-прежнему не решены, несмотря на формальное завершение процедуры Болонских инициатив.*

Эволюция Болонского процесса продолжена инициативой «Европейское пространство высшего образования» на фоне движения по пути таких мегаинициатив ЕС, как «Европа-2020», а также «Образование и обучение — 2020», и продвигает к решению тех задач, которые не ограничиваются уже состоявшимся формальным присоединением стран Европы к Болонским инициативам. Эффективность и мобильность системы европейского высшего образования — вот те базовые цели, на реализацию которых и нацелены данные инициативы ЕС в сфере высшего образования.

Напомним, что к основным целям стратегии реформирования европейской высшей школы в Болонье были отнесены:

1. Принятие системы сопоставимых документов о высшем образовании, в том числе введение единой формы приложения к диплому для выпускников вузов Европы;
2. Повсеместный переход к двухуровневой (бакалавр-магистр) системе высшего образования. Первый уровень должен иметь как минимум трехлетнюю продолжительность, магистерская степень — пятилетнюю. Магистерская степень, в свою очередь, должна обеспечивать доступ к обучению в докторантуре;
3. Существенное расширение студенческой и преподавательской мобильности, а также повышение эффективности образовательных технологий;
4. Снижение барьеров между университетским и неуниверситетским секторами высшего образования, что должно

повысить престиж последнего (в документах ЕС уже сегодня под университетами понимают все учреждения высшего образования);

5. Принятие единой системы учебных кредитов, когда вместо учета числа часов, отведенных на изучение дисциплин, последние будут ранжироваться по их «трудоемкости». Для получения той или иной квалификации студент должен будет набрать нужное количество единиц трудоемкости в одном или нескольких университетах. Кредиты могут быть получены также и в рамках образования, не являющегося высшим, включая обучение в течение всей жизни. Эту же систему планируется распространить и на все послевузовские формы образования;

6. Развитие европейского сотрудничества в сфере обеспечения качества высшего образования по единым (либо сопоставимым) критериям и методам, в том числе внедрение внешнего (международного) аудита качества.

Модели социального развития, ныне обозначаемые проектами «общества, основанного на знаниях» и «обучающейся экономики», выдвигают образовательную сферу на первый план, тем самым заставляя ее играть ведущую роль в социальной системе. Роль, к которой социальный институт образования как система по своей природе консервативная и инерционная оказалась во многом не готов. Традиционализм образования — и прежде всего европейского — был залогом его устойчивости на протяжении многих веков, так как «традиционное обучение скорее представляет собой диффузию и трансляцию знаний, чем их прогресс»*. Это тем более очевидно в условиях того, что каждое поколение людей живет обычно не тем образованием, которое оно породило, а тем, которое создала предшествующая эпоха. Принципы деятельности современных университетов Европы базируются на имеющей двухсотлетнюю историю модели Вильгельма Гумбольдта, который в процессе реформирования немецких университетов провозгласил исследования сердцевиной университета и основой преподавания.

* Pelican J. The idea of the University. A Reexamination. New Haven, 1992. P. 79.

Высшая школа в рыночном плену

«Идея университета» в качестве основной структурной единицы европейской академической науки в предшествующие столетия сложилась как некая колыбель научного творчества, священнодействию внутри которой не должны мешать студенты. В сложившейся таким образом образовательной стратегии студенты в значительной степени предоставлены сами себе и минимальным образом подвержены опеке преподавателей. Именно в этом процессе взаимодействия студентов и преподавателей наиболее ярко проявляются центробежные тенденции. Педагогический процесс (при сложившемся в Европе к настоящему времени преимущественно бесплатном высшем образовании) фактически бесприбылен. Деньги зарабатывает наука, получая их за результаты исследований, а также за престиж вуза, который тоже в первую очередь связан с научными результатами, полученными в именитых стенах и получившими мировое признание.

Наука столкнулась с проблемой эффективности раньше, чем высшая школа, и в настоящее время даже фундаментальные исследования (в том числе посредством грантов) оказались вписаны — пусть и не всегда успешно — в рыночную логику. Следующий шаг в этом направлении теперь предстоит сделать высшему образованию. Однако, ориентируясь на американские модели, евростратегии одновременно не хотят прислушаться к предупреждениям заокеанских коллег об опасности постановки всей научной сферы на рыночные рельсы: «Наука слишком непредсказуема, чтобы подчиняться точному макроэкономическому рецепту, предписывающему, что 2 части науки принесут 5 частей экономического роста. Нам нужен прогресс по всему фронту науки, иначе может пострадать вся система»*. Вопрос эффективного взаимодействия «чистой» науки, преподавания и инфраструктуры быта в университетском комплексе должен решаться на базе некоей приоритетной подсистемы. Сегодня ею является наука. Если центром притяжения

* Bonvillian W. B. Science at a crossroad // Technology in society. N. Y., 2002. V. 24. N 1/2. P. 33–34.

станет сугубо образовательный процесс, то это вовсе не будет означать снятия всех вузовских проблем. Ведь, как справедливо заметил один из исследователей вопроса, «исчезает целостность, остается грамотно, а иногда неграмотно переданное знание»*. Пока же следует отметить, что из всех обозначенных Болонской декларацией целей снижение барьера между университетским и неуниверситетским высшим образованием до сих пор является крайне трудно реализуемой задачей прежде всего из-за неразвитости в последнем научных изысканий, вне высокого качества которых и сегодня, и завтра невозможно образование «высшей пробы».

Что же касается снятия «невидимых барьеров» между высшим образованием и наукой, то об их некотором нивелировании можно будет говорить лишь в случае, если в перспективе деятельность вузов в условиях доминанты децентрализованного управления ими станет походить на условия деятельности промышленных корпораций. Это прежде всего подразумевает, что к руководству университетами должны прийти менеджеры-профессионалы, а не сами университетские ученые. В таком случае необходимость реализации инновационных потенциалов может теснее сблизить процесс исследований и образовательный процесс.

Сегодня в глобальном соревновании с США Европа предъявляет к собственным образовательным технологиям принципиально отличные от сложившихся в прошлом инновационные требования, реализация которых возможна только в результате совместных действий университетов, конференций ректоров, студенчества, бизнеса, национальных и региональных властных структур, наконец, граждан Европы в целом. Образование, как отмечают эксперты, стало рассматриваться во многих странах Европы в качестве некоего компаса, который укажет дорогу в информационное общество. Эксперты ЕС справедливо считают, что сфера образования пока что яв-

* *Тамаш П.* Взаимодействие науки и образования: сравнение европейских и американских моделей // Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования. — СПб., 1997. С. 155.

ляется наименее интегрированной частью Большой Европы. Именно поэтому *сегодня эта сфера становится ареной оживленных преобразований, и под этим подразумевается как формирование общеевропейского пространства высшего образования, так и активный европейский экспорт образовательных услуг.*

В целом возникшие в высшей школе проблемы объясняются изменениями в экономике, технологии, социальных условиях существования в промышленно развитых странах. Общая проблема для этих стран — и здесь Западная Европа не исключение — сегодня состоит в том, чтобы удовлетворить растущий спрос на образованные кадры в условиях ограниченных государственных ресурсов на финансирование их становления. При этом практически все эксперты по проблемам образования указывают, что ожидать увеличения бюджетной поддержки не приходится, так как нарастают процессы старения наций и неумолимо из года в год растут отчисления на здравоохранение. Все это вынуждает переводить вопрос об образовательных системах прежде всего в плоскость эффективности. В значительной степени на это направлено стремление расширить масштабы обучения бакалавров, что соответственно снизит планку финансовых вложений в подготовку специалиста с высшим образованием.

Модернизация и трудоустройство — так ныне сформулированы основные цели грядущих усилий по реформированию европейского высшего образования.

Проанализируем подробнее каждое из указанных направлений.

В целом высшая школа все более ориентируется на создание прочных связей с практической деятельностью. Кроме того, и работодатели, приглашая на работу выпускников вузов, все чаще отдают предпочтение тем специалистам, у которых уже есть определенный опыт работы. Даже учась в докторантуре, многие соискатели продолжают работать в промышленности.

Текущая ситуация вынуждает образовательные структуры более адекватно реагировать на потребности рынка, корректируя вопросы организации приема в вузы и структуру учебных программ. Сегодня работодателю требуется широко

образованный специалист, обладающий обширными познаниями в сфере наук, прежде традиционно относимых лишь к сфере гуманитарного образования. К таким знаниям постиндустриальный социум сегодня прежде всего относит умение работать в группе и принимать решения, а также навыки лидерства.

Однако «степень безоблачности» взаимоотношений бизнеса и высшей школы пока что весьма невелика. Во-первых, плодотворное сотрудничество требует введения новых курсов или форм преподавания в вузах, что часто бывает затруднительно из-за целого ряда административных ограничений и недостатка средств. Кроме того, практически во всех национальных университетах до сих пор бытует мнение, что эти нововведения идут вразрез с университетскими традициями.

Научно-производственная кооперация в сфере высшего образования во многом опирается на ожидание взаимной выгоды сторон в процессе подготовки кадров. Во-первых, академический сектор в этой ситуации прежде всего ожидает от бизнеса дополнительной финансовой поддержки собственным исследованиям, расширения стипендиальных фондов для бакалавров, магистров и докторов, а также гарантии занятости своих выпускников. Бизнес, в свою очередь, ждет от вуза новой научно-технической информации. Даже дипломники в современном вузе часто решают в своей работе проблему, в которой заинтересована та или иная фирма. Во-вторых, осуществляется взаимообмен персоналом и информацией. Так укрепляются связи высшего образования и экономики, причем прежде всего на региональном уровне. В ряде стран ЕС в ученые советы университетов включают представителей бизнеса.

Основная тенденция, которая здесь прослеживается, — перестройка университетского образования в направлении большей ориентации на запросы рынка образовательных услуг и промышленности. Базовыми факторами, обусловившими развитие в этом направлении, являются следующие:

— снижение федеральной поддержки университетских исследований,

— возросшая потребность бизнес-структур в проведении фундаментальных исследований,

— расширение системы контрактов между производством и университетами,

— забота об эффективности научных исследований в стране.

Наука «экономизируется», университетский ученый уже не имеет финансовых возможностей заниматься наукой ради нее самой. Данная ситуация ставит университетские исследования в зависимость от финансовой поддержки частных структур. Рушится традиционный образ университета как бесприбыльной организации, задача которой — производство и трансляция новых знаний, рыночная цена которых университетских интеллектуалов не интересует.

Лишь немногие представители академического сектора в современных условиях посвящают себя «чистой науке». Им все чаще приходится одновременно заниматься администрированием, бизнесом и педагогической деятельностью. Реальностью в образовательных структурах стали феномены антрепренерства и частичной занятости. Первый связан с переходом ученых к предпринимательской деятельности с целью получить больше средств на исследования из внешних источников и от продажи результатов научной деятельности. В свою очередь, содержание термина «частичная занятость» объединяет многочисленную группу преподавателей, стремящихся работать в академическом секторе, но не могущих получить полную занятость.

Государственное финансирование высшей школы: за и против

Уже к концу 80-х гг. XX в. Европа убедилась, что количественный рост вузов — явление малопродуктивное. Ныне Европейский Союз имеет примерно 4000 университетов и других структур высшего образования, а также более 19 миллионов студентов. В стратегии «Европа-2020» зафиксирована цель, обозначенная как 40 % европейской молодежи, имеющей выс-

шее образование к концу нынешнего десятилетия (в 2010 г. эта цифра составляла 33,6 %). За последние годы число студентов существенно увеличилось, что, однако, не увеличило показателей финансирования высшего образования. Между тем рост данных расходов демонстрируют практически все другие динамично развивающиеся регионы мира.

Государственное финансирование высшего образования в Европе за последние 20 лет уменьшилось в среднем на 30 %, что также заставляет образовательный менеджмент идти на непопулярные меры, к которым безусловно относится введение платы за обучение в ряде европейских стран. Великобритания ввела оплату высшего образования в 1998 г., еще раньше, в 1995 г., это сделала Ирландия. В начале нынешнего столетия частичную оплату обучения внедрили вузы Германии. Между тем пока лишь проектом является внедрение механизма единой оплаты обучения как для студентов из стран ЕС, так и для студентов-иностранцев. Сегодня по количеству иностранных учащихся второе и третье места в мире у Великобритании (16 % от общемировой численности иностранных студентов) и Германии (11 %). По этому показателю они уступают лишь США (32 % иностранных студентов). Так на национальные системы высшего образования проецируются наивысшие в мире рейтинги науки этих стран.

В общих затратах на образование расходы на высшее образование в большинстве европейских стран составляют примерно 1/5 от всех расходов на образование (для сравнения, в США — это 1/3).

Как видно из таблицы 16.1, в среднем государства-участников ЕС тратят более 5,5 % их ВВП на расходы на образование. Эта цифра сравнима с американскими показателями и выше, чем в Японии, где эти расходы составляют 3,5%. Однако из них на высшее образование в Европе приходится в среднем 1,3 % ВВП по сравнению с 2,7 % в США и 1,5 % в Японии. Источник таких различий — низкий уровень частного финансирования высшего образования в Европе. Кроме того, в Европе отсутствует масштабная филантропическая традиция, которая есть в США и исходит как от частных благотворительных фондов, так и от ассоциаций выпускников различных вузов.

Таблица 16.1

**Национальные расходы европейских стран
на образование в 2009 г. (% от ВВП)**

Страна	Расходы на образование	Страна	Расходы на образование
Австрия	6,01	Норвегия	7,32
Бельгия	6,57	Турция	2,82 (2006)
Великобритания	5,67	Франция	5,89
Германия	4,57 (2008)	Швейцария	5,55
Греция	4,07 (2005)	Швеция	7,26
Италия	4,7	Чехия	4,38
Испания	5,01	Венгрия	5,12
Нидерланды	5,94	Польша	5,1
Финляндия	6,81	Португалия	5,79
Дания	8,72	Ирландия	6,5
Болгария	4,58	Мальта	5,46
Румыния	4,24	Словения	5,7
Кипр	7,98	Словакия	4,09
Литва	5,64	Эстония	6,09
Латвия	5,64	Люксембург	3,15 (2007)

Источник: Eurostat.

Рассмотрим далее, как практика Болонского процесса стремится не утратить лозунги социальной справедливости, провозглашая:

- привлечение студентов из разных социальных слоев;
- возможность «образования в течение всей жизни» как с целью переобучения, так и в направлении индивидуального самосовершенствования;
- возможность сочетать учебу с работой;
- углубление международных преподавательских и студенческих обменов по многим специальностям.

Пока мобильность европейских студентов крайне низка. В 2000 г. только 2,3 % европейских студентов обучались в другой европейской стране, хотя эти показатели и различны по разным странам. Так, 68 % люксембургских студентов, 10 % греческих

и 9 % ирландских студентов обучались вне родной страны, но всего лишь 0,7 % английских и 1,2 % испанских студентов. Показатели исследовательской мобильности выше средних показателей мобильности европейского населения, но и они ниже соответствующих данных по США. В 2010–2011 гг. наиболее популярными для студенческих поездок оказались Испания, Франция и Германия. В этом же году по программе студенческой мобильности в ЕС наибольшее число студентов, учащихся за границей, прибыли из Испании. Далее по количеству обучающихся за границей следуют Франция, Германия и Люксембург. Таким образом, за исключением последнего, традиционно имевшего весьма значительное число студентов, обучавшихся вне родной страны, за прошедшее десятилетие мобильность европейских студентов существенно выросла, причем даже в странах, традиционно считавшихся форпостами европейской высшей школы. Отметим, что до конца десятилетия ЕС планирует увеличить мобильность своих студентов до 20 %, путем становления глобального трансфера учебных программ, читаемых на разных языках, что позволит иностранцам учиться на родном языке за рубежами родной страны.

Однако для реализации обозначенной стратегии до сих пор остается множество препятствий, среди которых факторы экономического, социокультурного, профессионально-технологического и, наконец, политического порядка. Первые напрямую связаны с проблемами финансирования высшего образования и попытками переложить его часть на плечи самих студентов. Ранжирование спектра подготовки специалистов по дисциплинам более либо менее востребованным вряд ли сможет полностью решить стратегические проблемы высшего образования в Европе, ведь невозможно точно прогнозировать изменение ситуации на рынке труда в отдаленной перспективе. Кроме того, сами болонские стратеги исходно заложили в свой проект «мину замедленного действия». Речь идет о том, что воплощение в реальность идеи унификации европейских вузов автоматически повлечет за собой предложение услуг дистанционного образования, в котором на сегодняшний день доминируют США. Следуя логике Болонской декларации,

дипломы, полученные дистанционно, будут уравниены с дипломами ведущих вузов с тысячелетней историей. А при таком подходе ситуацию не спасет никакой международный аудит качества высшего образования. Впрочем, возможно, в дело вмешаются профессиональные ассоциации, которые сегодня достаточно избирательно относятся к имиджу дипломов различных университетов той или иной страны.

Одновременно нельзя не учитывать того обстоятельства, что новые информационные и коммуникационные технологии (в том числе технологии дистанционного образования) увеличивают конкуренцию на образовательном рынке. В результате европейские университеты привлекают меньше студентов и соискателей докторской степени, чем их американские коллеги. Попутно отметим, что 50 % европейцев, получивших образование в США, остаются там на несколько лет, а многие и навсегда. К другим внеучным факторам, препятствующим повышению роли европейских университетов, относится высокий уровень безработицы в Старом Свете, а также более низкий по сравнению с США и Японией уровень университетско-промышленной кооперации и занятости в инновационном секторе.

Сегодня Евросоюз финансирует реформирование европейской высшей школы, поощряя исследовательскую мобильность, интеграционные проекты и решение проблемы гендерного равенства в науке. Что касается патронажа над системой «высшее образование — наука», то пока со стороны ЕС он в значительно большей степени реализован по отношению к исследовательскому, а не образовательному компоненту данного комплекса. Наибольшее количество университетов, участвующих в программах ЕС, приходится на Великобританию, Германию и Францию. При этом первое место по степени участия в программах ЕС принадлежит университетам, основанным до 1800 г., которые имеют более высокий престиж и более высокий уровень подготовки своих сотрудников, что подтверждается при распределении финансовых ресурсов ЕС.

Вузы, прежде всего университеты, принимают участие и в реализации Рамочных программ ЕС, причем доля вузов-

участников растет от программы к программе. Прежде всего это говорит о том, что исследовательский потенциал университетов задействован в Европе намного более эффективно, нежели образовательный, причем в его наиболее развитых формах самых авторитетных вузов и стран — лидеров науки Старого Света.

К реальным шагам по формированию общеевропейского образовательного пространства могут быть отнесены такие программы ЕС, как ERASMUS (мобильность и студенческий обмен между вузами стран ЕС), LEONARDO (сотрудничество между университетами и бизнесом), PETRA (базовое обучение), LINGUA (языковая подготовка), SOCRATES (студенческие обмены), Eurotechnet (содействие профессиям, связанным с технологическими инновациями), TEMPUS (содействие развитию и перестройке высшего образования в странах ЦВЕ и юга Европы).

Таким образом, завершившийся Болонский процесс предстал как лишь одна из многих составляющих комплексного подхода к реформированию высшей школы Европы, в котором не оставлено без внимания ни одно звено в сложной цепочке факторов, его определяющих. Он сыграл свою в значительной степени противоречивую роль и ушел в историю, оставив сфере европейского высшего образования еще много проблем и нерешенных задач.

Часть IV ЕВРОПА И РОССИЯ: ГУМАНИТАРНЫЙ ДИАЛОГ

Глава 17. Европейская и российская наука в цифрах

Среди средств, которые могут быть использованы для оценки развития таких сложных социальных систем, как наука, одно из важнейших мест занимает библиографическая информация.

Библиометрическая статистика и ее использование

Библиометрия — один из ключевых количественных инструментов для принятия обоснованных решений, касающихся научной политики, для мониторинга развития отдельных научных дисциплин. Кроме того, эти показатели могут свидетельствовать об эффективном использовании финансовых вложений в науку. Рост государственной поддержки фундаментальных исследований стимулировал международное использование показателей научной продуктивности (НП): количества опубликованных статей, их цитируемости, импакт-фактора* научных журна-

* Импакт-фактор научного журнала в текущем году — соотношение, в числителе которого находится количество ссылок на публикации этого журнала в течение двух лет, предшествующих году обследования, а в знаменателе — количество статей, опубликованных данным журналом в течение этих же двух предшествующих году обследования лет.

лов — для оценки вклада национальной науки в мировую. Целесообразность использования библиометрических показателей в 2003 г. была подтверждена Статистическим институтом ЮНЕСКО, который ввел в качестве параметров измерения научной деятельности следующие библиометрические данные: количество публикаций, их цитируемость, количество поданных патентов.

К элементам системы библиометрических показателей относятся: количество публикаций; количество ссылок на них, цитируемость; импакт-фактор научного журнала, в котором они были опубликованы, количество статей, подготовленных при международном научном сотрудничестве, количество грантов. Эти показатели используются для оценки научной деятельности на уровне стран, регионов, организаций, групп исследователей и индивидуальном. Именно совокупность данных критериев лежит в основе оценки деятельности исследователя или научного коллектива, занимающегося фундаментальными исследованиями в США и других развитых странах.

Использование библиометрических показателей и в первую очередь количества статей (научной продуктивности), опубликованных в лучших международных журналах, и их цитируемости связано с тем непреложным фактом, что на протяжении последних ста пятидесяти лет научная статья стала основным звеном распространения нового знания в системе научных коммуникаций вне зависимости от формы носителя (бумажная, электронная).

Во всем мире университеты и исследовательские организации, когда они обращаются за государственной поддержкой, должны представить доказательства своих достижений и возможностей. *Научная продуктивность (НП) и ее влияние (цитируемость или импакт) на развитие различных научных направлений являются частью национального или профессионального протокола отчетности. Данные о научной продуктивности помогают принимать стратегические решения о том, в каких направлениях должны развиваться научные исследования, оценить позиции исследовательской организации или университета по*

отношению к мировым стандартам в той или иной области знания. Известная американская поговорка «Публикуйся или погибнешь» произошла от того, что количество опубликованных статей служит значимым фактором для продвижения исследователя по служебной лестнице. Нобелевский лауреат академик В. Л. Гинзбург в статье «Сами виноваты? Почему Россия получает мало Нобелевских премий»^{*} отмечал, что «необходимое условие успехов в научной работе, а конкретно, в обеспечении международного признания этих успехов, — своевременная публикация этих работ и поддержка лучших из них».

На протяжении последних сорока лет все оценки научной деятельности, как правило, базируются на статистических данных, заимствованных из БД «Указателя цитированной литературы» (широко распространенное название этого Указателя в России — Индекс цитирования) — Science Citation Index (SCI), созданного и выпускаемого Институтом научной информации — Institute for Scientific Information (ISI) США с 2001 г. принадлежащим компании Thomson-Reuters Scientific. Расширенная версия SCI, называемая SCI-Expanded, используется для подготовки информационной системы Web of Science (WoS) — «Паутина знаний». Для подготовки WoS используются статьи и содержащиеся в них ссылки из 12,5 тыс. наиболее информативных научных журналов мира. В 2011 г. в эту систему был включен 161 отечественный научный журнал. *Колоссальные массивы библиометрической информации, накопленные в информационных ресурсах Thomson-Reuters (ранее ISI), используются в промышленно развитых странах для принятия решений о конкурсном финансировании (присуждении гранта) фундаментальных научных исследований в университетах США и Европы. Создание и развитие методов анализа библиографической информации привели к появлению новой научной дисциплины — наукометрии.* Как отмечал Ю. Гарфилд, «мы являемся свидетелями превращения библиометрических исследований в новую отрасль индустрии — оценку результативности

^{*} Гинзбург В. Л. Сами виноваты? Почему Россия получает мало Нобелевских премий // Поиск. 2007. № 47. С. 4.

научных исследований, выполняемых в университетских и научных коллективах^{*}. И хотя в научном сообществе растет недовольство увлечением бюрократов из различных фондов и министерств всевозможными рейтингами и оценками, влияние этих показателей на финансирование фундаментальной науки в мире все более заметно.

Впервые количественные показатели эффективности науки США и других стран мира были использованы в отчете «Science Indicators» Национального научного фонда США (ННФ) в 1972 г. С тех пор такие отчеты публикуются один раз в два года (с 1996 г. эти отчеты называются «Science & Engineering Indicators» — «S&EI!»).

В нашем исследовании представлен детальный анализ статистических материалов, полученных из различных информационных ресурсов: Science Citation Index (SCI) Expanded, Social Science Citation Index (SSCI) Expanded, БД «Основные показатели науки» — «Essential Science Indicators» («ESI»), новый аналитический инструмент InCites и БД «Указатель цитируемости журналов»: «Journal Citation Reports — Science edition» («JCR») и «Journal Citation Reports — Social Science edition».

Цитируемость публикации непосредственно связана с импакт-фактором (ИФ) — показателем, который оценивает среднюю цитируемость статьи данного журнала. Сведения об ИФ содержатся в указателе цитируемости журналов: Journal Citation Report (JCR) — Science Edition and JCR-Social Science Edition. В 2011 г. в JCR — Science Edition содержалась статистика 8073 научных журналов, из которых 145 — отечественные. Из 8073 научных журналов наивысшее значение ИФ (70,2) имел журнал «CA: a cancer journal for clinicians». *Старейшие и наиболее престижные в мировом научном сообществе научные журналы «Nature» и «Science» имели значения ИФ 36,1 и 31,4 соответственно. Из всей совокупности научных журналов 4732 (53 %) имели ИФ, равный или превышающий единицу.*

^{*} Garfield E. A Century of Citation Indexing. Key note address // 2011. 12th COLLNET Meeting. September 20–23. 2011. Istanbul Bilgi University, Istanbul.

Среди 145 российских журналов только 10 (7 %) имели значение ИФ более единицы. Наивысший ИФ (3,6) имеет журнал «Laser Physics» (издаваемый только на английском) и два журнала «Успехи химии» и «Успехи физических наук» имели высокие значения ИФ: 2,154 и 2,64 соответственно. Средний взвешенный ИФ российских научных журналов составляет всего 0,5. Исследования, выполненные в ВИНТИ, показали, что начиная с 2005 г. свыше 40 % отечественных научных статей публикуются в иностранных научных журналах. Этим объясняется тот факт, что средневзвешенный ИФ всех российских публикаций составляет 1,5^{*}.

Огромный вклад в развитие методологии использования библиометрических показателей и их мониторинга для сопоставления европейских университетов и создания рейтингов университетов осуществляется ведущим мировым центром по наукометрии и библиометрии — Центром по изучению показателей науки и техники (Centre for Science and Technology Studies — CWTS) Университета г. Лейдена (Нидерланды). Результаты мониторинга библиометрических показателей развития фундаментальных исследований регулярно публикуются OECD (для межстрановых сопоставлений науки). Разразившийся в 2008 г. мировой экономический кризис вынудил многие зарубежные финансирующие организации, поддерживающие фундаментальные исследования, усилить внимание к библиометрии как объективному источнику качества научной продукции. Например, в Великобритании агентство RAЕ связывает распределение финансирования университетов с показателями научной продуктивности. Наблюдается также тенденция усиления внимания руководства университетов к публикациям в престижных международных научных журналах с высоким импакт-фактором. Негативным следствием этой тенденции стало прекращение выпуска ряда

^{*} Markusova V., Libkind A., Mindeli L., Jansz M. Research performance by Federal and National Research Universities and impact of competitive funding on their publication activity address // 2012. 13th COLLNET Meeting. October 23–26. 2012. KISTI, Seoul, South Korea.

национальных научных журналов по общественным наукам в Нидерландах*.

К сожалению, в нашей стране складывается парадоксальная ситуация, когда библиометрические показатели пытаются использовать без учета мнения экспертов — ведущих ученых, с помощью библиометрических показателей пытаются оценить состояние всей науки, а не только фундаментальной, как это происходит в наиболее развитых странах, используется не вся совокупность библиометрических индикаторов, а только показатели цитируемости и индекс Хирша (вычисляется на основе распределения цитирований работ данного исследователя), необходимость реформирования науки связывают с низкими показателями цитируемости отечественной науки, забывая, в частности, о проблемах неанглоязычной литературы и др.** *Библиометрические показатели не служат заменой мнения экспертов — ведущих ученых, а являются мощным инструментом принятия решений при разработке и реализации политики в области фундаментальных исследований.* Никогда в длительной истории деятельности основанного д-ром Ю. Гарфилдом Института научной информации (Institute for Scientific Information, ныне принадлежащего компании Thomson Reuters), база данных которого используется на протяжении последних 50 лет во всем мире, не шла речь о том, что библиометрические показатели могут заменить мнение экспертов. Бюрократическое вмешательство, а именно приоритет в использовании одного из показателей, как например в Китае (показателя научной продуктивности — количества статей, опубликованных исследователем в журналах с высоким импакт-фактором и входящих в систе-

* Leydesdorff L., Wagner C. Macro-level Indicators of the Relations between Research Funding and Research Output (<http://www.leydesdorff.net/roadmap/roadmap.pdf>).

** Подробно проблемы, связанные с подводными камнями при использовании библиометрических показателей, и необходимость адекватных подходов обсуждались в работе: Иванов В. В., Маркусова В. А., Варшавский А. Е. К вопросу об адекватной оценке результативности научной деятельности // Вестник РАН. 2011. № 7. 587–593.

му WoS), привело к массовой фальсификации в научных статьях, о чем сообщил в январе 2010 г. журнал «Nature»*.

Но вернемся к России. Именно сейчас, когда система финансирования РАН и высшей школы претерпевает изменения, чрезвычайно актуальными представляются обоснованное планирование структурных изменений в науке и оценка деятельности научных коллективов. Такое планирование должно основываться на реальных показателях активности научного сообщества. К сожалению, в отечественной прессе цитируются мнения не вполне компетентных специалистов, у которых оценки вклада российской науки в мировую всегда оказываются смещенными в сторону занижения. *Говоря об оценке науки, в первую очередь надо говорить о ее финансировании.*

За последние годы мы наблюдаем рост внимания правительства и государственных чиновников к библиометрической статистике. Реформа высшей школы, создание федеральных и национальных университетов и инвестирование правительством в развитие научной деятельности университетов ныне сопровождаются сбором библиометрической статистики по количеству публикаций и их цитируемости в глобальных информационных ресурсах: Web of Science и в информационной системе Scopus, принадлежащей компании Elsevier. Следует заметить, что в ходе проведения таких оценок нужно предусмотреть «подводные камни» при использовании этих показателей и иметь в виду, что использование библиометрических индикаторов для поддержки принятия решений не должно означать их фетишизирование.

Целесообразно подчеркнуть, что процесс реформирования отечественной науки и особенно РАН ряд государственных чиновников связывают с желанием переместить фундаментальную науку в университеты, полагая, что это перемещение даст импульс ускоренному развитию научных достижений.

Российская академия наук (РАН) является уникальной организацией как по своей структуре и финансированию, так и по широте охвата направлений исследований фундаментальной

* Qiu J. Publish or Perish // Nature. 2010. N 463. P. 142.

науки. В значительной степени аналогами РАН за рубежом являются Общество Макса Планка (ОМП) — Max Planck Society в Германии и Национальный центр научных исследований (НЦНИ) — CNRS (Centre National de la Recherche Scientifique) во Франции. Эти организации, как и РАН, также в основном поддерживаются с помощью государственного финансирования. В каждой индустриально развитой стране фундаментальная наука почти полностью финансируется государством, хотя для реализации инвестиционных проектов привлекаются и внебюджетные источники. Например, финансирование Общества Макса Планка и Национального центра научных исследований складывается из бюджетных источников (85 %) и внебюджетных (15 %)*.

На пресс-конференции представителей РАН с журналистами в газете РБК, прошедшей 20 августа 2012 г., зам. главного ученого секретаря РАН проф. В. В. Иванов отмечал, «что если взять все расходы на мировую науку за 100 %, то в нем доля России составляет 2 %. По публикациям, если взять за 100 % весь мировой объем публикаций в высокоцитируемых журналах по Web of Science, то там имеем, по-моему, 2,4 %. Если взять по другим странам, то мы имеем очень четкую корреляцию между финансированием и количеством публикаций, результативностью**».

Анализируя отечественные публикации, нельзя забывать как о том огромном заделе, который достался нам в наследство от СССР, так и о том, что *Россия с точки зрения учета публикаций ее авторов в международных базах данных — молодое государство. В БД ISI она фигурирует только с 1993 г., а процесс цитируемости, как мы знаем, носит кумулятивный характер*. Важно отметить, что судить о публикационной активности отечественных исследователей в области гуманитарных наук по БД Social Science Citation Index (SSCI) было

* Маркусова В. А., Варшавский А. Е. Методологические проблемы сравнительного анализа развития науки и инноваций России и стран — технологических лидеров // Инновационная политика: Россия и мир (2002–2010). М.: Наука, 2011. С. 407–441.

** 20.08.2012. www.rbk.ru

бы неправомерно, так как на протяжении последних 15 лет в этой БД учитываются всего 6 отечественных журналов. Библиометрическая статистика из этих журналов включается в БД ESI и InCites. Для подготовки БД SSCI по общественным наукам обрабатываются следующие отечественные журналы: «Социологические исследования», «Психологический журнал», «Вопросы психологии», «Антропология и археология Евразии». Кроме того, в БД по искусству и гуманитарным наукам — Art & Humanities Citation Index (A&HCI) включены следующие отечественные журналы: «Отечественная история», «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Новый мир» «Отечественная история» и «Russian Studies in Philosophy», содержащий выборочный перевод статей из журналов: «Вопросы философии», «Философские науки», «Вестник Московского университета. Серия „Философия“», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия „Экономика, философия и право“».

Библиометрические показатели являются надежным инструментом для выявления предметного портфолио и сопоставления структуры науки различных стран. За последние 20 лет именно российская наука прошла через череду финансовых и социальных потрясений, вызванных и распадом СССР и переходом к рыночной экономике. Об этом необходимо помнить, сопоставляя показатели отечественной науки с национальными фундаментальными исследованиями в стабильных европейских странах.

Система показателей публикационной активности европейской и российской науки

В течение десяти лет (1999–2009) рост мирового потока статей по данным SSC/SSCI составлял 2,6 % в год. Статистика за пятилетний период времени является общепринятой в библиометрических исследованиях, поскольку позволяет избежать неизбежных ежегодных флуктуаций в потоке публикаций и подразумевает временной лаг для аккумуляции ссылок.

При этом высокоразвитые страны демонстрировали очень умеренные темпы роста, например, в США этот показатель не превышал 1,0 %, а в ЕС в целом — 1,4 %. *Вклад стран Европейского Союза в мировую науку и их влияние на ее развитие очень значителен, несмотря на опережающие скорости роста научной продуктивности стран Азии-10 и некоторых стран Латинской Америки.*

В Японии, так же как и в России, темпы роста были отрицательными: 1,1 и 2 % ежегодно. В Китае темпы роста публикаций составляли 16,8 % ежегодно, что позволило Китаю перейти с 9-го места в мире в 1999 г. на 2-е место в 2009 г. Высокие темпы роста (свыше 10 % в год) демонстрировали Южная Корея, Иран, Тунис, Таиланд, Пакистан и Малайзия, хотя научная продуктивность (количество опубликованных статей) последних пяти стран была в 1990 г. незначительной. Темпы роста в странах Центральной и Южной Америки с 1999 по 2009 г. составляли 5,6 %, а наибольший темп роста в этом регионе наблюдался в Бразилии — 7,7 %.

Тенденции научной продуктивности европейских стран за 2006 и 2010 гг. по БД InCites представлены в табл. 17.1.

Разумеется, эти страны несопоставимы по научному потенциалу и затратам на ИР, однако прослеживается тенденция снижения доли в мировом потоке Великобритании и Франции и отсутствие роста доли России. Среди стран ЦВЕ положительная тенденция наблюдается в Чехии и странах Балтии.

Более подробно мы остановимся на дисциплинарной ориентации традиционных научных партнеров и научных соперников России — Великобритании, Германии и Франции. При сопоставлении следует помнить, что отечественная наука унаследовала от советской эпохи как концентрацию научных ресурсов в мегаполисах, так и концентрацию на научных направлениях, связанных с так называемыми «hard sciences», т. е. ориентированных на физику, астрономию, материаловедение, математику, химию.

При сопоставлении стран нужно также учитывать различие в организации системы исследований в разных странах, надежность сопоставительной статистики по затратам на ИР в этих странах и разницу в охвате научной периодики в *Web of*

Таблица 17.1

Название страны	Доля научных публикаций в мировом потоке, %	
	2006 г.	2010 г.
Великобритания	8,35	7,87
Австрия	0,92	0,97
Бельгия	1,39	1,44
Чехия	0,66	0,77
Болгария	0,17	0,17
Эстония	0,08	0,11
Дания	0,96	1
Финляндия	1,21	1,48
Франция	5,66	5,39
Германия	7,95	7,42
Греция	0,89	0,83
Венгрия	0,51	0,44
Исландия	0,05	0,07
Латвия	0,03	0,04
Литва	0,12	0,15
Люксембург	0,02	0,05
Молдова	0,02	0,02
Монако	0,01	0,01
Черногория	0	0,01
Нидерланды	2,54	2,62
Северная Ирландия	0,18	0,18
Норвегия	0,74	0,79
Португалия	0,68	0,77
Россия	2,25	2,27
Сербия	0,08	0,27
Словакия	0,24	0,23
Словения	0,21	0,28
Швеция	1,78	1,69
Швейцария	1,84	1,89
Турция	1,52	1,88
Украина	0,39	0,38

Science. Так, JCR-Science Edition за 2010 г. охватывал 1592 научных журнала из Великобритании, 545 из Германии, 189 из Франции и 147 российских. Следует отметить, что с 2010 г. список отечественных журналов в Web of Science (WoS) расширился и составляет 161 наименование.

Таблица 17.2

Страны	2001–2005 гг.		2006–2010 гг.		Сравнительный рост, %
	кол-во статей	доля в мировом потоке, %	кол-во статей	доля в мировом потоке, %	
Великобритания	377 926	8,76	445 616	8,06	17,91
Франция	260 197	6,03	304 863	5,51	17,17
Германия	363 495	8,42	421 733	7,63	16,02
Россия	129 273	3	133 330	2,41	3,14
Мировой поток	4 314 545	100	5 528 068	100	28,13

Как мы видим из таблицы 2, темпы роста НП России за обследуемый период значительно отстают от темпов роста Великобритании, Франции, Германии и тем более мирового потока.

Тенденции изменения в структуре областей знания в ряде европейских стран с высокой научной продуктивностью за два последних десятилетних периода по БД InCites представлены в табл. 17.3.

Данные, представленные в табл. 17.3, — это яркое свидетельство различий в структуре отечественной и мировой науки. *Российская наука отличается значительно более низкой долей исследований в области клинической медицины и в совокупности научных направлений, которые называются «науками о жизни».*

В то же время доля исследований по физике и астрономии, химии, наукам о Земле, математике и по материаловедению значительно (от 1,5 до 3 раз) превышала долю этих областей знания в мировом потоке.

При сопоставлении структуры науки России со структурой науки обследуемых стран мы наблюдаем общую тенденцию сни-

Таблица 17.3
Доля областей знания в структуре науки страны

Области знания	мировой поток		Франция		Великобритания		Германия		Россия	
	2006– 2010	2001– 2005	2006– 2010	2001– 2005	2001– 2005	2006– 2010	2001– 2005	2006– 2010	2001– 2005	2006– 2010
Сельскохозяйственные науки	2,2	1,5	1,7	1,3	1,1	1,1	1,4	1,5	0,7	0,7
Биология и биохимия	5,2	6,4	5,2	6,1	5,3	5,3	5,8	5,3	4,0	3,6
Химия	11,5	11,8	11,0	8,3	7,0	7,0	12,3	11,5	22,4	21,4
Клиническая медицина +	20,6	19,5	20,2	23,2	23,4	23,4	22,0	22,4	4,7	4,8
Компьютерные науки	2,3	3,0	2,4	2,6	2,1	2,1	2,8	2,0	1,2	0,9
Экономика и бизнес +	1,7	0,9	1,3	2,3	2,9	2,9	0,8	1,5	0,1	0,2
Технические науки	8,4	6,5	7,7	6,7	6,7	6,7	5,8	5,9	8,0	7,2
Охрана окружающей среды и экология +	2,8	2,0	2,5	2,6	2,8	2,8	1,8	2,3	0,9	1,4
Науки о Земле +	2,8	4,0	4,3	3,4	3,6	3,6	3,1	3,6	7,1	7,4
Иммунология	1,2	1,6	1,3	1,7	1,4	1,4	1,4	1,3	0,2	0,2
Материаловедение	4,6	4,2	4,0	3,0	2,6	2,6	4,6	4,0	6,2	5,9
Математика +	2,8	4,2	4,5	1,7	2,0	2,0	2,4	2,6	4,4	5,4
Микробиология	1,7	2,1	2,0	1,9	1,7	1,7	1,9	1,9	1,3	1,2

Продолжение таблицы 17.3

Области знания	мировой поток 2006–2010	Франция		Великобритания		Германия		Россия	
		2001–2005	2006–2010	2001–2005	2006–2010	2001–2005	2006–2010	2001–2005	2006–2010
Молекулярная биология и генетика	2,7	3,3	3,1	3,5	3,5	3,4	3,5	2,1	2,2
Мультидисциплинарные науки	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,1
Нейронауки и поведенческие науки	2,9	3,0	2,7	3,4	3,3	3,6	3,7	0,9	1,6
Фармакология и токсикология	1,9	1,5	1,3	1,6	1,5	1,6	1,6	0,2	0,4
Физика	9,0	13,4	12,4	7,7	7,3	13,5	12,2	28,2	27,2
Ботаника и ветеринария	5,4	4,7	4,6	4,9	4,5	4,6	4,7	2,3	2,5
Психиатрия и психология	2,5	0,9	1,2	3,3	3,9	2,0	2,5	0,5	0,4
Общественные науки	4,7	1,0	1,6	6,0	7,7	1,5	2,4	1,1	0,9
Науки о космосе	1,2	2,5	2,8	2,3	2,4	2,3	2,5	3,3	3,3

В табл. 17.3 курсивом выделены области знания, в которых произошло снижение НП во всех обследуемых странах.

Знаком + отмечены те области знаний, в которых наблюдались положительные тенденции роста (даже незначительного) во всех четырех странах.

жения на один процент доли физических наук, притом что в России эта доля остается очень высокой — свыше 27 %.

В России, как и в других обследуемых странах, наблюдается снижение доли статей по химии, хотя доля этой дисциплины в структуре науки нашей страны почти в 1,8 раза выше, чем в других странах. Прослеживается также общая тенденция незначительного снижения публикаций по биологии и биохимии, а также химии в дисциплинарном портфолио всех обследуемых стран.

Во всех обследуемых странах, за исключением России, доля клинической медицины была и остается очень высокой: от 20 % (Франция) до 23,4 % (Великобритания). В России доля этой предметной области составила менее 5 % в структуре науки страны.

Заметно выросла (на 1 %) доля математики в структуре науки России и эта доля примерно такая же, как и во Франции. Следует отметить, что представители отечественной математической школы успешно работали (покойный академик Арнольд во Франции) в Европе и там продолжают работать выдающиеся молодые отечественные математики — лауреаты медали Филдса: С. Смирнов (Швейцария) и М. Концевич (Франция), который также является лауреатом премии Ю. Мильнера в сфере теоретической физики.

Далее специально остановимся на показателях цитируемости. Они позволяют оценивать влияние исследований на развитие предметной области знания, проследить появление «горячих направлений» в развитии исследований и влияние той или иной страны на развитие мировой науки. Цитируемость зависит от ряда факторов: области знания; языка, на котором была опубликована статья исследователя; престижа научного журнала, в котором ученый публикует свои работы и социокультурных привычек самого автора статьи. Культура цитирования в нашей стране несколько иная, чем на Западе. Кроме того, цитируемость статей неанглоязычных стран значительно ниже, чем англоязычных, и им необходим более длительный интервал между временем опубликования статьи и ее цитируемостью. Средняя отечественная статья содержит более чем в два раза меньше ссылок, чем иностранная, а это значит, что шанс

наших ученых быть процитированными значительно меньше, чем у иностранных коллег. Кроме того, срок хранения статей в портфелях редакции отечественных журналов составляет от одного года до полутора лет. Таким образом, статья, поступившая в редакцию журнала и пролежавшая там год, практически не может быть процитирована в том же году, когда она поступила в редакцию. В этой связи вызывает изумление деятельность чиновников из Министерства образования и науки РФ, разославших директиву о представлении к 1 сентября 2012 г. университетами и вузами России сведений о количестве публикаций в БД Web of Science и SCOPUS за 2011 г. и об их цитируемости в том же 2011 г (!!!). Проводится сбор такой статистики в целях мониторинга «результатов научной, научно-технической и инновационной деятельности». Очевидно, что бюрократы, собирающие такую статистику, никогда не печатали свои статьи в отечественных научных журналах.

Даже у Китая, несмотря на фантастический рост НП за последние 20 лет, доля цитируемости публикаций была на 2 % ниже их доли в мировом потоке. Разумеется, большую озабоченность вызывает низкая доля цитируемости отечественных публикаций, которая составляет всего 1,2 % в мировом потоке при доле НП 2,4 %. По моему мнению, для объяснения этого феномена есть несколько причин, в том числе высокая доля цитируемости иностранной научной литературы. Китайские же специалисты в основном цитируют только свои работы.

Приведем один пример, иллюстрирующий, как поразительна разница в цитируемости двух статей, опубликованных А. Геймом и К. Новоселовым (получившими в 2010 г. Нобелевскую премию за работы по графенам) в одно и то же время — июнь—июль 2008 г. Одна статья была опубликована в отечественном журнале «Успехи физических наук», переводимом на английский язык. Эта статья получила за полугодие 7 ссылок, что относит ее к так называемым «Hot papers», т. е. статьям, описывающим исследования в наиболее интенсивно развивающихся научных направлениях и активно цитируемым в течение первых двух лет после опубликования. Вторая статья, опубликованная в то же время в международном журнале «NANO LETTERS», ко

времени интервью К. Новоселова в феврале 2009 г. была процитирована 147 раз! Приходится констатировать, что отечественным ученым, работающим даже в передовых разделах науки, надо публиковаться в иностранных научных журналах.

Значимым показателем научных достижений страны и отдельной организации является количество высокоцитируемых статей — highly cited papers. К таким статьям относится 1 % самых высокоцитируемых статей в мире в каждой из 22 предметных областей знания. Статистика их распределения по странам и организациям за 11-летний период получена при поиске в аналитической БД ESI. И в БД SCI, и в БД ESI отождествление автора с организацией происходит на основе адреса, указанного в публикации. С 2008 г. в Отчет S&EI включаются сведения о количестве таких статей, опубликованных учеными разных стран мира. Поиск в БД ESI был выполнен 29.08.12 и на этот момент БД содержала статистику по 102 477 высокоцитируемых статьям за период с 1.01.02—30.04.12.

Общее количество высокоцитируемых статей России составило 1157. Как было упомянуто выше, карта отечественной науки демонстрирует доминирование областей знания, называемых «hard science», — физики и астрономии, материаловедения, химии, математики и наук о Земле. Именно поэтому доля России в высокоцитируемых статьях по физике в мире составила 6 %. Количество отечественных высокоцитируемых публикаций по молекулярной биологии и генетике, микробиологии в массиве высокоцитируемых статей России и РАН незначительно*.

Европа и Россия на фоне общемировых тенденций сотрудничества в науке

В течение последних двадцати лет международное сотрудничество является объектом пристального внимания многих исследований. Существуют различные показатели, по

* Маркусова В. А., Иванов В. В., Варшавский А. Е. Библиометрические показатели российской науки и РАН (1997—2007) // Вестник РАН. 2009. № 6. С. 483—491.

которым оценивается сотрудничество между странами: количество ученых, участвующих в программах обмена, количество совместных публикаций, количество совместных грантов.

Ярким показателем того, что наука в XX столетии перестала быть трудом индивидуалистов и превратилась в объект коллективного исследования, является рост количества соавторов публикации. Так, согласно данным S&IE 2012, среднее число соавторов одной публикации в 1990 г. составляло 3,6. В 2009 г. оно достигло 5,6. Естественно, эта цифра значительно варьируется в зависимости от области знания. Так, в астрономии число соавторов одной публикации выросло в 4 раза (с 3,1 до 13,8). В статьях по физике число соавторов за прошедшее десятилетие удвоилось с 4,5 до 10,1. Самый незначительный рост наблюдался в области естественных наук (с 1,6 авторов в 1990 г. на статью до 2,1) и в математике (с 1,7 до 2,2).

По данным Отчета S&EI 2012 ННФ США, в 1988 г. только 8 % статей были опубликованы при МНС, а в 2009 г. доля таких статей составила 23 % мирового потока. Тенденции МНС Китая, Южной Кореи и Тайваня значительно отличаются от тенденций сотрудничества между европейскими странами. Поскольку вклад НП США и Европейского Союза (27 стран) в мировой поток научных публикаций наиболее значителен, а политика ЕС в течение последних 10 лет была направлена на усиление научной кооперации между европейскими странами, то на долю авторов из США приходится 43 % всего потока статей, опубликованных при МНС, а на долю европейских авторов — 67 % таких статей.

Подобно любой другой стране с сильной наукой, Россия стремится поддерживать существующую инфраструктуру и лучшие научные центры и использовать международное сотрудничество для поддержания высокого статуса науки и сохранения своего лидирующего положения в физике, астрономии и исследовании космоса.

Исследования, выполненные в Центре по наукометрии г. Лейдена (CWTS — Centre for Science and Technology

Studies) д-ром Р.Тайсоном*, показали, что скорость роста международного сотрудничества зависит от области знания, например в физике она составляла 21 %, в математике и методах статистики — до 41 %, в клинической медицине — до 50 %, а по проблемам охраны окружающей среды — до 87,8 %. По мнению д-ра Р.Тайсона, международное сотрудничество по проблемам охраны окружающей среды и медицины отражает результаты проектов, финансируемых Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ): «Влияние Чернобыльской катастрофы», «Проект по биоразнообразию» (в нем участвовали 23 страны), «Геном человека» (около 100 стран принимали участие в этом проекте) или «Фонд ДНК в Европе» и др. С другой стороны, международные исследования по проблемам охраны окружающей среды проводятся с использованием космических средств. Участие России в таких экспериментах является необходимым. Совершенно противоположная тенденция в международном сотрудничестве была отмечена в общественных и социальных науках. Эти данные совершенно не соответствуют мировым тенденциям развития международного сотрудничества в этих областях.

Политические изменения в России и Европе привели к росту сотрудничества между российскими учеными и их зарубежными коллегами. Для выявления тенденций в развитии сотрудничества между учеными России и их европейскими партнерами мы использовали статистику о количестве совместных публикаций. Такие публикации отражают результаты успешных совместных исследований, опубликованных в ведущих национальных и международных научных журналах. Более того, анализ адресов организаций позволяет получить статистически достоверные данные о российских и зарубежных организациях, являющихся лидерами такого сотрудничества.

* *Tijssen R., Van Leeuwen T.* International Performance of the Russian research in the 1990s // CWTS Report. Leiden University. 2002. December 12.

Анализ тенденций научной продуктивности России за 1990–2000 гг., выполненный К. Вилсон*, показал, что в 1990 г. доля МНС составляла 6 % в потоке публикаций СССР и сотрудничество было сконцентрировано на странах ЦВЕ. В 2000 г. доля таких публикаций составляла 31 %. При этом научное сотрудничество с авторами из бывших советских республик оставалось статичным, но значительно возросло сотрудничество с Западной Европой и Северной Америкой. Проф. В. Гланцел из Католического университета (Katholieke Universitat, Leuven, Бельгия)** в исследовании, выполненном в 1999 г., отмечал резкий сдвиг в моделях сотрудничества СССР/России с Европейским союзом.

Значительное снижение доли России в мировом потоке в первую очередь объясняется стагнацией потока НП страны, в то время как рост мирового потока идет со скоростью 2,6 % в год. Как отмечалось выше, скорость роста НП основных научных держав Европы была значительно ниже скорости роста мирового потока. Анализ тенденций международного сотрудничества России, выполненный в ВИНТИ, также выявил негативную тенденцию: доля таких статей снизилась с 36,4 до 31,3 %, при том что НП России за этот период изменилась незначительно***.

Мы воспользовались статистикой с сайта испанской группы по библиометрии, которая по контракту с БД SCOPUS бесплатно представляет библиометрическую статистику по 236 странам (www.smagojr.com). Поскольку эта БД охватывает 18 тыс. научных журналов, то ее статистика отличается от статистики Web of Science. Тенденции НП Великобритании, Германии, Франции и России за период с 1996 по 2010 г. были

* *Wilson C., Markusova V.* Changes in the scientific output of Russia from 1980 to 2000, as reflected in the *Science Citation Index*, in relation to national politico-economic changes // *Scientometrics*. 2004. V. 59. N 3. P. 345–389.

** *Glanzel W., Schubert A., Czerwon H. J.* A bibliometric analysis of international scientific cooperation of the European Union (1985–1995) // *Scientometrics*. 1999. V. 45. N 2. P. 185–202.

*** 12th COLLNET Meeting, September 20–23, 2011, Istanbul Bilgi University, Istanbul.

Таблица 17.4

Тенденции международного научного сотрудничества России, WoS, 2006–2010 гг.

Исследовательские структуры	Доля международных научных статей в потоке статей России, %				
	2006	2007	2008	2009	2010
Весь сектор высшего образования	22,0	21,3	18,9	24,2	19,6
Все федеральные университеты	20,7	23	19,6	24,7	22,3
РАН	38,9	35,5	32,3	32,3	32,0
Все российские публикации	36,4	34,3	31,1	31,3	31,3

прослежены по БД SCOPUS. Необходимо отметить, что доля МНС России по этой информации значительно ниже, чем по данным Web of Science.

При этом выделяется провал в МНС в период 2001–2002 гг. во всех странах, затем наблюдается рост до 2008 г. (в России пик МНС наблюдался в 2006 г. и составил 37 %), и затем медленное ежегодное снижение.

В России пик сотрудничества наблюдался в 2004 г. и составлял 27 %. Затем пошло снижение, и в 2010 г. доля сотрудничества России в математике составляла 22 %. В то же время доля МНС наших западных партнеров была очень высокой: в 2010 г. она составила от 48 до 53 % от НП каждой из стран. Интересно, что провал в МНС наблюдался во всех странах.

В МНС России по химии наблюдался неизменный рост с 1996 г. (15 %) и пик его пришелся на 2004 г. (27 %), затем рост сменился на отрицательный. В 2010 г. доля МНС по химии в России составила 21,6 %. В западных странах доля МНС в 1996 г. составляла 34–36 % (т. е. была более чем в два раза выше, чем в России), затем незначительный рост до 2002 г. и стремительное увеличение в последующие годы.

Доля МНС по химии Франции составляла в 2010 г. 53 %, Великобритании и Германии — в пределах 47–48 %.

Как мы видим, *доля МНС России в физике и астрономии уже в 1996 г. была значительно выше, чем в среднем по России, и составляла 40 %. Мы наблюдаем резкое падение доли МНС во всех странах в 2002 г. и тенденции роста во всех странах, за исключением России, в которой пик сотрудничества был в 2004 г. (52 %), а затем наблюдается негативная тенденция, достиг в 2010 г. того же уровня (40 %) , какой наблюдался в 1996 г. Объяснить, что происходит даже в такой сильной в России области знания, как физика и астрономия, очень трудно, учитывая активную роль отечественных физиков в работах на Большом адронном коллайдере. Доля же европейских партнеров России в МНС по физике была очень высокой и составляла в 2010 г. 62–65 %.*

Как отмечал Р. Тайсон, модели МНС в области общественных наук совершенно иные, чем в области естественных наук. И хотя со времени его исследования прошло 10 лет, сделанные им выводы остаются актуальными. Мы наблюдаем совершенно иную модель МНС: рост и падение на протяжении всего исследуемого периода и относительно низкий уровень по сравнению с естественными науками во всех обследуемых странах. В 2010 г. доля МНС по общественным наукам составляла половину от величины доли МНС по естественным наукам.

Используя опцию «Analyze Research» БД WoS, мы проследили тенденции МНС России с тремя обследуемыми странами по их доле участия в совместных отечественных публикациях в 2000, 2005 и в 2010 г. *США, Германия, Франция и Великобритания являются лидирующими партнерами России. Причем США и Германия попеременно меняют свои позиции (первое и второе место или 8,5–10 %) по количеству совместных публикаций. Наш прежний главный партнер во времена СССР — Украина занимает 10–12-е место по количеству совместных статей. Доля России в количестве совместных публикаций с Великобританией, Германией и Францией существенно ниже, поскольку НП и количество статей, подготовленных при МНС этих стран, в несколько раз выше, чем НП России. Лидирующими областями МНС России являются физика и астрономия.*

Таким образом, российская наука активно поддерживает международное научное сотрудничество, доля которого со-

ставила в 2010 г. свыше 33 % по данным WoS. Однако наблюдается тенденция снижения доли статей, подготовленных при международном научном сотрудничестве с 38 % в 2006 г. до 33 % в 2010 г. Подобная тенденция также наблюдается в США и ряде европейских стран.

ГЛАВА 18. РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКОЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В целом наше нынешнее научно-техническое сотрудничество с Европой пока являет собой улицу с односторонним движением по направлению на Запад. ЕС заинтересован в притоке «лучших мозгов» и иностранных студентов, ученые-россияне, в свою очередь, — в современной исследовательской инфраструктуре и качественно иной по сравнению с отечественной оплате своего труда. *Сегодня Россия неспособна на равных конкурировать с европейской наукой: она недооснащена, финансируется по остаточному принципу и стремительно стареет. По этой причине невозможно ожидать от ЕС иных, нежели сегодняшний формат научно-технологических контактов с третьими странами, форм организации сотрудничества в этой сфере.*

Поэтому, не стремясь повторять аксиомы-заклинания о необходимости увеличения государственного финансирования отечественного научно-образовательного комплекса, отметим другое. Нам все равно когда-то придется догонять мир, стремительно становящийся постиндустриальным. Это и ныне судьба России. Такова, впрочем, вся ее история. Но чем позже это осознает правящая элита, тем большего перенапряжения сил, очередной мобилизации социальной энергии населения и огромных финансовых ресурсов это потребует. Пока же остановимся в данном контексте на кратких размышлениях о судьбах национальной науки.

Судьбы национальной науки

В наследство от СССР нам досталось производство общества индустриального типа. Россия сегодня — это страна с полуразрушенной промышленностью, фрагментарным инновационным циклом и неразвитой нормативно-правовой средой. Хотя в российской науке и занято 12 % всех ученых мира, страна имеет лишь около 0,3 % мирового рынка наукоемкой продукции, тогда как США — 36, а Япония — 30 %. Сегодня 90 % российского экспорта составляют сырье и продукты первичной переработки. Сугубо национальный феномен, не имеющий аналогов в высокоразвитых странах, являет собой высокая степень «технизации» кадрового потенциала отечественной науки: в технических науках сосредоточено 60 % всех занятых в сфере исследований и разработок российских специалистов.

Как известно, Евросоюз, проанализировав свои недостаточно успешные — по сравнению с США и Японией — темпы внедрения инноваций, провозгласил становление европейского исследовательского пространства стержнем Шестой, а далее модифицировал его эволюцию в Седьмой Рамочной программе ЕС, а ныне в новой программе «Горизонт-2020», подразумевая колоссальные финансовые вложения в его формирование. Окупаемость этих затрат в дальнейшем «расчетливыми» европейцами не подвергается сомнению. Россия же и здесь ищет свой уникальный путь.

Создается впечатление, что власть лукавит: пока сверхприбыли можно получать от нещадной эксплуатации природных ресурсов, наше государство не будет вкладывать деньги в знания, ограничиваясь лишь провозглашением модных тезисов об инновационной экономике. Логично также предположить, что за словесными призывами к инновациям лежит уверенность правящей элиты в том, что Россия уже не приблизится к странам — лидерам мировой конкуренции по созданию интеллектуальной собственности. В связи с этим нужно хотя бы занять достойное место среди стран — экспортеров природных ресурсов. Этим же, кстати, можно объяснить и скаредность

государства по отношению не только к науке, но и к высшему образованию.

В своей редакционной статье от 9 октября 2003 г., остающейся вполне актуальной и до сей поры, «Известия» справедливо зафиксировали признаки сложившейся в отношении власти и науки ситуации и дали ее прогнозную оценку: «Уже родилась гипотеза: для сырьевой экономики интеллектуальный сектор вреден, а полезно — снижение народонаселения. Не надо быть Нострадамусом, чтобы предсказать: если ничего не изменится, скоро очередного Нобелевского лауреата с Россией будет связывать вузовское образование. Потом — только школьное. Потом — далекие культурные корни»*.

Пока наши специалисты успешнее привлекаются в зарубежные инновационные проекты: там хорошо поставлена система защиты прав интеллектуальной собственности и развита соответствующая инфраструктура. Там же находятся самые дешевые источники финансирования инновационных проектов.

Отечественная же инновационная сфера характеризуется негативными оценками практически по всем позициям, к которым относятся:

- отсутствие финансовых и административных инструментов для принуждения собственников к принятию стратегических, а не сиюминутных решений;
- всевозможные административные препятствия и отсутствие четкого законодательства в области инновационной деятельности;
- высокие риски для иностранных инвесторов и отсутствие страхования этих рисков при инвестировании в инновационные наукоемкие проекты;
- неразвитость рыночных институтов оценки интеллектуальной собственности;
- острая нехватка квалифицированных кадров для инновационного менеджмента;
- неразвитость системы венчурного финансирования: как известно, радикальные новшества чаще всего создаются

* Известия. 2003. 9 октября.

на Западе посредством малых гибких венчурных фирм, ориентирующихся на доконкурентную тематику; большинство таких фирм исчезает вскоре после появления, но некоторые достигают выдающихся результатов;

— нехватка средств для патентования у их разработчиков, в результате чего соавторами и патентообладателями становятся те, кто имеет эти средства;

— отсутствие участия граждан в финансировании инновационной деятельности.

Но ученые не властны над политиками. Во многом вопреки политикам развивается и такой сегмент национального инновационного цикла, как международная кооперация, в процессе которой камнем преткновения становятся права на интеллектуальную собственность. Общемировая практика на сегодня такова: если ученый создал инновационный продукт, то он становится его собственностью.

В целом же сегодня в ситуации существенной стабильности находятся в основном те исследовательские структуры, в которых бюджетное финансирование составляет от 15 до 25 %, а остальное — это зарубежные заказы, гранты, хоздоговоры и программы. Наиболее успешными с точки зрения финансирования ныне оказались те научные организации, которые сумели воспользоваться благоприятной конъюнктурой на мировом научно-технологическом рынке, а также сформировали устойчивые контакты с западными научными центрами либо — что чаще еще более продуктивно — с промышленными корпорациями.

«Борьба за самостоятельное выживание каждого отдельно коллектива породила интенсивный процесс „рассыпания“ и „измельчения“ конгломератов отраслевых и академических институтов и включения их в самостоятельную конкурентную схватку на мировом рынке „сырых знаний“, нередко с элементами ценового демпинга и „проедания“ научно-технических заделов и основных фондов времен СССР. Так, по данным Центра исследований и статистики науки, экспорт отечественных научных и проектных услуг, в том числе патентов и лицензий, осуществляется по заниженным примерно на 80 % демпинговым ценам.

Аналогичная ситуация и в национальной отечественной системе образования, где критерием успеха тоже остается конкурентоспособность на мировом образовательном рынке, то есть гипотетическое встраивание системы образования России в глобальную мировую инновационную систему, а не удовлетворение потребностей национальной промышленности и науки*. Тенденцию подтверждает и нынешняя, инициированная Минобрнауки «борьба за рейтинги».

От фундаментальной науки инноваций «в приказном порядке» пока не требуют. Ее результаты посредством публикаций общедоступны, и речь об интеллектуальной собственности там не идет. Одним из главных индикаторов состояния нашей фундаментальной науки стало расширение сферы международного исследовательского сотрудничества как общей тенденции для российского естествознания. В последнее десятилетие XX в. российская физика в условиях острейшего приборного «голода» оказалась вынуждена сделать ставку на международное сотрудничество. В конце 90-х гг. практически все ядерно-физические институты России принимали участие в подготовке экспериментов и анализе их результатов в западных центрах по физике элементарных частиц. В том числе и в экспериментах по обнаружению и исследованию свойств самого тяжелого кварка. Международная кооперация играет также значительную роль для физиков-оптиков и для российских астрономов. Что же касается национальной химической науки, то она на международном уровне задействована прежде всего в прикладном плане сотрудничества с ведущими химическими концернами.

И напротив, международные контакты российских ученых в области наук о жизни значительно менее масштабны: в этом случае дает о себе знать традиционное отставание этого направления в нашей стране. На науки о жизни мы расходует в тысячи раз меньше средств, нежели США. В нынешнем же десятилетии вектор международного сотрудничества несколько переориентировался на Китай, Индию, страны Восточной

* Эксперт. 2008. 24–30 ноября.

Европы и страны СНГ. Хотя по-прежнему — у РАН в частности — сохраняются международные связи в рамках соглашений с зарубежными научными организациями Германии, Австрии, Франции и Финляндии.

Еще одна идея, которой одержимо правительство: воплощение в жизнь проекта «исследовательских университетов», по аналогии с университетами западными. Подкрепляя эту концепцию статистическими данными, Министерство образования и науки утверждает, что только 38 % от общего числа аккредитованных российских вузов имеют финансовые средства на исследования и разработки и лишь 20 % профессорско-преподавательского состава занимаются исследовательской деятельностью.

Против этих цифр трудно возражать. Сомнения вызывает другое: возможность кардинального изменения этих показателей в результате повсеместного воплощения на практике концепции исследовательского университета. Во-первых, правительство не увеличило значительно финансовые средства из бюджета на науку, а лишь перераспределило их в пользу новоиспеченных национальных исследовательских университетов, урезав финансирование «типовых» вузов. Во-вторых (что еще более важно), учебная нагрузка преподавателей российских вузов, особенно технических, столь велика, что преподавателям «не до науки». Преподаватель вуза, как правило, занимается исследованиями весьма эпизодически. Причем, как правило, перед переВыборами на новый пятилетний срок, а также в период подготовки диссертации. И вообще опыт показывает, что талантливые ученые в большинстве своем оказываются неважными лекторами. А хороший лектор талантливо транслирует чужие знания (добавлю — каждый учебный год одни и те же), но подчас не готов к производству нового знания.

В идеале исследовательский труд и преподавание — две очень разные профессии. Кстати, западный опыт этот тезис лишь подтверждает. Тамошние профессора студентов видят редко и в основном заняты исследованиями, наши — неустанно патронируют студенчество от первой лекции до защиты диплома.

В течение последних десяти лет уменьшилось количество диссертаций по техническим и естественным дисциплинам,

а прирост защит обеспечивают исключительно гуманитарии. На этом основании эксперты ВАКа высказывают справедливые опасения, что скоро мы можем попасть в ситуацию, схожую с той, которая была в конце 20-х гг. XX в., когда объявили индустриализацию страны и надо было решать очень много теоретических и практических проблем, а заниматься этим оказалось некому. Уже сегодня первыми с подобной ситуацией начинают сталкиваться автостроители, авиастроители, оборонщики. Прежние высококвалифицированные работники за прошедшее десятилетие покинули эти заводы, не оставив себе более молодой смены. Сегодняшние выпускники технических вузов «задерживаются» на этих предприятиях ровно до того момента, как истечет призывной возраст, после чего немедленно отправляются искать лучшей доли в бизнесе.

В РАН эффективность обучения в аспирантуре в последние 5 лет составляет в среднем около 30 %. Другая группа молодых кандидатов наук — это гуманитарии, нацеленные на работу в банковском секторе (сюда же стремятся многие физики и математики), консалтинге и госуправлении. Они не планируют заниматься наукой, да и в целом приращение фундаментального знания в нынешнем веке происходит, как правило, не за счет гуманитариев.

Если двадцать пять лет назад, в 1988 г., самая многочисленная группа российских исследователей имела возраст 30–39 лет (что было сопоставимо с американскими показателями, где средний возраст ученого составляет 39 лет), то в 1994 г. — уже 40–49 лет. *К концу 90-х гг. самой многочисленной стала возрастная группа от 50 до 59 лет, (она же остается самой многочисленной и ныне), а молодежь до 30 лет составляла лишь 7,7 % исследователей.* Ситуация с молодыми кадрами сегодня несколько улучшилась, но и она порождает специфические проблемы.

Сегодня средний возраст доктора наук — 59 лет, кандидата наук — 50 лет. Примерно каждый шестой ученый в России старше 60 лет (в том числе 25 % кандидатов и 53 % докторов наук). Именно в РАН сегодня сосредоточено около 80 % российских докторов наук. На 1 января 2011 г. средний возраст

Таблица 18.1

Распределение исследователей по возрастным группам, %

Возрастная группа, лет	Число исследователей в 2000 г., чел.	Число исследователей в 2010 г., чел.
До 29	10,6	19,3
30–39	16	16
40–49	26	14,7
50–59	27	24
60–60	17,6	17
От 70	2,8	9

Источник: Наука России в цифрах: 2011. М., 2011.

докторов наук, работающих в РАН, составил 64 года, а кандидатов наук — 50 лет (в 2004 г. 60,8 и 50 соответственно).

Каждый второй доктор наук в России уже сегодня имеет пенсионный возраст! И чтобы увидеть эти демографические реалии, достаточно окинуть беглым взглядом не только академические, но и вузовские коридоры. В большинстве из них средний возраст ведущих исследователей и лекторов-профессоров плавно приближается к пенсионному, а чаще и давно его преодолел.

Еще один аспект демографической проблемы: обвальная феминизация отечественной науки. В возрастной группе от 30 до 50 лет доля женщин-ученых ныне составляет в России около 55 %. Такая гендерная асимметрия может оказывать весьма неблагоприятное влияние на социально-психологический климат в исследовательском коллективе.

Отдельный сюжет — зарплата и оборудование. «На сегодняшний день около половины всех приборов в академических институтах старше 11 лет, а доля современных приборов, возраст которых не превышает двух лет, составляет всего лишь 20 %.*». При этом внутри страны современное научное оборудование практически не производится. Еще один момент, о котором аналитики упоминают не часто, но постоянно говорят экспериментаторы: еще через 5 лет наука в этих отраслях окажется без вспомогательного персонала, а именно ла-

* STRF. 13.02.2009.

Таблица 18.2

Удельный вес женщин в численности исследователей по областям науки (% , 2010)

Отрасль знания	Всего	Доктора наук	Кандидаты наук
Естественные науки	41,8	18,6	40,9
Технические науки	37,3	6,7	15,9
Медицинские науки	59,7	40,1	62,8
Сельскохозяйственные науки	55,6	21,9	49,4
Общественные науки	59,3	29,0	57,6
Гуманитарные науки	63,5	42,4	63,4
Все науки	41,7	22,8	39,4

Источник: Наука России в цифрах: 2011. М., 2011.

борантов и инженеров, зарплаты которых ужасающе низки и не повышаются в параллель с повышением зарплат ученых. Позитивные меры в этом направлении недавно предприняты, но и они не в состоянии дать импульс кадровому омоложению научно-вспомогательного персонала.

В складывающейся ныне демографической канве национального исследовательского процесса есть, пожалуй, лишь один позитивный момент, хотя и он ведет к несколько парадоксальным для перспектив российской науки результатам. Дело в том, что имеющая давнюю традицию демаркация между столичной и периферийной наукой ныне оборачивается весьма неожиданными гранями.

На фоне продолжающегося оттока молодежи из столичных научных и научно-образовательных учреждений ситуация на периферии принципиально иная. В тех наукоградах, где исследовательский процесс продолжает оставаться градообразующим, для выпускников вузов практически нет альтернативы поступлению в аспирантуру, иначе они просто останутся без работы. Бизнес в российских регионах пока предлагает очень мало рабочих мест. Поэтому выпускник регионального вуза может лишь выбирать между нищенской зарплатой в исследовательской структуре или вузе (ее эквивалент — аспирантская

стипендия) либо отсутствием таковой вообще. Отсюда и нынешний конкурс в аспирантуру в регионах, о его «антиармейской» подоплеке в столицах было упомянуто выше.

Но обозначенный выше «региональный молодежный призыв» не решит проблемы плавного снижения количества национальных научных школ. В частности, уже к настоящему времени многие ведущие математические научные школы, а также постоянно действующие математические семинары фактически исчезли в нашей стране и переместились в западные научные центры. Применительно к национальной математике постсоветского периода, а во многом и к теоретической физике, оказались воплощены в реальность все базовые науковедческие аксиомы о роли научных школ и неявного знания как мастерства познания, которое не может быть выражено полностью в языке и речи в воспроизводстве новых поколений ученых. Сегодня, как утверждают даже не столько науковеды, сколько сами математики, сохранить в стране тот уровень математического образования, который сложился у нас к 90-м гг. XX в., будет чрезвычайно трудно, если не невозможно. Ситуацию усугубляет еще и то обстоятельство, что «дух предпринимательства» взял верх над «духом познания» еще и в сфере учебной литературы: сегодня издаются не апробированные десятилетиями учебники по математике, написанные рукой квалифицированных преподавателей-методистов пособия, а те, авторы которых умеют добывать деньги на финансирование их издания.

Такова ситуация с российской наукой, она же без прикрас высвечивается и в контексте международного научного сотрудничества с Европой.

Текущие направления научно-технологического взаимодействия

Евросоюз сегодня ставит цели укрепления и оптимизации связей между научными исследованиями и инновациями, а также поддержки малого и среднего предпринимательства в области науки и инноваций в один ряд с построением в Европе

общества, основанного на знаниях. По оценкам экспертов, в странах Европейского Союза ныне генерируется до трети глобального научного знания. Основные направления этой деятельности, в которых сотрудничество ЕС и России в данной сфере может принести взаимовыгодный результат, были зафиксированы еще в 2010 г. в известной программе «Партнерство для модернизации». В принятом по итогам ростовского (2010 г.) саммита документе говорилось, что приоритетными направлениями научно-технологического взаимодействия станут, в частности, защита прав интеллектуальной собственности, транспорт, энергоэффективность, космос.

Что же касается сотрудничества между Россией и ЕС в научно-технологической сфере, инициированного межгосударственными соглашениями, то в настоящее время оно активно осуществляется в исследованиях по термоядерной энергетике, аэрокосмической сфере и — в меньшей степени — в сфере информационных технологий.

Шесть стран и ЕС подписали соглашение о реализации проекта строительства во французском Кадараше первого в мире международного термоядерного экспериментального реактора. Свои подписи под документом поставили представители России, США, Евросоюза, Китая, Республики Корея, Японии и Индии. Политическое соглашение о сотрудничестве было заключено в июне 2005 г. Работы по созданию реактора продлятся до 2020 г. Общие затраты на проект оцениваются более чем в 10 млрд евро. ЕС вносит 50 % стоимости проекта, Россия, США, Китай, Япония и Республика Корея — по 10 %. Доля Индии составит резервный фонд*.

Как известно, решение проблемы управляемого термоядерного синтеза обеспечит человечество энергией практически на неограниченный срок. Проекты такого типа и в советскую эпоху были чрезвычайно дорогостоящими, но сырьевая и экстенсивная советская экономика на прорывные направления науки денег не жалела. В результате российские, а точнее советские, научные достижения и сложившиеся богатые

* См.: Известия-наука. 2006. 21 ноября.

исследовательские традиции в этой области оказались всемирно признаны. Евросоюз же, в частности, выделил направление «чистая и возобновляемая энергетика» в качестве приоритетной сферы исследовательского сотрудничества с Россией.

16–18 октября 2012 г. в Москве прошел совместный семинар Россия — ЕС по исследованиям в области железнодорожного транспорта. В рамках реализации Программы инновационного развития данной отрасли большое внимание уделяется вопросам передачи российским производителям передовых зарубежных технологий. Успешными примерами такого взаимодействия ныне могут считаться грузовой электровоз с асинхронным тяговым приводом 2ЭС10, созданный ЗАО «Группа Синара» совместно с компанией «СименсАТ» и пассажирский электровоз, созданный ЗАО «Трансмашхолдинг» совместно с компанией Альстон*. Компания Philips сотрудничает, в частности, с НИПК «Электрон» в деятельности по разработке и производству медицинского диагностического оборудования.

В предыдущей, 6-й, Рамочной программе Евросоюза Россия оказалась наиболее востребованной из числа «третьих стран» как по количеству принявших участие в программе ученых, так и по масштабам финансирования, полученного от Еврокомиссии.

Между тем в нынешней Рамочной программе следует с меньшей степенью вероятности прогнозировать подобные результаты. И дело здесь не столько в россиянах, сколько в изменившихся «правилах игры»: по сравнению с предыдущей Рамочной программой акцент в этом сотрудничестве в РП-7 сделан на меньшем количестве партнеров по проекту и ориентирован на мелкие проекты. Именно поэтому у России нет достаточных оснований рассчитывать на крупномасштабное участие в 7-й Рамочной программе ЕС по науке и технологиям, завершающейся в 2013 г.

Однако информационная инфраструктура, призванная обеспечить входение российских исследователей в рамочные механизмы, ныне оказалась поднята на чрезвычайно высокий уровень. Во-первых, был создан консорциум проекта 7-й РП ЕС «Укрепление научно-технического сотрудничества с Российской Фе-

* АЭН «Прайм». 17.10.2012.

дерацией (BILAT-RUS)». В рамках этого проекта были созданы порталы: S&T Gate RusEU (стартовал весной 2010 г. с целью создания сети для контактов и предоставления полной информации по сотрудничеству научных организаций), ERA WATCH, EURAXESS (портал по мобильности). Региональный информационный центр научно-технологического сотрудничества был создан в Воронеже. Во-вторых, параллельно в институте ИСИ-ЭЗ ГУ — ВШЭ были созданы 2 национальные контактные точки: «Мобильность» и «Международное сотрудничество». На их базе, в частности, было проведено анкетирование по выявлению лучших практик сотрудничества с научными структурами в ЕС и «инвентаризация» существующих соглашений между РФ и ЕС, а также России с отдельными странами ЕС. *При этом нельзя не отметить, что при всей важности подобной деятельности понятно, что к непосредственному научно-технологическому сотрудничеству с Европой она имеет весьма отдаленное отношение.* По имеющейся в настоящее время статистике, с целью участия от России в формате 7 РП Евросоюза подано 185 заявок, из них 36 — по проблемам транспорта, 22 — энергетики, 29 — окружающей среды и 26 — проблем здоровья.

В 2005 г. Россия подключилась к единой европейской научно-образовательной сети GEANT, внося членский взнос в €620 тыс. Данная сеть является основой многих крупных проектов, осуществляемых в Европе, позволяя проводить совместные исследования одновременно во многих европейских научных центрах. Евросоюз выделил средства на оборудование в России оперативной точки GEANT и увеличение емкости сети. В будущем ЕС ставит цель подключить к глобальным научно-образовательным сетям современного уровня через российский транзит исследовательские структуры в Японии, Китае и Корее. Данный пример также демонстрирует общую заинтересованность в использовании прежде всего вычислительных возможностей сетей.

Существуют и примеры успешного развития научно-технологического взаимодействия на межстрановом уровне. Так, STX Finland и российская Объединенная судостроительная корпорация (ОСК) создали совместный Арктический центр

судостроительных технологий. Соглашение о создании новой компании, названной Arctech Helsinki Shipyard Oy, является условием для формирования единого финско-российского морского кластера. Новый центр будет специализироваться на проектировании и строительстве сложных судов ледового класса. Компании-учредители имеют равные (по 50 % акций) доли в Arctech Helsinki Shipyard Oy. Новая компания становится владельцем верфи STX Helsinki Shipyards в Финляндии. Каждый из акционеров инвестирует в предприятие первоначальный взнос в размере € 1,5 млн. Общая стоимость создания нового предприятия — € 20 млн. Отдельным соглашением прописан процесс передачи технологий судостроения от финской стороны российской посредством обучения персонала ОСК в процессе строительства судов. Совместное предприятие будет сосредоточено на морских технологиях судостроения для Арктики»*.

В сотрудничестве с ФРГ создано Российско-немецкое энергетическое агентство (РУДЕА). Оно призвано выполнять роль двустороннего экспертного центра по энергоэффективности и возобновляемым энергоресурсам в России. Им уже оказана поддержка Краснодарскому краю в разработке и реализации региональной концепции внедрения передовых энергоэффективных технологий.

Программа Sa M146 — это равноправное сотрудничество российской компании ОАО «НПО „Сатурн“» и французской компании «Снекмо» по разработке, производству и продвижению на рынок новой силовой установки с одноименным названием для применения на регионально-магистральных самолетах нового поколения. Проект имеет поддержку на уровне правительств России и Франции. А сама программа построена на принципах стратегического партнерства с разделяемыми доходами и рисками на паритетной основе**.

«ЕС в настоящее время продвигает идею многостороннего сотрудничества в Арктике. Приоритеты — транспорт, ресур-

* Проблемы прогнозирования. 2012. 18 июня.

** Промышленный еженедельник. 2010. 1 июня.

сы, климат. Собирается ли Россия в этой связи более активно участвовать в этих программах? Ответа пока нет»*.

Однако, прежде всего в силу объективных различий в нынешнем уровне развития научно-технологической сферы в ЕС и в России, очевидная взаимная заинтересованность сторон в многоуровневом и разностороннем исследовательском и технологическом сотрудничестве пока отсутствует. Иностранцы специалисты откровенно констатируют: «Нам навязывают условия, при соблюдении которых мы должны прийти в страну, вложить деньги, но ничего не гарантируют. В России доверяют западным продуктам, западным машинам, компьютерам и т. д., но не желают ничего знать о том, как эти товары производятся и почему они такие хорошие»**.

Среди европейских стран наиболее активно развивают сотрудничество с российской наукой Германия и Франция. В Германии такое партнерство активно патронировано Федеральным министерством науки и образования, Немецкой службой академических обменов (DAAD), Германским исследовательским обществом (DFG), а также многочисленными фондами и обществами.

Сотрудничество между российскими и французскими исследователями в течение долгого времени осуществлялось в основном на базе соглашения по обмену учеными по коротким программам. Теперь к ним присоединились трехгодичные международные проекты научного сотрудничества. На этой основе с 2004 г. развивается более широкое сотрудничество в форме совместных научных структур: международных ассоциированных лабораторий (МАЛ) и международных научных объединений. Самой сложной формой сотрудничества является Международная смешанная лаборатория Понселе по математике, которая действует в Москве с 2006 г.

Все больше расширяются контакты отечественной науки с русскоязычной научной диаспорой в Европе: с одной стороны, это безусловно хорошо, с другой — вряд ли может радовать тот

* Независимая газета. 2012. 11 октября.

** Эксперт. 2012. 26 марта.

факт, что количество российских ученых, избравших постоянным местом жительства ЕС, неуклонно растет.

Отечественная наука сегодня не может интересовать европейцев как целостный организм. Она недофинансирована, недооснащена, стремительно стареет, а также в отличие от Рамочных программ ЕС не имеет четкой концепции развития. Другое проблемное направление касается подключения России к проектам ЕС в области инноваций и конкурентоспособности. Пока наша страна объективно не готова к участию в европейских программах инновационного характера прежде всего в силу отсутствия в нынешней России достаточного количества высоко-технологичных предприятий малого и среднего бизнеса.

В текущем же российско-европейском научном сотрудничестве доминируют непосредственные контакты исследовательских структур, как правило, не обусловленные межгосударственными договоренностями, хотя примеры последних безусловно существуют, причем оказываясь наиболее успешными при условии непосредственной заинтересованности европейской стороны в результатах такого партнерства.

Те же точки роста, которые вопреки всему существуют в отечественной науке, уже вписаны в логику международного сотрудничества чаще всего напрямую, вне контекстов межгосударственных договоренностей. Яркой иллюстрацией сложившегося положения дел может служить, в частности, то обстоятельство, что еще до момента упрощения визовых процедур государствами — участницами ЕС в отношении ученых из России в 2007 г. большинство из тех, кто сотрудничал с европейскими учеными, уже имели многократные въездные визы.

Индикатором результативности исследовательского сотрудничества России и ЕС вполне могут выступать и результаты международного сотрудничества РАН на европейском направлении. Для подтверждения данных тезисов обратимся к последнему годовому отчету о деятельности Российской академии наук, в котором отмечается, что «многообразные по форме и содержанию научные связи РАН в рамках соглашений осуществлялись с зарубежными научными организациями таких стран, как, например, Германия, Австрия, Франция, Финляндия... Польша,

Чехия, Словакия»*. Одним из главных показателей состояния нашей фундаментальной науки стало расширение сферы международного исследовательского сотрудничества как общей тенденции для российского естествознания. Еще в последнее десятилетие XX в. российские физика, химия и биология в условиях острейшего приборного «голода» оказались вынуждены сделать ставку на международное сотрудничество. В Германии, например, в рамках проекта European XFEL строится самый крупный в мире рентгеновский лазер. Россия — второй после Германии участник проекта. Нашей стране, которую представляет корпорация Роснано, принадлежит 23 % объема финансирования и пропорциональная доля времени использования этой установки**.

Таковы реалии. Однако и они вполне могли бы трансформироваться в масштабное сотрудничество с научно-технологическим комплексом ЕС, но только при одном условии: формировании собственной внятной национальной стратегии в данной сфере.

Проблема в первую очередь коренится в неадекватном финансовом обеспечении научно-технологического комплекса России. При неравном финансировании нет оснований ожидать действительно равноправного партнерства, а его стартовые условия объективно различны.

ГЛАВА 19. ПЕРСПЕКТИВЫ СБЛИЖЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ТЕХНОЛОГИЙ

На сегодняшний день одним из наиболее эффективных элементов в контексте российско-европейского гуманитарного сотрудничества оказалось образование. Столь очевидный прогресс на этом

* Отчетный доклад Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 301.

** Коммерсант—наука. 2011. 5 декабря.

направлении явился прежде всего результатом взаимной — хотя и весьма различной по содержанию — заинтересованности сторон в такого рода сотрудничестве. Для Евросоюза она проявилась прежде всего в стремлении посредством учащейся молодежи из России усилить престиж и влияние в мире европейского (прежде всего высшего) образования. Для российских политиков сотрудничество с Европой в сфере образования в значительной степени означает реализацию стратегии членства в престижных международных клубах. В данном случае речь шла о присоединении к Болонской группе. Те многочисленные трудности и «нестыковки», которыми оказалось чревато такое присоединение, в расчет чаще всего не принимались.

Болонские технологии в России: цена вопроса

Наша страна официально вступила в Болонский процесс в сентябре 2003 г. Однако траектория ее движения в направлении, заданном ныне концепцией европейского пространства высшего образования, по-прежнему вызывает много вопросов. В контексте текущих российских реалий они выглядят вполне обоснованными.

Во-первых, переход на двухступенчатую систему образования для вузов России стал означать:

— уменьшение количества учебных дисциплин и часов на них;

— дополнительную нагрузку на рынок труда, куда как минимум на год раньше стало приходиться значительное количество бакалавров, причем работодатели и до сих пор не всегда готовы иметь дело с данной степенью вузовской подготовки;

— увеличение (а не уменьшение, как было зафиксировано в Болонье), разрыва между университетскими и неуниверситетскими вузами. Дополнительную, в том числе и финансовую, «пропасть» создала и дифференциация между «обычными» вузами и национальными исследовательскими университетами;

— сокращение числа преподавателей вузов и дополнительную безработицу среди них, поскольку аудиторная нагрузка при четырехлетнем цикле обучения бакалавров уже снизилась

и продолжает снижаться в силу прочих усугубляющих ситуацию в отечественном высшем образовании факторов.

Во-вторых, европейские стандарты высшего образования уже сегодня предполагают соотношение аудиторной и самостоятельной работы студентов на уровне 1:3. Наш отказ от классического соотношения 1:1 оказался не проработан как технологически (отсутствие достаточного числа компьютерных классов, посадочных мест в библиотеках, недостаток учебной литературы в них), так и — что не менее важно — ментально. Отечественный студент без неусыпного контроля над ним просто не готов прилежно заниматься. Отдельных недобрых слов заслужила и введенная взамен семестровой модульность обучения, фактически не оставляющая времени на подготовку к экзамену.

Говоря о магистратуре и докторантуре, отметим, что европейский магистр становится таковым за количество пройденных часов, отечественный же диплом специалиста предполагает самостоятельное исследование. Да и каким образом можно «сосчитать» системой кредитов научную работу на кафедре?

Что же касается проблемы мобильности, то при нынешних доходах россиян эти рассуждения о европейском пространстве высшего образования выглядят просто насмешкой над большинством населения. То же относится и к отечественным преподавателям. Западные преподаватели в России за такую зарплату, как говорят они сами, разумеется, работать не станут. Впрочем... все так быстро меняется. И ныне в Минобрнауки готовы отказаться от услуг большинства отечественных преподавателей и пригласить иностранцев. При имеющемся фонде оплаты труда для решения такой задачи придется упразднить и большинство имеющих в стране вузов...

Логики в таких решениях мало. Но ведь о ней думают в последнюю очередь. В первую очередь озвучиваются декларации. В их числе и намерение увеличить в разы финансирование образовательных структур всех уровней до 2020 г., если, процитируем премьера Д. А. Медведева, «все будет нормально с экономикой». А если не будет, то, вероятно, в США и Европе вырастет число «русских преподавателей, обучающих китайских студентов».

Там в отличие от отечества уровень профессионализма российских преподавателей не подвергается сомнению.

Единое с Европой приложение к диплому также не решит всех отечественных проблем: лучших наших выпускников ждут в Европе и без оногo приложения уже сейчас, худших не пригласят на работу и в будущем. Что же касается коммерциализации сферы образовательных услуг, то по этому показателю мы уже давно перегнали Европу. Однако гордиться здесь нечем.

Впереди Европы мы и по показателям контроля над высшей школой со стороны отечественных чиновников от образования. Сегодня, пожалуй, именно этот фактор является решающим в процессе слепо догматического копирования на российском образовательном пространстве гибких европейских схем, провозглашенных в Болонье. И от того, насколько отечественное вузовское сообщество сумеет сплоченно и творчески противостоять чиновничьим догмам, ныне зависит не только судьба национальной высшей школы, но и перспективы вхождения России в постиндустриальный мир.

Реалии российского образования

В ежегодном докладе ООН о человеческом развитии Россия ныне занимает 66-е место, при этом наши ближайшие соседи по этому списку — Мексика, Панама, Тринидад и Тобаго. *И ныне все отечественные промышленники, а также исследователи в один голос говорят о кадровом «голоде».*

Истоки сложившейся ситуации следует искать в том числе и в нынешних реалиях школьного образования, в частности в пресловутом ЕГЭ. Чем сегодня вынуждены заниматься школьные учителя? Да в основном «натаскиванием» учеников на правильное решение заданий пресловутого финального школьного теста. Как результат из учебного курса исчезает та добрая половина материала, которая прежде детально рассматривалась, формируя тем самым целостное восприятие того блока картины мира, за которое отвечает конкретная отрасль теоретического знания. Отметим еще и такое негативное обстоя-

тельство, как примитивное заучивание правильных ответов из тестов, составляющих ЕГЭ. *Добавим к этому, что в средней школе изменились как базовые учебные планы, так и количество учебных часов по базовым предметам. Разумеется, в сторону уменьшения. Зато в разы выросло число уроков физкультуры.* Кроме того, на год — в соответствии с Болонскими стандартами — уменьшилось время обучения в большинстве российских вузов. Кстати, в России в ближайшей перспективе планируется ввести ЕГЭ еще и для бакалавров. Если еще учесть, что в этот усеченный период вузовские преподаватели уже сегодня должны сформировать специалиста на базе отсутствия навыков и информации, недополученных в средней школе, картина предстает достаточно удручающей.

Результаты прошедшего десятилетия реформирования отечественного образования оказались следующими:

- сокращение количества школ с 63 000 до 48 000;
- развал учебно-методической работы в школах и педагогики как стиля авторитета и дисциплины, а также обучение по усеченным по сравнению с предыдущими десятилетиями учебным курсам;
- исчезновение системы начального и среднего профессионального образования;
- непроработанность перехода на двухступенчатое высшее образование и выдача гослицензий многочисленным новоиспеченным вузам; теперь их планируют закрывать, причем вместе в вузами с богатейшей историей, объединяя, укрупняя, реорганизуя; лозунг «до основанья, а затем», видимо, вновь оказывается востребованным отечественными чиновниками от образования.

«Россия, входящая в „Большую двадцатку“, но не в ОЭСР, занимает, по сведениям ОЭСР, первое место в мире по высшему образованию: послешкольное образование: 54 % от населения. У России есть долгая история вложений в образовательную систему. 33 % взрослых в ней имеют среднее специальное или профессионально-техническое образование. Возможно, у России не получится надолго сохранить за собой статус самой образованной страны мира, так как ее стремительно нагоняет

корейская и японская молодежь. Доля иностранных учащихся на российских программах послешкольного образования также растет. За период с 2005 по 2010 г. их число увеличилось на 78 %. Четыре процента всех учащихся мира, которые получают послешкольное образование — в том числе профессионально-техническое — за рубежом, учатся в России. Обычно это люди из соседних с Россией стран*.

Пять-семь лет назад в частных беседах с русскими эмигрантами, ныне преподающими точные и естественные науки в американских вузах, автору этой статьи было крайне удивительно слышать о том, что американские студенты испытывают трудности со сложением дробей с разными знаменателями. Напомню, что в советское время это был уровень школьной математики 3–4 классов. Увы, сегодня те же сетования озвучивают преподаватели отечественных вузов. Догнать и перегнать Америку в негативном соревновании оказалось так до обидного просто. В Европе тоже не все идеально со школьным образованием, и теперь с некоторыми ее образовательными трудностями познакомились и наши школы.

Таким образом, провозглашаемые идеологами реформирования всех уровней образования компетентностный подход и нацеленность не столько на багаж знаний, сколько на умение работать с информацией, попросту повисают в воздухе без достаточного объема часов на формирование той самой критической массы информации, с которой предлагается уметь обращаться.

Обсуждаемый вопрос неотделим и от ситуации с формированием компьютерно-информационной инфраструктуры в вузах и школах. Очевидно, что чисто механическое подключение учебных заведений всех уровней к сети Интернет в достатке может продуцировать лишь пользование «информационным мусором». Сегодня даже в России качественная информация является платной.

Особенно в этой связи стоит остановиться на платной информации, заключенной в базах данных и поисковых платформах, поскольку сегодня ручной поиск информации исключительно

* <http://inosmi.ru/world/20120928/200030473.html>

на печатных, а не на электронных носителях все в большей степени становится анахронизмом. И эта тенденция безусловно, будет нарастать. Между тем возможностью работы с такими базами данных обладают студенты и сотрудники только крупнейших российских учебных и исследовательских структур. Похвастаться подпиской на репрезентативную выборку электронных ресурсов подобного рода может отнюдь не каждый московский институт Российской академии наук. В периферийных вузах об этом не смеют и мечтать. Как, впрочем, и о достойной зарплате для вузовских преподавателей. Мотивации последним данная ситуация однозначно не прибавляет. А вот почву для снижения требовательности к студентам безусловно формирует.

Результаты приема в вузы в 2009 г.* по направлениям подготовки показали, что абитуриенты с наибольшим баллом по ЕГЭ выбрали гуманитарные науки, здравоохранение, сферу обслуживания, экономику и управление, социальные науки (баллы от 67 до 69). Выпускниками с баллами от 62 до 66 были вынуждены довольствоваться вузы, дающие образование по таким направлениям, как информационная безопасность, культура и искусство, архитектура и строительство, а также информатика и вычислительная техника, геология, разведка и разработка полезных ископаемых, физико-математические науки. Еще хуже ситуация с естественными науками, геодезией и землеустройством, энергетикой, энергетическим машиностроением, электротехникой и транспортными средствами (от 55 до 59 баллов). И в хвосте списка — технология производства продовольственных продуктов и потребительских товаров, авиационная и ракетно-космическая техника, образование и педагогика, оружие и системы вооружений, металлургия, машиностроение и материалобработка, морская техника, сельское и рыбное хозяйство (от 45 до 54 баллов ЕГЭ).

Особо хочется отметить низкое качество поступивших на суперпопулярные сейчас научные направления — химические и биотехнологии (средний балл по ЕГЭ — всего 62). Не в почете

* Кулешов В. В. Образование: мировой опыт и российские реалии // ЭКО. 2010. № 6. С. 20–21.

и физико-математические науки (59 баллов). Эти данные отражают реальный престиж тех профессий, которые определяют место страны в инновационной экономике на перспективу. Среди самых востребованных направлений с гигантским отрывом лидирует сфера обслуживания (сервис, туризм, товароведение) — здесь конкурс в среднем составил 227 заявлений на одно бюджетное место! За ней следует информационная безопасность (68 претендентов на место).

Тревогу вызывает будущее состояние сферы образования и педагогики. Во-первых, абитуриентов в этой группе оказалось в четыре раза меньше, чем бюджетных мест. А во-вторых, средний балл первокурсников — 53 из 100. То есть учить детей через несколько лет будут троечники. Еще более слабым выпускникам школ мы собираемся доверить главные технологические отрасли нашего народно-капиталистического хозяйства. Приходится согласиться: *в России кризис педагогического и инженерного образования*. Три четверти инженерных направлений и специальностей зачислили студентов на первый курс со средним баллом ЕГЭ ниже 50–55. Это значит, что *половина принятых на бюджетные места — люди, имеющие глубокую «тройку» по физике и математике* (выделено автором. — Е. В.). Это подтверждает, что мы привели в глубокое запустение знания из сферы наук физико-математического цикла в средней школе и сегодня уже не в состоянии конкурировать в этом сегменте образования с Сингапуром, Японией, Великобританией, Нидерландами, Гонконгом и Южной Кореей.

Кадры, кадры и снова кадры... По подсчетам менеджеров Рено-Ниссан, ныне работающих в альянсе с АвтоВАЗом, последний сегодня нуждается в 1000 новых инженеров. Взять их сегодня негде! Более 100 человек из Рено работают сегодня на АвтоВАЗе, объединение вынуждено было вернуть часть ушедших на пенсию и переобучать инженеров, пришедших извне. Сегодня для решения проблемы запущена программа подготовки специалистов в соответствии с новыми требованиями на базе Тольяттинского госуниверситета, Самарской аэрокосмической академии и совместно с Рено. Если проблема не будет решена в кратчайшие сроки, то на АвтоВАЗе останется только

отверточная сборка и о национальном автопроизводстве можно будет забыть. Зато существует другой пример — попытка «штучного» обучения инженеров.

Университет (SKTech) построят в Сколково с нуля в дисциплинарном партнерстве с Массачусетским технологическим институтом (МТИ). Университет не будет государственным, его финансирует фонд «Сколково». В структуре университета предполагается наличие 5 факультетов, на каждом из них будет функционировать по 3 междисциплинарных центра с несколькими лабораториями. На должность ректора университета уже приглашен иностранный профессор.

На сегодняшний день будущий SKTech — самый дорогой образовательный проект в современной России. Набирать здесь будут только магистров, ориентируясь на подготовку инженеров с предпринимательским духом. Расходы на одного студента в нем предполагаются в 10 раз большие, нежели существуют в стране сейчас. Возникает вопрос: где будет применяться полученное в Сколково элитное техническое образование? Каким образом получившие его специалисты заменят собой погибшую отраслевую науку? Кто будет финансировать их инженерный поиск в условиях, когда ни государство, ни частный бизнес не инвестируют в инновации? В России наука сейчас не нужна никому: ни производству (в силу его внутренних и все нарастающих проблем), ни бизнесу, озабоченному получением быстрых сверхприбылей, ни обществу.

100 лет назад знаменитый русский физиолог И. П. Павлов, посвятив свою Нобелевскую лекцию свойствам русского ума, назвал его «оранжерейным». Подобный редкий цветок инноваций как раз и предполагается вырастить в будущем в Сколково. Но он не нужен нынешней российской экономике. Сколково не заменит собой отраслевую науку, а также малые и средние наукоемкие фирмы. Элитное сколковское техническое образование повиснет в вакууме тотального отсутствия капитала на НИОКР, так называемого научного сервиса, массового притока новых технологий и современного менеджмента. Возращение инновационного поля — это трудно, долго и дорого. В Сколково в локальных масштабах пока лишь готовятся к работе в условиях международной кооперации, конкуренции

и самых современных технологических стандартов. Это безусловно хорошо, но в масштабах всей страны до обидного мало.

Как известно, в советский период внешняя трансляция ценностей науки массивно осуществлялась как во всех системах и на всех уровнях образования, так и через СМИ. Поддержанию пиетета по отношению к науке немало способствовала и внутренняя (в том числе внутрисемейная) трансляция научных ценностей: династии ученых были явлением весьма распространенным. Все это, увы, в прошлом. *Карьеры ученого в родном отечестве сегодня не желают детям ни один из российских научных работников. Ныне, как справедливо отмечают эксперты, правительство одной рукой выталкивает молодые таланты за рубеж, а другой — приглашает их в Сколково.*

В западных публикациях по проблемам интеллектуальной миграции справедливо утверждается, что «Великобритания, Франция, Германия, Скандинавские страны, Канада, продолжая оставаться поставщиками своих интеллектуалов, прежде всего ученых, в США, в то же время начинают стимулировать приток специалистов из менее развитых стран, тем самым как бы компенсируя свои потери от „утечки“ своих специалистов в США»*. Востребованность наших ученых — и прежде всего молодых — в развитых странах объясняется, кроме всего прочего, еще и тем важным обстоятельством, что нигде в мире наука сегодня не является одной из самых популярных и востребованных профессий. Молодежь повсеместно стремится не в науку, а в бизнес и промышленность прежде всего потому, что оплата труда в этих сферах неизмеримо выше. В некоторой степени этот факт иллюстрирует и то обстоятельство, что вовсе не все талантливые выпускники российских вузов настроены начинать научную карьеру, пусть и за границей.

Однако если в России процесс ротации научных кадров происходит в значительной степени стихийно, то страны, которые не на словах, а на деле формируют общество, основанное на знаниях, не могут этого допустить. При этом ока-

* Ушкалов И. Г., Малаха И. А. «Утечка умов» — масштабы, причины, последствия. М.: Эдиториал Урсс, 1999. С. 21.

зывается, что выпускники «незападных» вузов, в том числе и России, в состоянии в значительной степени способствовать сохранению критической массы кадрового потенциала науки промышленно развитых стран. Этому процессу способствует и пока еще не успевшая подвергнуться тотальному разрушению наша национальная образовательная система. Действительно, в ФРГ молодой человек получает 12-летнее среднее образование, а затем оканчивает вуз в 25–27 лет (в России — в 22–23 года) и 3-летнюю аспирантуру практически в 30. Таким образом, выигрыш в возрасте потенциального российского интеллектуального мигранта безусловно очевиден. И его успешно используют западные работодатели.

Выпускников наших ведущих вузов физико-математического профиля, прежде всего МГУ, ЛГУ, МФТИ, охотно берут на работу в европейские университеты. Выпускников ведущих вузов азиатской части России охотно принимают на работу в Южной Корее, Китае, Бразилии, Аргентине.

Для наших молодых ученых работа за рубежом — это вопрос не только финансового благополучия (хотя и относительного, но совершенно несопоставимого с заработками отечественных ученых, причем особенно молодых).

Лучшие из отечественных молодых кандидатов наук теперь уже в студенческие годы формируют четкую установку на работу за границей. Особенно это проявляется среди аспирантов в крупных научных школах, руководители которых имеют устойчивые контакты с западной наукой, а также в крупных столичных вузах (МФТИ, МГУ). Командировки за границу и контракты с западными университетами служат главным индикатором индивидуальной конкурентоспособности, самореализации и, наконец, востребованности мировой наукой. Оперировав лишь этими мотивами, можно утверждать, что вектор устремленности российской науки на Запад в ближайшей перспективе, безусловно, сохранится.

Если же ученый из России по окончании контракта не находит для себя новую работу в ЕС, а на родине у него нет даже жилья, то весьма часто он направляется в Австралию или Швейцарию. Первая сегодня весьма заинтересована в исследователях

из России молодого и среднего возраста. Последняя как один из оплотов постиндустриализма также достаточно открыта для молодых квалифицированных исследователей.

Вопросах прогнозирования катастрофических событий (а отсутствие критической массы профессионалов практически во всех сферах вполне можно назвать таковым) на нынешнем уровне развития науки уместнее всего прислушаться к голосам специалистов по синергетике. А их вердикт однозначен и суров: «Это „иллюзия непрерывности“, сводящаяся к интуитивному убеждению, что завтра будет примерно так же, как сегодня. Жизнеустройство и весь уклад жизни в нашей стране, как оказалось, обладали очень большим запасом прочности. Но насколько большим, на сколько его еще хватит, ученые не знают. Академик Н. Н. Моисеев считал, что в таких случаях коллапс может быть внезапным и очень быстрым. Разные опасности обладают синергизмом — они могут многократно усиливать друг друга. Система может быть прекрасно защищена по отношению к каждой из угроз по отдельности и беззащитна по отношению к их комбинации»*.

Разумеется, в таких условиях трудно ожидать углубления российско-европейского образовательного диалога. Скорее всего, он будет продолжаться в уже апробированных формах. Ожидать же широких жестов благотворительности в столь жизненно важных для постиндустриального общества сферах, как наука и образование попросту, непродуктивно.

ГЛАВА 20. ДИАЛОГИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Стремясь быть все более вовлеченной в региональное развитие, европейская интеграция постепенно была распространена и на культурную политику. И хотя культурные аспекты практически всегда имплицитно присутствовали в действиях

* Курдюмов С., Малинецкий И., Медведев И., Митин Н. Нелинейная динамика и проблемы прогноза // Безопасность Евразии. 2001. № 2. Апрель—июнь. С. 499—500.

стратегов европейской интеграции, появление самостоятельной культурной политики — совсем юное направление деятельности Евросоюза.

Ориентиры культурной политики в документах Евросоюза

Весьма символично, что «один из идеологов и инициаторов объединенной Европы Жан Монне считал, что „если бы предостояло вновь переосмысливать весь европейский интернациональный процесс, то он посоветовал бы начать с культуры, а не с угля и стали“*». Однако европейская интеграция прошла достаточно долгий путь, прежде чем понимание данных вызовов приобрело целостное видение и институциональную форму и оказалось зафиксировано в документах ЕС.

Вопросы культуры занимали второстепенное место в ЕЭС, где приоритет экономики над всеми другими сферами был неоспорим и очевиден. Необходимость формирования европейского культурного пространства даже не обсуждалась, не проводилось и никаких общих для ЕЭС культурных мероприятий. Проблемам, возникающим в культурной сфере, не придавалось должного значения, несмотря на принятие еще в 1954 г. Европейской культурной конвенции, которая провозглашала необходимость «принимать надлежащие меры для защиты культурного наследия Европы и обеспечивать разумный доступ к объектам культуры и искусства»**.

Ситуация начала медленно изменяться в 70-е гг., когда под воздействием нарастающего давления со стороны общества массового потребления руководители государств ЕЭС оказались в эпицентре широкомасштабной дискуссии о необходимости становления общей культурной политики, которая формировалась весьма точно. Так с 1969 г. начались совместные обсуждения вопросов культуры главами государств и правительств стран-членов ЕЭС. А Европарламент в 1974 г. впервые сформировал Комитет по вопросам культуры. В этом

* <http://cultgeo.narod.ru/ur.html>

** <http://ec-hr-base.ru/kultura.jsp>

же направлении прилагали усилия такие международные организации, как ЮНЕСКО и Совет Европы. Последним еще в 1954 г. была принята уже упомянутая Европейская культурная конвенция, призывавшая принимать надлежащие меры для защиты наследия Европы в сфере культуры, в котором объединены география, религия, политика, искусство, наука и философия Старого Света.

80-е гг. XX столетия в хронологии европейской интеграции ознаменовались воплощением в жизнь общеевропейских культурных проектов «Европейские города культуры» и крупнейшей реставрационной программы «Эмблематик». Что же касается институционально-правового оформления пространства культурной политики в нынешнем ЕС, то его поворотной фазой можно считать доклад Еврокомиссии 1987 г. с многообещающим названием «Свежие веяния для культуры в Европейском сообществе».

Однако лишь в последнее десятилетие ушедшего века культурная политика получила официальный юридический статус в Договорах о ЕС 1992 и 1997 гг. В Амстердамском договоре 1997 г. правовую основу получили и культурные мероприятия, проводимые под эгидой Евросоюза.

Евросоюз содействует мерам по расширению сотрудничества между деятелями культуры из различных государств-членов и поддерживает их инициативы в этой сфере, но не требует от них гармонизировать собственные национальные политики в данной области. ЕС лишь софинансирует различные межнациональные проекты в сфере культуры, осуществляемые компаниями, ассоциациями, региональными властями, университетами, исследовательскими центрами из различных стран Европейского Союза, а также из третьих стран. В условиях децентрализации компетенции в сфере осуществления культурной политики национальные государства распоряжаются в том числе и европейскими финансовыми ресурсами. Лиссабонский договор зафиксировал, что культурная политика останется в границах компетенции стран — участниц при дополнительных функциях со стороны ЕС. «Договор о реформе ЕС достаточно четко разделяет компетенции,

относящиеся к ведению союза и национальных правительств. В вопросах, которые не относятся к исключительной компетенции ЕС, союз будет принимать участие только тогда и в той мере, если цели не могут быть должным образом достигнуты каждым государством самостоятельно на федеральном или местном уровне, но могут быть достигнуты в рамках всего союза, принимая во внимание масштабы и последствия предполагаемых действий»*.

При этом в сфере культуры действия ЕС осуществляются в форме специфических мер, разработанных департаментом Еврокомиссии по образованию и культуре, и распространяются на четыре сферы:

- совершенствование знаний о европейской истории и культуре и их распространение,
- сохранение культурного наследия;
- некоммерческие культурные обмены;
- художественное и культурное творчество, включая аудиовизуальный сектор.

Важно подчеркнуть, что в ближайшей перспективе ЕС не планирует создание унифицированной общеевропейской культурной политики. Европейская культурная интеграция не имеет линейного характера и тем более не предполагает какой-либо вертикальной иерархии: это гораздо более сложный и гибкий механизм сотрудничества.

Между тем, несмотря на существенно возросшее внимание к культуре со стороны руководящих структур ЕС, объективно невозможно было бы ожидать детализации культурной политики в его основополагающих документах. В четко проработанном и системном варианте принципы культурной политики Евросоюза представлены в Резолюции совещания министров культуры по использованию культурной политики в целях развития от 2 апреля 1998 г. и сводятся к следующим:**

- устойчивое развитие и расцвет культуры взаимозависимы;

* Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества. Ст. 4.

** <http://cultgeo.narod.ru/ur.html>

— любая политика развития должна учитывать культурные реалии;

— самореализация личности в обществе и через творчество является одной из важнейших целей устойчивого развития;

— государства ЕС должны обеспечивать максимальные возможности для доступа и участия граждан в культурной жизни;

— главная цель культурной политики состоит в том, чтобы создать среду обитания, благоприятную для самореализации личности и обеспечить ее соответствующими ресурсами;

— *диалог между культурами является одним из самых сложных основных культурных и политических вопросов в ЕС* (выделено мной. — *Е. В.*);

— культурное многообразие — это сокровищница культурного наследия и ключевой фактор развития ЕС;

— защита местных и региональных культур, которым угрожает всеобщая унификация, не должна превратить эти культуры в памятники прошлого;

— в мире, где взаимозависимость растет с каждым годом, обновление культурной политики должно происходить одновременно на местном, национальном, региональном и обще-союзном уровнях;

— страны должны вместе работать над построением информационного мира межкультурных коммуникаций и взаимопонимания, в котором многообразие культурных ценностей, этических и поведенческих моделей составляет подлинную культуру мира;

— культурная политика должна быть свободна от любой дискриминации и направлена на улучшение социальной интеграции и качества жизни всех членов общества;

— государства — участницы ЕС должны делать все возможное для тесного сотрудничества с гражданским обществом;

— культурная политика должна признавать тот неограниченный вклад, который представители творческих профессий вносят в развитие общества.

Таким образом, культурная политика Европейского Союза в настоящее время представляет собой вполне самостоятель-

ный элемент в системе интеграционных стратегий данного объединения. Ее появление, разумеется, не было случайностью и вполне может рассматриваться в качестве ответа Старого Света на глобальные вызовы времени. К последним можно отнести как минимум три фактора: угрозу сохранению многообразия культур, обвальный рост влияния массовой культуры, а также тотальную и во многом непредсказуемую сетевую экспансию информационного общества. Противоядие первому из них сегодня состоит в том, чтобы не только сохранить все разнообразие культур, но и реализовать их бесконфликтное взаимодействие. Вторым и третьим факторы неотделимы друг от друга, и во многом поэтому их нивелировка в настоящее время представляется столь трудноразрешимой задачей. Ведь ныне классическая культура Старого Света подвергается столь массивному давлению электронно-сетевых структур, что уже ей самой приходится искать некие опоры, дабы не потерять накопленной в веках самобытности.

Изложенная выше стратегия на переломе веков начала воплощаться в ЕС в конкретных проектах. Первым из них была программа содействия художественному творчеству европейского масштаба «Калейдоскоп» (1996–1999), затем последовали программа поддержки книгоиздания и чтения «Ариан» (1997–1999) и программа сохранения культурного наследия и мобильности специалистов «Рафаэль» (1997–2000). Несмотря на успешность их реализации, уже к концу 90-х гг. стало очевидно, что культурная политика должна приобрести новое качество и выйти на новый уровень, став столь же доступной для каждого европейца, сколь и плоды коммерческой и технологизированной массовой культуры. Иными словами, бороться с массовой культурой стало возможно, только грамотно применяя ее же технические средства, а также не останавливаясь перед затратами.

Программа «Культура-2000»^{*} стала основным инструментом политики ЕС в этой области, который нацелен на развитие общего культурного пространства через поддержку худо-

^{*} http://ec.europa.eu/culture/eac/sources_info/official_doc/doc_en.html

жественных и культурных проектов в Европе в координатах замысла, организации и исполнения. Первоначально рассчитанная на пятилетний период (2000–2004 гг.), но впоследствии продленная на 2005 и 2006 гг., эта программа была нацелена на поощрение творчества и мобильности, доступности культуры для всех слоев населения, распространение искусства, а также на межкультурный диалог и расширение знаний о европейской истории. Действия пролонгированной программы на 2005–2006 гг. расширили базовую программу посредством оперативных грантов по защите общеевропейских интересов в сфере культуры и грантов по защите и сохранению европейского культурного наследия.

Европейский Союз создал первую Рамочную программу, всецело посвященную вопросам культуры, «Культура-2000». *Название первой Рамочной программы по культуре весьма символично и безусловно акцентирует внимание не столько на дате начала третьего тысячелетия, сколько знаменует собой точку отсчета нового видения европейской культуры. Его характеризует многоуровневость, включающая:*

- видение культуры в координатах глобального мира;
- толерантное отношение к многообразию культур;
- пропаганду и трансляцию культурного наследия через СМИ;
- все большее встраивание культуры в рыночные механизмы при одновременном патронаже над ней со стороны государств — участников ЕС;
- наличие элементов культурной политики практически во всех видах интеграционных стратегий ЕС.

Что же касается географии данной программы, то нацеленная на организацию культурного и художественного сотрудничества в Европе, она выходила за рамки ЕС, не только включая всех его нынешних участников, но и страны — участники Европейской экономической зоны: Исландию, Лихтенштейн и Норвегию.

Программа «Культура-2000» посвятила треть бюджета осознанию европейцами общности их культурного наследия, включающего обычаи, традиции, навыки и знания. Проекты подобного типа включают в себя создание условий для про-

фессиональной мобильности, обмен опытом, а также творчество в координатах мультимедийных ресурсов.

В сотрудничестве с Европейским социальным фондом Программа ЕС «Культура-2000» ставила своей целью посредством «свободных искусств» вернуть в сферу творчества — в основном непрофессионального — безработных. Отметим в этой связи, что ныне в ЕС поощряются все формы культурной деятельности: театр, танцы, визуальные и пластические искусства, кино, литература, музыка и т. п. Семь миллионов профессионалов приняли участие в многолетних международных проектах под эгидой «Культуры-2000». Кроме того, достижения культурной политики данного региона ныне неотделимы от образовательных стратегий «обучения в течение всей жизни», «электронного обучения», а также «неформального образования».

Реализацию данных целей ныне продолжает программа «Культура-2007», рассчитанная на 2007–2013 гг., бюджет которой по сравнению с ее предшественницей увеличен на 70 %. Приоритетами данной программы стали вопросы углубления межкультурного диалога, а также поддержка работников культуры. Пилотный проект по мобильности деятелей является одним из краеугольных камней программы «Культура-2007».

Помимо Программы «Культура-2007–2013», общий бюджет которой составляет около €400 млн, ЕС имеет в своем арсенале и другие инструменты сохранения культурного наследия и патронажа над современными культурными реалиями.

Ныне в ЕС существует целая система инициатив, посвященная различным аспектам культурной политики. Так, серия MEDIA программ (в 2012 г. ей исполнилось 20 лет), позволяет широкомасштабно демонстрировать европейские фильмы в Европейском Союзе в приоритетном порядке. Старые кинофильмы ныне восстанавливаются и сохраняются в цифровом формате. Цель медиапрограммы ЕС состоит в том, чтобы повысить конкурентоспособность европейской кинопродукции и аудиовизуальной промышленности через серию стимулов, относящихся к мобильности профессионалов, развитию производственной инфраструктуры, распространению фильмов и телевизионных программ, а также поддержке кинофестивалей.

Аудиовизуальная политика в Европейском Союзе регулируется директивой «Телевидение без границ», которая применяется к показу ТВ-программ для населения. Это позволяет принимать программы по всему ЕС и на протяжении суток иметь возможность смотреть каналы, транслирующие программы, созданные в Европе. Интересно, что данная директива четко устанавливает лимит времени на телевизионную рекламу, который не может превышать 20 % от каждого часа экранного времени. Попутно отметим, что в 2004 г. Еврокомиссия приняла рекомендации по защите меньшинств и прав человека в отношении европейских аудиовизуальных и информационных служб.

Европейский Союз ставит перед собой цель объединить европейцев в понимании их общей истории посредством общения и различных схем обмена. Последние являются мостами между различными культурами. Так, с 1987 г. более чем миллион европейских юношей и девушек обучались по программе студенческих обменов SOCRATES.

Языки — это опора любой культуры. 2001 г. был объявлен европейским годом языков. Это был ключевой год формирования долговременной политики содействия европейцам в изучении и использовании двух языков в дополнение к их родному языку. В этом же году был учрежден и День европейских языков, который теперь ежегодно отмечается 26 сентября. Одновременно Евросоюз уделяет достаточно много внимания деятельности по сохранению региональных языков, а также языков меньшинств, хотя в основном подобная поддержка осуществляется на местном уровне.

Языковое обучение является базовым элементом в европейских акциях по образованию и мобильности. Утверждение лингвистического разнообразия является одним из фундаментальных аспектов деятельности Европейского Союза. Языки «открывают двери» в другие культуры. Поэтому ЕС посвящает специальные разделы Рамочных программ по науке и технологиям созданию электронных переводчиков с различных языков. В числе этих мер помощь гражданам в чтении иностранных авторов на родном языке.

Одновременно Европа готова нести ценности ее культурного разнообразия и диалога за пределы собственных границ. Это касается вопросов сохранения культурного наследия, поддержки локальной культурной активности, а также обменов между регионами и странами. Так видятся евростратегам основные средства улучшения взаимопонимания между гражданами ЕС и всем остальным миром.

Рассмотрим теперь «сетевое наполнение» культурной политики ЕС. Оно, выступая как среда для распространения культуры массовой, становится и каналом реализации целей культурной политики в Евросоюзе.

Особенности становления информационного общества в Европе отчетливо проявляют себя во взаимодействии культурных институтов с образовательными структурами, мультимедийной индустрией, а также Рамочными программами в сфере науки и технологии. Это партнерство базируется на опыте и ресурсах государственного и частного секторов, библиотек, музеев и архивов и реализуется в сфере электронной культуры. С 2006 г. запущена программа «Эмблема европейского наследия», направленная на продвижение сайтов, посвященных европейской истории и ценностям евроинтеграции. При этом сайты подвергаются мониторингу содержания раз в четыре года.

При этом главная цель финансовых усилий ЕС в этой сфере состоит в том, чтобы сделать доступ европейцев к культурным достижениям более демократичным и помочь пользователям Интернета получить больший виртуальный доступ к коллекциям музеев, библиотекам и другим культурным фондам. Так, в частности, проект «Chance» посвящен созданию электронных баз данных, объединяющих музеи и частные коллекции, в т. ч. живопись, скульптуру, художественные артефакты и т. д. Не остается в стороне и музейная статистика, позволяющая осуществлять оперативный мониторинг.

Программа «TEN-telecom» касается структур, объединяющих европейские и глобальные компьютерные сети. А программа «eContent» сфокусирована на коммерческом потенциале европейского цифрового материала и помогает фирмам

Таблица 20.1

Наиболее посещаемые европейские музеи и количество посещений

Страна	Название музея	Число посетителей за год
Велико-британия (2009)	Британский музей, Лондон	5 569 949
	Галерея Тейт, Лондон	4 736 178
	Национал. галерея, Лондон	4 688 000
	Музей естественной истории, Лондон	4 103 375
Франция (2010)	Лувр, Париж	8 344 521
	Версаль	6 087 556
	Центр Помпиду, Париж	3 132 842
	Музей Д'Орсе, Париж	2 985 510
	Дом инвалидов, Париж	1 427 425
Италия (2009)	Колизей и Палатин, Рим	4 655 203
	Развалины Помпеи	2 070 745
	Галерея Уффици, Флоренция	1 530 346
	Галерея Академии, Флоренция	1 130 149
	Замок Святого Ангела, Рим	804 272
Греция (2007)	Акрополь, Афины	1 151 587
	Археологический музей Эпидавра	413 680
	Археологический музей, Афины	411 564
Германия (2008)	Политехнический музей, Мюнхен	Нет опубликованных данных
	Пергамон-музей, Берлин	Нет опубликованных данных
	Замок Нойшвайштайн	Нет опубликованных данных
Испания (2008)	Прадо, Мадрид	Нет опубликованных данных
	Собор в Севилье	Нет опубликованных данных
	Музей Дали	Нет опубликованных данных
Австрия (2008)	Альбертина, Вена	997 739
	Сокровищница, Вена	623 587
Чехия (2011)	Еврейский музей, Прага	560 733
	Национальная галерея, Прага	476 650
	Национальный музей, Прага	402 063
Нидерланды (2010)	Музей Ван Гога, Амстердам	1 432 500
	Дом Анны Франк	1 050 000
	Рекс-музей, Амстердам	900 000
Швеция (2009)	Скансен, Стокгольм	1 405 128
	Музей корабля Ваза, Стокгольм	1 154 615

Источник: European Group on Museum Statistics (Egmus).

адаптировать их продукты и услуги к потребностям иностранных рынков, поскольку культура, кроме всего прочего, является важным сектором экономики.

Ежегодно с 1999 г. Евросоюз проводит сетевые недели культуры. В этот период школы, молодежные организации и культурные центры привлекаются к показу и распространению результатов своей работы посредством мультимедийных представлений, виртуальных выставок, рекламы и т. д. Данная инициатива Netd@ys week Европа нацелена на привлечение европейцев к активному участию в культурной жизни ЕС и поощряет использование новых СМИ для образовательных и культурных целей.

Каждый год Совет министров культуры государств — участников ЕС избирает определенное число городов культуры. Инициатива «Европейские столицы культуры» стартовала в 1985 г., и в ней уже приняло участие более 40 городов. Наряду со многими другими такие города, как Афины, Авиньон, Берлин и Хельсинки, уже получили поддержку ЕС в организации концертов, выставок и конференций европейского масштаба, объединяющих вместе художников со всей Европы. А благодаря схемам городов-партнеров множество мелких поселков и крупных городов создали прочные сети культурного взаимодействия. С 2011 г. на год избирается две культурные столицы, представляющие разные европейские страны.

Европа, как известно, исторически формировалась как хотя и спаянная единой религией и либеральными ценностями, но весьма разноликая семья уникальных национальных культур. Сохранить это разнообразие в условиях глобального наступления унифицированной массовой культуры и высоких технологий информационного общества сверхсложно. Но именно такую цель преследует ныне культурная политика ЕС. «Важнейшим социологическим вопросом, — как утверждал один из основателей постиндустриальной теории Д. Белл, — становится вопрос о том, сможем ли мы спасти национальную культуру, которая отличает одну страну от другой»*.

* Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1998. С. XXVIII.

20 октября 2005 г. ЮНЕСКО приняла Конвенцию по защите и расширению культурного разнообразия. Она представляет собой межгосударственный консенсус, лежащий в основе будущего международного регулирования в культурной сфере. Таким образом, ныне международное сообщество, включая ЕС, получило серию руководящих принципов, относящихся к культурному разнообразию. Они подтверждают легитимность государственных политик в сфере культуры и важность международного сотрудничества.

Мультикультурализм вовсе не является доминирующей стратегией культурной политики Евросоюза, но было бы столь же неверно полагать, что он полностью выносится за скобки базовых стратегий данного интеграционного объединения. Масштабы этнической миграции в ЕС сегодня таковы, что формируют почву для многочисленных опасений по поводу европейской культурной самобытности в условиях взрывного количественного роста «другой», и прежде всего исламской, культурной идентичности. Ведь даже в сердце ЕС Брюсселе сегодня существуют центральные районы, где практически полностью отсутствует европейское население...

Цели европейской культурной политики, будучи предельно формализованными в документах ЕС, сегодня состоят в том, чтобы вывести на первый план необъятное общеевропейское культурное наследие, повысить чувство сопричастности к нему каждого европейца, одновременно относясь с пониманием и уважением к культурным, национальным и религиозным различиям. Такой подход отражает фундаментальные ценности, разделяемые европейцами. Именно на них и основана европейская интеграция. 2008 г. был объявлен в ЕС годом межкультурного диалога.

Евростратеги ожидают, что адекватный ответ на глобальные для европейской культуры вызовы должен оказаться результативным, сохранив европейское наследие в активной форме и массово востребованных масштабах. Именно поэтому 27 государств — участников Европейского Союза, не ограничиваясь национальными рамками, ныне утверждают, что защита и со-

действие культурному разнообразию в Европе является фундаментальной стратегической целью для ЕС.

Кроме того, сама историческая логика развития европейских национальных культур сформировала в них на протяжении веков довольно стойкий «иммунитет» к разнообразным внешнеполитическим, а подчас и внутривнутриполитическим, воздействиям, поскольку они представляют достаточно автономный и инертный феномен.

Сами национальные культуры способны противостоять политическим вызовам со стороны расширяющейся объединенной Европы прежде всего в силу своей природы. Ведь культура — это основа цивилизации, носитель норм и ценностей данного общества. Все эти составляющие мало подвержены изменениям в краткосрочной перспективе и уже поэтому говорить о нивелировке национальных культур в Европе, по крайней мере на ближайшую четверть века, вряд ли возможно.

Национальная политика стран Старого Света в области культуры: диалог с Европейским Союзом

Культура относится к одной из самых чувствительных сфер государственного суверенитета и самостоятельности при проведении внутренней и внешней политики любой страны. Рассмотрим далее особенности национальных политик в государствах — участниках ЕС начиная с севера Европы.

Несмотря на прошедшие со времени их написания века, слова Ш. Монтескье не потеряли своей актуальности и сегодня: «В Европе существует некоторое равновесие между народами юга и севера. Первые имеют всевозможные удобства для жизни и мало нужд; у вторых много нужд и мало удобств для жизни. Одним природа дала много, а они требуют от нее немногого; другим природа дала мало, а они требуют от нее многого. Последние должны работать много, иначе они будут нуждаться во всем и обратятся в варваров»*.

* Монтескье Ш. О духе законов. М., 1999. С. 295–296.

Финляндия* принадлежит к северным социальным государствам, которые традиционно уделяют внимание функционированию обширной сети общественных культурных институтов, таких как библиотеки, драматические и оперные театры, оркестры и т. п. Отметим, однако, что ключевым элементом системы государственного патронажа над культурой здесь всегда оставалась демократизация последней.

Еще одним ключевым элементом национальной культурной политики стал принцип децентрализации, обеспечивающий значительную автономию муниципалитетов, которые традиционно выступают в Финляндии как основные центры государственного финансирования культуры. На них приходится 60 % средств, в то время как вклад государства составляет 40 % от общего объема государственного финансирования. Ни в одной из других западных стран регионы не играют столь значительной роли в финансировании культуры.

Основная парадигма национальной культурной политики была создана здесь в течение 60–70-х гг., хотя фундамент ее был заложен еще в XIX в. Однако в 90-е гг. XX в. принципы национальной культурной политики претерпели некоторые изменения, касающиеся прежде всего характера финансирования искусства и культуры. Эти изменения напрямую были связаны со взаимодействием в этом поле государства и бизнеса.

Традиционно финская культурная политика базировалась на следующих основных принципах:

- поддержка творчества и разнообразия;
- формирование национальной идентичности;
- децентрализация;
- продвижение достижений культуры и искусства.

К ним в прошедшем десятилетии были добавлены следующие подходы:

- приверженность экономическим и социальным ценностям культуры и искусства;

* Глава подготовлена на основе материалов следующих баз данных, касающихся национальных политик стран — участников ЕС в области культуры (<http://www.culturelink.org/culpol.html>, <http://www.culturalpolicies.net>).

— партнерство государственного, некоммерческого и частного секторов в финансировании культуры;

— продвижение концепций экологического устойчивого развития.

Реформирование культурного пространства оказалось подчиненным новой идеологии «управления, нацеленного на результаты». Она придала культурным институтам больше ответственности, предоставив одновременно большую свободу в поиске источников финансирования.

С 1990 г. культурную политику в стране курирует департамент культуры министерства образования. Экспертное же сообщество в сфере культуры возглавляет Совет искусств Финляндии. Кроме того, здесь существует 9 национальных художественных советов по архитектуре, кино, графике и дизайну, танцу, литературе, музыке, фотографии, театру и живописи. Данная сеть художественных советов, в том числе советы в регионах, являются связующим звеном между деятелями искусства, регионами и министерством образования. Упомянутые советы являются одновременно и грантообразующими структурами. Кроме адресной поддержки художников они также предлагают гранты на художественные проекты и поездки.

Дания имеет давние традиции общественной поддержки деятельности в сфере искусства и культуры, берущие свое начало в усилиях датской лютеранской церкви и королевской семьи.

Культура определяется в Дании достаточно обобщенно как способ жизни, в основе которого лежит свобода деятельности. Этот подход лежит в основании государственной культурной политики, которая направлена на поддержку и развитие многогранности культуры, а также на координацию социальной, культурной и образовательной деятельности.

Национальное законодательство о культуре сегодня основывается прежде всего на том, что государство должно в первую очередь поощрять и поддерживать, а вовсе не направлять и координировать творческую деятельность. Что же касается решений по финансовой поддержке культуры, то они должны приниматься экспертами, а не министерством культуры или парламентом.

Второй принцип культурной политики отражает установку на вовлечение в культурный процесс как можно большего числа людей. Это обстоятельство особо подчеркивается в датском законодательстве, касающемся школ и образования в целом.

Третий принцип касается того, что нынешняя культурная политика в стране в большей степени основывается на текущих реалиях и современном концептуальном видении культуры, нежели на традициях. Этот подход в значительной мере базируется на сотрудничестве между различными видами творческой деятельности и культурными институтами с одной стороны и популярной культурой — с другой.

Коме того, в стране существует грантовая поддержка различных видов культурной активности со стороны Культурного фонда, основанного в 1990 г. с целью объединения в этом направлении усилий государства, частных лиц и компаний. Попутно отметим, что расходы на культуру в стране в течение последних 25 лет постоянно растут.

Центральная роль в реализации культурной политики на правительственном уровне принадлежит Министерству культуры, а все культурные институты классифицированы в стране по трем основным направлениям: творческая деятельность, сохранение и продвижение культурного наследия, образование и обучение. Указанные структуры достаточно свободны в выборе конкретных направлений своей деятельности, поскольку министерство культуры в сотрудничестве с парламентом лишь определяет финансовые рамки такой активности. Причем в соответствии с политикой децентрализации многие культурные инициативы находятся в зоне ответственности местных властей. Так, в частности, схема «сделай сам», инициированная министерством культуры, призвана стимулировать детей к созданию собственных культурных начинаний и реализуется преимущественно на локальном уровне.

Культура как инструмент для межкультурного диалога — так формулируется здесь главная цель международного сотрудничества в сфере культуры. С северными странами Дания сотрудничает в сфере культуры через Северный Совет министров. Кроме того, страна открыта для культурного со-

трудничества не только с другими европейскими странами, но и с другими континентами.

Культурная политика *Швеции* в основном сформировалась в 60-е гг. XX в. и базируется на постулатах развития малого демократического социального государства. Подобно другим североевропейским странам, шведская версия демократической социально ориентированной государственной модели культурной политики акцентирует внимание на участии населения, значении многочисленных популярных массовых движений и стремлении каждого индивида к саморазвитию.

В Биллях о культуре 1974 и 1996 гг. культура рассматривается в основном как сфера государственных интересов, поскольку именно на ее основе объединяется общество. Она же выступает одним из основных способов функционирования демократии.

В стране существует комплексная система привлечения ресурсов в культуру, в которой задействованы государство, рынок, частные спонсоры и профессиональные ассоциации деятелей культуры. И именно это взаимодействие, роль которого все более возрастает, ныне доминирует в национальной культурной политике.

За последние 50 лет в шведской культурной политике постоянно растет децентрализация, а также усиливается тенденция к самостоятельности регионов, локальных сообществ, меньшинств и различных субкультур. На сферу распределения грантов значительное влияние оказывают профессиональные ассоциации.

Масштабы децентрализации тесно увязаны с распределением по стране финансовых ресурсов центрального правительства. И лишь недавно вновь образованные в южной и западной частях страны региональные структуры начали предлагать новые формы диалога и долгосрочного планирования между центром и регионами как субъектами культурной политики.

В целом культурную политику Швеции характеризует высокий уровень консенсуса и низкий уровень конфликтности, который, однако, подчас связывается со значительной инерционностью национальной культурной среды. Национальное

культурное пространство достаточно жестко субординировано и финансово зависимо от министерства культуры. Кроме того, здесь существует традиция уважения к автономии лиц свободных профессий в смысле содержания и качества культурной продукции.

Национальная политика *Германии* в сфере культуры направлена не только на внутренние реалии, но и неотделима как от продвижения вовне немецкой культуры, так и от европейской интеграции. И видимо, прежде всего в этом заключается ее специфика по сравнению с другими государствами ЕС.

Немецкая культурная политика нацелена на отражение реалистической картины жизни в современной Германии, поощрение культурного диалога и предотвращение конфликтов.

Министерство иностранных дел страны установило следующие приоритеты для достижения этих целей:

- с 2002 г. начала функционировать специальная программа «Европейско-исламский диалог», которая создана для продвижения обменов и встреч, призванных способствовать лучшему взаимопониманию между Западом и исламским миром;
- существенная часть финансовых ресурсов в сфере культуры и образовательного бюджета отводится на деятельность в границах ЕС с целью укрепления последнего;
- повышение престижа Германии в сфере высшего образования через расширение обменов и международное сотрудничество в академической сфере;
- осуществление помощи немецким школам за границей с целью повышения их роли и значимости в условиях все нарастающей мировой образовательной конкуренции;
- стимулирование интереса к немецкому языку за рубежом как к квинтэссенции наших культурных межстрановых взаимодействий и образовательной политики.

Средством для обеспечения подобной политики выступает строительство частно-государственного партнерства, которое объединяет бизнес и общество в деятельности в сфере культуры за рубежом. На национальном уровне при этом происходит приведение национальных программ и деятельности в соответствие с региональными требованиями.

В *Нидерландах* термин «культура» применяется в широком значении и относится не только к классическому искусству, но и к различным видам массовых жанров. В соответствии с Актом культурной политики, Министерство науки, образования и культуры страны обязано предоставлять четырехлетние планы финансирования и развития этой сферы. Цель данной плановой системы состоит в том, чтобы рационализировать систему грантов и субсидий с этой сфере. Четырехлетние планы определяют серию внутренних целей на данный период и сопровождаются соответствующим бюджетом. Прежнее условие ежегодного финансирования было признано неэффективным и весьма забюрократизированным.

В 2003 г. документ о культурной политике на период с 2004 по 2007 г. был опубликован под названием «Больше, чем итог» и содержал три основных принципа:

- меньше бюрократизма при поддержке искусств и культуры;
- больше взаимосвязи и интеграции в культурной жизни;
- усиление влияния культуры на общество.

При этом становилось очевидным, что уже существовавшие элементы культурной политики будут и далее развиваться. Особенно это касается плана действий, направленного на вовлечение в сферу культуры иммигрантов и молодежи, который должен быть реализован посредством сотрудничества центрального правительства, провинций и муниципалитетов.

В *Бельгии* франкоязычное сообщество распространяет свои компетенции на территории Валлонии и Брюсселя. Большинство институтов и культурных ассоциаций во франкоязычной Бельгии располагается в Брюсселе. Однако в течение последнего десятилетия правительство стремилось децентрализовать их компетенцию. В основе культурной модели, реализуемой французским сообществом, лежит принцип субсидиарности. А главная проблема нынешней бюджетной политики состоит в том, что в условиях ограниченного бюджета постоянно возрастает число проектов, требующих субсидирования.

Немецкоговорящее сообщество в стране поддерживает главным образом некоммерческие организации, клубы и муниципалитеты.

Во Фландрии в 90-е гг. была учреждена система долгосрочного планирования. Она предписывает каждому министерству предоставлять пятилетний план, содержащий долгосрочные задачи и перечень действий на предстоящий период.

В 2003 г. фламандский парламент принял постановление об учреждении консультативных советов по стратегическим вопросам. Стратегические консультативные советы сформированы здесь для каждой из «однородных сфер», таких как культура, молодежь, медиа и спорт. Эти советы предоставляют рекомендации (по собственной инициативе или по запросу правительства) и проводят необходимые юридические консультации. Они заменяют существующие консультативные органы.

Национальную культурную политику в *Люксембурге* курирует министерство по делам культуры, непосредственно подчиненное премьер-министру. Следуя курсом децентрализации культуры, Министерство учредило центры по содействию региональному культурному развитию в локальных общинах. Основная задача таких центров состоит в том, чтобы развивать региональную культурную политику в сотрудничестве с локальными общинами. На местном уровне большинство городов имеют такие культурные общины.

Будучи маленькой страной, Люксембург особенно заинтересован в международном сотрудничестве, особенно со странами-соседями Францией, Бельгией и Германией. Двухсторонние соглашения по культуре здесь подписаны с 15 странами.

Что касается особенностей культурной политики *Великобритании*, то в нашем обзоре мы считаем необходимым остановиться прежде всего на том, что «изначально Англия была тем местом, где “культурные индустрии” зародились и более всего развивались. Так называют любые коммерческие начинания, которые используют творческое начало^{*}. Это касается всех традиционных видов искусства и широкого круга всякой

^{*} Глава 11 этой книги детально освещает данную проблему.

деятельности, связанной с дизайном, модой, аудио-, видео-, кинопроизводством, мульти-, медиа- и прочим — вплоть до производства компьютерных программ.

Причем небольшие компании, производящие интеллектуальный продукт, обычно даже территориально располагаются там, где раньше были предприятия. Промышленные районы преобразуются в колонии художников. Создаются специальные агентства, которые помогают маленьким фирмам, приглашают их войти в культурные кластеры, как правило, на льготных условиях. И здесь не обойтись без сотрудничества с властями. В Англии с 1998 г. „культурная индустрия“ вошла в число приоритетных направлений государственной политики^{*}.

В *Ирландии* поддержка национальной культуры осуществляется тремя основными структурами:

- центральным правительством через различные государственные департаменты;
- локальными властями через региональные офисы;
- художественными советами, способствующими развитию культуры в каждом городе Ирландии.

Искусство и культура поддерживаются также финансированием из Структурных фондов ЕС по региональному развитию.

Одна из основных культурных характеристик ирландского населения — это озабоченность сохранением собственной культурной идентичности и национального характера как на интеллектуальном, так и на художественном уровне. На уровень национальной культурной идентичности влияет и билингвизм.

Одна треть населения страны живет в регионе Большого Дублина, где расположены основные культурные институты. Дублин был избран европейской культурной столицей в 1991 г.

Ирландия имеет богатые фольклорные традиции, отражающиеся в музыке, танце и устном народном творчестве. Слабая урбанизация страны явилась существенной причиной низкого уровня развития в стране классической музыки,

^{*} <http://www.culturamanagement.ru/infocenter?cid=7&aid=330>

оперного и хореографического искусства. Однако нельзя не отметить, что ныне происходит децентрализация ирландской культурной политики, традиционно концентрировавшейся в столице.

Международное культурное сотрудничество здесь нельзя назвать слишком активным, хотя за границей и существует около 40 миссий ирландских иностранных служб. А самое первое двустороннее соглашение в сфере культуры было подписано Ирландией с Норвегией в 1964 г.

Государственный сектор играет основную роль в поддержке культуры во *Франции*. Культурная политика страны характеризуется активными действиями государственных властей, касающимися практически всей системы культуры: ее участников, целей деятельности, управления всех уровней, а также финансирования. Французская Конституция рассматривает культуру как ключевой фактор развития индивидуальности и повышения качества жизни.

Правительство ратует за сохранение культурного наследия и одновременно поддерживает художественное творчество. В этих областях государство как бы защищает сферу культуры от воздействия рыночных механизмов, имея в виду стандартизацию культурных продуктов. Правительство также берет на себя расходы по художественному образованию и стажировкам применительно к живописи, музыке, кинематографии и театру посредством специализированных учебных заведений на национальном или региональном уровне, либо ассоциаций. Основным куратором этой деятельности является Министерство культуры и связи. Деятельность последнего подразделяется на текущую и адресную — прежде всего посредством финансирования культуры из государственного бюджета.

К текущей деятельности относится надзор Министерства культуры за культурным наследием, научными и техническими стандартами архивов и коллекций. Регулярная деятельность не всегда подразумевает государственное финансирование. С другой стороны, помощь из госбюджета может оказываться региональным властям, а также культурным акторам (таким, как частные ТВ-сети и коллекционеры).

Адресные действия направлены на управление такими государственными культурными институтами, как музеи, национальные театры, высшие школы, а также на предоставление грантов институтам или культурным акторам, а также региональным и местным властям для реализации их культурных инициатив. Решения при этом принимаются с участием независимых экспертов.

Однако министерство культуры и связи не обладает монополией на культурную деятельность, которая также осуществляется на региональном и местном уровнях. Именно последние в крупных городах финансируют библиотеки, музеи, театры и муниципальные консерватории, а также субсидируют культурные ассоциации. В последние пятьдесят лет власти небольших городов также начали формировать собственные стратегии управления культурой. Таким образом, за культуру сегодня отвечают муниципалитеты, департаменты и регионы в кооперации друг с другом. В то время как правительство продолжает играть определяющую роль в государственном финансировании культуры, роль местных властей растет, и сегодня они вносят 60 % средств от общего финансирования культуры. Степень, в которой местные власти инвестируют в культуру, зависит исключительно от их политической воли.

Австрия находится в семье тех народов, чья идентичность в значительной степени определяется культурой. Ее история, культура и культурная политика всегда играли значительную роль в формировании австрийской национальной идентичности. Как население, так и политики страны всегда позитивно относились к видению образа своей страны как маленького государства с великой культурой.

Федеральная культурная политика как самостоятельное направление государственной политики берет свое начало с 70-х гг. XX в. В целом австрийская культурная политика может быть охарактеризована как определяемая государством. Одновременно она тяготеет к разделению компетенции между региональными и местными властями.

Несмотря на обширный фундамент «высокой» культуры, негативные эффекты коммерциализации и давления на

культуру со стороны СМИ не могли не оказать влияния на проводимую страной культурную политику. На волне этих веяний в австрийских культурных стратегиях в начале 80-х гг. появилось упоминание о том, что производство, распространение и потребление культурных ценностей возможно лишь в рыночных координатах и не может регулироваться одновременно и с учетом рыночных ценностей, и идеалов классической культуры. Внедрение этой концепции последовало за дебатами о денационализации объектов культуры. Одновременно большую популярность приобрели дебаты о спонсорстве и патронаже над культурой. Так проявили себя попытки модернизации национальной культурной политики и становление более эффективного менеджмента в этой сфере. Так, в частности, был введен новый «частично правовой» статус для ряда культурных институтов. Например, федеральные театры получили статус предприятий с ограниченной ответственностью (GmbH). Такой статус придает им экономическую независимость.

Культурные связи с иностранными государствами находятся в компетенции австрийского министерства иностранных дел. Напротив, межрегиональное культурное взаимодействие курируется местным самоуправлением. В частности, существует Рабочая группа по сотрудничеству альпийских стран, куда входят провинции Австрии, Германии, Швейцарии и Италии. Альпийско-Адриатическая рабочая группа включает провинции Австрии, Италии, Германии, Хорватии и Словении.

Австрия имеет двусторонние соглашения по культуре с большинством соседей и европейских стран в целом. Когда Австрия председательствует в ЕС, она уделяет особое внимание вопросам культуры, и в частности организовывала дебаты по программе ЕС «Культура-2000».

Управление культурными проектами в *Италии* осуществляется переплетенной системой административных органов, чья компетенция рассредоточивается на несколько секторов и административных уровней. Административная модель разбивает страну на 20 регионов, 92 провинции и около 8000 му-

ниципальных образований. Разделение происходит не только в соответствии с социальным и экономическим развитием, но прежде всего на культурной основе. Культурные мероприятия и проекты очень разнообразны и регулируются несколькими органами на разных уровнях, включая организации по контролю над частным сектором.

Разделение по административным уровням не подразумевает полной субординации. Администрации на разных уровнях обладают значительной степенью независимости в проведении культурной политики.

Длительное время центральное место среди культурных инициатив, поддерживаемых в Италии, занимали проекты по поддержке богатого культурного наследия страны. Привилегированная позиция защиты культурного наследия закреплена в Конституции.

В 80-е гг. прошлого века в результате бюджетного дефицита с одной стороны и активного развития спонсорских проектов по поддержке культурного наследия с другой, произошла трансформация традиционной системы культурного развития в более гибкую, основанную как на государственном, так и на частном участии. Определить в количественных показателях итальянский бюджет на развитие культуры достаточно сложно из-за многоуровневой структуры национального культурного сектора. Поддержка так называемых «образовательных и содействующих культурному развитию» мероприятий — это новая тенденция культурной политики Италии.

Значимое участие в культурном развитии страны принимают средства масс-медиа. Они не только освещают культурные события на регулярной основе, но также принимают непосредственное участие в организации культурных мероприятий. Однако далеко не все сферы получают выгоду от вовлечения СМИ в сферу культурной деятельности. Так, постоянное увеличение влияния телевизионных сетей в Италии является одним из факторов, влияющих на изменение традиционных предпочтений населения. Например, негативный эффект от расширения телевизионной аудитории испытывает кинематограф.

Культурная политика *Испании* претерпела глубокие изменения и начала развиваться в новом направлении с 1977 г. В ее нынешней модели сочетаются определяющее государственное содействие культуре с массовой децентрализацией. При этом увеличивается роль бизнеса и гражданского общества, с которыми государство ведет непростой диалог по вопросам культурной политики. Само же государство рассматривает культуру как ключевой элемент социальных достижений и стремится обеспечить всеобщий доступ к ней и преодолеть классовые барьеры на этом пути.

Децентрализация испанской культурной политики осуществляется на основе конкуренции между различными уровнями госуправления. Центральное правительство несет исключительную ответственность за защиту культурной собственности от экспорта за пределы страны, за защиту авторских прав и соблюдение свободы творчества в СМИ, исключительно при условии, что таким свободам что-то угрожает. В то же самое время полностью государственными остаются такие культурные институты, как музеи, архивы и библиотеки, несмотря на то, что в ряде случаев их администрация обращается за поддержкой к регионам. Участие последних в финансировании культуры достигает не менее 50 % от общего объема вовлекаемых государственных средств.

Регионы проводят радикальную децентрализацию культурной политики, призванную сделать поддержку данной сферы более гибкой и профессиональной. Хотя здесь, безусловно, существует различие между большими городами, такими как Мадрид, Барселона, Валенсия, Бильбао, Севилья, Саламанка, Сантьяго де Компостела, способными к финансированию крупномасштабных проектов, и средними и малыми городами, в которых финансирование культуры может осуществляться только в единстве многих источников финансирования.

Управление культурой в *Португалии* разделено между институтами центрального правительства и местными властями, причем последние имеют некоторую автономию. За прошедшее десятилетие выросли не только ассигнования на культуру из госбюджета, но и пожертвования частных спон-

соров, роль которых особенно значительна в сфере индустрии культуры.

Культурную политику в стране курирует Государственный секретариат по культуре. Существуют и другие правительственные агентства, к которым относятся: Генеральный секретариат по строительству и национальным памятникам, Государственный секретариат по туризму, министерство национальной обороны, курирующее военные музеи и коллекции, а также министерство внутренних дел, координирующее местные управленческие структуры. Поддержка культуры на региональном уровне и ее включение в основную финансовую сеть регионального развития осуществляется через 5 локальных территориальных комиссий. Приоритетное финансирование на национальном уровне принадлежит сохранению культурного наследия и продвижению португальской культуры в мире.

Современная культурная жизнь здесь значительно интенсивнее развивается в больших городах, для сельских же районов прежде всего характерна «домашняя» модель потребления культуры через СМИ. Однако и в этом направлении сегодня осуществляются определенные мероприятия, как то продажа билетов со скидкой на значительные культурные мероприятия и усиление медиа-ориентации ряда культурных проектов.

За рубежом культурную политику страны координирует МИД. В координации с Генеральным секретариатом по культуре министерство образования курирует деятельность по изучению португальского языка за рубежом.

Греция имеет смешанную культурную модель. Правительство страны утверждает собственную центральную роль в формировании и усилении культурных приоритетов, особенно в сфере культурного наследия, а также в вопросах финансирования. Однако задача развития и поддержания специфических культурных программ преимущественно находится в зоне ответственности местных структур либо профессиональных организаций.

Культурная политика *Кипра* объективно диалогизирована, поскольку здесь существуют два этнических и лингвистических сообщества: греческое и турецкое. Так, в частности, на

кипрском телевидении много греческих программ, здесь также осуществляется уверенный прием передач ВВС и арабского телевидения. Передачи турецкого телевидения здесь также можно принимать без ограничений.

Основные структуры, реализующие национальную культурную политику Кипра, находятся в Министерстве образования. Культурная политика реализуется также под патронажем президентской администрации, курирующей такие сферы культуры, как спорт, радиовещание, театр и кино, министерства связи, Кипрской туристической организации (фольклор, ремесла, туризм), министерства труда и социального страхования (молодежные центры) и департамента античности (музеи, археологическое наследие). Последний отвечает не только за реконструкцию и сохранение древних театров, крепостей, церквей, икон, скульптур и т. д., но и за открытие, сохранение, защиту и пропаганду культурного наследия Республики Кипр. В реализации культурной политики на национальном уровне здесь задействовано даже министерство внутренних дел, курирующее городское планирование, а также социокультурное развитие на региональном и локальном уровнях. Муниципальные мероприятия в сфере культуры координирует Союз муниципалитетов Кипра. Все муниципалитеты страны, хотя и в различной степени, реализуют культурные программы, которые включают организацию деятельности учреждений культуры и различных культурных мероприятий.

Культурная политика реализуется на *Мальте* через департамент культуры министерства иностранных дел, министерство образования и людских ресурсов, а также министерство по делам молодежи и искусств. Основную управленческую нагрузку несет последнее. Государством финансируются: изобразительное искусство, национальное наследие и музеи, национальный театр, хореография и переводческая литературная работа. Издательское дело находится в основном в руках частного бизнеса. Министерство молодежи ежегодно организует различные фестивали и еженедельные туры культуры по историческим местам Мальты для туристов всех возрастов.

Мальта является членом ЮНЕСКО и Совета Европы. Международные культурные контакты являются в основном двусторонними и находятся под патронажем МИД.

Культурные традиции и географическое положение *Чехии* объективно способствуют поддержанию ее статуса связующего звена между Западом и Востоком Европы. А все культуры Центральной Европы, включая чешскую, характеризуются мультинационализмом, мультилингвизмом и многоконфессиональностью. Нельзя не отметить и влияния на чешскую культуру других стран, особенно Германии. Существенным оказалось и влияние панславизма, объединившего в XIX в. интеллектуалов стран Центральной и Восточной Европы и оказавшего воздействие на культурное развитие на востоке Европы.

Основной принцип нынешнего международного сотрудничества в сфере культуры был сформулирован еще до вступления Чехии в ЕС и провозглашает полную открытость сотрудничества во всех направлениях и на всех уровнях ее развития. Особо значимые международные культурные проекты получают поддержку государства. А в ряде стран открылись и успешно функционируют чешские культурные и информационные центры.

Чехия является членом ЮНЕСКО, а чешские общественные организации и отдельные граждане являются членами более 100 различных международных неправительственных организаций культурной ориентации.

Чехия обрела независимость 1 января 1993 г. Основным координатором культурной политики в стране является министерство культуры Чешской Республики. Оно курирует как деятельность в сфере культуры, так и в сфере образования, а также искусства, культурного наследия, прессы, киноиндустрии, авторских прав и деятельности церквей. Что касается культурного наследия, то его главным куратором является Государственный институт сохранения культурных памятников в Праге. Аналогичные центры существуют на региональном и местном уровнях.

Принципы нынешней культурной политики включают в себя следующие положения: гарантированную свободу творчества для авторов и исполнителей, свободу самовыражения

и создание условий для творческой работы, а также гарантию условий для художественных и культурных инноваций. Эти принципы также неотделимы от создания условий для сохранения и развития культурной идентичности чешской нации и защиты всех видов культурного наследия.

Ныне кроме государственного финансирования, спонсорства и частного финансирования культура развивается посредством общественных фондов, способствующих развитию творческих начинаний в сфере литературы, журналистики, изобразительного искусства, музыки и кинематографии. При содействии министерства культуры и властей на региональном, муниципальном и местном уровнях культурные организации, фонды и союзы организуют различные фестивали и конкурсы, в том числе и с участием зарубежных партнеров.

Особое внимание в Чехии уделяется музыке, что в значительной степени связано с давними музыкальными традициями и ролью Праги как важнейшего европейского центра музыкальной культуры. Музыка преподается здесь в 2 музыкальных академиях и 7 консерваториях.

Что касается сферы массмедиа, то здесь до сих пор сильна тенденция к тому, чтобы сделать их абсолютно независимыми от исполнительной власти. При этом государство создает максимум возможностей для их свободного функционирования.

Основные принципы культурной политики *Словакии* определены программной Декларацией правительства Словацкой Республики на период с 2006 по 2010 г. и относятся к компетенции министерства культуры, при этом культура рассматривается как необходимое условие улучшения качества жизни граждан Словацкой Республики. Правительственный документ касается защиты и сохранения культурного наследия наряду с поддержкой современного творчества в сфере культуры и выступает стратегическим ориентиром в деятельности по сохранению словацкой идентичности в условиях повсеместного воздействия на национальную культуру глобализации и коммерциализации.

Декларация подчеркивает, что словацкое правительство в реализации культурной политики будет следовать 3 базовым принципам: преемственности, коммуникации с культурным сообществом и другими заинтересованными группами и координации с целью достижения позитивного синергетического эффекта.

Стратегия культурной политики Словакии определила для страны так называемую гибридную модель культурной политики, которая объединяет государственно-административный подход, при котором государство разрабатывает концепцию художественного и культурного развития и финансирует развитие культуры и художественного производства, с децентрализованным подходом, подразумевающим взаимодействие государственной и региональной культурных политик, при доминировании последних, а также либеральный подход, основанный на рыночных и частных инициативах в сфере культуры, когда ключевая роль принадлежит индустрии культуры. Однако несмотря на эту гибридность, совершенно очевидно, что переход от централизации к институционализации и финансовой децентрализации в культурной сфере безусловно состоялся, хотя элементы антрепренерской «предпринимательской» модели развития культуры пробивают себе дорогу с очень большим трудом.

В развитии новой модели национальной культурной политики *Польши* были опробованы различные подходы. Прежний, социал-демократический путь, был достаточно быстро отвергнут, поскольку ассоциировался с коммунистической эпохой. В течение первых трех лет трансформации особенной поддержкой пользовался неолиберальный подход. Ныне наибольшей популярностью пользуется концепция патронажа государства над культурой и партнерства между государством и активным гражданским обществом. Отметим, что, несмотря на потенциально значимую роль фондов и ассоциаций, они пока не стали реальными партнерами местных властей и государства.

Основные изменения, которые имели место в сфере национальной культуры в посткоммунистический период, можно сгруппировать в пять направлений:

1) децентрализация государственного управления культурой;

2) переход большинства культурных институтов от центрального правительства в ведение местных властей;

3) приватизация большинства прежде государственных структур культуры (книгоиздания, кино, художественных галерей);

4) отмена цензуры;

5) прекращение детального контроля над всеми уровнями государственного финансирования культуры (особенно на уровне министерства культуры и воеводств).

Нынешняя модель польской культурной политики характеризуется высоким уровнем децентрализации и значительной ролью местных властей в условиях разделения полномочий между воеводскими и муниципальными администрациями.

Процесс децентрализации управления и финансирования культуры неотделим от принятия ряда юридических актов, которые передали значительные полномочия по управлению культурой в компетенцию местных властей.

Во второй половине 2002 г. министерство культуры предприняло безуспешную попытку реформировать общую систему финансирования и организации культурного сектора. Политика следующего министра культуры В. Домбровского была сфокусирована на возможности софинансирования польской культуры из ресурсов ЕС, особенно из Структурных фондов. Следующее правительство увеличило расходы на культуру, особенно в части, касающейся культурного наследия. Однако провести системную реформу культурной политики здесь пока не удалось.

Культурная политика *Венгрии* может быть описана как эклектичная и ее трудно рассматривать в координатах классических моделей управления культурой. И несмотря на создание в 1990 г. около 3200 локальных — особенно муниципальных — структур самоуправления, культурная политика остается здесь достаточно централизованной. Главную ответственность за развитие культуры в стране несет министерство образования и культуры. А развитие основных культурных институтов вменено в обязанность государству.

В целом венгерская культурная политика ныне характеризуется прагматизмом, который, впрочем, не базируется на официальных документах. Попытки их принятия в последние годы не увенчались успехом и были отложены «до лучших времен».

Демократизация культуры в *Словении* началась еще в 80-е гг. прошлого века. В соответствии с Актом проявления общественного интереса к культуре (2002) и Национальной программой по культуре на 2004–2007 гг., основным принципом, на котором строится современная модель национальной культурной политики, является центральная роль государственных властей в сфере культуры. Словения определяет себя как социальное государство с доминантой социал-демократической парадигмы. Частью последней является и развитие культурных ценностей.

Государственное финансирование культуры осуществляется в стране на основе следующих подходов:

- высокие ежегодные отчисления из бюджета на культуру;
- традиционно патерналистские отношения между властью и культурой;
- отсутствие новых объектов в культурной инфраструктуре (даже проект новой Национальной библиотеки оставался незавершенным более 10 лет);
- централизованное финансирование значительных муниципальных учреждений культуры;
- расширение возможностей культуры благодаря Структурным фондам ЕС: в период с 2007 по 2013 г. культурный сектор получит примерно € 150 млн, т. е. примерно € 22 млн ежегодно, в то время как Национальное министерство культуры ассигновало € 15,5 млн за 3 года.

История культуры *Болгарии* — это многие столетия деятельности в условиях постоянной угрозы исчезновения нации. Таким образом, проблема сохранения национальной идентичности фактически никогда не исчезала из культурных стратегий страны. Одна из основных целей нынешней болгарской культурной политики состоит в том, чтобы интегрировать национальную культуру в европейский культурный процесс и следовать в фарватере лучшей европейской практики культурного сотрудничества,

развивая кооперацию как на региональном балканском уровне, так и в общеевропейском масштабе, в том числе и под патронажем ЕС. До вступления страны в это объединение Болгария уже являлась членом ЮНЕСКО и Совета Европы, подписав Европейскую культурную конвенцию и Европейскую конвенцию по защите культурного наследия.

Одновременно особое внимание уделяется сохранению своеобразия национальной культуры, особенно в таких сферах, как театр, книжное дело, музыка и живопись. Между тем инфраструктура национальной культуры пока развивается весьма медленно. Сказывается не только недостаток финансирования, но и отток деятелей культуры за рубеж.

Еще в 1995 г. в стране был принят Закон о культурном наследии, призванный на государственном уровне содействовать адаптации данной сферы к рыночной экономике. Последняя же, как известно, по отношению к развитию культуры предлагает как новые возможности, так и столкновение с ранее неизвестными трудностями. В том числе и в таком немаловажном аспекте, как финансирование культурных проектов.

Один из основных принципов руководства культурой в министерстве культуры и религиозных дел *Румынии* состоит в обеспечении реализации основных прав и свобод, зафиксированных в румынской Конституции и международных договорах и конвенциях, участником которых страна является. В соответствии с правительственной директивой № 78/2005, касающейся организации функционирования данного ведомства, к основным направлениям его деятельности ныне отнесены:

- увеличение степени доступности в культуру и вовлеченности в нее;
- продвижение различий и сохранение культурных идентичностей;
- продвижение мультикультурализма и защита культуры меньшинств;
- защита культурного, материального и нематериального наследия;
- поддержка творчества в сфере культуры;

- расширение межкультурного диалога и культурного творчества на международном уровне;
- поддержка мобильности и гастролей деятелей культуры;
- поощрение культурной жизни внутри локальных сообществ;
- поддержание участия культурных сообществ в развитии общества знаний;
- создание специальной системы социальной защиты для деятелей культуры;
- поощрение развития культуры как производства.

Румынская культурная политика, следовательно, может быть охарактеризована как в значительной степени ориентированная на участие государства, хотя и с усилением ответственности культурных институтов и финансовых структур, таких как, например, администрация Национального культурного фонда.

Модель культурного развития *Литвы* была сформулирована национальным правительством в 1994 г. Основные принципы этой модели отражены в «Принципах литовской культурной политики» (2001) и нацелены на децентрализацию управления культурой. В значительной степени эта установка схожа со стратегиями многих других посткоммунистических стран, направленными на разделение полномочий по управлению и финансированию культуры на государственном, региональном и муниципальном уровнях. В рамках той же стратегии в Литве были основаны Фонд культуры и спорта и Фонд поддержки СМИ.

Децентрализации управления культурой содействовало принятие в 2000 г. поправок к Закону о локальном самоуправлении. В 2002 г. была принята Программа культурного развития регионов. Однако по сравнению с централизованным управлением культурой влияние этих мер пока весьма слабо. И в целом государство все еще доминирует в управлении, финансировании и информационном обеспечении культуры.

Культурная политика *Латвии* сосредоточена в национальном Министерстве культуры, которое является институтом, формулирующим и координирующим деятельность государства

в этой сфере. Однако и здесь произошли некоторые изменения в направлении децентрализации и участия неправительственных организаций и общества в управлении культурой. С некоторыми из таких организаций, например Новым театральным институтом Латвии и Латвийским литературным центром, министерство заключило соглашения о разделении сфер деятельности. Кроме того, сегодня в стране существует много структур консультативного характера, объединяющих экспертов, самих участников культурного процесса и представителей других министерств. К ним относятся: Совет по литературе и книгоизданию (создан в 2003 г.), Латвийский музыкальный совет (2002), Коллективная администрация по авторским правам (2001), Национальный совет театров (2000), Латвийский кинематографический совет (2004), Совет по изобразительному искусству (2001), Национальный совет музеев (1998), Национальный библиотечный совет (1998), Латвийский совет дизайнеров (2006), а также Комитет по культурному наследию Балтийских стран.

За период 2000–2006 гг. наиболее важным документом в сфере культурной политики стала Национальная программа культуры на 2000–2010 гг., созданная в процессе сотрудничества министерства культуры и независимых экспертов. Новый документ «Руководство по культурной политике» на 2006–2015 гг. был принят кабинетом министров Латвии в апреле 2006 г.

Культурная жизнь Эстонии до обретения независимости была тесно связана с проведением политики идентичности, когда профессиональная культура и гражданское общество объединялись против давления государства. Таким образом, до 1991 г. культурная политика была изначально основана на «оборонительной» стратегии.

Сегодня же деятели культуры остро ощущают необходимость защищать себя от засилья массовой культуры, действия рыночных механизмов и состязательности за бюджетные ресурсы с другими потребляющими их структурами.

После 1992 г. в стране фактически не было периодов, в которые бы финансирование культуры резко снижалось, поскольку эта сфера не на словах, а на деле всегда являлась приоритетной. Еще в советскую эпоху Эстония в большей степени

ощущала себя культурной, нежели политической структурой и именно в этот период было создано большинство нынешних национальных учреждений культуры. Ситуация во многом воспроизводится и сейчас. Так, в 2007 г. 44,5 % государственного бюджета культуры было израсходовано на профессиональные театры, музеи, библиотеки, спортивные школы, государственные концертные организации. Важным исключением из данной тенденции стало основание в 1994 г. Культурного капитала Эстонии. В 2006 г. этот институт получил долю от акцизов на игорный бизнес, алкоголь и табак, которые были направлены на поддержку различных проектов в сфере культуры и спорта и составили 13,8 % от государственных расходов на культуру. Однако в целом культурная политика страны пока скорее централизована, нежели децентрализована.

Проанализировав особенности национальных государственных политик стран ЕС в области культуры, отметим, что в данной сфере их диалог с Евросоюзом развивается в основном в двух направлениях. Последние касаются как участия ЕС в функционировании национальных культур, (в основном через поддержку из Структурных фондов по региональному развитию) и относятся преимущественно к новым восточным членам Европейского Союза, так и в финансировании объединением мероприятий, нацеленных на формирование «общеευропейской идентичности», объективно привязанных локально к той или иной стране-участнице. Напомню читателю, что общая панорама деятельности ЕС в этом направлении была обрисована в предыдущем параграфе.

Что же касается основных направлений культурной политики европейских государств, то несмотря на то, что вектор этих изменений указывает в сторону децентрализации, пока управление культурой в значительной степени ориентировано на участие государства. Подчеркну, что децентрализация тесно увязана с проведением политики идентичности и подразумевает взаимодействие национальных и региональных культурных политик с приоритетом последних. Либеральная же модель культурной политики, основанная на рыночных и частных инициативах и ключевой роли индустрии культуры, сегодня и вовсе находится на стадии становления.

Россия—ЕС: лабиринты гуманитарного сотрудничества

Классические формы культурного сотрудничества России и ЕС имеют давнюю историю. Между тем сегодня, в постиндустриальную эпоху, они должны быть существенно расширены. И пример действий в этом направлении демонстрируют меры, предусмотренные культурной политикой ЕС. Они, как было показано выше, предусматривают более демократичный доступ европейцев к достижениям культуры, мероприятия по повышению языковой культуры, а также программы популяризации высокой культуры и науки. Необходимость следования нашей страны в этом же направлении представляется очевидной.

Следованию России в фарватере стратегии формирования общего с ЕС культурного пространства сегодня прежде всего препятствует — как и в случае с совместным исследовательским пространством — отсутствие продуманной комплексной государственной политики в этой области и недофинансирование данной сферы.

При неравном финансировании нет оснований ожидать действительно равноправного партнерства, а его стартовые условия объективно различны. Другой момент касается стратегической непроработанности в России внутренних стратегий развития как наукоемкого сектора, так и отечественного культурного пространства. Неудивительно, что в этой ситуации документы, определяющие подобные стратегии на межгосударственном уровне, оказываются скроенными по европейским лекалам.

В целом же в сотрудничестве в гуманитарной сфере прагматизм сегодня является основой его развития. В контексте сложившейся ситуации следует отметить, что там, где Россия воспринимается Европейским Союзом как равноправный партнер, практическое сотрудничество успешно развивается. Ожидать же широких жестов благотворительности в столь жизненно важных для постиндустриального общества сферах, как наука и образование, попросту непродуктивно.

Подчеркнем, что в отличие от ситуации с функционированием научно-технологического комплекса, реалии современной культуры — по крайней мере внешне — оказываются чрезвычайно схожи как в европейских странах, так и в России. Основа этого сходства коренится в том обстоятельстве, что несмотря на вхождение развитых стран в постиндустриальную стадию развития, говорить об угасании там массовой культуры пока нет никаких оснований. В результате оказывается, что культурная индустрия становится тем скрепляющим цементом, который сегодня объединяет в единое потребляющее целое как постиндустриальные, так и индустриальные страны. Причем для последних ситуация является более драматичной, тогда как постиндустриальные страны находятся при этом на траектории постепенного выхода из тупика массового производства и потребления, уже дошедшего до точки насыщения. Однако несмотря на это, трудно ожидать от информационного общества быстрой креативности, равной по масштабам массовости. Люди не равны и не могут быть равными, и тотально запрограммировать население на творчество вряд ли удастся. Во всяком случае, в ближайшей перспективе.

Россия же все еще очень далека от построения технологических основ информационного общества прежде всего потому, что здесь отсутствует производство эпохи «третьей волны», а информатизация дошла лишь до потребительской стадии и лишь стимулирует рост импорта высокотехнологичных товаров массового спроса и комплектующих к ним. Сложившаяся ситуация весьма драматична: на фоне полного отсутствия в стране высокотехнологичного современного производства и благоприятного инновационного климата, в России полностью сформирована мотивация к массовому приобретению ценностей общества потребления. При крайне низкой производительности труда в национальной промышленности и сельском хозяйстве, а также архаичной структуре производства — это путь в никуда. «Мировая практика свидетельствует, что ни одна страна, столь радикально зависящая от импорта большинства высокотехнологичных товаров и не поставляющая на мировой рынок ничего, кроме сырья, не становилась

примером успешного „догоняющего“ развития^{*}. А уж тем более — постиндустриального.

Кроме того, в отличие от западных стран, для которых сегодня проблемы массовой и клиповой культуры тоже существуют, российское государство практически устранилось от реализации стратегии противостояния им. В Евросоюзе же, напротив, пропаганда ценностей культурного наследия происходит в том числе и на наднациональном уровне в границах Рамочной программы ЕС «Культура-2007–2013». Отметим попутно, что европейские государства и ЕС в целом нацелены на пропаганду достижений науки через СМИ. В России же нет не только стратегии популяризации, но и стратегии развития национальной науки. Неудивительно, что в таких условиях любые рациональные ценности, кроме финансовых, отторгаются общественным сознанием. Последнее ориентируется СМИ не на упорный труд, а на удачу, везение, или даже на столь архаичные ценности, как унаследованное богатство. Дополнительные штрихи к картине апофеоза потребления добавляют отказ от прежних ценностей отложенного удовольствия, ориентация на досуг, а также кредит и прокат.

Большинство исследователей ныне согласны с тем, что в современных условиях массовая культура в значительной степени выполняет рекреационную функцию. А сущность рекреации предлагается постигать посредством ощущений от избыточного потребления. Эмоции, испытываемые в процессе потребления, программируются главным образом через СМИ. При этом масштабы потребления продуктов массовой культуры растут, а число потребителей классической культуры как минимум не увеличивается. Причем такая ситуация наблюдается даже в тех странах, где предпринимаются усилия государства по сохранению и продвижению культурного наследия. И уж тем более трудно ожидать чего-то иного там, где такие усилия почти сведены на нет.

Пристальное внимание к гуманитарному контексту развития общества для истории европейской цивилизации от-

^{*} Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 1998. С. 118.

нюдь не ново. Нынешний мир, однако, диктует иные масштабы, иные стратегии и иные — куда более пугающие, чем прежде, — угрозы при пренебрежении и игнорировании целей современности.

Ныне, во-первых, во всемирном масштабе девальвируется однозначно позитивное отношение к традициям, а во-вторых, вполне объяснимо и нынешнее стремление ЕС к новаторству во всех областях и неприятие своего статуса хранителя древностей в заповеднике классической культуры. Преодоление последнего невозможно без активного участия науки. Самыми наглядными иллюстрациями стратегий Евросоюза применительно к развитию науки и культуры, безусловно, являются интеграционные проекты.

Проиллюстрировать происходящее с максимальной наглядностью помогают сравнения. Объектами последнего были избраны Европейский союз и Россия. Само же сравнение осуществлялось путем анализа заявленных доктрин, касающихся эволюции гуманитарной сферы, а также их текущей реализации. При этом уже сама степень проработанности и постоянная — практически ежегодная — корректировка документов подобного типа в ЕС указали на то, сколь системной, регулярной и каждодневной является деятельность подобного характера. Столь же осознанной предстает ее значимость. Последнее вовсе не означает, что странам Евросоюза быстро и четко удастся выполнить намеченное. Скорее, наоборот.

ЕС часто — и нередко справедливо — упрекают в том, что количество предлагаемых им программных и рассчитанных на длительную перспективу документов значительно превышает качество принятых в ходе их реализации решений. Но подобного рода ситуации становятся для еврократов прежде всего поводом задуматься о тактических ошибках и подкорректировать планы. Именно в таком ключе развиваются современные гуманитарные стратегии Европейского Союза, к коим мы прежде всего относим становление европейского исследовательского пространства, образовательную траекторию европейского пространства в сфере высшего образования и Рамочные

программы в сфере культуры, нацеленные на формирование европейского культурного пространства.

Безусловно, сегодня нет никаких оснований трактовать движение Европы в этих направлениях как абсолютно безоблачное: буксует развитие инновационного вектора экономики, недостаточны финансовые и кадровые ресурсы для сектора исследований и разработок, национальные образовательные системы с многовековыми традициями неоднозначно воспринимают динамику Болонского мегапроекта, а общественное сознание отторгает приоритет общеевропейской идентичности над национальной. Однако все эти проблемы находятся в зоне пристального внимания руководства ЕС, а методы их решения подвергаются мониторингу и постоянно видоизменяются. То есть — и это хочется подчеркнуть особо — не замалчиваются и уж тем более не решаются «в пожарном порядке». Они — часть рутинной повседневной практики евростроительства. И в этом основное отличие интеграционных стратегий ЕС от российских реалий.

Отечественную ситуацию в координатах современной европейской триады знаний: «образование—исследования—инновации», сегодня прежде всего характеризует отсутствие целостной концепции их развития не только на среднесрочную, но и на ближайшую перспективу. Как было показано в монографии, это касается трудовых ресурсов, выбора приоритетных направлений развития науки, неотработанности коммерческой составляющей как в исследованиях (пресловутые инновации), так и в культурной сфере (поиск негосударственных денег для некоммерческих проектов). Удивительно, но Россию обходит стороной повсеместное стремление государств к успеху национальных наук, который является важнейшим показателем международного престижа страны. Отметим и еще одно весьма тревожное обстоятельство: российская власть сегодня чрезвычайно ограничила востребованный ею круг экспертного сообщества. Между тем монополия мнений в этом случае становится куда более опасной, нежели монополия корпораций. Евросоюз же постоянно расширяет масштабы экспертного сообщества и степень его участия в становлении единой Европы.

Между тем и нам, будучи в самом широком смысле частью Большой Европы, все равно неизбежно придется догонять постиндустриальный мир, выстраивая осмысленную национальную гуманитарную стратегию как основу движения к обществу знаний и сохранения национальной идентичности. Комплекс этих причин как раз и означает необходимость выработки таких государственных подходов к научно-технологическому развитию и культурному строительству, а также международному сотрудничеству в этих сферах, которыми можно будет воспользоваться, если положение станет критическим. И если в начале 90-х гг. страна не слишком успешно, как уже стало очевидно, фрагментарно заимствовала американский опыт, то теперь настал черед обращения к опыту Европы.

НА ПОРОГЕ ДРУГОЙ КУЛЬТУРЫ? ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Самим фактом своего существования современный мир вынуждает согласиться с тезисом о том, что информационное общество уже стало реальностью. Нынешний этап его развития, во-первых, безусловно является начальным в этой эволюции, а во-вторых, пока весьма отличается по своему содержанию и глубине в различных регионах мира. Однако в контексте тех размышлений о европейской культуре прошедшего десятилетия XXI в., которым и посвящена книга, существенно более значимым является то обстоятельство, что *нынешние технологические изменения в значительной степени затронули и сферу культуры.*

Впрочем, в истории человечества такое произошло не впервые: изобретение книгопечатания вознесло человечество в «Галактику Гутенберга», а индустриальное массовое производство породило массовую культуру. *Новая компьютерная Галактика (Галактика Интернет по Кастельсу) обусловила появление новой, принципиально другой культуры. Другая — означает цифровая, сетевая и коммерциализированная. Ни хорошая, ни плохая, просто другая по отношению к уходящей культуре индустриального социума.* Она уже вокруг нас (даже быт, прежде противостоявший культуре, теперь становится неотъемлемой ее частью). Сопротивляться ей бесполезно, можно попытаться вписаться в нее, однако не принять ее невозможно. Мы ее не выбирали, как не выбирают времена. По иронии судьбы, она выбрала нас.

В книге детально рассмотрен и такой чрезвычайно значимый для современной европейской культурной жизни феномен, как экономизация / коммерциализация культуры. В течение достаточно длительного времени Европа была не готова признать культуру товаром и элементом экономики, но ныне ситуация изменилась, пройдя долгий путь от просветительской и политической доминант в сфере культуры к становлению ее экономической доминанты. Речь также идет о креативной индустрии и экономике того же толка как о парадигме, практическое следование в русле которой в значительной мере станет соответствующим грядущему зрелому этапу эволюции информационного / постиндустриального общества. Отметим попутно, что сложившаяся в Европе к настоящему времени невозможность поддерживать культуру исключительно государственными и надгосударственными усилиями, безусловно значима, но все же главными в ныне наблюдаемой эволюции культурного пространства Старого Света являются интенции креативной экономики информационного социума. Наглядной иллюстрацией сказанного является, в частности, европейская политика регенерации городов, детально описанная в главе, посвященной современной европейской архитектуре.

Ценность культурного наследия при этом, безусловно, сохраняется, но она принимает новые формы. Собственно, и в предыдущие более чем шестьдесят лет на фоне победного шествия, в том числе и по Европе, массовой культуры необходимость сохранения культурного наследия не ставилось в Старом Свете под сомнение, однако в последние два десятилетия эта деятельность обрела много новых особенностей в первую очередь благодаря становлению информационного общества и триумфальному шествию глобализации.

Порожденная компьютерной основой и интернет-пространством, современная культура становится в значительной степени цифровой по форме и средствам воплощения, будучи одновременно сетевой в организационном и коммуникационном аспектах. А в обществе, которое все более становится «обществом-плати-за-все» (Кастельс), все более коммерциализированной становится и культура. Ведь система

«культура—общество» всегда существовала в режиме обратных связей. Веяниями и потребностями рынка прежде всего обусловлены новации в деятельности европейских музеев, политика книжных издательств, театров, кинопроизводство, кинопрокат и схемы сотрудничества между кино и телевидением. Собственно, весь пафос текущего европейского мегапроекта культурных индустрий направлен именно на это.

Оцифрованная книжная реальность, литература в Сети — все это, безусловно, стало новейшими и важнейшими чертами современной книгосферы. Как и ее тотальная коммерциализация, выражающаяся в рассмотрении книги прежде всего в качестве бизнес-проекта, ориентированного на коммерческий успех, гонорары писателя и прибыль издателя, успех у случайной публики и формирование «критической массы литературы» (здесь поневоле напрашивается сравнение с «критической массой инноваций»). Та же триада «цифровое — сетевое — коммерческое» ныне свойственна и музейной деятельности: здесь все шире применяются цифровые технологии, потенциал компьютерных сетей используется как для целей межмузейного взаимодействия, так и для расширения целевой аудитории посредством социальных сетей, а коммерциализация реализуется за счет предоставления все большего количества нетрадиционных для музейной деятельности услуг. Впрочем, музейная деятельность, пожалуй, на сегодня является одной из немногих сфер культуры, которая продолжает сохранять историческую преемственность собственных функций.

Европейское кино сегодня модифицируется прежде всего в процессе сложного взаимодействия с телевидением, а также следуя общей логике технологической эволюции досуга: от текста к экрану, от мысли к эмоции, к зрелищу, развлечению и, разумеется, под диктатом коммерциализации. «Минимум затруднений» и доступность — такова общая логика индустрии современного досуга. Неоднозначность результатов подобного подхода детально проанализирована практически во всех разделах этой книги.

Не оставаясь в стороне от глобального мира и реалий информационного общества, стихия Мельпомены в ее современ-

ном варианте характеризуется синтезом искусств, минимализмом реплик в ориентации на мультикультурного зрителя, зрелище «любой ценой» и его экономизацию (речь идет в первую очередь о рекламе и кассовых сборах). Одновременно на века принимают архивно-цифровую форму лучшие спектакли с прославленных театральных подмостков, имеющих многовековую историю.

Архитектура во все века в прямом смысле была самым дорогим из искусств, коммерческая составляющая присутствует в ней всегда, а к настоящему моменту сформировался и стал доминирующим новый тип архитектурного проектирования: компьютерный.

Если же говорить о европейской науке, а ведь анализу ее реалий в книге уделено достаточно много внимания, то и она ныне повсеместно приносит дух познания в жертву предпринимательству. Исследовательский процесс, будучи подсистемой культуры, тоже движется в направлении нарастающей коммерциализации.

От высокой миссии к развлечению — такова магистральная линия развития современной европейской культуры. Если же говорить о субъекте как ее носителе, то пока это скорее «массовый человек», а отнюдь не новый формирующийся креативный субъект зрелого информационного общества.

Сложившуюся ситуацию первыми зафиксировали философы, указав, что европейский социум, преодолев эпоху, в которой господствовала этика «отсроченного вознаграждения», нашел себя в процессах потребительского гедонизма. Разумеется, культура оказалась в этом случае и источником, и продуктом таких революционных перемен. Но перемен на этом не закончились: в нынешнюю эпоху происходит перестройка самих основ предшествующего индустриального общества. Меняются место и количество труда, растет количество свободного времени (европейская социальная политика во второй половине XX в. внесла в этот процесс дополнительный вклад). Одновременно начинает формироваться тенденция отношения к труду как к игре. Заметим в этой связи, что игра как социальное явление куда ближе к культуре,

чем к рутинной, алгоритмизированной производственной деятельности.

Нарастающая под влиянием информационного социума индивидуализация личной жизни тоже вынуждает обращаться к сфере культуры и к ее большей востребованности европейцами в частности. Исследователи указывают — и об этом упомянуто в тексте книги — на тенденции перехода от материальных к постматериальным ценностям у населения развитых стран. Но вряд ли в ближайшей перспективе эта составляющая эволюции современной культуры станет ведущей. Слишком уж велики ценностные пустоты в мировоззрении современного европейца, в котором на смену религиозным, духовным и идеологическим ценностям пока пришло одно лишь потребление. Одно очевидно: вектор любых грядущих изменений в технологическом аспекте безусловно будет определяться цифровой и сетевой инфраструктурой.

Разумеется, на фоне тех поистине беспрецедентных усилий, которые предпринимают ЕС и национальные европейские государства для патронажа над культурой Старого Света, нет оснований для заявлений об устранении этих структур от планирования и реализации культурной политики в регионе. Однако тенденция коммерциализации налицо. И вероятнее всего, в обозримой перспективе в европейском обществе, на фоне его ныне обострившихся противоречий, в том числе и ценностного порядка, данная тенденция будет лишь усиливаться.

Цифровой, равно как и сетевой, характер современной культуры отражается и в знаках европейской повседневности. Работа, быт, досуг, межличностные коммуникации — все это становится погруженным в координаты становящейся и принципиально другой по отношению к культуре уходящей индустриальной эпохи — культурной реальности информационного социума.

В заключение отметим, что в логику предпринятого рассмотрения была практически встроена компаративистская составляющая. А результаты проведенного исследования позволили на различных примерах показать, что в ряде случаев практика европейского культурного строительства успешно

противостоит заокеанским стратегиям, демонстрируя собственное видение и локальные цели, но иногда и развивается в русле общемировых тенденций, задаваемых глобализацией. Особый интерес в этом ключе, безусловно, представляет гуманитарный диалог ЕС—Россия, грани которого также были, пусть и фрагментарно, но все же очерчены в книге.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антюшина Наталья Михайловна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. namiant@list.ru

Водопьянова Елена Викторовна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН. veritas-41@yandex.ru

Галкин Дмитрий Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Томского государственного университета. gdv_t@mail.ru

Гиль Александра Юрьевна — кандидат философских наук, ассистент кафедры теории и истории культуры Томского государственного университета. kosasa@mail.ru

Добрицына Ирина Александровна — доктор архитектуры, заведомо проблем теории архитектуры НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук. rinadobrits@mail.ru

Коробейникова Лариса Александровна — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Института искусств и культуры Томского государственного университета. larisa_korobeynikova@rambler.ru

Красавченко Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН. tatiana-kras@mail.ru

Кузнецова Ирина Исаевна — переводчик. inolit@rinet.ru

Кураш Артур Петрович — советник по культуре Итало-Российской торговой палаты / Представительство в Москве. artur_kurash@mail.ru

Лелеко Виталий Дмитриевич — доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. vidmle@yandex.ru

Лях Виталий Васильевич — доктор философских наук, профессор (Институт философии НАН Украины). vvlvv2012@ukr.net

Маркусова Валентина Александровна — доктор педагогических наук, зав. отделением ВИНТИ РАН. vmarkusova@gmail.com

Некрасова Инна Анатольевна — доктор искусствоведения, профессор кафедры зарубежного театра Санкт-Петербургской театральной академии. nekrasova-inna@mail.ru

Савельева Елена Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Томского государственного университета. limi77@inbox.ru

Чугунов Дмитрий Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Воронежского государственного университета. Dr-chugunov@yandex.ru

Шервашидзе Вера Вахтанговна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской и зарубежной литературы Российского университета Дружбы народов. Filfak-rudn@mail.ru

Ярошенко Любовь Анатольевна — кандидат политических наук. yaroshenko_l@mail.ru

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА: XXI ВЕК

Под редакцией профессора Е. В. Водопьяновой

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*
Редактор *М.К. Одинокова*
Корректор *А.М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. А. Философова*
Дизайн обложки *Л. А. Философова*

Подписано в печать XX.XX.2013. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 30. Тираж 300 экз. Заказ № 3194

Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86 e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23